

К 184638

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ

ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ, РУКОВОДИТЕЛЯХ
И УЧАСТНИКАХ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ
В ТЫЛУ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ
БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ

РАССМОТРЕННОМУ

ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

18—21 июня 1945 г.

(СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ)

СУДЕБНЫЙ ОТЧЕТ

ПО ДЕЛУ

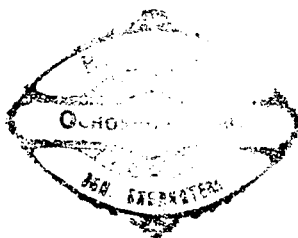
ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ, РУКОВОДИТЕЛЯХ
И УЧАСТНИКАХ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ
В ТЫЛУ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ
БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ

РАССМОТРЕННОМУ

ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

18 — 21 июня 1945 г.

(СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ)

**СОСТАВ СУДЕБНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА
СОЮЗА ССР**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Генерал-полковник юстиции *В. В. Ульрих*
Председатель
Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

ЧЛЕНЫ СУДА:

Генерал-майор юстиции *Л. Д. Дмитриев*
Полковник юстиции *И. В. Детистов*
Члены Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

СЕКРЕТАРИ:

Полковник юстиции *А. А. Батнер*
Подполковник юстиции *Л. Н. Кудрявцев*

*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБВИНИТЕЛИ:

Генерал-майор юстиции *Н. П. Афанасьев*
Главный военный прокурор Красной Армии

Государственный советник юстиции
2-го класса *Р. А. Руденко*

*

АДВОКАТЫ:

И. Д. Брауде, В. И. Михальский, Н. Н. Миловидов, С. К. Казначеев,
В. П. Маркевич, М. А. Оцен и С. Ф. Плевако
Члены Московской коллегии адвокатов

Утреннее заседание 18 июня

Комендант суда. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться.

Заседание Военной коллегии Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик объявляю открытым. Слушается дело Окулицкого Л. Б. по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58⁶, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР; Янковского, Бень, Ясюковича — по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР; Пайдака, Пужака, Звежинского, Багинского, Мерзва, Стыпулковского, Чарновского, Хацинского, Урбанского, Михаловского, Кобылянского, Стемлер-Домбского — по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58⁸, 58⁹, 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

Товарищ секретарь, все подсудимые налицо?

Секретарь суда. Все подсудимые налицо, кроме Пайдака Антона, который вследствие болезни на судебное заседание явиться не мог.

(Секретарь суда полковник юстиции Батнер передает председательствующему врачебную справку о болезни подсудимого Пайдака. Председательствующий знакомит с этой врачебной справкой остальных членов суда).

Председательствующий. Суд определил: признать уважительной неявку на судебное заседание подсудимого Пайдака.

Разъясняю подсудимым, что они имеют право давать объяснения полностью или частично на родном польском языке. Переводчики в зале присутствуют.

Подсудимый Окулицкий, вы копию обвинительного заключения получили?

Окулицкий. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Янковский, вы копию обвинительного заключения получили?

Янковский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Бень, вы копию обвинительного заключения получили?

Бень. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Ясюкович, вы копию обвинительного заключения получили?

Ясюкович. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Пужак, вы копию обвинительного заключения получили?

Пужак. Да.

Председательствующий. Подсудимый Звежинский, вы копию обвинительного заключения получили?

Звежинский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Багинский, вы копию обвинительного заключения получили?

Багинский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Мерзва, вы копию обвинительного заключения получили?

Мерзва. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Стыпулковский, вы копию обвинительного заключения получили?

Стыпулковский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Чарновский, вы копию обвинительного заключения получили?

Чарновский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Хацинский, вы копию обвинительного заключения получили?

Хацинский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Урбанский, вы копию обвинительного заключения получили?

Урбанский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Михаловский, вы копию обвинительного заключения получили?

Михаловский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Кобылянский, вы копию обвинительного заключения получили?

Кобылянский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Подсудимый Стемлер-Домбский, вы копию обвинительного заключения получили?

Стемлер-Домбский. Получил.

Председательствующий. Садитесь. Обвинение по данному делу поддерживают Главный военный прокурор Красной Армии генерал-майор юстиции А ф а н а с ь е в и государственный советник юстиции 2-го класса Р у д е н к о. Защищают: подсудимых Бень и Ясюковича — адвокат Б р а у д е; подсудимых Урбанского и Михаловского — адвокат М и х а л ь с к и й; подсудимых Кобылянского и Чарновского — адвокат М и л о в и д о в; подсудимых Пужака и Хацинского — адвокат К а з н а ч е с в; подсудимых Багинского и Мерзва — адвокат М а р к е в и ч; подсудимого Звежинского — адвокат О ц е п; подсудимого Стемлер-Домбского — адвокат П л е в а к о.

Подсудимые Окулицкий, Янковский и Стыпулковский заявили о своем желании защищаться самим. Разъясняю подсудимым, что они имеют право задавать вопросы друг другу и свидетелям,

а также давать объяснения по любому моменту судебного следствия.

Состав суда по данному делу: председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-полковник юстиции В. В. Ульрих, члены суда — члены Военной коллегии Верховного суда Союза ССР генерал-майор юстиции Л. Д. Дмитриев, полковник юстиции И. В. Детистов и запасной член суда полковник юстиции В. В. Сюльдин, секретари суда — полковник юстиции А. А. Батнер и подполковник юстиции Л. Н. Кудрявцев.

Отводов против состава суда нет? Нет. У сторон есть какие-нибудь ходатайства о дополнительном вызове свидетелей?

Афанасьев. Может быть будут в процессе судебного заседания.

Защитники. У защиты нет ходатайств.

Окулицкий. Я прошу вызвать как свидетелей: полковника Филиппковского, по кличке «Янка», бывшего коменданта Львовского обшара «АК», полковника Тумидайского Эдварда, бывшего коменданта Люблинского округа «АК», полковника Кульчицкого, по кличке «Вильк», бывшего коменданта Виленского округа «АК», полковника генштаба Свитальского, по кличке «Домброва», бывшего командующего 3-й пехотной дивизией «АК», полковника Котович, по кличке «Твардый», бывшего командующего 27-й пехотной дивизией «АК», бригадного генерала Битнер, по кличке «Галька», бывшего командующего 9-й пехотной дивизией «АК».

Председательствующий. А что должны показать вызываемые лица?

Окулицкий. Они должны рассказать о действиях «Армии Крайовой» в военных округах Польши и о столкновениях с Красной Армией.

Председательствующий. Товарищ прокурор, ваше мнение по этому вопросу?

Прокурор. Я думаю, что этот вопрос нужно будет разрешить в конце судебного следствия.

Председательствующий. Я бы внес поправку: в ходе судебного следствия. Какие еще имеются ходатайства у подсудимых? Нет ходатайств? У адвокатов нет ходатайств?

Брауде. Нет.

Председательствующий. Суд определил: вынести решение по ходатайству подсудимого Окулицкого в процессе судебного следствия.

Больше никаких ходатайств у сторон нет? Нет. Приступаем к чтению обвинительного заключения.

(Секретарь суда полковник юстиции Батнер оглашает обвинительное заключение).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению:

- 1) ОКУЛИЦКОГО Леопольда Блажевича,*
- 2) ЯНКОВСКОГО Ян-Станислава Иосифовича,*
- 3) БЕНЬ Адама Валентьевича,*
- 4) ЯСЮКОВИЧА Станислава Игнатьевича*

в том, что они являлись организаторами и руководителями польского подполья в тылу Красной Армии на территории западных районов Белоруссии и Украины, в Литве и Польше и, действуя по указаниям так называемого польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, руководили подрывной работой против Красной Армии и Советского Союза, совершением террористических актов против офицеров и бойцов Красной Армии, организацией диверсий и налетов подпольных вооруженных отрядов, ведением враждебной Советскому Союзу и Красной Армии пропаганды, а обвиняемый *О к у л и ц к и й*, кроме того, и ведением разведывательно-шпионской работы в тылах Красной Армии;

- 5) ПАЙДАКА Антона Юзефовича,*
- 6) ПУЖАКА Казимира Войцеховича,*
- 7) ЗВЕЖИНСКОГО Александра Казимировича,*
- 8) БАГНИНСКОГО Казимира Станиславовича,*
- 9) МЕРЗВА Станислава Францевича,*
- 10) СТЫПУЛКОВСКОГО Збигнева Францевича,*
- 11) ЧАРНОВСКОГО Евгения Станиславовича,*
- 12) ХАЦИНСКОГО Иосифа Антоновича,*
- 13) УРБАНСКОГО Франца Андреевича,*
- 14) МИХАЛОВСКОГО Станислава Францевича,*
- 15) КОБЫЛЯНСКОГО Казимира Самуиловича и*
- 16) СТЕМЛЕР-ДОМБСКОГО Иосифа Генриховича*

в том, что они принимали участие в подрывной работе подпольных польских организаций на территории Польши в тылу Красной Армии, были осведомлены о невыполнении руководителями подполья приказов Советского военного командования о сдаче радиостанций, типографий, оружия и боеприпасов и их использовании с преступными целями.

Г. Организация подпольных вооруженных отрядов «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии

В период немецкой оккупации на территории Польши, Литвы и западных областей Украины и Белоруссии польским эмигрантским «правительством» была создана подпольная военная организация, именуемая «Армией Крайовой» («АК»), которую до сентября 1944 года возглавлял генерал польской армии «Бур»-

Комаровский, а после сдачи его в плен немцам, с октября 1944 года — его заместитель бригадный генерал **Окулицкий**.

Совместно с обвиняемым **Окулицким** работой этой нелегальной организации «АК» руководили **Янковский** **Ян-Станислав** **Иосифович**, именовавший себя председателем подпольного «совета министров» **Польши**, и его «министры» — **Бень Адам** **Валентьевич** и **Ясюкович** **Станислав** **Игнатьевич**.

Одновременно на территории **Польши** была создана и работала нелегальная так называемая «Рада Едности Народовой», возглавляемая генеральным секретарем **ППС** **Пужаком** **Казимиром** **Войцеховичем**.

Обвиняемый **Окулицкий** и подпольное «правительство» имели в своем распоряжении вооруженные отряды, склады оружия и боеприпасов, радиопередаточные и радиоприемные станции, нелегальные типографии и конспиративные квартиры. Освобождение **Красной Армией** от немецких захватчиков западных областей **Украины** и **Белоруссии**, а также **Литвы** и **Польши** обвиняемый **Окулицкий** и подпольное «правительство» клеветнически называли советской оккупацией.

Оставив свои вооруженные силы и организации на нелегальном положении, по указанию польского эмигрантского «правительства» они направили свою деятельность против **Советского Союза** и повели активную подрывную работу в тылу советских действующих армий. Это выражалось в диверсиях на коммуникациях **Красной Армии**, в террористических актах против советских офицеров и бойцов и во враждебной в отношении **Советского Союза** пропаганде среди польского населения.

Одновременно, используя радиопередатчики для связи с польским эмигрантским «правительством» в **Лондоне**, обвиняемые передавали злостную клеветническую информацию о **Красной Армии**.

В целях большей конспирации деятельности подполья в декабре месяце 1944 года обвиняемый **Окулицкий** по указанию эмигрантского польского «правительства», при участии членов подпольного «совета министров» и «Рады Едности Народовой» опубликовал приказ о роспуске «Армии Крайовой», причем одновременно **Окулицкий** дал окружным комендантам «АК» секретные указания оставить основную часть кадрового солдатского и офицерского состава «Армии Крайовой» на нелегальном положении, сформировать в округах тщательно засекреченные штабы, сохранить и спрятать оружие и боеприпасы и законспирировать действующие радиопередатчики.

(л. д. 40—42, 58—60, т. 1)

Обвиняемый **Окулицкий** показал, что в декабре 1944 года генерал **Копаньский** передал ему по радио решение польского лондонского «правительства», содержание которого сводилось к тому, чтобы после прихода **Красной Армии** на территорию **Польши** использовать нелегальные организации «Армии Крайо-

вой» для создания тщательно законспирированного аппарата с военно-политическими функциями.

Далее обвиняемый Окулицкий показал:

«Приказ генерала Копаньского об оставлении в Польше законспирированных штабов «Армии Крайовой» был издан с целью сохранить руководство и командный состав «Армии Крайовой», а также оружие, боеприпасы и денежные средства для вооруженной борьбы против временного польского правительства и Красной Армии...».

(л. д. 42, т. 1)

Показания обвиняемого Окулицкого о создании нелегальных штабов в тылу Действующей Красной Армии подтвердили также обвиняемые Янковский Я. И., Беня А. В., Ясукевич С. И. и Пайдак А. Ю.

По этому вопросу обвиняемый Янковский показал:

«Окулицкий информировал меня и министров подпольного польского правительства о том, что «Армия Крайова» распущена формально и что ее участники сохранили оружие, боеприпасы и действующие радиопередатчики...».

(л. д. 42—43, т. 2)

Обвиняемый Беня А. В. показал:

«...В декабре 1944 г. на заседании совета министров в Пиотркуве, на котором присутствовали: Янковский Ян-Станислав, Ясукевич Станислав, Пайдак Антоний и я, Беня, Окулицкий информировал нас о том, что им получен из Лондона приказ о роспуске «Армии Крайовой». Окулицкий сообщил нам, что приказ лондонского правительства о роспуске «Армии Крайовой» является политическим маневром с целью создать видимость ликвидации подпольных вооруженных сил, а в действительности он, Окулицкий, приступает к созданию новой законспирированной военной организации.

Во второй половине февраля 1945 года на заседании совета министров подпольного польского правительства, происходившем в местечке Милянувек, где кроме меня присутствовали Янковский, Ясукевич Станислав и Пайдак Антоний, Окулицкий информировал нас об изданном приказе по «Армии Крайовой», предусматривавшем создание законспирированного подпольного военного формирования в Польше. Окулицкий говорил, что создание военного подполья является строго секретным мероприятием, что он сохранил в подполье кадровый офицерский состав, штабы подразделений «Армии Крайовой», склады оружия и радиопередатчики...».

(л. д. 87, т. 3)

Обвиняемый П а й д а к А. Ю. показал, что О к у л и ц к и й ему сообщил об издании им приказа о роспуске «Армии Крайовой» и об обязанности участников «АК» тщательно спрятать оружие, боеприпасы, радиостанции и типографии. Тогда же обвиняемый О к у л и ц к и й поставил его в известность о том, что он дал указание сохранить имеющиеся штабы «Армии Крайовой».

(л. д. 106, 107, т. 5)

Аналогичные показания по этому вопросу дали руководители подполья: председатель «Стронництво Народове» и вице-президент «Рады Едности Народовой» З в е ж и н с к и й А. К., член этой «Рады» — председатель правления объединения демократических организаций «Союз демократов» Ч а р н о в с к и й Е. С., секретарь «Рады Едности Народовой» У р б а н с к и й Ф. А., член ЦК партии «Стронництво Людове» М е р з в а С. Ф. и К о б ы л я н с к и й К. С.

(л. д. 171, т. 7)

(л. д. 70, т. 9)

(л. д. 78, 80, т. 10)

(л. д. 94, т. 13)

(л. д. 22, т. 15)

Факт получения обвиняемым О к у л и ц к и м из Лондона радиogramм с указанием сохранить штабы, оружие, боеприпасы и радиосредства «Армии Крайовой» подтверждается имеющимися в деле расшифрованными радиogramмами польского эмигрантского «правительства» и руководства «Армии Крайовой».

В одной из этих радиogramм (№ 11869 от 8 декабря 1944 года) сообщается полный текст постановления эмигрантского «правительства» от 14 октября 1944 года. В этом постановлении указывается на необходимость проведения в Польше большой конспиративной работы и предлагается осуществить следующее: законспирировать «Армию Крайову», тщательно укрыть оружие, организовать нелегальные руководящие органы и связь и сохранить людей. В заключение в радиogramме говорится:

«Разглашение настоящего постановления влечет за собой суровое наказание в отношении лиц, разгласивших секретность его.

Настоящее постановление действительно исходит от правительства «Варта».

Обвиняемый О к у л и ц к и й признал, что слово «Варта» служит шифрованным обозначением генерального штаба польских войск в Лондоне.

(л. д. 132, т. 1)

II. Создание подпольной военно-политической организации «Неподлежность» («НЕ»)

Во исполнение вышеприведенного указания лондонского эмигрантского «правительства» обвиняемый Окулицкий, пытаясь обмануть командование Красной Армии изданием приказа о роспуске «Армии Крайовой», на самом деле сохранил основные кадры этой армии, законспирировав их, а также радиостанции, оружие и боеприпасы.

Эта подпольная организация Окулицким была названа «Неподлежность» («Независимость») — сокращенно «НЕ». Во главе организации «НЕ» стал обвиняемый Окулицкий (клички: «Недзвядек», «Термит»).

На заседании подпольного «совета министров» в местечке Милянзек (под Варшавой) в феврале месяце 1945 года обвиняемый Окулицкий внес предложение создать для руководства этой организацией «политический центр» из представителей партий «Стронництво Людове», «Стронництво Народове», ППС (польская социалистическая партия) и «Союза демократов».

«Совет министров» одобрил это предложение и поручил обвиняемому Янковскому приступить к переговорам с представителями названных партий для создания политического центра организации.

По поводу организации подпольных вооруженных отрядов для борьбы против Красной Армии обвиняемый Окулицкий показал:

«...Когда я в марте месяце 1944 года перед вылетом в Польшу был на приеме у генерала Соснковского, он сказал, что в недалеком будущем следует ожидать наступления Красной Армии, которое приведет к разгрому немцев в Польше. В этом случае, говорил Соснковский, Красная Армия оккупирует Польшу и не допустит существования на территории Польши «Армии Крайовой» как военной организации, подчиняющейся лондонскому польскому правительству. Советское военное командование будет добиваться разоружения «Армии Крайовой» или полного ее подчинения и объединения с польской армией Берлинга. Соснковский указал, что такое положение недопустимо и «Армия Крайова» должна быть во что бы то ни стало сохранена. В соответствии с инструкциями, которые мне дал Соснковский, после прихода Красной Армии в Польшу некоторые соединения «Армии Крайовой» во главе со своим командованием должны установить связь с Советским военным командованием, сохраняя одновременно подчиненность лондонскому польскому правительству и главному командованию польских войск, а основные силы «Армии Крайовой» должны оставаться в подполье для борьбы за независимость Польши, которой, по мнению Соснковского, угрожает Советский Союз, в случае

если командование Красной Армии разоружит легализовавшиеся части «Армии Крайовой».

Сосновский предложил заранее создать запасные штабы округов «Армии Крайовой» на случай, если командование «Армии Крайовой» будет интернировано или арестовано советскими военными властями за неподчинение приказам командования Красной Армии.

Сосновский сказал, что эти запасные штабы должны будут руководить борьбой «Армии Крайовой» против Красной Армии.

Сосновский просил передать эти инструкции командующему «Армии Крайовой» в Польше генералу «Бурж-Комаровскому», что я и выполнил при первой встрече с «Бурж-Комаровским».

Обвиняемый Окулицкий показал, что в июле 1944 года «Бурж-Комаровский» сообщил ему, что в соответствии с указаниями Сосновского он приказал создать и возглавить военно-политическую организацию под названием «НЕ», что означает «Независимость».

(л. д. 145—147, т. 1)

Следствием установлено, что в задачи подпольной организации «НЕ» входило:

1) сколачивать кадры организации, сохранять оружие для нелегальной работы и подготовки восстания против СССР;

2) создавать вооруженные боевые отряды в количестве не более 60 человек в каждом;

3) создавать террористические, так называемые ликвидационные группы и осуществлять террористические акты над противниками «АК» и представителями Советского военного командования;

4) подготавливать кадры диверсантов для осуществления диверсионных актов только в период приближения момента восстания;

5) заниматься военной разведкой и контрразведывательной работой в тылу Красной Армии;

6) сохранять радиостанции и поддерживать радиосвязь с главным командованием «АК» через Лондон;

7) проводить печатную и устную пропаганду, направленную против СССР.

(л. д. 15—16, т. 20)

На первом этапе организация «Неподлежность» должна была иметь военно-политический характер, а затем должна была действовать как чисто военная организация, о чем должен был последовать специальный приказ главного командования «Армии Крайовой».

На очной ставке с обвиняемым Окулицким бывш. комендант Львовского обшара Янсон показал:

«...Должен заявить, что в Варшаве я получил также специальное указание о том, что террористические акты против бойцов и офицеров Красной Армии, а также представителей советских властей следует осуществлять с особой осторожностью, сваливая вину за эти убийства на украинских националистов».

(л. д. 212, т. 1)

На заданный в связи с этим обвиняемому Окулицкому вопрос, был ли он осведомлен об этих указаниях, обвиняемый Окулицкий подтвердил, что эти указания ему действительно известны.

(л. д. 212, 213, т. 1)

Обвиняемый Янковский по поводу своего участия в подпольной организации «НЕ» показал:

«...Окулицкий информировал меня и министров подпольного польского правительства о том, что «Армия Крайова» распущена формально и что ее участники сохранили оружие, боеприпасы и действующие радиопередатчики...

Это делалось для создания в тылу действующей Красной Армии новой, глубоко законспирированной военно-политической организации...

Этот вопрос обсуждался в январе 1945 года на совещании в Кракове. На совещании присутствовали: Окулицкий, мой заместитель Ясюкович, полковник «Армии Крайовой» Нильня.

Окулицкий сообщил нам, что получил от главнокомандующего польской армии или от польского лондонского правительства (точно не помню) директиву, в которой предлагалось, учитывая изменившуюся после прихода Красной Армии политическую обстановку в Польше, приступить к созданию на базе «Армии Крайовой» новой глубоко законспирированной организации с военно-политическими функциями.

Эта организация имела задачей борьбу за независимость Польши, которой, по нашему мнению, угрожал Советский Союз.

Окулицкий просил меня, чтобы я как председатель подпольного совета министров временно, до создания руководящего центра, взял на себя политическое руководство организацией...

...Вторично этот вопрос обсуждался после моего возвращения из Кракова на заседании подпольного совета министров во второй половине февраля 1945 года.

На заседании совета министров информация Окулицкого о создании новой организации была принята к сведению.

Тогда же Окулицкий внес предложение привлечь к руководству организацией представителей нелегальных политических партий, входящих в состав «Рады Едности Народовой»...

Учитывая возможность ликвидации возглавляемого мною подпольного польского правительства, мне было предложено встретиться с представителями нелегальных политических партий и обсудить с ними вопрос о выделении ответственных представителей в состав политического центра этой организации...».

(л. д. 42, 43, 44, 45, т. 2)

Обвиняемый Ясюкович показал:

«Создание этой организации преследовало две цели. Во-первых, иметь на случай нужды костяк, на базе которого можно было бы быстро развернуть более крупные военные силы, и, во-вторых, иметь в лице этой организации орган, могущий в любой момент заменить подпольную делегатуру...

Окулицкий провел реорганизацию «Армии Крайовой» и начал создавать на ее базе новую законспирированную военную организацию, которой считал необходимым придать политические функции с тем, чтобы эта организация могла стать основным подпольным центром польского лондонского правительства в крае...

Окулицкий в связи с этим предлагал уже теперь создать при нем руководящий политический центр из представителей подпольных политических «партий».

И далее:

«...Официально объявив о роспуске «Армии Крайовой», мы фактически сохранили ее, законспирировав, и пытались скрыть этот факт от Советского Союза.

Эта армия была предназначена для борьбы с Советским Союзом и действительно вела диверсионно-террористическую деятельность в тылу Красной Армии. Саботировались мероприятия Советского военного командования в зоне военных действий. Наша печать и радиостанции вели клеветническую пропаганду. Польский народ натравливался на русских».

(л. д. 34, 40 и 85, т. 4)

Обвиняемый Беняш показал:

«Создаваемая Окулицким новая законспирированная военная организация имела своей целью подрывную работу в тылу действующей Красной Армии...

Окулицкий проводил консолидацию подпольных вооруженных сил с тем, чтобы в нужный момент, по указанию Рачкевича и Арцишевского, организовать в Польше вооруженное выступление против Красной Армии...

Совет министров решил, что руководство нового под-

полья должно состоять из представителей польских нелегальных партий: ППС, «Стронництво Людове», «Стронництво Народове» и «Партия труда».

(л. д. 88, 89, т. 3)

Аналогичные предыдущим дали показания обвиняемые Пайдак, Чарновский, Звежинский.

(л. д. 107, 108, т. 5)

(л. д. 71—75, т. 9)

(л. д. 173, т. 7)

III. Террористическо-диверсионная и шпионская деятельность подпольных вооруженных отрядов «Армии Крайовой» и «НЕ»

Как установлено следствием, на территории западных областей Украины и Белоруссии, в Литве и Польше в тылу Действующей Красной Армии в течение 1944 года и в начале 1945 года подпольными вооруженными отрядами «Армии Крайовой» систематически совершались террористические акты в отношении бойцов и офицеров Красной Армии, диверсии на коммуникациях Красной Армии и вооруженные налеты на советские военные и гражданские учреждения.

Наряду с этим участники «Армии Крайовой» занимались и сбором разведывательных данных о Красной Армии.

Диверсионные группы и отряды «Армии Крайовой» действовали не только в областях Западной Украины и Белоруссии, которые польское подполье считало «захваченными» у Польши Советским Союзом, но и в тылах Красной Армии на территории всей Польши.

По неполным данным, в результате террористической деятельности отрядов «Армии Крайовой» только за период с 28 июля по 31 декабря 1944 года было убито 277 и ранено 94 бойца и офицера Красной Армии, в том числе: убито и ранено офицеров — 77, сержантов — 87, бойцов — 207 человек. С 1 января по 30 мая 1945 года убито 317 человек и ранено 125 человек офицеров и бойцов Красной Армии.

(См. именные списки, л. д. 1—84, т. 25)

Ниже приводятся некоторые подробности подрывной деятельности отрядов «АК» в тылах Красной Армии.

1. На территории Барановичской и Гродненской областей действовали до последнего времени диверсионные отряды «АК» — «Рагнера», «Крыся», «Сибиряка», «Германа» и др.

Отряд «Рагнера» имел около 300 человек и совершил многочисленные террористические и диверсионные акты в тылу Красной Армии, грабил местное население, производил поджоги, взрывы и т. п.

а) 10 сентября 1944 года в районе деревни Ворнишки, Ополинского сельсовета, Лидского района, Гродненской области, Бело-

русской ССР, часть этого отряда под начальством сержанта Павловского Вацлава Степановича (кличка «Завей») вступила в открытый бой с воинской частью Красной Армии.

Арестованный 22 января 1945 года Павловский В. С. показал, что, являясь участником «Армии Крайовой», он руководил боевыми операциями против частей Красной Армии по заданиям руководства «АК», за что последним награжден и повышен в чине. Это подтверждено приказом по отряду «Рагнера» «ЮГ» № 50 от 15 сентября 1944 года, где сказано:

«Старшему сержанту «Завей» командиру 311-го конспиративного отряда и солдатам 311-го отряда объявляю благодарность за проявленную инициативу в разгроме советской облавы. Одновременно сообщаю, что старший сержант «Завей» представлен к награждению «Книжкой Валечных» и к повышению в чине.

(л. д. 141, 142, 143, т. 30)

б) В октябре — ноябре 1944 года отрядом «Рагнера» в деревне Любары убит лейтенант Красной Армии Кругляк Л. А., обстреляна проходившая по шоссе автомашина, причем убиты два военнослужащих Красной Армии. В деревне Дитрики, Лидского района, был повешен один советский гражданин и в деревне Ключовичи был расстрелян другой.

в) В октябре месяце 1944 года отряд «Рагнера» ограбил жителя деревни Марулины Свирида, а в сентябре расстрелял жителей деревни Котлова — Урбановича и Костюшина.

г) Отряд взорвал и поджог водокачку на ст. Бастуны Белостокской жел. дор. и совершил целый ряд других преступлений.

Это подтверждено участниками отряда Урбановичем, Неверовским, Шумским и рядом документов.

(л. д. 37, 38, 42, 43, 94, 95, 170 и 171, т. 21)

2. Командир отряда «АК» «Сибиряк», он же Лубиковский, имел специальную школу диверсантов в имении «Дитрики», Желудовского района, в которой под его руководством обучалось около 200 диверсантов, впоследствии распределенных по отрядам «Рагнера», «Крыся», «Сибиряка» и др.

(л. д. 13, 17, 39—47, т. 31)

Лубиковский И. В. призывал всех диверсантов в годовщину присоединения западных областей Белоруссии и Украины к Советскому Союзу совершать диверсионные акты на железнодорожном транспорте.

По этому вопросу сам Лубиковский показал:

«...3 сентября 1944 года я написал свой приказ командирам отрядов «Рагнеру», «Крысю» и «Оркану», в котором предлагал с 17 на 18 сентября 1944 года произвести диверсии, как бы демонстрацию протеста против вступления Красной Армии на территорию Польши».

(л. д. 46, т. 31)

И далее:

«...Я получил письменный отчет о выполнении моего приказа... от «Рагнера», который сообщал, что им было совершено 12 диверсий: два поезда пущены под откос, взорвано 2 моста и повреждено железнодорожное полотно в восьми местах».

(л. д. 46, т. 31)

Детализируя подрывную деятельность отряда Лубиковского, участники отрядов Колендо, Лукашевич К. А. показали:

Колендо С. С.:

«...В ночь с 17 на 18 сентября 1944 года по приказу командира отряда Ягельского с целью, как он пояснил, протеста против вступления в этот день в 1939 году Красной Армии на территорию Западной Белоруссии я вместе с группой участников нашего отряда взорвали полотно железной дороги на перегоне между станциями Неман и Ново-Ельня».

(л. д. 10, т. 31)

Лукашевич показал:

«...В отряде «Сибиряка» я два раза участвовал в подрыве товарных поездов на перегоне Лида — Вильно».

(л. д. 32, т. 31)

При ликвидации отряда и аресте Лубиковского были изъяты два склада с минами, взрывчатыми веществами и другими принадлежностями для совершения подрывных актов.

(л. д. 59—61, т. 31)

3. Приказ, почти аналогичный приказу Лубиковского, был отдан и комендантом Новогрудского участка «АК» по кличке «Труд» 9 сентября 1944 года, в котором он приказывал своим подчиненным 17 сентября выполнить серию диверсионных актов на территории всех районов.

В приказе говорилось:

«Операция должна быть всеобщей — взрывы воинских эшелонов, автомашин, жел.-дор. полотна, сожжение мостов, ликвидация складов и сельсоветов. Выполнение конспиративное».

(л. д. 117, 119—120, т. 31).

4. На территории Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Тарнопольской областей действовали вооруженные отряды под руководством коменданта Львовского обшара — подполковника польской армии Яниса (клички «Кармен» и «Райграс»), в течение 1944—1945 гг. совершившие также ряд убийств и диверсионных актов.

(л. д. 17—20, т. 20)

Один из подчиненных Я н с о н а, бывш. командующий отрядами «АК» в Станиславском округе Г е р м а н В. М. (клички «Глобус» и «Кудак»), дав подробные объяснения о подрывной деятельности его отрядов в тылу Красной Армии, показал, что в его подчинении находилось до 3000 человек с соответствующим вооружением. Отряды распадались на группы примерно по 65 человек с различным назначением, в том числе и ликвидационно-террористические — специально для убийства представителей Советского военного командования.

При аресте Г е р м а н а у него были обнаружены и изъяты документы — планы совершения диверсионных актов в советских учреждениях и приказы об организационной деятельности подпольных отрядов.

(л. д. 187—198, т. 33)

5. На территории Литовской ССР в тылу Красной Армии действовала и вела подрывную работу подпольная организация польского эмигрантского правительства «Делегатура Жонду».

При ликвидации этой организации в конце 1944 года и начале 1945 года Советским военным командованием более чем на 30 конспиративных квартирах были изъяты дела, переписка и картотека отдела безопасности «Делегатуры Жонду», склады с оружием и боеприпасами, две действующие радиопередаточные станции и десять резервных раций, склад с радиоимуществом и большое количество враждебной Советскому Союзу литературы.

Следствием по делу этой организации установлено, что для координации действий «Делегатуры Жонду» и «Армии Крайовой» был создан так называемый «Комитет Повстанчи», в который вошли: делегат «Жонду» Ф е д о р о в и ч З. К., комендант «Армии Крайовой» К у л ь ч и ц к и й Я. Я. (псевдоним «Вильк») и работник штаба «АК» К о к о ц и н с к и й (псевдоним «Юлиан»).

(л. д. 148—186, т. 34)

6. Действовавший в районе гор. Вильнюс диверсионный отряд «Гром» в конце 1944 года совершал многочисленные убийства советских офицеров и рядовых бойцов Красной Армии, грабил колхозы.

Подробные показания о действиях этого отряда дал бывший адъютант командира «Гром» П а в и л ю н Я. Т., который задержан в момент разгрома отряда частями Красной Армии.

(л. д. 167—170, 203—205, т. 20)

7. Отряд под командованием С т а н к е в и ч а Ч. А. в сентябре 1944 года расстрелял председателя Мало-Солешиинского сельсовета В а с и л е в с к о г о, его жену и дочь 18 лет, председателя Больше-Солешиинского сельсовета Н о в а к а и секретаря Л о й к а, в январе месяце 1945 года расстрелял секретарь сельсовета дер. Калитанцы.

В январе 1945 года отряд Станкевича дважды вступал в бой с частями Красной Армии, убив при этом свыше 50 человек советских военнослужащих.

В феврале отряд Станкевича захватил семь бойцов Красной Армии и расстрелял их, тогда же отрядом расстреляны два работника Подваранского сельсовета.

(См. показания Станкевича, л. д. 245—266, т. 20)

Спрошенный на следствии по поводу диверсионных и террористических актов, совершенных на территории Польши в отношении бойцов и командиров Красной Армии, обвиняемый Окулицкий в своих показаниях от 31 мая и 4 июня заявил следующее:

«Ознакомившись с предъявленными мне документами о подрывной работе «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии, признаю себя ответственным за диверсионные и террористические акты, совершенные участниками «Армии Крайовой».

(л. д. 171, т. 1)

«Как командующий «Армией Крайовой» я признаю себя полностью ответственным за террористические акты против офицеров и солдат Красной Армии, совершенные участниками «Армии Крайовой» как на территории Советского Союза, т. е. в западных областях Украины и Белоруссии, так и на территории Польши...

То же самое могу сказать и о сборе шпионских сведений против Красной Армии».

(л. д. 192, 193, т. 1)

Аналогичные показания дали и обвиняемые Янковский, Ясюкович и Бень.

Янковский показал:

«...Я не давал приказов о совершении диверсий и террористических актов в тылах Красной Армии. Это делалось по приказам «Бур»-Комаровского, а потом Окулицкого, так как они действовали самостоятельно от правительства, но как руководитель его, повторяю, я несу ответственность за действия «Армии Крайовой», а потом и за «Неподлежность...».

(л. д. 152, т. 2).

Бень показал:

«Как министр подпольного польского правительства, я несу ответственность за деятельность «Армии Крайовой», в том числе и за ее террористическую и диверсионную борьбу на территории Польши против Красной Армии».

(л. д. 181, т. 3)

Обвиняемый Я с ю к о в и ч признал:

«Я также несу ответственность за те предъявленные мне следствием террористические и диверсионные акты «Армии Крайовой», которые проводились против Красной Армии».

(л. д. 108, т. 4)

Ответственными за проведение «Армией Крайовой» в тылу Красной Армии диверсионной и террористической деятельности признали себя также П а й д а к, З в е ж и н с к и й и Ч а р н о в с к и й.

(л. д. 160, т. 5).

(л. д. 259, 260, т. 7).

(л. д. 112, т. 9).

Свою вину в сборе разведывательных сведений против Красной Армии обвиняемый О к у л и ц к и й полностью подтвердил при допросе и 13 июня.

Материалами следствия установлено также, что по заданиям польского эмигрантского «правительства» проводили в тылу Красной Армии сбор сведений разведывательного характера также участники местных организаций «Армии Крайовой».

Это подтверждается директивой польского эмигрантского правительства в адрес О к у л и ц к о г о и комендантов округов «АК» от 11 ноября 1944 года за № 7201/1/777.

Ниже приводятся выдержки из этой директивы:

«...С ликвидацией варшавского центра разведка перестала пересылать исчерпывающие фотографические месячные разведывательные рапорта.

Так как знание военных намерений и возможностей... Советов на Востоке имеет основное значение для предвидения и планирования дальнейшего развития событий в Польше — вы должны ...ликвидировать пробел, передавая разведывательные донесения согласно указаний разведотдела штаба».

Дальше идут подробные указания о том, какие данные собирать о воинских частях, транспортах, укреплениях, аэродромах, вооружении, положении на фронте, данные о военной промышленности и т. п.

(л. д. 31а — 34а, т. 32)

Допрошенный по поводу этого документа обвиняемый О к у л и ц к и й 13 июня на допросе признал, что эту директиву он действительно получил от польского «правительства» в Лондоне и принял ее к исполнению.

Шпионская деятельность в тылу Красной Армии участников «АК» подтверждена на следствии и целым рядом других лиц. Так, формулируя задачи «Делегатуры Жонду» на территории, освобожденной Красной Армией от немецких захватчиков, один из руководителей ее, Ф е д о р о в и ч, показал:

«...Подпольную организацию — делегатуру — я сохранил после освобождения Красной Армией гор. Вильно для того, чтобы информировать через варшавский центр эмигрантское правительство о положении в гор. Вильно и Виленском округе после изгнания немцев и восстановления советской власти.

Для этого у меня были люди, которые собирали сведения по различным областям хозяйственной, политической и военной деятельности советских органов».

(л. д. 194, т. 34)

Арестованный участник «АК» подхорунжий Свечковский Ч. И. (он же К л е в е н х а г е н) показал:

«...После освобождения Красной Армией г. Львова от немецких захватчиков я по заданиям главнокомандования «АК», в которой работал под кличкой «Штукас», проводил шпионскую работу и занимался сбором разведывательных сведений в тылу Красной Армии...».

Показания Свечковского подтверждены и найденным у него при аресте письменным материалом со шпионскими данными о Красной Армии на 71 листе.

(л. д. 4, 5, 10, т. 32)

20 ноября 1944 года на ст. Волковыск был задержан участник «Армии Крайовой» Ш а н ц и л о Франц Францевич, у которого был обнаружен и изъят пакет со шпионскими сведениями.

На допросе 19 января 1945 года Ш а н ц и л о показал:

«...Я участник нелегальной антисоветской польской организации, действующей по директиве польского правительства в Лондоне...

В эту организацию был вовлечен в марте 1944 года Болтрукевичем...

20 ноября 1944 года меня действительно задержал на ст. Волковыск сержант С а ф а р о в в момент, когда я получал от главного кондуктора Б о г д а н о в и ч а Дниоса пакет... В этом пакете были шпионские сведения о состоянии жел.-дор. транспорта.

По заданию руководителя организации в Волковыске Болтрукевича пакеты со шпионскими данными я доставлял в гор. Белосток, где вручал их членам организации... по условленным паролям».

(л. д. 104, 109, 110, 111, т. 32)

В передаче сведений разведывательного характера польские подпольные организации «АК» использовали имеющиеся у них радиопередающие станции.

Ниже приводятся некоторые перехваченные и расшифрованные радиogramмы:

1) Радиogramма Жешувского округа «АК» от 11 октября 1944 года в адрес Краковского округа «АК»:

«...От Пжетечи, Дукельской Псянки фронт проходит по границе польско-словацкой и венгерской. На границе словацкой противник в районе Ясвинская имеет незначительный территориальный успех. Советы готовят эвакуацию в направлении на юг от Жешува».

(л. д. 122—124, т. 19)

2) Радиogramма из Кракова в адрес главного командования № 621/2:

«В западном направлении во второй половине марта прошло в среднем 20 эшелонов в сутки с войсками и амуницией (артиллерия, американские танки, пехота, в том числе $\frac{1}{3}$ женщины). В восточном направлении прошло около 13 эшелонов с углем и один эшелон с машинами, которые вывозят из Польши.

В Кракове расклеены распоряжения о срочном призыве в армию 1895—1925 годов рождения.

В Кракове состоялся при участии генерала Жимерского выпуск 800 офицеров, привезенных с востока.

Большинство выпускников с низшим образованием»

(л. д. 35а—36а, т. 32).

IV. Работа нелегальных приемо-передаточных радиостанций «Армии Крайовой» и подпольного польского «правительства» в тылу Красной Армии

Как установило следствие, «Армия Крайова» и другие польские подпольные организации, действующие в тылу Красной Армии, располагали широко разветвленной сетью нелегальных радиопередающих станций.

Нарушая приказы Советского военного командования о сдаче приемо-передаточной радиоаппаратуры, окружные и низовые подпольные организации «Армии Крайовой» сохранили ее и использовали свои радиостанции для передачи польскому эмигрантскому «правительству» и главному командованию «АК» информации о выполнении ими приказов и распоряжений, шпионских сведений о Красной Армии, клеветнических и провокационных измышлений о действиях Красной Армии на территории Польши, освобожденной от немецких захватчиков.

Польское подпольное «правительство» пользовалось радиопередатчиками для тенденциозной и клеветнической информации польского эмигрантского «правительства» о политическом положении в Польше. Обвиняемые Окулицкий, Янковский, Бень, Пайдак, Ясюкович, Пужак, Звежинский, Чарновский, Багинский, Хацинский, Урбанский и Михаловский подтвердили это на следствии.

За период с августа 1944 года по май месяц 1945 года советскими военными властями изъято 25 нелегальных радиопередатчиков, из них: на территории Польши — 15 (в городах Варшаве, Кракове, Люблине, Кельцах, Пиотркуве, Седлце, Белостоке, Хельме, Жешуве, Тарнуве, Минск-Мазовецке и Бялоподляске); на территории западных областей Украины и Белоруссии и в Литве — 10 (в городах Львове, Лиде и Вильнюсе и других городах); при изъятии радиостанций арестованы радисты, техники и содержатели конспиративных радиостанций, в частности Свистальский И. А., Куявинский С. В., Ошмянский В. И. и Гролинская А. Л.

Все указанные выше лица, будучи привлечены к ответственности, дали подробные показания об организации и использовании радиостанций в тылу Красной Армии.

(л. д. 9—23, 86—104, 218—231, т. 17)

Ниже приводятся более подробные данные о некоторых из подпольных радиостанций.

1. 8 сентября 1944 года на хуторе Залески (18 км северо-западнее города Лида БССР) была изъята подпольная радиостанция № 20 «Армии Крайовой».

При ликвидации этой радиостанции изъяты: портативная приемо-передаточная радиостанция, радиоприемник и детали к ним, две тетради с записями текстов переданных и принятых шифрованных радиogramм, условия радиотелеграфных кодов.

Начальник связи Новогрудско-Лидского округа «Армии Крайовой» Орехово-Рыльский, работавший на этой станции, на допросе показал:

«Будучи членом «Армии Крайовой», первое время работал на радиостанции штаба Новогрудского округа в прямом подчинении начальника штаба «Варта»... После разоружения «Армии Крайовой» я, по предложению «Варта», перешел на нелегальное положение с задачей организации и установки подпольной радиостанции в тылу Красной Армии».

(л. д. 238, т. 17)

2. 15 октября 1944 года в гор. Жешув (Польша) изъята подпольная радиостанция № 41 «Армии Крайовой», поддерживавшая связь с польским эмигрантским «правительством» в Лондоне.

При этом были также изъяты два оперативных журнала, в которых фиксировались данные о связи (позывные, волны, слы-

тимость) и количество принятых и переданных корреспонденций за каждый день.

3. 19 февраля 1945 года в гор. Пясецно (район Варшавы) обнаружена и изъята подпольная радиостанция № 55 «Армии Крайовой», поддерживавшая связь с польским эмигрантским «правительством».

4. 9 марта 1945 года в гор. Пиотрков (Польша) обнаружена и изъята подпольная радиостанция № 54 «Армии Крайовой», поддерживавшая связь с польским эмигрантским «правительством». Изъяты две портативные приемо-передаточные радиостанции, два журнала регистрации передаваемых шифрованных радиogramм и переговорный радиокod.

Арестованный в апреле 1945 года в гор. Львове командующий Львовского обшара «Армии Крайовой» подполковник Янсон Феликс Александрович, по кличке «Кармен», об использовании им нелегальной радиосвязи показал:

«Со времени прихода Красной Армии в гор. Львов вплоть до моего ареста я по радио Львовского обшара (округа) или Жешувского подокруга передавал главному командованию «АК» почти ежедневно по одной информации. В них я сообщал об общем положении на Западной Украине и о политических настроениях, об отношении поляков к польскому временному правительству, к польскому правительству в Лондоне, к советским властям и об отношении советских властей к полякам, а также писал об общем организационном состоянии «АК», о количестве участников на тот или иной период».

(л. д. 50, т. 20)

Будучи командующим Львовского обшара, Янсон поддерживал по радио личную связь с командующим «Армией Крайовой» Окулицким Л. Б.

(л. д. 49—50, т. 20).

V. План подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР

Создавая подполье, сохраняя кадры и штабы, вооружение и боеприпасы, командование «Армии Крайовой» и подпольное «правительство» строили планы подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР.

В директиве от 22 марта 1945 года командующего «Армией Крайовой» Окулицкого в адрес коменданта Западного обшара «Армии Крайовой» полковника «Славбора», изъятой при обыске у Окулицкого, говорится:

«В случае победы СССР над Германией это будет угро-

жать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе...

Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этот блок без участия в нем Германии, которая будет контролироваться англичанами».

(л. д. 35—36, т. 33)

В этой «директиве» говорится также о том, что впоследствии польское подполье будет включено «в антисоветский блок, организованный англичанами». «А тем временем,— говорится в директиве, — мы должны полностью использовать их материальную помощь».

(л. д. 36, т. 33)

Признав, что директива исходила от него как командующего «Армией Крайовой», Окулицкий показал, что мысль о возможности создания после войны польско-германского блока против СССР зародилась у него еще в период варшавского восстания.

«...В конце сентября 1944 года командующий «Армией Крайовой» генерал «Бур»-Комаровский вел переговоры о капитуляции с командующим германскими войсками в Варшаве — обергруппенфюрером «СС» фон ден-Бах.

Для ведения переговоров «Бур»-Комаровский выделил в качестве представителя главного штаба «Армии Крайовой» заместителя начальника 2-го (разведывательного) отдела штаба полковника Богуславского.

Докладывая в моем присутствии «Бур»-Комаровскому о предложенных немцами условиях капитуляции. Богуславский сказал, что фон ден-Бах считает необходимым для поляков прекратить вооруженную борьбу с немцами, так как общим врагом Польши и Германии является Советский Союз.

При встрече с «Бур»-Комаровским в день капитуляции я сказал ему, что возможно фон ден-Бах прав, и «Бур»-Комаровский с моим мнением согласился.

(Из показаний Окулицкого, л. д. 94, 95, т. 1)

Ориентировка Окулицкого на создание военного блока Польши с Германией против Советского государства подтверждается также и бывшим комендантом Станиславского округа «АК» Германом В. М., арестованным по другому делу, который показал:

«Когда я в последний раз виделся с Янсоном в промежутке между декабрем 1944 года и первыми числами фев-

раля 1945 года, он мне заявил, что получил информацию от главнокомандующего «АК».

Главкомандующий «АК» (фамилии и клички которого не знаю) сообщил Я н с о н у, что Германия, как и Польша, считает СССР своим врагом. Германия будет стремиться к реваншу против СССР, а Польша — к возврату тех земель, которые она не признает за Советским Союзом.

Польша и Германия, имея общие интересы, смогут явиться союзниками в предстоящей войне против СССР».

(л. д. 69—70, т. 20)

Командование «АК» и подпольное «правительство» в своих директивах и листовках распространяли среди населения клеветнические измышления в отношении Советского Союза и Красной Армии.

Обвиняемый О к у л и ц к и й показал:

«В директивах комендантам округов «Армии Крайовой» я указывал, что Красная Армия является армией оккупантов, пришедшей на смену немцам. Таковую же подрывную работу против Красной Армии вело польское подпольное правительство...».

(л. д. 96, т. 1)

Обвиняемый У р б а н с к и й по этому вопросу показал:

«... В начале освобождения Красной Армией территории Польши... нелегальные организации через свою печать вели активную пропаганду среди польского населения о том, что Красная Армия является оккупационной...»

Указанную пропаганду наиболее активно проводила печать ППС, в частности газета «Работник», а также печать нелегального правительства, газета «Речь посполита».

(л. д. 56, т. 10)

То же подтвердили П а й д а к А. Ю., М е р з в а С. Ф., Ч а р н о в с к и й Е. С., М и х а л о в с к и й С. Ф. и С т е м л е р - Д о м б с к и й И. Г.

«...Нелегальная печать департамента информации, особенно газета «Речь посполита польска», проводила враждебную пропаганду против Красной Армии и Советского Союза. Указанная пропаганда выражалась в том, что Советский Союз мы рассматривали как захватническое государство, Красная Армия в печати оценивалась как оккупационная армия, идущая на смену немецкой оккупации».

(Из показаний С т е м л е р - Д о м б с к о г о, л. д. 28, т. 16).
Аналогичные показания о ведении в тылу Красной Армии

враждебной Советскому Союзу пропаганды дали Я н к о в с к и й, П а й д а к, Ч а р н о в с к и й, М и х а л о в с к и й, З в е ж и н с к и й, Б е н ь и Я с ю к о в и ч.

Следствием добыт обширный документальный материал, с бесспорностью подтверждающий, что клеветнические измышления польского подполья под руководством привлеченных по настоящему делу лиц использовались последними также в целях призыва к саботированию мероприятий Советского военного командования и представления заведомо ложной информации в Лондон с тем, чтобы польское эмигрантское «правительство», оперируя ею, дезинформировало британское правительство о действительном положении в Польше.

Обвиняемый Я с ю к о в и ч, признавая это, показал:

«...В целях дезинформации английского правительства в расчете на более активную его поддержку польского лондонского правительства наша информация Лондону преподносилась тенденциозного и клеветнического характера. Мы считали, что если мы сами не будем добиваться международного вмешательства в решение польского вопроса — оно может затянуться. Нужен был толчок. Таким-то толчком мы и считали нашу информацию, о которой я говорил выше».

(л. д. 85, 86, т. 4)

Газета польского подполья «Варшавски глос народовы» 21 февраля 1945 года № 3/131 писала:

«Результаты конференции (Крымской), рассматривая их с точки зрения интересов Польши, действительно могут возбудить пессимизм. Общее положение выглядит следующим образом: вся Польша в руках Советов, нет никаких признаков ни на земле, ни на небе, которые бы предсказывали уступки или даже изгнание большевиков с территории Речи Посполитой.

Наконец, «руководители трех союзных правительств» решили, что восточная граница Польши должна проходить по «линии Керзона» (с небольшим отклонением от «линии Керзона» в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши).

Таким образом, конец обману и конец Польше! А где же слово союзников? Но и где же предсказываемый англо-саксо-русский конфликт?

Мы представили фактическое положение в рассмотрении сегодняшнего дня, а сейчас посмотрим перспективы.

Англо-саксы несколько раз уже нас вводили в заблуждение. Давно знаем, что их отношение к России является прекрасной игрой, которую мы наблюдаем с затаенным дыханием.

Каждая конференция — новый обман. Каждая речь Черчилля — новый и еще больший обман. Крымская конферен-

ция — наибольший обман из всех. Когда же, наконец, кончится эта страшная нервирующая игра? Когда, наконец, союзники возьмут Россию за горло?».

(л. д. 81—98, т. 33)

Вице-президент подпольной «Рады Едности Народовой», он же председатель партии национал-демократов «Строительство Народове», *Звежинский А. К.* подтвердил, что указанная выше газета издавалась подпольем, руководителем которой был и он, что же касается непосредственно номера газеты от 21 февраля с. г., то эта газета изъята у *Звежинского* на его конспиративной квартире и принадлежит ему.

(л. д. 311, 312, т. 7)

Формула обвинения

Следствие считает установленным, что:

1) обвиняемые по настоящему делу *Окулицкий Л. Б.*, *Янковский Я. И.*, *Бень А. В.* и *Ясюкович С. И.*, после освобождения территории западных областей Украины и Белоруссии, а также Литвы и Польши, являлись организаторами и руководителями польских нелегальных организаций на этой территории, проводивших активную подрывную работу в тылу Красной Армии;

2) обвиняемый *Окулицкий* при участии обвиняемых *Янковского*, *Бень* и *Ясюковича*, действуя по указаниям польского эмигрантского «правительства», ложно заявив Советскому военному командованию о роспуске «Армии Крайовой», в действительности сохранили ее штабы, офицерские кадры и на этой базе создали новую законспирированную военно-политическую организацию под наименованием «НЕ» — «Неподлежность» («Независимость»), в целях продолжения подрывной работы в тылу Красной Армии и подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР;

3) руководили подрывной деятельностью созданных ими подпольных организаций, направляли ее на совершение террористических актов против бойцов и офицеров Красной Армии, диверсий на коммуникациях Красной Армии, неся, таким образом, всю моральную и политическую ответственность за диверсии и за террористические акты, совершенные в тылу Красной Армии;

4) вопреки приказу Советского военного командования об обязательной сдаче приемо-передаточных радиостанций, оружия и боеприпасов, скрыли их и использовали для подрывной работы против Действующей Красной Армии;

5) обвиняемый Окулицкий занимался ведением разведывательно-шпионской работы в тылах Красной Армии;

6) обвиняемые Пайдак А. Ю., Пужак К. В., Звежинский А. К., Багинский К. С., Мерзва С. Ф., Стыпулковский З. Ф., Чарновский Е. С., Хацинский И. А., Урбанский Ф. А., Михаловский С. Ф., Кобылянский К. С. и Стемлер-Домбский И. Г. принимали участие в подрывной деятельности польского подполья на территории Польши в тылу Действующей Красной Армии, были осведомлены о невыполнении руководителями подполья приказов Советского военного командования о сдаче приемо-передаточных радиостанций, оружия и боеприпасов и использовали их в преступных целях.

Обвиняемые Окулицкий, Янковский, Ясюкович, Бень, Пайдак, Звежинский, Чарновский, Кобылянский, Мерзва, Урбанский, Михаловский и Стемлер-Домбский признали себя виновными в предъявленном обвинении полностью и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

Обвиняемые Пужак, Хацинский, Багинский виновными себя признали частично: Пужак и Хацинский — в том, что они знали о существовании нелегальной радиостанции подпольного «правительства» и пользовались ею для связи с эмигрантским «правительством» в Лондоне; Багинский — в том, что он вел переговоры с Окулицким и Янковским об участии в подпольной организации «НЕ» и не выполнил приказы Советского командования о сдаче радиопередатчиков и имевшегося в распоряжении подпольного «совета министров» оружия.

Обвиняемый Стыпулковский виновным себя не признал.

Однако все они изобличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами, показаниями свидетелей и других обвиняемых.

На основании изложенного обвиняются:

1. Окулицкий Леопольд Блажевич, 1898 года рождения, уроженец дер. Окулице, Краковского воеводства, поляк, польский гражданин, бригадный генерал польской армии, в 1925 году окончил Академию польского генерального штаба, в 1943 году польским лондонским «правительством» назначен заместителем коменданта «Армии Крайовой» по оперативной части, после подавления немцами варшавского выступления и сдачи «Бур-Комаровского» в плен немцам — командующий «Армией Крайовой» в Польше, до ареста находился на нелегальном положении, — в том, что, являясь руководителем польского подполья,

проводившего подрывную работу в тылу Красной Армии, совершил преступления, указанные в пп. 1—5 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. 58^б, 58^в, 58^г, 58^и УК РСФСР.

2. Я н к о в с к и й Ян-Станислав Иосифович, 1882 года рождения, уроженец Высоко-Мазовецкого уезда (Польня), поляк, польский гражданин, с высшим образованием, окончил сельскохозяйственный факультет Краковского университета, по специальности инженер-агроном, с апреля 1943 года заместитель премьер-министра польского лондонского «правительства» с пребыванием в Польше и руководитель подпольного польского «правительства», до ареста находился на нелегальном положении в Польше.

3. Б е н ь Адам Валентьевич, 1899 года рождения, уроженец дер. Ассалья, Сandomирского уезда, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, юрист, член президиума крестьянской партии «Стронництво Людове», с января 1944 года заместитель председателя подпольного «совета министров», до ареста находился на нелегальном положении в Польше.

4. Я с ю к о в и ч Станислав Игнатьевич, 1882 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, окончил Мюнхенский университет, доктор политической экономии, член президиума партии национал-демократов «Стронництво Народове», с 1943 года министр польского подпольного «правительства», до ареста находился на нелегальном положении в Польше, —

в том, что, являясь руководителями названного выше подполья, проводившего подрывную работу в тылу Красной Армии, совершили преступления, указанные в пп. 1—4 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. 58^в, 58^г, 58^и УК РСФСР.

5. П а й д а к Антон Юзефович, 1894 года рождения, уроженец сел. Бийскупица, Краковского воеводства, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, юрист, член Краковского окружного комитета ППС, с 1943 года министр польского подпольного «правительства», до ареста находился на нелегальном положении в Польше.

6. П у ж а к Казимир Войцехович, 1883 года рождения, уроженец гор. Тарнополя, с высшим образованием, окончил юридический факультет Львовского университета, с 1921 года генеральный секретарь ППС, с января 1944 года — председатель подпольного парламента «Рады Едности Народовой».

7. З в е ж и н с к и й Александр Казимирович, 1880 года рождения, уроженец мест. Тушин, Лодзинского воеводства, поляк, поль-

ский гражданин, с высшим образованием, юрист, по профессии журналист, председатель партии национал-демократов «Стронництво Народове» и вице-президент «Рады Едности Народовой».

8. Багинский Казимир Станиславович, 1890 года рождения, уроженец гор. Варшавы, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, журналист, заместитель председателя президиума крестьянской партии «Стронництво Людове» и вице-президент нелегального парламента «Рады Едности Народовой».

9. Мерзвa Станислав Францевич, 1905 года рождения, уроженец села Бийскупица, Краковского воеводства, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, юрист, член ЦК и секретарь краковской организации крестьянской партии «Стронництво Людове».

10. Стыпулковский Збигнев Францевич, 1904 года рождения, уроженец гор. Варшавы, поляк, польский гражданин, член президиума партии «Стронництво Народове».

11. Чарновский Евгений Станиславович, 1904 года рождения, уроженец гор. Лодзь, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, экономист, председатель правления объединения демократических организаций «Союза демократов» и член подпольного парламента «Рады Едности Народовой».

12. Хацинский Иосиф Антонович, 1889 года рождения, уроженец гор. Варшавы, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, юрист, с 1942 года председатель «Партии труда» («Стронництво Праци»).

13. Урбанский Франц Андреевич, 1891 года рождения, уроженец Кутновского уезда, Варшавского воеводства, поляк, польский гражданин, ответственный секретарь «Партии труда» и секретарь главной комиссии «Рады Едности Народовой».

14. Михаловский Станислав Францевич, 1903 года рождения, уроженец местечка Курни, Познаньского воеводства, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, юрист, заместитель председателя объединения демократических организаций «Союз демократов».

15. Кобылянский Казимир Самуилович, 1892 года рождения, уроженец гор. Варшавы, поляк, польский гражданин, член партии национал-демократов «Стронництво Народове».

16. Стемлер-Домбский Иосиф Генрихович, 1888 года рождения, уроженец гор. Далина, Львовского воеводства, поляк, польский гражданин, с высшим образованием, заместитель дирек-

тора департамента информации польского подпольного «правительства» и руководитель отделения книгоиздательства этого департамента, —

в том, что, являясь участниками польского подполья, проводившего подрывную работу в тылу Красной Армии, совершили преступления, указанные в п. 6. формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. ст. 17—58⁸, 58⁹, 58¹¹ УК РСФСР.

Вследствие изложенного, в соответствии с п. 7 Соглашения, заключенного 26 июля 1944 года между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Польским Комитетом Национального Освобождения «Об отношениях между Советским Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши», подтвержденного впоследствии Временным Правительством Польской Республики, все поименованные выше обвиняемые, как подпадающие под юрисдикцию советских военных властей, подлежат преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Составлено в гор. Москве, июня 14 дня 1945 года.

Главный военный прокурор Красной Армии
генерал-майор юстиции *Н. АФАНАСЬЕВ*

Утверждено Прокурором Союза ССР действительным государственным советником юстиции *К. П. ГОРШЕНИНЫМ*
14 июня 1945 г.

Председательствующий. Обвинительное заключение утверждено на подготовительном заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР 16 июня 1945 года.

Подсудимый Бень, признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Бень. Признаю, за исключением только конца п. 2 «Формулы обвинения», где говорится, что мы действовали в целях подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР.

Председательствующий. Подсудимый Ясюкович, признаете ли вы себя виновным в обвинении, которое вам предъявлено?

Ясюкович. Признаю. Хотел сделать некоторые оговорки.

Председательствующий. Это в ходе судебного следствия. Подсудимый Янковский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Янковский. В основном признаю.

Председательствующий. Подсудимый Чарновский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Чарновский. Частично признаю.

Председательствующий. Подсудимый Окулицкий, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Окулицкий. Так, как сформулировано в обвинительном заключении, нет. Частично да.

Председательствующий. В пределах ваших показаний?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. Подсудимый Пужак, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Пужак. Частично да.

Председательствующий. Подсудимый Звежинский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Звежинский. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Урбанский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Урбанский. Частично признаю.

Председательствующий. Подсудимый Стыпулковский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Стыпулковский. Я себя виновным не признаю.

Председательствующий. Подсудимый Багинский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Багинский. Частично признаю.

Председательствующий. Подсудимый Мерзва, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Мерзва. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Хацинский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Хацинский. Признаю частично.

Председательствующий. Подсудимый Михаловский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Михаловский. Признаю, за исключением некоторых пунктов.

Председательствующий. Значит, частично признаете?

Михаловский. Да.

Председательствующий. Подсудимый Кобылянский, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Кобылянский. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Стемлер-Домбский, признаете ли вы себя виновным?

Стемлер-Домбский. Признаю.

Председательствующий. Необходимо разрешить вопрос о дальнейшем ходе судебного следствия.

Есть какие-нибудь предложения?

Афанасьев. Предлагаю судебное следствие начать с допроса подсудимых в следующем порядке: Ясюкович, Бень, Янковский, затем перейти к допросу свидетелей, после чего решить порядок дальнейшего ведения судебного следствия.

Председательствующий. Каких свидетелей?

Афанасьев. Указанных в списке. В таком порядке: Герман, Янсон, Кузьминский, Свечковский, Гролинская, Станкевич, Дзялынський, Лотаревич, Урбанович, Колендо и Неверовский, а вопрос о допросе свидетелей Савицкого, Шабатовского, Свитальского, Куявинского, Ошмянского, Мартовского, Васневского, Ку-

ликовского, Скржеч, Павилюн и Микуть разрешить в процессе дальнейшего следствия.

Председательствующий. У адвокатуры есть предложения?

Брауде. Защита не возражает против порядка допроса, предложенного прокурором.

Председательствующий. Суд, посоветовавшись, определил утвердить следующий порядок ведения судебного следствия: первым допросить подсудимого Ясюковича, вторым — подсудимого Бень, третьим — подсудимого Янковского. Затем приступить к допросу свидетелей Германа, Янсона, Кузьминского, Свечковского, Гролинской, Станкевича, Дзялынского, Лотаревича, Коллендо, Урбановича и Неверовского.

После окончания допроса этих лиц вернуться к окончательному решению вопроса о порядке ведения судебного следствия.

(Обращаясь к прокурору Афанасьеву): Как полагаете приступить к допросу? Без перерыва?

Прокурор Афанасьев. Без перерыва.

Председательствующий. Подсудимый Ясюкович, вы можете давать показания на русском языке?

Ясюкович. Да.

Председательствующий. Те показания, которые вы давали на предварительном следствии в Военной прокуратуре Красной Армии, вы подтверждаете?

Ясюкович. Подтверждаю.

Председательствующий. В таком случае у меня нет пока вопросов к подсудимому Ясюковичу.

Афанасьев. Подсудимый Ясюкович, скажите, кем и когда была санкционирована вооруженная борьба «Армии Крайовой» против Красной Армии?

Ясюкович. Вооруженная борьба против Красной Армии была санкционирована командованием «Армией Крайовой», и это было принято к сведению польским подпольным правительством в 1944 году. Затем глубокой осенью 1944 года, когда возник вопрос о том, что отряды «Армии Крайовой», находящиеся на восточной территории Польши, могут быть разоружены Красной Армией, — было дано указание отрядам «Армии Крайовой» не подчиняться требованиям Советского военного командования о сдаче оружия и пробиваться с оружием в руках на запад.

Афанасьев. На допросе 29 мая 1945 года вы показали, что вооруженная борьба «Армии Крайовой» против Красной Армии была санкционирована польским подпольным «советом министров» еще в первой половине 1944 года, задолго до освобождения Польши Красной Армией.

Ясюкович. Да, я так сказал.

Афанасьев. Вы сказали сейчас — глубокой осенью?

Ясюкович. Виноват, поздней весной.

Афанасьев. Тогда еще Красная Армия не находилась на территории Польши.

Ясюкович. Насколько я помню, тогда Красная Армия перешла уже границу.

Афанасьев. Какие указания были даны вам польским эмигрантским «правительством» из Лондона?

Ясюкович. Из Лондона от польского правительства была получена подробная инструкция, в которой между прочим был затронут вопрос, как быть, если части Красной Армии захотят разоружить отряды «АК». В инструкции указывалось, что эти отряды не должны слагать своего оружия, а должны оказать вооруженное сопротивление и пробиваться на запад.

Афанасьев. Кто делал информацию по этому вопросу?

Ясюкович. Информация была сделана мною лично.

Афанасьев. От кого вы это узнали?

Ясюкович. От генерала «Бур»-Комаровского.

Афанасьев. Он действовал в соответствии с указаниями, данными польским «правительством» из Лондона?

Ясюкович. Да.

Афанасьев. Вы лично знакомы с этими указаниями, или знаете на основании устного сообщения «Бур»-Комаровского?

Ясюкович. На основании сообщения «Бур»-Комаровского.

Афанасьев. Когда это вам было сообщено?

Ясюкович. Поздней осенью.

Афанасьев. А не в начале 1944 года?

Ясюкович. Мне трудно вспомнить, когда это было точно.

Афанасьев. После этого установки не менялись?

Ясюкович. Не менялись.

Афанасьев. Когда возник вопрос о необходимости расформирования «Армии Крайовой»?

Ясюкович. Формальное расформирование «Армии Крайовой» в первый раз производилось в декабре 1944 года.

Афанасьев. В связи с требованиями Советского командования?

Ясюкович. Нет, в связи с инструкциями от польского правительства из Лондона.

Афанасьев. Вы знакомы с этой инструкцией?

Ясюкович. Я знал о ней по информации генерала Окулицкого на заседании подпольного правительства. Сам я ее не читал.

Афанасьев. Какую информацию делал Окулицкий на этом заседании?

Ясюкович. Им было сказано, что получена инструкция от польского правительства из Лондона, в которой предлагается распустить «АК» в связи с новой обстановкой, но сохранить штабы, оружие, транспорт и боеприпасы.

Афанасьев. Для чего?

Ясюкович. Для того, чтобы вести борьбу с Советским Союзом и Красной Армией.

Афанасьев. Какие задачи были поставлены перед подпольным центром?

Ясюкович. Шел разговор о том, что взамен «Армии Крайовой» будет создана новая военно-политическая организация.

Афанасьев. О ее задачах разговора не было?

Ясюкович. Вначале шел разговор о сохранении оружия и боеприпасов.

Афанасьев. А когда был поставлен вопрос о создании «НЕ»?

Ясюкович. В январе.

Афанасьев. При каких обстоятельствах вы узнали об этом?

Ясюкович. В начале января 1945 года на заседании подпольного правительства было сообщено генералом Окулицким, что он намерен создать новую польскую конспиративную организацию.

Афанасьев. Для чего создавался военно-политический центр этой организации?

Ясюкович. О военно-политическом центре речь была позже. Я узнал от представителя «НЕ» Звежинского, что он имел разговор с генералом Окулицким о создании руководящего политического центра «НЕ» из представителей партий, входящих в состав польского правительства в Лондоне.

Афанасьев. Это было 22 февраля?

Ясюкович. Да.

Афанасьев. Разве на заседании подпольного польского «правительства» этот вопрос не обсуждался?

Ясюкович. На заседаниях подпольного правительства этот вопрос был поднят вскоре после моего разговора со Звежинским.

Афанасьев. И как он был разрешен?

Ясюкович. В принципе положительно.

Афанасьев. Подпольное «правительство» взяло на себя руководство этой новой организацией «НЕ»?

Ясюкович. Нет. В принципе подпольное правительство согласилось с тем, чтобы был создан политический руководящий центр. Политическое руководство возложено было на Янковского.

Афанасьев. Был у вас разговор, для каких целей эта организация была создана и какие задачи перед ней поставлены?

Ясюкович. Собственно говоря, такого разговора у меня не было.

Афанасьев. А быть может был?

Ясюкович. Я присутствовал в конце совещания, которое было 16 января. Я показал в ходе следствия, что полностью я не был осведомлен о том, что происходило на этом совещании.

Афанасьев. Вы опоздали на это совещание?

Ясюкович. Да, опоздал. Мне было дано указание прийти после начала совещания.

Афанасьев. А после вы не интересовались тем, что происходило на этом совещании?

Ясюкович. Интересовался.

Афанасьев. Как вы рассматривали организацию «НЕ»?

Ясюкович. Я рассматривал эту организацию так, как показал на следствии. Я считал, что эта организация создавалась на случай необходимости вести борьбу против Советского Союза.

Афанасьев. Не на случай необходимости вести борьбу, а для борьбы с Советским Союзом, которая велась и до этого?

Ясюкович. Я должен сказать, что о задаче ведения активной борьбы против Красной Армии я узнал только во время следствия.

Афанасьев. На допросе 10 мая 1945 года вы показали, что рассматривали эту организацию как «орган, могущий в любой момент заменить подпольную делегатуру». Правильно это?

Ясюкович. Да.

Афанасьев. По заявлению Окулицкого (такого же мнения был и Янковский), организация «НЕ» должна была существовать и после того, как сформируется Временное польское правительство на принципах, предусмотренных решением Крымской конференции союзников, и что эта организация «НЕ», находясь в подполье, будет осуществлять наблюдение за новым правительством и противодействовать проведению последним нежелательной политики. Правильно это?

Ясюкович. Да, это правильно. Я это подтверждаю с одним только уточнением, которое было сделано на очной ставке с Янковским, а именно, что об этом мне было известно только от Окулицкого, который мне говорил, что «НЕ» должна сохраниться и при создании нового правительства.

Афанасьев. Лично вам?

Ясюкович. Лично мне.

Афанасьев. Когда и где это было сказано?

Ясюкович. Это было сказано в конце февраля или в начале марта 1945 года на свидании, которое я имел с генералом Окулицким.

Афанасьев. А ранее вы говорили, что о задачах организации «НЕ» вы разговора не вели. Оказывается, что такой разговор у вас был с Окулицким.

Ясюкович. У меня был разговор с генералом Окулицким о создании нового военно-политического центра, и о том, сохранится ли эта организация или нет; не было разговора только о подробностях этой организации, о ее задачах и ее структуре.

Афанасьев. Окулицкий на заседании подтвердил, что организация «НЕ» будет существовать и после формирования нового правительства в Польше?

Ясюкович. Это было его мнение.

Афанасьев. Для какой же цели эта новая организация «НЕ» создавалась?

Ясюкович. Для целей, о которых я говорил в своих показаниях.

Афанасьев. Я бы хотел, чтобы вы конкретизировали это. Находясь в подполье, организация «НЕ» должна была осуществлять контроль за правительством?

Ясюкович. Да, она должна была осуществлять критический и политический контроль.

Афанасьев. «Критический» и «политический» контроль? Это что же была — личная точка зрения Окулицкого или она была апробирована «правительством»?

Ясюкович. Это была личная точка зрения Окулицкого.

Афанасьев. А с Бенъ вы такого разговора не вели?

Ясюкович. Не припоминаю.

Афанасьев. Подробный разговор на эту тему у вас был с Окулицким?

Ясюкович. До некоторой степени довольно подробный.

Афанасьев. Организация «НЕ» при новом правительстве, образованном в соответствии с решениями Крымской конференции, не должна была расшифровываться?

Ясюкович. По мнению Окулицкого — не должна была.

Афанасьев. Это была бы тайная военно-политическая организация, в случае если политика нового правительства не понравится, кому?

Ясюкович. Представителям тех партий, которые участвовали в руководящем центре.

Афанасьев. Для чего же была создана тайная организация?

Ясюкович. Это был костяк организации.

Афанасьев. Об этом я и говорю, об организации «НЕ», которая вела борьбу против Красной Армии.

Ясюкович. О том, что эта организация уже проводила активную борьбу против Красной Армии, мне тогда не было ничего известно.

Афанасьев. А указания от польского эмигрантского «правительства» по этому поводу были?

Ясюкович. Я об этом не знал.

Афанасьев. Вы узнали об этом от Окулицкого, а откуда Окулицкий это знал?

Ясюкович. Я не знаю.

Афанасьев. Где и когда было решено обмануть Советское военное командование заявлением о роспуске «Армии Крайовой»?

Ясюкович. Таково было официальное решение. Была принята к сведению инструкция генерала Окулицкого о мнимом роспуске «Армии Крайовой».

Афанасьев. Это было сделано по прямой директиве польского эмигрантского «правительства», которую ваше подпольное «правительство» приняло к исполнению и исполнило?

Ясюкович. Приняло к сведению, но исполнено это было командованием «Армии Крайовой», которая не находилась в подчинении подпольного правительства.

Афанасьев. Вы интересовались, чем занималась «Армия Крайова», которая находилась на нелегальном положении, скрывалась в лесах с оружием?

Ясюкович. Я был убежден, что...

Афанасьев. Что она сидит спокойно, ничего не делает?

Ясюкович. Я был сначала убежден, что она действительно распускается.

Афанасьев. Когда вы так думали?

Ясюкович. До февраля — марта 1945 года.

Афанасьев. Но позвольте, как вы сами говорили, вопросы вооруженной борьбы против Красной Армии поставлены были уже

в 1944 году. Вы начали «расформировывать» «Армию Крайову» на основании указаний польского эмигрантского «правительства» в декабре 1944 года?

Ясюкович. Инструкция принята в декабре 1944 года или в начале января 1945 года.

Афанасьев. Почему же вы утверждаете, что непосредственно о диверсионно-террористической деятельности вы узнали в феврале—марте 1945 года?

Ясюкович. Господин главный прокурор, я не считаю, что указания, которые были даны в 1944 году об оказании сопротивления с оружием в руках против разоружения, являлись диверсионно-террористическим актом. Диверсионно-террористические акты — это совершенно ясное понятие.

Афанасьев. Но именно этим «Армия Крайова» и занималась.

Ясюкович. Об этом я не знал.

Афанасьев. А когда узнали?

Ясюкович. Я узнал об этом в марте 1945 года.

Афанасьев. А вы интересовались или не интересовались, чем занимается «Армия Крайова»?

Ясюкович. Нет, не интересовался.

Афанасьев. Вас это не интересовало?

Ясюкович. Я был убежден, что она действительно распускается, поэтому не интересовался.

Афанасьев. На допросе 29 мая 1945 года по поводу пропаганды вашего подполья и информации им лондонского эмигрантского «правительства» вы показали, что информация польского подполья была клеветнической и тенденциозной. Это правильно?

Ясюкович. Правильно.

Афанасьев. И правильно, что все это делалось с целью дезинформировать Британское правительство?

Ясюкович. В целях информировать его о положении так, как оно мне тогда представлялось.

Афанасьев. В бытность вашу в Кракове вы посылали информацию в Лондон?

Ясюкович. Посылал. Я писал о том положении дел, которое было.

Афанасьев. В частности, вы посылали радиogramмы из Кракова. Вы когда там были?

Ясюкович. Я был в Кракове с 11 февраля по 15 марта 1945 года.

Афанасьев. 27 января 1945 года в одной из таких радиogramм в Лондон говорилось: «Советская армия грабит гражданское население в деревнях, городах, насилует женщин. Пронху вмешательства союзников».

Ясюкович. Это не моя радиogramма.

Афанасьев. Но ваша, кажется, нисколько не отличалась от такой?

Ясюкович. Я писал...

Афанасьев. Вы писали о необходимости вмешательства союзников?

Ясюкович. Я не припоминаю, чтобы я это ясно писал.

Афанасьев. На следствии вы сказали, что если бы вы путем клеветнических сообщений не добивались международного вмешательства в польские дела, то решение польского вопроса затнулось бы.

Ясюкович. Я считаю, что мои радиogramмы не полностью, не на 100 процентов, отражали положение. В них было много тенденциозного.

Афанасьев. Ваше заявление о характере и о целях такой пропаганды полностью разделялось остальными членами подпольного «правительства»?

Ясюкович. Я с ними об этом не говорил.

Афанасьев. Но они пользовались такой же информацией?

Ясюкович. Не знаю.

Афанасьев. По приезду из Кракова вы подсудимому Янковскому давали копии ваших радиogramм, которые вы посылали в Лондон, и он их одобрил?

Ясюкович. Он ничего не сказал, приняв их к сведению.

Афанасьев. Копии этих донесений он от вас принял?

Ясюкович. Принял, но своего мнения не высказал.

Афанасьев. Стыпулковский знал о фиктивном роспуске «Армии Крайовой» и о создании новой организации «НЕ», ее целях и задачах?

Ясюкович. Я затрудняюсь сказать, насколько он был осведомлен. Я лично был убежден в том, что командованием «Армии Крайовой» создается какая-то новая организация.

Афанасьев. Не какая-то, вы эту организацию хорошо знали, но ничего о ней не сказали.

Ясюкович. Я считал себя связанным тайной, так как это была глубоко законспирированная организация, и я поэтому не мог передать о ней какие-либо подробности.

Афанасьев. В одном из показаний вы заявили, что после Крымской конференции на заседании вашего подпольного «правительства» обсуждались решения, касающиеся польского вопроса.

Ясюкович. По этому вопросу мы имели суждения.

Афанасьев. Имели суждения. Как же вы отнеслись к решениям конференции?

Ясюкович. Мы после обсуждения их в подпольном правительстве и между собой пришли к заключению, что Ялтинские решения надо принять к исполнению.

Афанасьев. Вы были за искреннее и честное разрешение всех спорных вопросов с Советским Союзом?

Ясюкович. Я убежден, что это необходимо было.

Афанасьев. Значит, вы считали, что спорные вопросы с Советским Союзом нужно разрешить искренне и честно?

Ясюкович. Я в этом вполне убежден. Я считал, что без полной нашей договоренности, без полного соглашения по всем спорным вопросам с СССР не может быть мира в Восточной Европе, а без мира в Восточной Европе не может быть мира вообще.

Афанасьев. Вы были членом партии «Стронництво Народове». Газета «Варшавски глос народовы» — это ваш орган?

Ясюкович. Это орган Окружного варшавского управления нашей партии.

Афанасьев. Орган вашей партии?

Ясюкович. Орган Окружного управления нашей партии.

Афанасьев. Вы несёте и несли ответственность за эту газету, являющуюся органом вашей партии? Вы руководили печатью?

Ясюкович. Как руководитель подполья я несу ответственность за органы, издаваемые подпольным правительством.

Афанасьев. А за этот орган вы не несете ответственности?

Ясюкович. За органы, издаваемые разными партиями, не несу.

Афанасьев. Вы — руководитель подполья, а газета «Варшавски глос народовы» являлась одной из подпольных газет, наиболее близко стоящих к вам. Это ваша подпольная газета.

Ясюкович. Но я не являлся руководителем партии.

Афанасьев. Но вы были членом президиума партии «Стронництво Народове»?

Ясюкович. Я принимал участие, но очень малое.

Афанасьев. И ни за что не хотите нести ответственность?

Ясюкович. Нет, я от ответственности не уклоняюсь.

Афанасьев. Из вашей газеты «Варшавски глос народовы» приведена выдержка в обвинительном заключении, касающаяся оценки решений Крымской конференции. Сходится ли это с вашим официальным заявлением?

Ясюкович. Нет.

Афанасьев. Чем объяснить?

Ясюкович. Тем, что человек, который руководил этим органом, не придерживался инструкций и приказов.

Афанасьев. Вы считаете это только результатом недисциплинированности отдельного человека, а не линией подпольного «правительства»?

Ясюкович. Это не линия нашей партии, это линия, может быть, некоторой части партии, но не партии как таковой.

Афанасьев. Вы хотите сказать, что это мнение частного лица, выраженное в газете?

Ясюкович. Это мнение некоторой части партии.

Афанасьев. Сколько же было частей партии?

Ясюкович. Как в каждой большой партии, есть разные точки зрения по вопросам, которые не решены еще окончательно.

Афанасьев. Берем конкретный случай: вы говорите, что были за решения Крымской конференции, а ваша газета, которая издавалась в подполье, была против? Но вы все-таки руководили в целом подпольной печатью или не руководили?

Ясюкович. Я лично нет.

Афанасьев. Ваше подпольное «правительство» направляло печать? Короче говоря, вы несете ответственность за эту газету

как член подпольного «правительства», как член президиума «Стронництво Народове»?

Ясюкович. Как член подпольного правительства не несу, а как член «Стронництво Народове» несу.

Афанасьев. Какие у вас были отношения с Звежинским?

Ясюкович. Очень хорошие, дружеские отношения.

Афанасьев. Дружеские. Звежинский, у которого был найден номер газеты со статьей против решений Крымской конференции, не делился с вами мнением?

Ясюкович. Об этой статье он ничего мне не говорил, но о трудностях, которые создавались у него в отношениях с редактором, руководителем этой газеты, он говорил.

Афанасьев. Подсудимый Ясюкович, в чем же вы признаете себя виновным?

Ясюкович. Я признаю себя виновным полностью по пункту первому «Формулы обвинения». По пункту второму «Формулы обвинения» я признаю себя виновным, кроме последней фразы, где говорится о том, что организация «НЕ» была создана в целях подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР. В этом я признать себя виновным не могу.

Афанасьев. Вы знали, что «НЕ» создана для борьбы методами диверсионно-террористического характера в тылах Красной Армии?

Ясюкович. Правильно.

Афанасьев. Вы знали, что в задачи «НЕ» входил контроль и наблюдение за новым правительством, которое должно было быть сформировано в Польше в соответствии с решениями Крымской конференции. А о том, что «НЕ» готовила связь с Германией, вы не знали?

Ясюкович. Я уже говорил, что об этом мне было сообщено генералом Окулицким. О своем отношении к этому я рассказал уже и писал. Я считаю, что непосредственные создатели организации «НЕ» скрыли это от нас, если они думали о таком направлении этой организации.

Афанасьев. Выходит, что существовало недоверие между подпольным «правительством» и командованием «Армии Крайовой»?

Ясюкович. Да, полного доверия не было.

Афанасьев. На основании чего вы это утверждаете?

Ясюкович. На основании того, что довольно длительное время военная организация «АК» и гражданская подпольная организация действовали совершенно разрозненно.

Афанасьев. Было двоевластие?

Ясюкович. До некоторой степени да. И только когда Янковский в 1943 году стал делегатом, он добился соглашения с командованием «Армии Крайовой».

Афанасьев. Окулицкий был тесно связан с подпольным «правительством»?

Ясюкович. Он руководящую роль занял только в конце 1944 года.

Афанасьев. Последнее время он был военным министром? Это верно?

Ясюкович. Не совсем так.

Афанасьев. Что это значит?

Ясюкович. Он министром не был. Министров было четыре. Он принимал участие в заседаниях подпольного правительства как главнокомандующий «Армии Крайовой».

Афанасьев. А после того, как была «расформирована» «Армия Крайова», Окулицкий продолжал быть на правах командующего?

Ясюкович. Нет, на правах генерала Окулицкого. (Смех в зале).

Афанасьев. Что вам известно о разговоре, состоявшемся между «Бур»-Комаровским и фон ден-Бахом в период капитуляции?

Ясюкович. Известно, что фон ден-Бах принимал делегацию для переговоров об условиях капитуляции.

Афанасьев. Был ли разговор о том, что Советский Союз является общим врагом Германии и Польши?

Ясюкович. Фон ден-Бах об этом говорил.

Афанасьев. В вашем присутствии?

Ясюкович. Нет.

Афанасьев. Откуда вам это известно?

Ясюкович. Об этом рассказывали те, кто участвовал в этих переговорах.

Афанасьев. И «Бур»-Комаровский действительно с этим мнением согласился, как подтверждает Окулицкий?

Ясюкович. Это верно.

Афанасьев. Окулицкий в своем показании говорил, что «Бур»-Комаровский с точкой зрения фон ден-Баха согласился. Вы знали это?

Ясюкович. Я только теперь об этом узнал.

Афанасьев. А раньше не знали?

Ясюкович. Нет.

Афанасьев. И на эту тему у вас разговора с «Бур»-Комаровским не было?

Ясюкович. Нет.

Афанасьев. Во всем остальном вы себя полностью признаете виновным?

Ясюкович. Да, я признаю себя виновным. Я несу политическую и моральную ответственность за все то, что происходило в Польше. Я это полностью признаю. Но я не могу себя признать непосредственно виновным в этом.

Афанасьев. Вас никто не обвиняет в том, что вы непосредственно убивали кого-нибудь.

Ясюкович. Я не давал никаких приказов и инструкций об этом. Я несу моральную и политическую ответственность как член правительства...

Афанасьев. Вы несете ответственность за подрывную деятельность подполья?

Ясюкович. Несу.

Афанасьев. Скажите, какие взаимоотношения у вас были с «Радой Едности Народовой» и в частности с ее председателем — Пужак?

Ясюкович. Разрешите уточнить: отношения с Радой мои личные или правительства?

Афанасьев. «Правительства» и ваши личные. Прежде всего «правительства», вас, Янковского и других.

Ясюкович. Отношение между Радой и правительством было такое, какое существует между правительством и парламентом. Правительство отчитывалось перед подпольным парламентом, и некоторые принципиальные политические вопросы обсуждал парламент. Главный делегат делал всегда доклад на заседании и сообщал о главных задачах и главных инструкциях, передаваемых из Лондона.

Афанасьев. «Рада» знала о «ропуске» Армии, о создании «НЕ» и о задачах, которые ставились перед ней? «Рада» знала о том, что проводится враждебная Советскому Союзу клеветнического характера пропаганда, что Лондон информируется в таком духе, как вы показали здесь?

Ясюкович. Я полагаю, что знала, но довольно трудно сказать совершенно точно потому, что в нескольких заседаниях в феврале и в марте я участия не принимал. Последнее время наш делегат Янковский нас не приглашал на эти заседания с тем, чтобы они не были слишком многочисленны.

Афанасьев. До ареста вы жили на нелегальном положении?

Ясюкович. Я жил на нелегальном положении.

Афанасьев. Какие клички вы имели?

Ясюкович. Подпольная «Опольский».

Афанасьев. Одна кличка была?

Ясюкович. Раньше была «Кутепский».

Афанасьев. Эти клички были известны только по подполью?

Ясюкович. Только по подполью и только по правительственной линии.

Афанасьев. Для чего это было сделано?

Ясюкович. У нас это имело такую форму, нас назначали министрами под псевдонимом. Из Лондона я узнал, что моя кличка «Опольский».

Афанасьев. Было решение лондонского «правительства» о назначении вас «министром»?

Ясюкович. Да, я узнал об этом из радиogramмы.

Афанасьев. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. В вашем показании от 29 мая записано: «Как член подпольного правительства, я также несу полную политическую ответственность за диверсионную и подрывную работу в тылу Красной Армии». И дальше: «Продумав все происшедшее, я признаю глубоко ошибочным наше поведение. Мы

встали на неправильный путь. Так, официально объявив о роспуске «Армии Крайовой», мы фактически сохранили ее, законспирировав, и пытались скрыть этот факт от Советского Союза». Это правильно?

Ясюкович. Правильно.

Председательствующий. Вы показывали: «Эта армия была предназначена для борьбы с Советским Союзом и действительно вела диверсионно-террористическую деятельность в тылу Красной Армии». Эта формулировка не вызывает сомнений?

Ясюкович. Тут одна оговорка есть.

Председательствующий. Далее в ваших показаниях говорится, что «саботировались мероприятия Советского военного командования в зоне военных действий, наша печать и радиостанции вели клеветническую пропаганду. Польский народ натравливался на русских». Вы говорили, что подполье пыталось «разрешить польский вопрос методами подрывной работы в тылах Красной Армии». И, наконец, ваш вывод: «Вынужден признать, что эта подрывная деятельность в тылу Красной Армии наносила вред делу Объединенных наций в войне против нацистской Германии». В том же показании имеются ваши записи: «В целях дезинформации Английского правительства в расчете на более активную его поддержку польского лондонского правительства преподносилась наша информация Лондону тенденциозного, клеветнического характера». Все это правильно записано?

Ясюкович. Правильно.

Брауде (обращаясь к подсудимому Ясюковичу). Изложите вкратце ваши биографические данные.

Ясюкович. По образованию я доктор политической экономии, окончил университет в Мюнхене. Написал историю земского кредитного общества в царстве Польском, был депутатом в сейме Польши с 1920 по 1935 г., 15 лет. Секретарь национальной партии. С 1935 года не принимал участия в выборах и свою политическую деятельность тогда до некоторой степени прекратил.

Брауде. Каковы были ваши непосредственно функции как «министра» подпольного «правительства»?

Ясюкович. Мои функции: я руководил несколькими департаментами, главным образом хозяйственными: департаментом финансов, департаментом земледелия, департаментом торговли и промышленности, госконтролем, секцией иностранных дел и затем департаментом ликвидации.

Брауде. А как заместитель главного делегата?

Ясюкович. Вот именно как заместителю главного делегата мне были поручены эти функции.

Брауде. Вы дали ответ прокурору и председательствующему по всей фактической стороне дела. Мне хотелось бы, чтобы вы сейчас сказали: как вы расцениваете в целом деятельность подпольного «правительства» в отношении решений, принятых Крымской конференцией, и в отношении Советского Союза?

Ясюкович. На этот вопрос довольно трудно дать краткий, сжатый ответ.

Брауде. Все-таки он вытекает из того, что сейчас оглашено председателствующим.

Ясюкович. Я скажу окончательное свое мнение, к которому я пришел теперь, после ареста, когда имел время подумать и ознакомиться с некоторыми документами. Я считаю, что без полной, как я уже сказал, договоренности, без полного согласия между Польшей и Советским Союзом не может быть мира в Восточной Европе, а без мира в Восточной Европе не может быть мира вообще. Я считаю, что в Европе должен быть создан новый порядок. В создании этого нового порядка в Европе должна участвовать активно Польша. Она сможет только тогда активно участвовать в этом деле, когда найдет общий язык с Советским Союзом, отбросив все, что теперь делит эти два государства. Я считаю, что наша политика по польскому вопросу была ошибочной, что мы пошли по ложному пути, и считаю, что надо все сделать, чтобы с этого ложного пути возможно скорее свернуть и добиться того, чтобы Польша могла как можно скорее включиться в жизнь новой Европы и снова занять свое место в международном концерте государств. Это мой ответ в нескольких словах.

Брауде. Прежнюю деятельность вы считаете ошибочной и, как вы показали, преступной?

Ясюкович. Я считаю общее направление ошибочным, а некоторые проявления не только вредными и для Польши и для Советского Союза, но и преступными.

Брауде. У меня больше вопросов нет.

Стыпулковский. Скажите, пожалуйста, когда вы имели разговор со мной, о котором вы упоминали здесь?

Ясюкович. Если не ошибаюсь, в 20-х числах марта.

Стыпулковский. По вашему мнению, между нами был разговор о том, что в военной организации совершаются преступления?

Ясюкович. Я припоминаю только то, что я вам ответил на ваш вопрос. Вы опасались, что что-то такое делается.

Окулицкий. Я вас хотел спросить, когда вы узнали, что «Армия Крайова» ведет вооруженную борьбу, совершает диверсии, террористические акты против Красной Армии? Знали ли вы об этом, будучи в Польше?

Ясюкович. Не знал.

Окулицкий. Не знали? И вы написали свои показания и признали себя виновным, что «Армия Крайова» действительно вела диверсию и террор против Красной Армии, на основании того, что вы узнали от советских властей, а не на основе фактов, о которых вы знали в Польше? Слышали ли вы когда-нибудь от меня, что я сохранял вооруженные отряды?

Председателствующий. Повторите вопрос.

Окулицкий. Слышал ли мой товарищ, что я сохранял или намерен был сохранять вооруженные отряды «Армии Крайовой»?

Ясюкович. Я только слышал от вас, что вы докладывали на заседании подпольного правительства, а именно — о роспуске армии с сохранением сокращенных штабов, оружия, боеприпасов. О вооруженных отрядах я не слышал.

Окулицкий. Слышали ли вы когда-нибудь от меня, чтобы были какие-нибудь намерения со стороны руководства «Армии Крайовой» вести вооруженную борьбу против Красной Армии?

Ясюкович. Об этом мы между собой говорили.

Окулицкий. Вам известен факт о том, что я, когда пришла Красная Армия, узнав о вооруженных отрядах «Армии Крайовой», которые остались после ее роспуска, издал приказ, чтобы эти отряды разошлись?

Ясюкович. Да, с этим вопросом вы выступали на заседании подпольного правительства. Это было, кажется, в ноябре. Вы выступали с докладом, что довольно крупные отряды окружены и что создалось такое положение, что надо как-нибудь эти отряды спасти. Вы выступили с предложением освободить эти отряды и дать указание разойтись, оружие спасать, порознь выходить из окружения. Правительство приняло это к сведению и согласилось с вашим докладом.

Окулицкий. Вы сказали, что «Армия Крайова» должна разойтись. Не помните ли вы, говорилось ли тогда, что организация «НЕ» должна существовать дальше?

Ясюкович. Я понял, что эта организация должна некоторое время существовать на всякий случай.

Председательствующий. У других подсудимых нет вопросов к Ясюковичу? Нет. Вы пока садитесь. Подсудимый Бень, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Бень. Да, я свои показания подтверждаю. Но я хотел бы сделать несколько замечаний.

Одно замечание такое, что «АК» вообще подпольному правительству не подчинялась, она подчинялась непосредственно только лондонскому правительству. В связи с тем, что «АК» не была нам подчинена, были такие дела, о которых мы вообще не знали. Это одно заявление, которое я хотел бы сегодня сделать.

Второе замечание я хотел сделать о том, что новая подпольная организация «НЕ» была создана «Бур»-Комаровским еще в июле 1944 года. Она была создана таким образом, что подпольное правительство вначале о ней не знало. Официального доклада об этом не было на подпольном совете министров в 1944 году. Я узнал об этом со слов генерала Окулицкого только в феврале 1945 года на заседании подпольного правительства. Вопрос же о создании организации «НЕ» тогда не обсуждался. Мы только приняли к сведению факт, что организация «НЕ» уже существует и что в ней сохраняются эти сокращенные штабы, радиосвязь и спрятанное оружие. На том же заседании подпольного правительства, на котором был официальный доклад генерала Окулицкого о том, что организация «НЕ»

существует, мы приняли решение, что для этой военной организации «НЕ» надо создать политическое руководство. Это политическое руководство должно было быть создано, как уже заявлял господин Ясюкович, из представителей главных четырех партий. Целью этой организации «НЕ», — об этом тоже говорилось на заседании подпольного совета министров, — являлась борьба с СССР. И мне, когда я слушал этот доклад, казалось, что об этой борьбе можно было говорить только в будущем. А о том, что борьба эта уже осуществляется и что она уже происходит в большом масштабе, я узнал только во время следствия в Москве.

Я хочу повторить, что в подпольном правительстве никогда не обсуждался вопрос о содействии польскому подполью со стороны Германии. Если же генерал Окулицкий такое мнение высказывал кому-либо, то это было его личное мнение, о котором он никогда нам на заседании не говорил. Я хочу заметить, что на заседаниях в Кракове, которые были в январе 1945 года, я не был, так что решения, которые были приняты в Кракове, мне не были известны. Хочу еще заявить, что за посланную из Кракова министром Ясюковичем телеграмму, которая, как он сам признал, носит клеветнический характер, очевидно, я отвечаю как выбранный в подпольное правительство, но она со мной согласована не была.

Все эти заявления я сейчас делаю не потому, что хотел бы отстраниться от ответственности. Несмотря на эти заявления, я признаю, что как министр подпольного польского правительства я несу полную моральную и политическую ответственность за всю деятельность подпольного правительства. Я подтверждаю все свои показания, которые давал на предварительном следствии. Я хочу уточнить: заместителем главного делегата я был уже с весны 1943 г., я был одним из заместителей председателя, а в обвинительном заключении написано, что заместителем председателя подпольного совета министров я был с января 1944 г.

Председательствующий. Значит, вы вносите поправку и утверждаете, что заместителем председателя «совета министров» вы были назначены с 1943 года?

Бень. Да, заместителем главного делегата Янковского я назначен с мая 1943 года, а министром был назначен в мае 1944 года.

Афанасьев. Вы утверждаете, что о диверсионно-террористической деятельности «Армии Крайовой», а потом новой организации «НЕ» вы узнали после вашего ареста?

Бень. Да, о практической диверсионной деятельности и терроре «Армии Крайовой» я узнал после ареста.

Афанасьев. В своих показаниях 12 мая 1945 года вы указали, что «Армия Крайова» действовала на территории Польши по директивным указаниям польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, с которым командующие «Бур»-Комаровский, а затем Окулицкий осуществляли радиосвязь по своим радиопередатчикам. Говорилось, что командование «Армии Крайовой» вело политическую и террористическую работу. При «Армии Крайо-

вой» существовали законспирированные судебные органы, которые выносили смертные приговоры и под видом борьбы якобы с предателями осуществляли расправу над польскими патриотами. Весной 1944 года в Сандомирском уезде террористами из «Армии Крайовой» был убит местный организатор партии «Стронництво Людове» за то, что он препятствовал переходу крестьян из «Батальонов хлопских» в «Армию Крайову». Такие случаи убийств по указке руководителей «Армии Крайовой» были в Польше не единичны.

Как же вы утверждаете теперь, что не знали о террористических актах «АК»?

Бень. Это была вражда между «Армией Крайовой» и «Батальонами хлопскими». «Армия Крайова» в своей борьбе с «Батальонами хлопскими» применяла террористические методы борьбы.

Афанасьев. Что эта диверсионно-террористическая организация вела борьбу методами убийства вы об этом знали?

Бень. Да, знал. Мне были известны такие факты.

Афанасьев. Далее вы показывали: «В августе 1944 года командование «Армии Крайовой» организовало в Варшаве восстание, которое являлось фактически политической авантюрой, оно стоило польскому народу бессмысленных жертв. Несмотря на то, что ясно была видна несостоятельность восстания, подпольное польское правительство содействовало «Армии Крайовой» в проведении восстания, затеянного кругами Арцишевского и Рачкевича в корыстных целях, для приобретения политического багажа». Расшифруйте, в чем дело?

Бень. Я как член партии «Стронництво Людове» вооруженное восстание в период, в который оно произошло, не одобрял. Я думал, что восстание вообще в Варшаве должно быть потому, что столица Польши не может выпустить немцев так, чтобы население не вело с немцами борьбы. Но восстание должно было быть начато в такое время, когда оно не окончилось бы одними большими жертвами. Поэтому я думаю, что те, которые начали это восстание в неподходящий момент, допустили ошибку.

Афанасьев. Вы говорите, что это являлось политической авантюрой?

Бень. Да, в наших политических кругах — «Стронництво Людове» — так и говорилось.

Афанасьев. Вы показывали, что после подавления немцами варшавского восстания, когда «Бур»-Комаровский сдался в плен, его преемник Окулицкий начал организовывать подрывную работу. Вы говорили: «В Польше существует подполье «Армии Крайовой», которое ведет подрывную работу против Красной Армии. Об этом я узнал от командующего «Армии Крайовой» Окулицкого, который фактически возглавлял в Польше подрывную работу против Красной Армии». Правильны ваши показания?

Бень. Я правильно показал. Только надо добавить, что после подавления восстания в первой половине декабря 1944 года была

первая информация Окулицкого о том, чтобы сохранить штабы «АК» и оружие, а вторая информация об этом же, которую я слышал от генерала Окулицкого, была во второй половине февраля 1945 года.

Афанасьев. Вы говорите, что о диверсионно-террористической деятельности «НЕ» вы узнали только здесь?

Бень. Да.

Председательствующий. Подсудимый Бень, разъясните—речь шла о диверсионной деятельности в отношении Красной Армии?

Бень. Да.

Афанасьев. На допросе 12 мая 1945 года вы показали: «Создававшаяся Окулицким новая законспирированная военная организация имела своей целью подрывную работу в тылу Действующей Красной Армии».

Бень. Да.

Афанасьев. Вы рассказали о своем отношении к решениям Крымской конференции по польскому вопросу?

Бень. Нет еще. Об этом говорил министр Ясюкович.

Афанасьев. Расскажите о своем отношении к этим решениям.

Бень. Мое отношение совершенно позитивное, и не только мое. Вообще наша партия «Стронництво Людове» отнеслась к решениям Крымской конференции позитивно. Я должен сказать, что было предложение представителя нашей партии на заседании «Рады Едности Народовой», чтобы и «Рада» отнеслась положительно к решениям Крымской конференции и приняла об этом свое постановление.

Афанасьев. Каким же образом получилось, что в одном и том же подпольном «правительстве» были различные точки зрения по этому вопросу?

Вы на допросе 12 мая показывали: «Руководствуясь указаниями Арцишевского и Рачкевича, Окулицкий направил деятельность участников «Армии Крайовой» на срыв решений Крымской конференции по польскому вопросу. В частности, под лозунгом о вмешательстве СССР во внутренние дела Польши широко пропагандировались клеветнические вымыслы о политике Советского Союза в Польше, о якобы стремлении лишить ее политической самостоятельности. Окулицкий проводил консолидацию подпольных вооруженных сил с тем, чтобы в нужный момент по указанию Рачкевича и Арцишевского организовать в Польше вооруженное выступление против Красной Армии. Пропаганда польского подполья носила враждебный Советскому Союзу характер». Вы говорили: «В нашей печати помещались статьи о том, что Красная Армия является армией оккупантов, пришедших на смену немцам». Вы подтверждаете это?

Бень. Я подтверждаю эти свои показания. Что касается пропаганды, то я несу ответственность за нее.

Афанасьев. Бесспорно.

Бень. Я не всегда с этой пропагандой был согласен, но я не в силах был мешать.

Афанасьев. Где-то вопросы о пропаганде обсуждались. Вы были согласны? Ведь общий тон этой пропаганды был определен?

Бень. Вообще да.

Афанасьев. Вообще тон был враждебный?

Бень. Надо сказать одно, что и лондонское правительство Арцишевского, и подпольное правительство не были согласны с теми политическими целями, какие ставила себе наша партия, и когда пришло правительство Арцишевского, в нашей партии обсуждались вопросы, чтобы мы перешли к оппозиции. Мы не перешли к оппозиции к этим правительствам не потому, что не хотели этого, а потому, что не желали разрушать народного единства. Но с политикой подпольного правительства и политикой польского правительства в Лондоне мы были не согласны.

Афанасьев. По поводу задач новой организации «НЕ» вы на одном из допросов показали, что подпольный «совет министров» принял решение о создании нового подпольного центра. Это было связано с решением Крымской конференции по польскому вопросу. Учитывая решения трех союзных держав — СССР, Англии и Америки, вы готовились к выходу из подполья, чтобы принять участие в оформлении нового польского правительства, правда, под контролем трех союзных держав. Но одновременно подпольный «совет министров» принял решение и о создании нового подполья, которое должно было действовать по директиве лондонского эмигрантского «правительства». Следовательно, оно должно было быть законспирированным от нового правительства. Вы утверждаете, что это было на заседании подпольного «правительства», что об этих целях там говорили?

Бень. Решение о том, что надо создать политическое руководство «НЕ», было вынесено на заседании подпольного совета министров.

Афанасьев. Я вас спрашиваю не об этом. Где было принято решение, что организация «НЕ» должна была существовать при новом правительстве и осуществлять над ним «контроль», как говорил подсудимый Ясюкович?

Бень. Такого буквального решения не было, но для меня это было очевидно.

Афанасьев. Ясюкович утверждал, что он слышал это от Окулицкого. Откуда узнали вы об этом?

Бень. Я не помню, но для меня ясно, что это должно было быть так.

Афанасьев. От кого вы слышали?

Бень. Не помню. Я мог слышать от кого-нибудь из подпольного совета министров.

Афанасьев. Багинский был осведомлен о целях и задачах подполья?

Бень. О деятельности подполья?

Афанасьев. О фиктивном роспуске «Армии Крайовой» и создании организации «НЕ».

Бень. Мне кажется, что был осведомлен.

Афанасьев. Почему вы так говорите: «Мне кажется»? Нельзя ли более определенно?

Бень. Наверное, был осведомлен.

Афанасьев. «Мне кажется», «наверное». Уточните, откуда вам это известно? Вы сами с ним говорили?

Бень. Мне кажется, что когда я узнал об организации «НЕ», я говорил об этом ему и Мерзва. Втроем мы были политическим комитетом нашей партии, и мы делились всеми вопросами, которые обсуждало правительство.

Афанасьев. С Багинским и Мерзва?

Бень. Да.

Афанасьев. А с кем из других лиц вы делились?

Бень. С членами президиума, с Нецько — председателем президиума «Стронництво Людове».

Афанасьев. Со Стемлер-Домбским вы имели разговор?

Бень. Нет. Я имел только один разговор с господином Стемлер-Домбским, кажется, на тему о финансовых вопросах. Не припоминаю хорошо.

Афанасьев. Я не имею больше вопросов.

Брауде. Будьте добры, расскажите ваши краткие биографические данные.

Бень. Я — сын крестьянина из Сандомирского уезда. Кончил гимназию в Сандомире. Начал учиться при царской власти в гимназии, где я научился владеть русским языком. После я окончил юридический факультет Варшавского университета. Уже тогда я занимался работой в «Союзе крестьянской молодежи» и в этом «Союзе крестьянской молодежи» работал до 1931—1932 года, был даже несколько раз председателем этого прогрессивного «Союза крестьянской молодежи». Затем я стал судьей в Варшаве. Организация «Союза крестьянской молодежи» является политической, а так как у нас был такой закон, что судья не может принимать участия в политических партиях, поэтому я не мог там быть и имел несколько лет перерыва. Когда наступила война, в 1940 году я пришел в партию «Стронництво Людове», работал в партии, а после — в подпольном правительстве.

Брауде. Последний вопрос тот же, что и Ясюковичу: как вы оцениваете сейчас и как вы относитесь к деятельности подпольного «правительства», в котором принимали участие?

Бень. Я думаю, что наша политика по отношению к Советскому Союзу была ошибочной. Я думаю, что нам надо было заключить какое-то соглашение с Советским Союзом уже давно, и думаю, что в интересах Польши было бы, если бы мы это сделали раньше, это было бы лучше, чем теперь, потому что политическая обстановка была тогда для нас лучше, чем теперь. Что касается польско-советских отношений в будущем, то думаю, что польский народ живет на таком пространстве в Европе географически, что, имея двух соседей — Германию с одной стороны и Советский Союз — с другой, не может быть во вражде

с одним и другим соседом, должен помириться с одним из них. Я, так сказать, рассуждаю теперь только категориями интересов: нет никакой возможности вообще, чтобы польский народ помирился с немцами, это наш физиологический враг. Думаю, что единственное, что нам остается,— помириться с Советским Союзом, помириться так, чтобы не осталось в будущем никакой вражды. Думаю, что это должно состояться. Я уверен, что это состоится.

Что касается нашей политики внутри подполья, я думаю, что она была ошибочной. После прихода Красной Армии на ту территорию, где находилось подпольное правительство, мы должны были сейчас же легализоваться. Это было бы логичным концом польского подполья, которое было создано не против Советского Союза, а против немцев.

Наша ошибка была в том, что мы не легализовались тотчас же, и эту ошибку подсказало нам правительство Арцишевского. Известно, что мы получили в последнее время, или перед приходом Красной Армии, или через несколько дней после прихода Красной Армии, указания, что должны остаться в подполье. Затем пришло решение Крымской конференции, которое лондонское эмигрантское правительство отвергло, а подполье Польши приняло.

Брауде. Таким образом, можно сделать вывод, что вы считаете, что ваша деятельность была ошибочной, и пришли к убеждению, что она в известной мере была безусловно преступной. Больше вопросов я не имею.

Михальский. Скажите, во время вашего разговора с подсудимым Багинским высказал он желание поддержать новую подпольную организацию или ограничился только информацией? Носил ли этот разговор чисто информационный характер или выносились какие-нибудь решения?

Бень. Это была информация. Мы не решили, дать или нет в новый подпольный центр своего представителя. Решение о том, чтобы дать представителя, не было принято.

Михальский. Скажите, когда вы обсуждали вопрос о том, что намечается новая организация, о структуре и о ее задачах вам было известно? Вы были информированы в достаточной степени и с достаточной полнотой?

Бень. Я был информирован на первом заседании. Говорилось то, что я здесь сказал, а именно, что это организация, которая должна повести борьбу с Советским Союзом.

Михальский. Правильно ли я понял смысл вашего ответа, что Багинский и Мерзва только информированы были об этом, но не участвовали в вынесении определенного решения?

Бень. Решения наш комитет не принимал. Я знаю, что об этом Багинский и Мерзва вели переговоры с генералом Окулицким.

Михальский. Вы говорили, что партия «Стронництво Людове» — это партия, которая защищает интересы трудовых крестьян?

Бень. Да, она была в оппозиции к правительству.

Председательствующий. К правительству санации.

Михальский. Были случаи, что члены партии «Стронництво Людове» репрессировались — их заключали в лагеря, тюрьмы?

Бень. Да. Сам Багинский сидел в тюрьме.

Председательствующий. У адвокатуры нет больше вопросов? Нет. У подсудимых есть вопросы?

Багинский. Я хотел спросить Бень, информировал ли он нас, членов президиума, об инструкции по созданию «НЕ» устно или зачитывал ее нам?

Председательствующий. Подсудимый Бень, ответьте, пожалуйста.

Бень. Я вообще об инструкции по созданию организации «НЕ» здесь еще ничего не говорил. В моих показаниях об этой инструкции изложено подробно, ибо я ее читал лично. Там все записано, что я показал о ней. В этой инструкции не говорилось о том, против кого будет вестись борьба, не говорилось также вообще ни о каком правительстве и ни о каком государстве. Поэтому и Багинскому я не мог говорить о том, против кого организация «НЕ» направит свою работу.

Багинский. Я не слышал, чтобы Бень говорил о сохранении кадров «Армии Крайовой» и сохранении оружия. Я знаю, что 27 марта ночью, когда происходило последнее заседание президиума «Стронництво Людове», на котором был господин Бень, он и тогда об этом не сказал. Я хочу спросить поэтому о том, подтверждает ли Бень, что о сохранении Окулицким в подполье оружия мне стало известно лишь 27 марта 1945 года и что Окулицкий обещал это оружие сдать командованию Красной Армии?

Бень. Я это хорошо не помню, но вы сами разговаривали с Окулицким.

Председательствующий. Подсудимый Бень, отвечайте суду.

Бень. Извините. Я эти подробности, о которых меня спрашивает господин Багинский, не помню.

Звежинский. Господин Бень, вы информировали меня об организации «НЕ» на нашей встрече, так что я знал об инструкции и о целях этой организации. Скажите, когда вы об этом информировали?

Бень. Информировал ли я лично вас, этого я не помню, потому что я встречался с вами довольно редко. Я часто встречался с Багинским. Почему? Потому что Багинский был представителем нашей партии в «Раде Едности Народовой», а я был представителем в подпольном правительстве, и благодаря этому мы часто встречались, а с господином Звежинским мы встречались довольно редко.

Звежинский. А помните ли вы наше решение о политическом центре, которое мы между собой на заседании центрального комитета партии перед нашим арестом приняли?

Бень. В моих показаниях об этом написано, что наша партия решила, что не даст своего представителя в этот центр. Некото-

рое время, так сказать, мы колебались, что делать, но после того, как мы получили посторонние сведения о том, что там делается, какие люди в организации «НЕ», кто там сидел, мы решили не давать нашего представителя в этот политический центр.

Окулицкий. Я хочу спросить господина Бень — слышали ли вы когда-нибудь о каких-нибудь вооруженных отрядах «АК», которые остались после прибытия Красной Армии на территории Польши?

Бень. Я уже показывал, что мне вообще неизвестно о происходивших фактах. Об этой вооруженной борьбе мне не было известно до момента следствия, и я не знаю — были ли отряды или не были отряды. Я знаю только то, о чем вы сегодня спрашивали господина Ясюковича, что вооруженный отряд был где-то в районе Белостока и что вы дали приказ, чтобы этот отряд был распущен. Это было еще осенью 1944 года.

Окулицкий. Не припоминаете ли вы мой доклад на заседании подпольного совета министров, в котором я говорил, что я делаю все, что возможно, чтобы вооруженные отряды «Армии Крайовой», которые дрались с немцами до прихода Красной Армии, распустить и разослать по домам?

Бень. Я сам такого доклада не помню, но я помню, что вообще была такая линия, что вооруженные отряды, которые были в лесах, те отряды, которые дрались с немцами, должны распускаться. Была такая директива.

Окулицкий. Вы сказали, что были какие-то недоразумения между «Армией Крайовой» и «Батальонами хлопскими» и что это был внутренний террор «Армии Крайовой». Я хотел вас спросить — вы это относите к периоду, когда я командовал «Армией Крайовой»?

Бень. Нет. Я уже говорил о факте в Сандомирском уезде весной 1944 года. Факты борьбы членов «Батальонов хлопских» с «АК» часто происходили из-за разных причин. Между прочим дрались и за оружие. Когда оружие было сброшено с самолетов в деревне, «АК'овцы» и «Батальоны хлопские» дрались из-за того, кто должен взять оружие.

Председательствующий. С каких самолетов сбрасывалось оружие?

Бень. С английских. Я не могу сказать, что не было таких фактов, так как о них мне было известно еще в период весны 1944 г.

Окулицкий. А вам известны факты из моей деятельности, подтверждающие, что отношения между «АК» и «Батальонами хлопскими» были хорошими?

Бень. О моем отношении к вам лично я показал во время следствия. Я говорил, что наша партия добивалась, чтобы создать военный департамент подпольного правительства. «Бур-Комаровский» не согласился, а вы были первым командиром, ко-

торый согласился. После этого наше расположение к вам было лучше, чем к «Бур»-Комаровскому.

Окулицкий. Что вы знали об актах террора и диверсий и о деятельности вооруженных отрядов «Армии Крайовой» вне Польши?

Бень. Мне эти акты неизвестны.

Окулицкий. Вы знали о моем личном отношении к решениям Крымской конференции?

Бень. Вы говорили об этом во время нашего личного разговора, что вы относитесь к ним положительно.

Окулицкий. А вы не помните моей речи на заседании «Рады Едности Народовой»?

Бень. Я не был на этом заседании.

Окулицкий. Какой характер, по вашему мнению, имела организация «НЕ», это отряды или не отряды?

Бень. Я этого не знаю.

Багинский. Позволялось ли информировать о всех решениях подпольной организации или были решения, о которых нельзя было информировать?

Бень. Были такие решения, о которых говорилось, что не надо о них было информировать, но, насколько помню, господину Багинскому я всегда все говорил.

Председательствующий. У прокурора нет больше вопросов?

Афанасьев. Нет.

Председательствующий. Переходим к допросу подсудимого Янковского. Подсудимый Янковский, насколько я понял из опроса и зная ваши показания на предварительном следствии, вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Янковский. В основном так. Я хотел бы сделать только некоторые сообщения.

Председательствующий. Пожалуйста.

Янковский. Меня обвиняют по четырем пунктам. По первому пункту я ничего не могу добавить. По второму пункту я должен сказать, что если здесь говорится о подрывной деятельности наших подпольных организаций, то я об этой подрывной деятельности знал только то, о чем показал уже на следствии.

Мы ставили своей задачей борьбу за независимость Польши, которой, по нашему мнению, угрожал Советский Союз. По этому поводу я хотел подчеркнуть в пункте втором последние строки о подготовке военного выступления в блоке с Германией против СССР, так как этот момент я хорошо знаю. Достаточно проследить нашу работу, ее условия в течение пяти лет, чтобы ориентироваться. Как известно, Польша подверглась первой нападению со стороны Германии. С этого и началась всемирная война. Польша эту войну проиграла, но борьбы не прекратила, она вела борьбу против немцев на Западе и в Норвегии. Эта борьба с Германией велась теми польскими войсками, которые были организованы в Советском Союзе.

Кроме того, борьба велась в стране, в самой Польше. Ведь всем известно, что немцами истреблено в Польше свыше трех

с половиной миллионов поляков и около двух с половиной миллионов евреев. Всем известны немецкие концентрационные лагеря. Никаких изменений в отношении общего фронта наших союзников мы не допускали. Италия, Румыния, Венгрия посылали свои дивизии на Восток, против Советского Союза, тогда как Польша ни одного отряда на Восток не направила.

Когда мы убедились в том, что Германия разрушает польское государство, когда мы узнали об истреблении польского населения, об уничтожении его культуры, его людей, не только интеллигенции, но и более образованных из крестьян и рабочих, когда мы увидели, что идет уничтожение всех культурных и исторических завоеваний, — не могло быть и речи о содействии германцам. Поэтому я смело утверждаю, что то, что сказано в обвинительном заключении о приказе генерала Окулицкого командиру Западной области в отношении блока с Германией, что это — его личное мнение. Во всяком случае, это не общее мнение польского правительства.

Здесь говорится о вооруженном восстании, говорится, что при переговорах с немецким генералом фон ден-Бахом заявлялось о том, что Польша должна иметь общие интересы с Германией и что поэтому не должно быть борьбы с германцами. Это дело я знаю совершенно точно, так как принимал в этом деятельное участие. Переговоры с германцами вел не только один наш офицер (я не помню его фамилии), был еще Комаровский, они вдвоем вели переговоры. Действительно, фон-ден-Бах говорил, что еще его предки были на Востоке, что в его организме есть много крови славянской, что много ошибок сделано со стороны немцев в отношении польского населения, но все-таки он надеется, что в будущем установятся общие интересы у польского и германского правительств против Советского Союза. Но эти его разговоры ни в коем случае не могли повлиять на прекращение войны.

Все средства — амуниция, продовольствие — были истощены. Лучшим доводом того, что это так, является следующий факт: еще за три недели до окончания варшавского восстания, в начале сентября 1944 года, мы обсуждали вопрос о сдаче немцам, так как нам не доставало амуниции. В середине сентября 1944 года, когда «АК» еще сражалась с германцами, было созвано заседание «Рады Едности Народовой», где мы решили начать переговоры с немцами о сдаче, так как мы не в силах были вести дальнейшую борьбу, потому что потери были громадные. Амуниции совершенно не было, и не было надежды на ее получение.

А потом снова началось наступление Красной Армии. Затем был громадный налет «либерейторов», которые спустили нам оружие, амуницию, и это нас поддержало. Настроение поправилось. Затем советские самолеты начали сбрасывать амуницию, и мы смогли выдержать до конца сентября, но тогда уже ситуация была совершенно трагической, и речи не могло быть, чтобы продержаться 2—3 дня. Ситуация была такова, что все предместья

Варшавы были заняты немцами или разрушены и осталась только середина города, которую могли занять каждый день. Поэтому не было смысла в политическом и других отношениях продолжать бороться. Не было никаких надежд, что Красная Армия сможет занять город, и поэтому было единогласное решение, что надо сдаваться немцам. В переговорах с немцами было два существенных условия: чтобы «Армия Крайова» была признана в правах и чтобы граждане не были наказаны. Это было не только обещано, но в письменных условиях было указано, что граждане не будут наказаны за участие в восстании и вообще за деятельность против немцев до восстания. Тогда мы решили сдаться.

Извините, господин председатель, что мне пришлось сделать такое подробное сообщение. Я эти дела хорошо знаю и повторяю, что заявление господина генерала Окулицкого о блоке с Германией в будущем — это его личное мнение.

С третьим пунктом обвинения я в основном согласен, только должен сказать то, что я показал на странице 15. Это то, что я не давал указаний по совершению диверсий против Красной Армии и что об этом я узнал главным образом во время следствия, когда мне показали эти материалы. Тем не менее я не уклоняюсь от ответственности за то, что «Армия Крайова» сделала.

Насчет четвертого пункта я целиком согласен. Хочу еще объяснить одно: как уже здесь говорилось, «Рада Едности Народова» собиралась редко в полном составе. Как «Рада Едности Народова», так и ее главная комиссия имели такой характер, что они могли высказывать только свое мнение. Они не имели права решать. Я как председатель подпольного совета министров мог контролировать деятельность подпольного правительства. Говорю это потому, что трудно было решать вопрос о сдаче Советскому военному командованию оружия «Армии Крайовой», которое не было в моем распоряжении. Поддержание связи было в моих руках — я за это ответственен.

Еще, если позволите, господин председательствующий, — насчет отношений между Польшей и Советским Союзом?

Председательствующий. Вы как будто бы забыли, что вы — подсудимый по данному делу, а не свидетель. Говорите по пунктам обвинения.

Янковский. Я уже кончил по пунктам обвинения. Я хочу рассказать об этом потому, что мне кажется, что этот вопрос более сложный, чем об этом говорили, и поэтому не были учтены те условия, в которых мой подпольный делегатский аппарат работал.

Надо принять во внимание, что подпольный аппарат польского правительства был создан во время германской оккупации. До прихода Красной Армии он работал три года. Работа велась в самых тяжелых условиях. Достаточно вспомнить, что один делегат, не выдержав всех трудностей, умер, другой делегат был арестован и замучен германцами. Германцами были застрелены и замучены еще четыре делегата. Я этим хочу сказать, в каких тяжелых условиях нам приходилось работать.

Мы организовали свой подпольный аппарат с той целью, чтобы был готов целый аппарат польского правительства к тому времени, когда германцы будут выброшены из Польши. Кем и когда они будут выброшены, мы тогда не обсуждали. Придет ли эта помощь с запада или востока — никто из нас не знал. Мы хотели иметь этот аппарат готовым, чтобы в то время, когда германцы будут выброшены из Польши, руководимое мной подпольное польское правительство могло начать действовать. Я еще тогда не получил от польского лондонского правительства так называемой обширной инструкции, а окружные делегаты на восточных территориях Польши не имели указаний, как себя вести с приходом Красной Армии. Я дал им указание, что на территории каждого округа должны объявить себя два-три уездных делегата и легализоваться. В листовках, которые я направил в восточные округа, говорилось, что население должно себя вести корректно по отношению к Красной Армии. Мы исходили из того, что вопрос о восточных границах Польши окончательно не решен. Конечно, с точки зрения Советского Союза положение было иным. Само собой понятно, что и Красная Армия, и органы советской власти, которые вслед за ней восстанавливались на территории Западной Украины, Белоруссии и Литвы, не признавали моего подпольного аппарата, и мы очутились в том положении, что наша трехгодичная работа, проводившаяся в самых тяжелых условиях, ни на что не пригодилась. Мой подпольный аппарат был отброшен в сторону. Такое же положение было и в Люблинском округе. Мы повисли между небом и землей, и для нас создалась самая тяжелая ситуация.

Я говорю это для того, чтобы господин прокурор принял во внимание те условия, ту атмосферу, которая создалась. В этой атмосфере трудно было работать. Эта атмосфера могла породить у нас даже ненависть к Красной Армии и к советским властям. Нам казалось, что мы были отброшены в сторону. Мы не были признаны ни советскими властями, ни Комитетом национального освобождения.

Все это усложняло польско-советские отношения. Со временем обстановка начала проясняться. Состоялась Крымская конференция. Мы убедились, что нельзя рассчитывать на какую-то всемирную конференцию, которая после войны окончательно решит вопрос о восточных границах Польши. По сути дела, Крымская конференция уже решила вопрос о восточных границах Польши. Это была первая важная политическая новость. И тогда мы на заседании главной комиссии и «Рады Едности Народовой», а перед тем на заседании подпольного совета министров пришли к убеждению, что надо присоединиться к крымским решениям, хотя они для нас трагически тяжелы.

Потом появилось у нас новое сообщение. В решении Крымской конференции было объявлено, что Польша будет независимой. Это решение подписали Сталин, Черчилль и Рузвельт. Позже, в апреле 1945 года, состоялось подписание договора

между Польшей и Советским Союзом о дружбе, о том, что одно государство не будет заниматься внутренними делами другого. Это, несомненно, был большой шаг к тому, чтобы отношения были урегулированы.

Вообще нам надо примириться с тем, что Польшу отодвинули с востока на запад. Получила она, правда, новую территорию, но была отодвинута с востока на запад. С этим нелегко было мириться. Но это действительность. Каждый политик должен принимать к сведению ту действительность, которая есть, приятна она или нет. Я убежден, что польско-советские отношения со временем, с каждым месяцем будут нормализоваться. Это сразу не делается. Я убежден, что основы для этого заложены. Особое значение я придаю польско-советскому договору, который урегулирует наши отношения в борьбе с германцами. О германцах уже говорили. Я лично считаю, что все немецкое население нельзя истребить. Этот народ будет угрожать Польше. И Польша должна искать союзников.

Я придаю большое значение тому пункту, который говорит, что одна держава не будет заниматься внутренними делами другой. Это действительно независимость. Я убежден, что эти отношения будут совершенно нормальные. Но надо много воли с одной и с другой стороны, много взаимного понимания.

Председательствующий. Я полагал, что вы сделаете маленькое заявление, а вы произнесли целую речь, как будто бы это не суд, а конференция. Вам надо вернуться в реальный мир и сказать о том, что персонально касается вас. А вы выступаете не как подсудимый.

Янковский. Я сказал уже, что по первому пункту обвинения я полностью признаю себя виновным. По второму пункту обвинения, о целях созданной нами организации «ПЕ» — о том, что она имеет целью борьбу против Советского Союза, — я узнал на следствии. По остальным пунктам обвинения я также признаю себя виновным. Насчет сотрудничества с германцами — я отбрасываю эту возможность совершенно.

В третий пункт своего обвинения я вношу только один корректив: я не давал указаний насчет проведения террористическо-диверсионной деятельности. Но я об этой террористическо-диверсионной деятельности узнал, как показал на следствии, в марте и как руководитель подпольного польского правительства несу за это полную ответственность.

Насчет четвертого пункта обвинения — полностью признаю себя виновным.

Председательствующий. В ваших показаниях зафиксировано следующее:

«...Я признаю себя виновным в том, что, являясь заместителем премьер-министра польского лондонского правительства в Польше и находясь на нелегальном положении в тылу Действующей

Красной Армии, я не выполнял приказов Советского военного командования.

...Я и возглавляемое мною подпольное польское правительство после освобождения Красной Армией Польши от немцев, вопреки приказу Советского военного командования, не сдали имевшихся у нас радиопередатчиков и использовали их для связи с польским лондонским правительством. Также мы не сдали свои нелегальные типографии и множительные аппараты».

Далее: «Я признаю себя виновным в том, что, находясь в тылу Действующей Красной Армии, по предложению Окулицкого, как представитель польского лондонского правительства, принимал участие в создании руководящего центра новой подпольной организации». Правильно?

Янковский. Да.

Афанасьев. Подсудимый Янковский, признавая свою преступную деятельность в соответствии с предъявленным вам обвинением, скажите, вы эту деятельность осуществляли самостоятельно или по указаниям лондонского эмигрантского «правительства»?

Янковский. Главным образом, по указаниям лондонского правительства.

Афанасьев. У вас связь была с ним постоянная, регулярная?

Янковский. Связь была довольно трудная. Польское лондонское правительство давало только общие политические указания. Насчет внутренней деятельности департаментов и составления проектов законов указания я давал лично.

Афанасьев. А какие взаимоотношения были у вас с командованием «Армии Крайовой»?

Янковский. Свою деятельность я начал с того, что хотел урегулировать эти отношения еще с прежним командующим «Армией Крайовой» — генералом «Гротом».

Афанасьев. Ваши указания для командования «Армии Крайовой» были обязательны или нет?

Янковский. Можно сказать, что в отношении общей политики были обязательны. В отношении же организации «Армии Крайовой», ее работы, использования техники и т. д. я не имел права давать никаких указаний, так как командование «АК» зависело непосредственно от главнокомандующего польскими вооруженными силами в Лондоне. Только я договорился с прежним командующим «Армией Крайовой» генералом «Гротом», что я должен принять волей-неволей политическую ответственность за «Армию Крайову», по этому вопросу он должен был со мной советоваться.

Афанасьев. Но вы знали, какую деятельность осуществляла «Армия Крайова» после изгнания немцев? Вы знали, чем занимается «Армия Крайова»?

Янковский. Господин главный прокурор, одним словом я не в состоянии сказать — это все было определено в обширной

инструкции, которая была прислана польским правительством из Лондона в начале 1944 года.

Афанасьев. Меня сейчас интересует не инструкция, а практическая деятельность «Армии Крайовой». Вы как председатель подпольного «совета министров» не могли не знать, чем занимаются ваши вооруженные силы.

Янковский. После прихода Красной Армии? Нет, не знал.

Афанасьев. И не интересовались?

Янковский. Доклада не было, я думал, что все разъехались.

Афанасьев. Как же получается, что все подпольное «правительство» — и Ясюкович, и Бень, и вы как председатель «совета министров» — вообще таким серьезным вопросом достаточно продолжительное время не интересовались? Задачи вы не знали, практической деятельностью не интересовались. Вы как председатель подпольного «совета министров» приняли на себя и осуществляли политическое руководство этой новой организацией «НЕ»?

Янковский. Был дан приказ о том, что вооруженные отряды «Армии Крайовой» во время наступления Красной Армии должны отступать, укрываться в лесах, разоружаться, а солдаты — возвращаться на квартиры в деревни и города. Я был убежден, что так и делается. В некоторых случаях так и делалось.

Афанасьев. Кто давал такие указания по «Армии Крайовой»? Вы видели эти указания? Где было сказано о таком отношении к Красной Армии?

Янковский. Это содержала инструкция, о которой я хотел говорить. Эта инструкция предвидела все случаи, начиная от дипломатических отношений между Польшей и Россией и кончая тем, что «Армия Крайова» будет преследоваться Красной Армией и должна будет скрываться или сдавать оружие. Поэтому мы были убеждены, что в большинстве случаев так и делалось, что вооруженные отряды «Армии Крайовой» отступают на запад, хранят оружие, люди находятся на квартирах и т. д. Только в некоторых случаях дело доходило до столкновения или разоружения и ареста. Меня информировало об этом командование «Армии Крайовой», когда оно получало телеграммы от окружающих делегатов, например из некоторых уездов Ровенского округа. Потом генерал Окулицкий сообщил о той группе в Белостокском округе, о которой говорилось сегодня.

Афанасьев. Я спрашиваю, известно ли вам было о практической деятельности «Армии Крайовой», а вы отвечаете, что не знали. Я имею в виду диверсионно-террористическую деятельность.

Янковский. Совершенно не знал.

Афанасьев. Но вы были достаточно осведомлены о положении в Польше, об отношении Красной Армии к польскому населению. Судя по вашей информации в Лондон, которую вы давали польскому эмигрантскому «правительству», осведомленность у

вас была чрезвычайно большая. Я имею в виду тенденциозно-клеветническую информацию, в передаче которой вы признаете себя виновным. Почему же вы оказались совершенно неосведомленным о деятельности «Армии Крайовой»?

Янковский. Насчет диверсионно-террористической деятельности я ничего не знал.

Афанасьев. Ясюкович по приезде из Кракова вручил вам копии донесений, которые он послал в Лондон по этому поводу. Вы читали эти донесения?

Янковский. Читал.

Афанасьев. Они содержат измышления о массовых насилиях, грабежах и прочих бесчинствах советских военнослужащих по отношению к польскому населению.

Янковский. Это было обобщение.

Афанасьев. Это не обобщение; по существу дела — это клевета.

Вы были в курсе тех директив, которые давал «Бур»-Комаровский? Вы были знакомы с приказами «Бур»-Комаровского о том, как должна себя вести «Армия Крайова» в отношении Красной Армии?

Янковский. Эти директивы соответствовали инструкции польского лондонского правительства.

Афанасьев. Вы говорите, что вы даже давали письменные указания?

Янковский. Я говорил, что я давал от себя указания делегатам.

Афанасьев. Когда была вами получена инструкция?

Янковский. В начале 1944 года. А указания окружным делегатам я дал еще раньше, в конце 1943 года.

Афанасьев. Указания «Бур»-Комаровского к чему сводились?

Янковский. Сводились к тому, чтобы пробовать содействовать Красной Армии. Если этого не удастся, если Красная Армия потребует оружие, то оружия не сдавать, а скрываться в лесу.

Афанасьев. Вас «Бур»-Комаровский знакомил с теми приказами, которые он давал по «Армии Крайовой»?

Янковский. Да, знакомил. Он мне не читал, но рассказывал их содержание.

Афанасьев. Когда это было?

Янковский. Это было весной 1944 года.

Афанасьев. В июле 1944 года «Бур»-Комаровский давал такую директиву?

Янковский. Я хочу об этом сказать. Во время восстания он получил сведения, что начались столкновения между отрядами «Армии Крайовой» и Красной Армией, и его спросили, что делать; тогда он дал распоряжение, чтобы оружие не сдавали, а отступали на запад.

Афанасьев. Давали ли вы какие-нибудь директивы окружающим делегатам по вопросу об отношении на местах к Красной Армии?

Янковский. Насчет отношения к Красной Армии я не давал никаких указаний и распоряжений, а только давал распоряжение, что окружающие делегаты должны попробовать взять все в свои руки, возобновить свою деятельность, возродить промышленность, торговлю и т. п.

Афанасьев. Теперь расскажите о создании организации «НЕ».

Янковский. Создание организации «НЕ» происходило следующим образом: от господина генерала Окулицкого я узнал, что он получил директиву от польского лондонского правительства о создании законспирированной военно-политической организации «НЕ».

Афанасьев. А вы лично не получали?

Янковский. Я лично получил копию.

Афанасьев. После того как первый экземпляр этой директивы получил Окулицкий?

Янковский. Во всяком случае был приказ, чтобы не я организовывал, а организовал Окулицкий, поэтому я получил копию этой директивы. Окулицкий пригласил меня прибыть на совещание в Краков, чтобы это дело провести в жизнь. В связи с этим я и остался тогда в Кракове еще на один день, потому что было наступление Красной Армии. Ясюкович опоздал на это совещание.

На этом совещании говорили долго, еще раз о содержании этой инструкции говорил генерал Окулицкий и о задачах, какие организация «НЕ» имеет в виду. Она должна была быть создана с той целью, чтобы стать на защиту Польши, если ей будет угрожать опасность со стороны Советского Союза. Говорилось о том, что она должна быть совершенно законспирирована; говорилось о том, что должны быть созданы небольшие отряды. Генерал Окулицкий заявил, что он будет непосредственным руководителем этой организации, он просил меня, чтобы я как главный делегат взял на себя политическое руководство организацией «НЕ». Я сказал, что надо будет создать другой политический центр. Кончилось тем, что я просил, чтобы подробно об этой организации сделал мне доклад полковник «Ниль» и чтобы он представил мне инструкцию о самой ее структуре. «Ниль» обещал, что он познакомит меня с этой инструкцией. Затем на совете министров господин генерал Окулицкий также информировал нас о создании организации «НЕ».

Афанасьев. О целях и задачах этой организации говорилось?

Янковский. Во всяком случае на совете министров о задачах не говорилось. Говорилось, что организация «НЕ» должна создаваться на базе «Армии Крайовой», использовать ее средства — как оружие, так и деньги, — говорилось о том, что организация «НЕ» должна позаботиться о защите интересов Польши. Гово-

рили о том, что надо создать политическое руководство организацией «НЕ», и обратились ко мне, чтобы я принял это на себя. С этим я согласился.

Афанасьев. Но, как установлено, организация «НЕ» была создана не в 1945, а в 1944 году?

Янковский. Я узнал об этом на следствии.

Афанасьев. Раньше вы об этом не знали?

Янковский. Нет, не знал.

Афанасьев. Разве командование «Армии Крайовой» вас об этом не информировало?

Янковский. Нет.

Афанасьев. А ваши указания окружным делегатам, о которых вы говорили, не имели отношения к созданию организации «НЕ»?

Янковский. Абсолютно.

Афанасьев. Но они были согласованы с военным командованием или нет?

Янковский. Мои указания? Инструкция была одна и та же и для «Армии Крайовой», и для меня. «Армия Крайова» посылала указания окружным комитетам, а когда я получил указания, я обработал их и послал окружным делегатам.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 10 минут.

* * *

Комендант. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается. Продолжается допрос подсудимого Янковского.

Афанасьев. Подсудимый Янковский, уточните, пожалуйста, какую директиву вы давали окружным делегатам летом 1944 года по вопросу об отношении к Красной Армии?

Янковский. Окружные делегаты указаний об отношении к Красной Армии от меня не получали потому, что это меня не касалось, не касалось моего аппарата. Мои директивы — это были наставления моим окружным делегатам, но отношения к Красной Армии, как таковой, не имели. Я дал окружным делегатам, находившимся в восточных округах Польши, указание о том, чтобы они с приходом Красной Армии взяли власть в свои руки.

Афанасьев. Я просил бы суд огласить показания подсудимого Янковского от 26 мая 1945 года на стр. 85 т. 2 дела.

Батнер. Оглашается выдержка из показаний Янковского: «Вопрос: Известно, что и окружные делегаты возглавляемого вами подпольного польского «правительства», совместно с комендантами округов «Армии Крайовой», проводили подрывную работу в тылу Действующей Красной Армии. Признаете это? Ответ: Я не давал директив окружным делегатам о проведении

подрывной работы в тылу Красной Армии на территории собственно Польши, но признаю, что департамент внутренних дел подпольного польского правительства по моему указанию в начале 1944 года разослал директиву окружным делегатам, действовавшим в западных областях Украины, Белоруссии и на территории Литвы.

В директиве окружным делегатам предлагалось путем пропаганды и агитации среди населения препятствовать восстановлению советской власти в освобожденных Красной Армией от немцев областях Западной Украины, Белоруссии и Литве.

Признаю, что согласно моей директиве окружные делегаты, действовавшие в подполье на территории СССР, проводили против Советского Союза враждебную пропаганду, направленную на срыв мероприятий советских властей. В этом я виноват и, как член польского лондонского правительства, несу ответственность...»

Афанасьев. Следовательно, вы давали все-таки указания?

Янковский. Я уже говорил, что давал приказание, чтобы они брали власть в свои руки.

Афанасьев. А как же они могли брать эту власть, если не насильственным путем, не борьбой с Красной Армией? Как вы мыслите?

Янковский. В директиве я дал указание, чтобы некоторые уездные делегаты с приходом Красной Армии легализовались. Если им не удастся этого сделать, то они должны были продолжать свою работу в подполье.

Афанасьев. Вы здесь указывали, что путем пропаганды и агитации среди населения нужно было препятствовать восстановлению советской власти.

Янковский. Но все это против советской власти, а не против Красной Армии.

Афанасьев. Повторите, против кого?

Янковский. Против советской власти. У нас разделялись войска от государственного и административного аппарата.

Афанасьев. Уточните, все это было в зоне боевых операций Красной Армии?

Янковский. Да.

Афанасьев. Это было в зоне боевых операций Красной Армии.

Янковский. Так, но мы это разделяем. Может быть это ошибочно. Но мы разделяли.

Афанасьев. Что ошибочно разделяли?

Янковский. Войска от государственного и административного аппарата.

Афанасьев. Как вы это практически делали?

Янковский. Так как у нас есть войска, воєводы, начальники и т. д., то мы рассчитывали, что в Советском Союзе тоже административный аппарат отделен от Красной Армии.

Афанасьев. Но вы знали, что там идут военные действия? Правильно?

Янковский. Мы армию отделяли от административного аппарата.

Афанасьев. Отделяли армию от административного аппарата?

Янковский. Да, государственный аппарат мы называли советской властью и отделяли это от Красной Армии.

Афанасьев. И в таком случае установка на насильственный захват власти, по вашему мнению, не предполагала борьбы против Красной Армии?

Янковский. Нет.

Афанасьев. А как же практически предполагалось захватить власть в свои руки?

Янковский. Могла быть и борьба против Советского Союза.

Афанасьев. Могла или была?

Янковский. Потом, как я узнал на следствии, и была.

Афанасьев. Следовательно, ваша директива явилась директивой, в соответствии с которой на местах и были вооруженные столкновения с Красной Армией?

Янковский. Безусловно, мои директивы являлись причиной этого. В этом я на следствии сознался и признал себя виновным. Но это была не единственная причина.

Афанасьев. Именно на основании этой вашей директивы на места и проводилась борьба против Красной Армии. Почему же вы говорите в форме предположения?

Янковский. Мне кажется, что эти столкновения происходили прежде всего из-за требования сдать оружие.

Афанасьев. Кроме ваших директив окружным делегатам они ни от кого указаний не имели?

Янковский. Окружные делегаты могли сами разработать для себя план действий, и поэтому в этих делах, как я указал, они могли идти далее моих указаний.

После того как началось восстание, я очень редко получал информации через радиостанции «АК» о положении моих делегатов в округах. Я успел окружным делегатам разослать свою директиву, которую разработал на основании указаний польского лондонского правительства.

Афанасьев. Эта директива относится к какому периоду?

Янковский. К весне 1944 года.

Афанасьев. С весны 1944 года до варшавского восстания разве вы связи с окружными делегатами не имели?

Янковский. Она постоянно срывалась.

Афанасьев. Имели или не имели?

Янковский. После варшавского восстания моя связь с делегатами продолжалась каких-нибудь две недели. До варшавского восстания меня информировал «Бур»-Комаровский, что в некоторых округах Польши происходят вооруженные столкновения отрядов «Армии Крайовой» с Красной Армией.

Афанасьев. До дня вашего ареста вы связь с окружными делегатами имели?

Янковский. С Люблинским округом была налажена нормальная связь, а с восточными — нет.

Афанасьев. А откуда вам стало известно о вооруженных столкновениях?

Янковский. В процессе следствия.

Афанасьев. Только в процессе следствия? Но вы же сами признали, что ваши директивы являлись для окружных делегатов основой для вооруженного сопротивления наступающим частям Красной Армии. О том, что это так, вы знали не только во время варшавского восстания, но и после?

Янковский. Да.

Афанасьев. А после варшавского восстания о таких фактах было известно?

Янковский. На совещании я узнал несколько подробностей об этом. Господин генерал Окулицкий сказал мне, что диверсии и вооруженные столкновения имели место в одном уезде, а затем подробно я узнал только на следствии из предъявленных мне материалов.

Афанасьев. Следовательно, ваше заявление о том, что вы не давали указаний окружным делегатам о вооруженном сопротивлении частям Красной Армии, не соответствует действительности?

Янковский. Не совсем соответствует. Прямых указаний о сопротивлении Красной Армии я не давал. Но в практике это могло быть направлено против Красной Армии, однако когда я давал директивные указания, то не имел этой цели.

Афанасьев. Но, давая указания окружным делегатам с приходом Красной Армии брать власть в свои руки, вы тем самым ставили задачу оказать вооруженное сопротивление Красной Армии. Ведь вопрос касался областей, вошедших в Советский Союз?

Янковский. Тогда не было с моей стороны речи о сопротивлении, потому что оружия окружные делегаты не имели в своем распоряжении.

Афанасьев. Но вами одновременно давались какие-то указания по линии «АК»?

Янковский. Сопротивляться только при помощи агитации и пропаганды, а не с оружием в руках.

Афанасьев. А вам было известно, что по линии «АК» тоже были даны соответствующие указания?

Янковский. Да, это было весной 1944 года.

Афанасьев. Какие указания?

Янковский. Я уже говорил, что все делалось на основании директив, полученных от польского лондонского правительства.

Афанасьев. Но указания «АК» были разосланы по вашей линии?

Янковский. По линии «АК».

Афанасьев. Но там были указания об оказании прямого сопротивления Красной Армии?

Янковский. «Бур»-Комаровский мне об этом не говорил.

Афанасьев. Вы имели устное сообщение «Бур»-Комаровского о тех директивах, которые он дал в то время, или письменную информацию?

Янковский. Нет, мне сообщено было содержание этих директив устно.

Афанасьев. Как же, были или не были даны вами указания об оказании сопротивления? Об этом прямо написано было?

Янковский. О вооруженном сопротивлении — не было.

Афанасьев. А по существу из ваших директив выходило, что вооруженное сопротивление на местах оказывалось?

Янковский. На практике это могло быть. Например, выяснилось, что в Виленском округе пошли дальше в этой работе. Прямые же указания были такие, чтобы преследовать только тех, кто будет изменять польскому народу.

Афанасьев. Расскажите подробно по поводу действий в Вильно.

Янковский. Я впоследствии узнал, что там сотрудничество «АК» с Красной Армией было не дружественным, что было дано задание людям собирать о Красной Армии сведения, которые называются шпионскими, что были отряды, которые собирали этот материал для того, чтобы переслать его в Варшаву и в Лондон.

Афанасьев. Эта деятельность была организована в соответствии с вашими указаниями?

Янковский. Нет, не в соответствии с моими указаниями.

Афанасьев. Вы не давали указаний сопротивляться установлению советской власти? Это была инициатива мест?

Янковский. Я давал указания сопротивляться в том смысле, чтобы попытаться восстановить свою власть, брать в руки власть и вести пропаганду и агитацию против Советского Союза.

Афанасьев. Каким образом брать власть в свои руки?

Янковский. Мы считали, что вопрос о восточных землях еще окончательно не решен. Мы думали, что в будущем этот вопрос уладится.

Афанасьев. Я не об этом вас спрашиваю.

Янковский. Но я должен сказать, что мы надеялись, что сотрудничество «АК» с Красной Армией будет установлено и одновременно сотрудничество моего правительства с Советским правительством. Я не мечтал о том, что политическую власть нам

удастся удержать в своих руках, но думал, что самоуправление, власть в городах и общинах мы получим в свои руки.

Афанасьев. А на основании чего виленский комендант давал приказ о взрывах и диверсиях?

Янковский. Оказалось, что начальник тыла Красной Армии не позволил восстановить весь его аппарат.

Афанасьев. Почему виленский комендант так действовал? Он мог действовать только на основе ваших директив?

Янковский. Он пошел дальше моих указаний, например, собирал сведения о Красной Армии. Мне трудно разобраться, что он делал. В материале говорится о диверсиях и терроре. Мне только сообщалось, что не был установлен контакт между комендантом «АК» и Светским военным командованием.

Афанасьев. Это из материалов следствия видно. Расскажите, как была распущена «Армия Крайова».

Янковский. Об этом я вам могу сказать в основном, потому что я это знаю только из сообщения Окулицкого на совещании министров.

Афанасьев. А именно?

Янковский. Он сказал, что им сохранены сокращенные штабы, оружие и боеприпасы. Об отрядах я не помню, чтобы он говорил. Он говорил только о содержании сокращенных штабов, о сохранении оружия и боеприпасов.

Афанасьев. Была ли распущена «Армия Крайова»?

Янковский. Я говорил, как же можно поверить, что армия распущена, если не будет сдано оружие.

Председательствующий. Сдавали оружие или нет?

Янковский. Только в некоторых случаях.

Председательствующий. Значит, полностью не сдавали?

Янковский (молчит).

Афанасьев. Сколько осталось людей после этого «ропуска» в «Армии Крайовой»?

Янковский. Не знаю, так как не занимался техникой вообще.

Афанасьев. Расскажите суду, какие доклады Окулицкий делал на заседании подпольного польского «правительства» о роспуске «Армии Крайовой».

Янковский. Я сказал, что основная задача была — это сохранить штабы, оставить оружие и боеприпасы. Это совпало с тем временем, когда говорилось об организации «НЕ» и что сокращенные штабы и оружие и деньги будут использованы для создания новой организации «НЕ».

Афанасьев. Разве это «ропуск»?

Янковский. «Армия Крайова» считала, что она имеет до 250 человек в Кракове. Когда я вел разговоры по поводу новой организации «НЕ», мне говорили, что эта организация будет насчитывать в своих рядах от 2 до 3 тысяч человек. Но мне известно от полковника «Ниля», что эта организация насчитывает 7 тысяч человек.

Афанасьев. Официально было объявлено, что армия распущена и никаких подпольных отрядов нет?

Янковский. Это правильно.

Афанасьев. Вы подтверждаете это?

Янковский. Да.

Афанасьев. А на самом деле?

Янковский. Это не был полный роспуск.

Афанасьев. А для чего это сделано?

Янковский. Вначале я не знал, для чего это делается, и узнал об этом, только когда мне сообщил Окулицкий.

Афанасьев. До сведения Советского командования было доведено, что «Армия Крайова» распущена? Приказ был опубликован?

Янковский. Приказ был опубликован через радио президентом.

Афанасьев. Что армия распущена? А на самом деле она была сохранена?

Янковский. Только костяк, но я не знаю, сколько людей.

Председательствующий. Костяк, а оружие при костяке было оставлено, его прятали от Красной Армии. Против кого это оружие должно было быть направлено — против немцев?

Янковский. Господин председатель, мне очень трудно на это ответить.

Председательствующий. Придется ответить. Вы осуществляли как вице-«премьер-министр» польского эмигрантского «правительства» политическое руководство «Армией Крайовой». Вы говорите, что костяк армии оставлен, а я вас поправляю, говорю, что оружие было оставлено. Германия уже была разгромлена, против кого же было направлено оружие «распущенной» «Армии Крайовой»?

Янковский. Против тех, кого мы опасались.

Председательствующий. То-есть после того, как вы увидели, что никакой советизации нет, вы не стали распускать костяк «Армии Крайовой». Вот что написано в ваших показаниях:

«После решения Крымской конференции по польскому вопросу, когда стало ясно, что Польша не угрожает советизация, мы, признав крымские решения, тем не менее не изменили своего враждебного отношения к Красной Армии и Советскому Союзу...».

Правильно это было изложено?

Янковский. Правильно.

Председательствующий. Красная Армия освободила Польшу от немцев, а вы прячете оружие от Красной Армии, костяк «Армии Крайовой» существует.

Янковский. Надо брать этот вопрос со стороны психологической.

Председательствующий. Оружие и психология не всегда совпадают. Психологией нельзя убивать красноармейцев, а из оружия можно.

Янковский. Это сделать было очень трудно, легче было отобрать оружие и передать в распоряжение организации, которая должна была быть создана. Я хотел, чтобы это было сделано порядочно. Если дело заканчивается, то нужно установить комиссию, передать материалы, чтобы все было в порядке.

Афанасьев. Подсудимый Янковский, суд не интересуется, что вы хотели сделать с этим оружием, боеприпасами и «костяком» армии. Суд интересуется, что вы делали.

Янковский. Факты были иные, то-есть вооружение не сдавалось Красной Армии.

Афанасьев. А диверсионно-террористические акты совершались против бойцов и командиров Красной Армии?

Янковский. Я об этом не знал.

Афанасьев. Когда остался тот костяк, о котором вы говорите, когда сохранено было оружие и боеприпасы, вы обсуждали, что должен был сделать этот оставшийся состав?

Янковский. Не обсуждали.

Афанасьев. Вы говорите, что не знали о диверсионно-террористической деятельности «Армии Крайовой», а потом и «НЕ»?

Янковский. Я об этом узнал главным образом на следствии.

Афанасьев. Вы этого не знали?

Янковский. Нет.

Афанасьев. Вы должны были знать, что вооруженный костяк с оружием, с боеприпасами остается в подполье, что он что-то должен был делать. Для чего эти люди были оставлены?

Янковский. Потом оказалось, что это новая организация «НЕ».

Афанасьев. Вы говорите, что это было создано на будущее?

Янковский. Согласно инструкции — так.

Афанасьев. А что она должна была делать в настоящем?

Янковский. Господин прокурор, я не получал приказа в свой адрес, чтобы была создана эта организация, я получил копию этого приказа.

Афанасьев. Неважно, подлинник или копия. Во всяком случае вы принимали деятельное участие в организации «НЕ», даже больше — взяли на себя политическое руководство.

Янковский. Я никакого деятельного участия не принимал.

Афанасьев. Вы не считаете деятельным участием то, что эта организация была санкционирована на заседании подпольного «правительства», председателем которого вы являлись?

Янковский. Я был осведомлен, что создана такая организация, что пришел приказ, что то-то и то-то делается. Больше ничего.

Афанасьев. Почему же вы утверждаете, что не принимали деятельного участия в этой организации?

Янковский. Потому что непосредственно я ее не организовывал. Я принял на себя временно политическое руководство

этой организацией, пока не будет создано политическое руководство из представителей подпольных партий.

Афанасьев. Вы говорили о капитуляции после варшавского восстания. На каких условиях и когда армия капитулировала? Повторите, пожалуйста.

Янковский. Я сказал, что главным условием было следующее: чтобы были признаны за «Армией Крайовой» права регулярной армии, чтобы не считали участников «Армии Крайовой» разбойниками, как их называли в Германии, чтобы их не отправляли в лагеря и на расстрел, когда брали с оружием в руках.

Председательствующий. Но оружие немцам вы сдавали?

Янковский. Оружие сдавали.

Председательствующий. А от Красной Армии оружие прятали. Вот разница. Немцам все оружие сдавали, а когда Красная Армия освободила Польшу от немцев, вы оружие от Красной Армии прятали?

Янковский. Господин председательствующий, мы не могли диктовать немцам условия сдачи. Поэтому мы сдавали им оружие. Ведь восстание продолжалось 63 дня. Больше мы не могли сражаться.

Председательствующий. Объявляется перерыв на два часа.

Вечернее заседание 18 июня

Комендант суда. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу сесть. Заседание продолжается. У адвокатов есть вопросы к подсудимому Янковскому?

Адвокаты. Нет.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы?

Окулицкий (обращаясь к Янковскому). Слышали ли вы когда-либо от меня, что новая организация «НЕ» должна иметь вооруженные отряды?

Янковский. Вы говорили, что оставшееся оружие будет передано новой организации «НЕ», так же как и оставленные в подполье сокращенные штабы «Армии Крайовой».

Окулицкий. Говорил ли я вам, что мы не можем вести борьбу против Красной Армии, пока она дерется с немцами, чтобы нас не обвинили в содействии немцам?

Янковский. Да, вы это лично мне неоднократно говорили.

Окулицкий. Знали ли вы, что у меня были трудности в установлении связи с восточными округами?

Янковский. Да, вы говорили мне об этом.

Окулицкий. Слышали ли вы от меня о наличии связи с восточными районами?

Янковский. Вы передавали, что у вас такая связь есть.

Окулицкий. Знали ли вы какие-нибудь приказы, данные мною «Армии Крайовой» или организации «НЕ» для осуществления диверсий, террора и шпионажа против Красной Армии?

Янковский. Мы с вами об этом только говорили.

Окулицкий. Я прошу, чтобы вы обратили внимание на ваши показания, приведенные в обвинительном заключении на стр. 15. Из этих показаний видно, что вы не давали приказа о совершении диверсий, террористических актов в тылах Красной Армии. «Это,— показываете вы,— делалось по приказам «Бур»-Комаровского, а потом Окулицкого, так как они действовали самостоятельно от правительства».

Вы можете согласиться с такой формулировкой обвинения?

Янковский. Как «Бур»-Комаровский, так и Окулицкий вправе были давать такие приказания.

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста.

Афанасьев. Подсудимый Янковский, на вопрос Окулицкого вы

ответили, что он вам говорил о сохранении сокращенных штабов, оружия и боеприпасов; а об отрядах он вам говорил?

Янковский. Об отрядах не говорил.

Афанасьев. Об отрядах не говорили. Но в своих показаниях вы говорили, что был сохранен костяк «Армии Крайовой». Что вы под этим подразумеваете?

Янковский. Сохранены сокращенные штабы и оружие. Вот что я под этим подразумевал.

Афанасьев. Значит, под костяком вы подразумеваете сокращенные штабы «Армии Крайовой»?

Янковский. Да. Вообще предполагалось, что эта новая организация «НЕ» будет опираться на «Армию Крайову».

Афанасьев. Сколько осталось человек после формального роспуска «Армии Крайовой» вам известно?

Янковский. Нет, неизвестно.

Афанасьев. Окулицкий вас об этом не информировал?

Янковский. Нет.

Афанасьев. Я не имею вопросов.

Председательствующий. Скажите, пожалуйста, сколько времени вы осуществляли политическое руководство «Армией Крайовой»? В чем заключалось это политическое руководство?

Янковский. В июне или июле 1943 года я договорился с «Гротом», который был командующим до Окулицкого, что с этого времени буду осуществлять политическое руководство.

Председательствующий. И осуществляли политическое руководство до дня вашего ареста?

Янковский. Да.

Председательствующий. В ваших показаниях от 26 мая вы говорили следующее: «Окулицкий информировал подпольный совет министров и лично меня, как осуществляющего политическое руководство над «Армией Крайовой», об издании им приказа о формальном роспуске «Армии Крайовой» и оставлении в тылу Действующей Красной Армии тщательно законспирированных штабов для дальнейшей нелегальной работы». Правильно?

Янковский. Да.

Председательствующий. Далее вы показали: «Окулицкий говорил, что нелегальным штабам дано указание сохранить действующие радиопередатчики, оружие, боеприпасы».

Скажите, Окулицкий информировал об этих мероприятиях персонально вас или «совет министров» во главе с вами?

Янковский. Совет министров.

Председательствующий. Тогда непонятно, как вы, осуществляя политическое руководство «Армией Крайовой» в течение такого длительного срока, не знали хотя бы приблизительно количество служащих в «Армии Крайовой». Сколько их насчитывалось: 10 тысяч, 50 тысяч, 100 тысяч?

Янковский. Об этих деталях не говорилось.

Председательствующий. Какие же это «детали»? Можно оши-

биться на 10, на 15 процентов, но не знать совершенно численности армии невозможно. Вы ни одной цифры не назвали.

Янковский. О цифрах совершенно не говорилось на совете министров.

Председательствующий. На вопрос следствия: «С какой целью было сохранено оружие?» — вы ответили: «Оружие и боеприпасы были сохранены для создания в тылу Действующей Красной Армии новой глубоко законспирированной военно-политической организации «НБ» («Неподлежность»), ставившей своей целью борьбу за независимость Польши, которой, по нашему мнению, угрожал Советский Союз».

Кстати, где это оружие пряталось, кто его хранил?

Янковский. Об этом совершенно не говорили.

Председательствующий. Не могли ли этим оружием воспользоваться какие-нибудь преступные элементы, уголовные или отставшие от немецких частей солдаты и прочие? Кто отвечал за хранение этого оружия, которое вы не пожелали сдать Красной Армии?

Янковский. О том, где и каким образом оно хранится, не говорили.

Председательствующий. Какое количество оружия было? Сколько было пулеметов, минометов, в каких районах хранилось больше оружия, в каких меньше?

Янковский. Об этом тоже не говорилось. Мы не занимались вопросами о том, где это оружие, откуда оно прибыло, где хранилось. Мы и прежде не занимались этими вопросами.

Председательствующий. Но ведь вы были председателем подпольного «совета министров» и одновременно осуществляли политическое руководство «Армией Крайовой». Неужели этот вопрос вас не интересовал?

Янковский. Меня интересовала только политическая сторона дела. Я точно не знал даже, сколько у меня радиостанций.

Председательствующий. Садитесь.

Приступаем к допросу свидетелей. Товарищ комендант, введите свидетеля Германа.

(Введен свидетель Герман).

Ваше имя?

Герман. Герман Владислав Максимильянович.

Председательствующий. 1901 года рождения?

Герман. Да.

Председательствующий. Уроженец города Львова?

Герман. Да.

Председательствующий. Профессор?

Герман. Профессор Львовского ветеринарного института и по совместительству профессор Львовского политехнического института.

Председательствующий. По-русски можете давать показания?

Герман. Могу.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу генерала Окулицкого и других. Предупреждаю, что вы должны давать правдивые показания.

Прошу задавать вопросы.

Афанасьев. Свидетель, какими кличками вы пользовались, будучи в «АК»?

Герман. Я имел клички в «АК»: «Доктор», «Адам», «Фельдшер», «Глобус», а для подчиненных — «Кудак».

Афанасьев. Какое положение вы занимали в «АК»?

Герман. С февраля 1943 года я был комендантом Станиславского военного округа «АК».

Председательствующий. Комендант у вас соответствует наземному понятию — командующий?

Герман. Да.

Афанасьев. Где вы находились в момент освобождения Львова Красной Армией?

Герман. Я находился в городе Стрый, который входил в Станиславский военный округ «АК».

Афанасьев. Когда вы там были?

Герман. В июле и в начале августа 1944 года.

Афанасьев. Расскажите о совещании, которое происходило во Львове.

Герман. В июле 1944 года генерал Филипковский созвал совещание во Львове. Это совещание происходило на конспиративной квартире на улице Конопницкого. Генерал Филипковский сообщил, какие задачи ставятся перед «АК» на случай вступления Красной Армии на территорию Львовского обшара.

Филипковский сказал, что «Армия Крайова» должна создать на ближайших фронтах видимость большой активности, видимость большой борьбы против немцев и таким образом создать впечатление, что «АК» сыграла значительную роль в освобождении западных областей Украины и является хозяином положения. Задача заключалась в том, чтобы создать большой политический эффект в пользу польского эмигрантского правительства, подчеркнуть роль «АК» в борьбе против немцев, но не неся при этом никаких потерь и сохраняя живую силу и оружие «АК».

Афанасьев. Так это вы лично слышали, что установка Филипковского сводилась к тому, чтобы создать видимость борьбы с немцами?

Герман. Да, создать видимость борьбы, а на самом деле серьезно не воевать, избегать потерь.

Афанасьев. Чем руководствовался Филипковский, давая такие указания?

Герман. Филипковский давал эти указания по директивам главного командования «АК», которые он получил из Варшавы. Это было вызвано общей политической ситуацией и отношениями между польским правительством в Лондоне и Советским Союзом. Вначале «АК» была создана как часть военной силы, подчинявшейся польскому правительству в Лондоне. Когда немцы оккупи-

ровали всю территорию Польши в ее довоенных границах, «АК» подготавливала план борьбы против немцев. Но позднее положение резко изменилось. После разрыва отношений между СССР и польским правительством в Лондоне «АК» подготавливалась к восстанию в тылу Красной Армии и к войне против Советского Союза. А для этого восстания и этой войны нужно было накапливать живые силы, оружие и боеприпасы.

Афанасьев. Кто эти установки давал?

Герман. Это были общие установки главного командования «АК», которые нам на этом совещании передал генерал Филипповский.

Афанасьев. А когда вы встречались с Янсоном?

Герман. После вступления Красной Армии на территорию Западной Украины я встречался с командующим Львовского округа «АК» Янсоном примерно ежемесячно с некоторыми перерывами: первый раз в конце августа месяца, последний раз в январе.

Афанасьев. В январе 1945 года?

Герман. В январе 1945 года.

Афанасьев. Какие установки давал вам Янсон при этих встречах?

Герман. При этих встречах я вначале обыкновенно информировал о положении дел на территории подчиненного мне округа «АК» об успехах организационной и другой работы, после чего Янсон (по кличке «Кармен») давал свои установки и в заключение общий обзор политической ситуации.

Афанасьев. Приказ о роспуске «Армии Крайовой» получали?

Герман. Поскольку мне известно, приказ был издан генералом Филипповским еще в конце июля или в начале августа 1944 года. Тогда я во Львове не был и этого приказа лично не получал. Об этом я узнал потом от Янсона. Тогда одновременно Янсон сказал, что имеется в виду формально распустить «АК», а на деле вместо нее создать новую организацию—«Неподлежность» («НЕ»), которой ставится задача вооруженного восстания в тылу Красной Армии.

Афанасьев. Это устная установка Янсона?

Герман. Янсон мне об этом сказал устно, но устав этой организации он привез с собой из Варшавы еще в мае 1944 года.

Афанасьев. Скажите, свидетель, когда вам было сказано о необходимости, как вы говорите, формального роспуска «Армии Крайовой» и сохранении ее в конспиративном виде, то какие практические указания давались относительно отрядов — должны ли они сохраниться или нет?

Герман. Янсон сказал мне, что «АК» является официально распущенной, но на ее месте создана новая организация—«НЕ». Тогда же он предложил мне принести присягу этой новой организации. Эта присяга имела другой вид, чем та, которая была принята в «АК».

Афанасьев. А к чему она сводилась?

Герман. Точно содержания этой присяги я не помню. Организация «НЕ» имела характер военно-политический. Она обязывала вести борьбу против Советского Союза. Потом, после принятия мною присяги, Янсон дал мне прочитать устав «НЕ». Устав «НЕ» предусматривал подготовку к вооруженному восстанию в тылу Красной Армии. Этот устав предусматривал два периода этой работы. В первый период предстояла проверка всех членов организации с тем, чтобы очистить ее от людей, которые имеют большие симпатии к Советскому Союзу.

Афанасьев. Что значит очистить?

Герман. Изгнать этих людей из организации и принять в ее ряды несконпрометированных людей.

Одновременно сокращенные штабы «АК» и коменданты округов должны были сохранить вооружение, боеприпасы и вообще все технические средства организации. Мы должны были вести также разведывательную и пропагандистскую работу. После окончания этого первого, так называемого подготовительного периода работа «НЕ» переходила ко второму периоду, к периоду подготовки кадров для развертывания диверсионно-террористической работы.

Афанасьев. К какому времени вы относите наступление второго периода?

Герман. Это было, примерно, в конце сентября или в октябре, когда Янсон мне доложил, что мы первый период — период проверки — перешагнули быстрее, чем это было предусмотрено.

В этот второй период предусматривались создание кадров для будущей повстанческой армии и более развитая, чем в первый период, разведывательная работа с целью проникнуть во все поры советского аппарата в нашем округе.

Председательствующий. Повторите, пожалуйста — ваша разведка должна была проникнуть во все поры советского аппарата?

Герман. Да.

Председательствующий. На территории?

Герман. На территории Станиславского округа.

Председательствующий. К какому времени это относится?

Герман. К 1944 году и к началу 1945 года. Каким образом это должно было быть сделано, я сейчас скажу. Эта разведка должна была доставлять сведения по вопросам военным, хозяйственным, административным, культурным и т. д.

Афанасьев. Кому вы эту информацию должны были передавать?

Герман. Эту информацию я представлял командующему Львовским обкомом «АК» Янсону (по кличке «Кармен»).

Сеть разведки была построена так, что все члены «АК», которые в большинстве своем находились на легальном положении и которые работали в различных учреждениях, должны были накапливать информацию и передавать ее через свое командование коменданту обвода. Сводку всей этой информации комендант обвода передавал инспекторату, где имелся офицер разведки. Разве-

дьявельный офицер инспектората имел денежные средства для добывания информации и другими путями, как, например, через агентов польской национальности.

Афанасьев. Свою радиосвязь вы имели?

Герман. Своей радиосвязи я не имел. Радиоаппарат у меня был и работал, примерно, до 4 августа 1944 года. К этому времени он испортился, и я повез его во Львов и передал для исправления.

Афанасьев. Поэтому вы непосредственной связи ни с польским эмигрантским «правительством», ни с Окулицким не имели?

Герман. Да, не имел.

Афанасьев. Диверсионная деятельность вашей организацией проводилась?

Герман. Да, диверсионная деятельность проводилась.

Афанасьев. Расскажите о ней подробнее.

Герман. Она была предусмотрена уставом «НЕ». Диверсионно-террористическая деятельность была направлена против военного командования Красной Армии, советских деятелей и вообще особо опасных для «АК» людей независимо от их национальности. Согласно указанию Янсона, мы должны были тщательно маскировать диверсионно-террористическую деятельность, избегать провалов и создавать видимость, что диверсионно-террористические акты были совершены не членами «АК», а другими польскими антисоветскими организациями.

Афанасьев. Расскажите конкретно, когда, где и какие были совершены террористические акты?

Герман. Что касается фактов убийства, то в городе Стрый людьми Стрийского обвода были убиты два русских офицера. Это убийство организовал комендант Стрийского обвода в соответствии с предоставленным комендантам обводов правом самим решать вопрос в случае необходимости убийства. Это было совершено в январе 1945 г. Кроме того, при налете на канцелярию делегатуры польского временного правительства в Дрогобыче была сделана попытка убийства трех граждан, которые находились в этом здании, в том числе одной советской гражданки.

Афанасьев. Рассказывайте об этом случае подробнее.

Герман. О случае нападения?

Афанасьев. Да.

Герман. В декабре 1944 года комендант Дрогобыча, по кличке «Югас», доложил мне, что деятельность делегатуры польского временного правительства в Дрогобыче, которая производит регистрацию поляков на выезд в Польшу, является опасной для интересов «АК». Мы согласились, что нужно совершить нападение на здание делегатуры, похитить регистрационные и другие материалы, уничтожить списки поляков, записавшихся на выезд в Польшу, тем более что под влиянием агитации «АК» несколько записавшихся заявили о своем желании остаться на территории Дрогобыча.

Исполнение этой задачи было поручено «Конраду» и члену местного отряда инспектората Дрогобыча. Он, «Конрад» (кличка),

наметил план этой работы. Согласно этому плану, он договорился с швейцаром здания, поляком, который впустил его ночью в делегатуру, затем он проник в канцелярию, вскрыл служебные столы, уничтожил обнаруженные им в столах списки, а также похитил нужный ему материал. Но в это время в здание пришли одна советская гражданка и два делегата польского временного правительства, которые случайно были в Дрогобыче. Тогда «Конрад» решил сжечь не только внутреннее оборудование канцелярии, но также и людей, паходившихся в этой канцелярии. Он разлил бензин, который принес с собой для этой цели, зажег его и ушел. Но огонь был во-время замечен и потушен. Это было в ночь с 21 на 22 января 1945 года.

Председательствующий. Какие области входили в Станиславский военный округ?

Герман. В Станиславский военный округ входили Станиславская и Дрогобычская области.

Председательствующий. Эти области были объединены в Станиславский военный округ «АК»? Сколько работников «АК» было зарегистрировано на территории области перед вашим арестом?

Герман. Точные сведения дать невозможно. По моим данным — около трех тысяч человек.

Председательствующий. Сколько было пулеметов и винтовок?

Герман. 5—6 пулеметов и около 300 винтовок.

Председательствующий. Сколько было автоматов?

Герман. Около 600.

Председательствующий. Сколько было пистолетов?

Герман. До 1500.

Председательствующий. Это были ваши силы по Станиславскому военному округу на февраль 1945 года?

Герман. Да.

Председательствующий. Кому вы непосредственно подчинялись?

Герман. Командующему Львовским обшаром.

Председательствующий. Кто был командующим Львовским обшаром?

Герман. Янсон, по кличке «Кармен».

Председательствующий. В каком звании?

Герман. В последнее время в звании генерала.

Председательствующий. Вы подчинялись непосредственно ему и указания получали от него?

Какую основную задачу ставила перед собой ваша организация? Вы к чему готовились? С кем собирались воевать Окулицкий и «НЕ»?

Герман. «НЕ» готовила вооруженное восстание в тылу Красной Армии, против Красной Армии.

Председательствующий. Потому и оружие хранили, людей готовили, занимались разведкой? Вы ответили на вопрос прокурора, что развернули большую разведывательную работу, хотели проникнуть в военные и гражданские учреждения и одновременно

готовились провести ряд диверсионных актов. Вы заявили, что подготовительный период закончился, начался период активной деятельности. Вы готовились взорвать мост через реку Днестр?

Герман. Подготавливали, но об этом я точных сведений не имею.

Председательствующий. На железнодорожные поезда пытались делать нападения?

Герман. Были намечены нападения, но осуществить их до моего ареста не успели.

Председательствующий. Зато вы успели убить двух советских офицеров и подожгли одно здание, чтобы выкрасть документы. Кроме того, вы занимались антисоветской пропагандой и агитацией. В какой форме?

Герман. Пропаганду и агитацию мы вели двоякую. Во-первых, среди поляков, с тем, чтобы их информировать в духе интересов «АК» и польского эмигрантского правительства. С другой стороны, пропаганда направлялась на непольские национальности, и тут пропаганда велась по трем направлениям: во-первых, для информации населения в духе «АК» и польского эмигрантского правительства; во-вторых, по линии создания хороших отношений с польским эмигрантским правительством; в-третьих, по линии провокационной работы, чтобы подчеркнуть, что основным врагом украинских националистов на территории Станиславского военного округа являются не польские националисты и не польское эмигрантское правительство, но советская власть, что вопрос польско-украинский — это вопрос второстепенный, а основной вопрос — это борьба украинского населения с Советами. С этой целью мы размножали и распространяли некоторые листовки, изготовленные «УПА» — украинскими националистами. Кроме того, мы сами выпускали листовки в духе «УПА», где призывали к борьбе против Советского Союза, к уничтожению руководителей партии и Советского правительства. Этими листовками мы хотели достичь некоторых целей: во-первых, привлечь людей в «УПА», во-вторых, активизировать их борьбу против советской власти, в-третьих, этим способом получить лучшую маскировку для намеченных нами диверсионных и террористических актов.

Председательствующий. В декабре 1944 года вы получили особое указание насчет усиления террористической деятельности вашей организации?

Герман. Да.

Председательствующий. От кого?

Герман. От Янсона — о создании диверсионных отрядов и при обводах. Этим указанием давалось право выносить решения о террористических диверсионных актах и комендантам обводов, которые до сих пор этого права были лишены. Оно было разрешено для комендантов округов и комендантов инспектур в определенных случаях.

Детистов. В томе 33, лист 186 имеется документ под названием «Организационный приказ № 4», подписанный «Кудак».

Кто это «Кудак»?

Герман. «Кудак» — это моя кличка.

Детистов. Этот приказ — от 10 февраля 1945 года. Он вами подписан?

Герман. Да, мною.

Детистов. Что послужило основанием к подписанию такого приказа?

Герман. В этом приказе собраны указания Янсона, которые он мне давал.

Детистов. Некоторые подсудимые отрицали наличие отрядов, тогда как в первом разделе этого приказа — «Разграничение и территориальное деление» — мы читаем: «Согласно нового административного деления в состав округа входит вся территория... Станиславской и Дрогобычской областей, а также некоторые выделенные районы Львовской области» (идет перечисление районов), и во втором разделе приказа — «Отряды» — говорится: «Все польское население округа необходимо вовлечь в боевые единицы, используя каждого в соответствии с его силами и квалификацией». Что вы имели в виду под формулировкой «вовлечь»?

Герман. Предусматривалась подготовка восстания. Для этого нужно было подготовить военные кадры для восстания.

Детистов. Под пунктом «Б» значится — «Охранные отряды» и идет перечень их задач; под пунктом «В» — «Повстанческие резервные отряды» — перечень их задач; затем идет раздел «Орлята» из школьной молодежи от 14 до 16 лет. Значит, и молодежь организовывалась?

Герман. Поскольку количество людей нормального призывного возраста резко уменьшилось, нужно было на случай призыва в армию расширить военные кадры, чтобы вовлечь молодежь, а также более старшие возрасты.

Детистов. Причем это касалось всей территории Станиславской и Дрогобычской областей, а также некоторых выделенных районов Львовской области?

Герман. Да.

Детистов. Это было 10 февраля 1945 года?

Герман. Да.

Детистов. А когда вы получили указания по этому поводу от Янсона?

Герман. Эти указания я получал в течение нескольких встреч.

Детистов. Незадолго до этого?

Герман. Незадолго до этого, потому что приблизительно в декабре 1944 г. Янсон велел ускорить организационную работу и активизировать ее под видом предусмотренного восстания. За это время организационная работа должна была быть закончена. На основании данных указаний Янсона я выработал этот организационный приказ и подготовил его для направления подчиненным мне комендантам инспектур, чтобы успеть эту работу выполнить.

Детистов. Этот приказ был разослан?

Герман. Не полностью, потому что я его получил из типографии 12 февраля, а 13 февраля я был арестован.

Детистов. Этот приказ обнаружен на вашей конспиративной квартире?

Герман. Да.

Председательствующий. Значит, можно суммировать так, что в феврале 1945 года на территории двух областей — Станиславской и Дрогобычской — действовала подпольная польская военная организация, насчитывавшая около 3 тысяч человек?

Герман. Да.

Председательствующий. Эта организация ставила своей задачей подготовку вооруженного восстания против советской власти и Красной Армии?

Герман. Да.

Председательствующий. В период февраля 1945 года?

Герман. Да.

Председательствующий. И ваша организация была связана с вышестоящими организациями?

Герман. Да. Моя организация была связана с организацией, возглавляемой Янсоном, а Янсон подчинялся командующему «АК»; это командование находилось в Варшаве.

Председательствующий. А кому подчинялось командование Варшавы?

Герман. Польскому правительству в Лондоне.

Афанасьев. Скажите, свидетель Герман, в период 1943 и в начале 1944 года какую должность вы занимали в «АК»?

Герман. С февраля 1944 года я работал комендантом Станиславского военного округа «АК».

Афанасьев. Тогда у вас были немцы или венгры?

Герман. В основном были немцы, а в некоторых местах — венгры.

Афанасьев. Вы дрались с ними?

Герман. Мы не дрались, а даже вели переговоры с ними.

Афанасьев. Расскажите суду, когда и какие вы вели переговоры?

Герман. Летом 1943 года меня пригласил шеф штаба Войцеховский, потому что эти переговоры велись на немецком языке, а он немецким языком не так хорошо владеет, как я. Я присутствовал при 3—4 переговорах.

Афанасьев. В качестве кого?

Герман. В качестве члена комиссии и переводчика.

Афанасьев. С кем велись переговоры?

Герман. Переговоры велись с венгерским полковником, помощником коменданта. Венгры требовали от «АК» людей для создания разведки в тылу Красной Армии в пользу Венгрии. Они хотели обучить этих людей и даже снабдить их радиоаппаратами для связи с венграми. «АК» требовала от венгров за это вооружения. Поскольку мне известно, эти переговоры не дали положительных результатов.

Афанасьев. Почему?

Герман. Во всяком случае венгры вооружения не дали.

Афанасьев. А вы диверсантов дали?

Герман. Мне об этом неизвестно. Но был такой случай, когда моя разведка обнаружила несколько человек из польского населения на территории Львовского обшара, которые уходили к венграм для обучения разведывательной работе и даже ходили к ним за материалами. Мы об этих людях не знали — члены ли они «АК» или нет. Я доложил об этом командующему Львовским обшаром, но не получил никаких указаний. Поэтому я полагаю, что это было сделано непосредственно с согласия командования Львовского обшара. Если бы этого не было, обшар был бы заинтересован обнаружить этих людей, которые работают для венгерской разведки на нашей территории.

Афанасьев. Уточните дату этих переговоров и их длительность.

Герман. Эти переговоры были в конце лета 1943 года. Я присутствовал 3—4 раза при этих переговорах. Затем шеф штаба Войцеховский был арестован немцами, так что был перерыв в этих переговорах, а потом, насколько мне известно, эти переговоры велись разведкой обшара в 1944 году. Тогда Янсон, который в это время являлся шефом штаба обшара, сообщил о переговорах главному командованию «АК».

Афанасьев. А откуда вам это известно?

Герман. Из сообщений Янсона.

Афанасьев. Он вам лично говорил?

Герман. Да. Он сообщил то, что было на совещании у главного командующего «АК».

Афанасьев. Тогда кто командовал «АК»?

Герман. «Бур»-Комаровский. Было получено разрешение на эти переговоры, но одновременно указывалось, чтобы вести их очень осторожно. На территории Станиславского военного округа были проведены в частном порядке и в малом, локальном масштабе переговоры между местными командующими инспекторами и командующими венгерскими гарнизонами на этой территории.

Афанасьев. На какие средства вы существовали и работали?

Герман. После освобождения Западной Украины я для ведения работы получал деньги, которые мне давал казначей обшара по указанию Янсона.

Афанасьев. Деньги выплачивал вам «Кармен»?

Герман. Да, деньги выплачивал «Кармен».

Афанасьев. Лично?

Герман. Нет, через официальную почту. Вначале суммы были очень небольшие, потом они постепенно увеличивались.

Афанасьев. До каких размеров?

Герман. Сначала я получал приблизительно около 30.000 рублей в месяц для всей территории обшара. Потом эта сумма увеличилась, так что в конце года дошла до 230.000 рублей.

Афанасьев. Перед арестом сколько вы получили?

Герман. Я лично получал 3.000 рублей.

Афанасьев. Я не спрашиваю, сколько персонально вы получили...

Герман. Сначала 30.000 рублей. Потом эта сумма постепенно увеличивалась, так что в январе месяце 1945 года она составляла 230—250 тысяч рублей по основному бюджету. Кроме этого, я получил 50 тысяч рублей по забюджетному квоту на лесные отряды и 30.000 рублей для помощи репрессированным и их семьям, так что в общем я получил в этот месяц до 330 тысяч рублей.

Афанасьев. Я больше вопросов не имею.

Председательствующий. Был у вас такой человек по кличке «Ватте»?

Герман. Да, был.

Председательствующий. Издавал ли он листовки «Верные права» и «О границах»?

Герман. Да, издавал.

Председательствующий. Интересно, где по вашим листовкам, должны были проходить границы Польши?

Герман. В этих листовках говорилось об исторических восточных границах Польши, значит, вместе с Восточной Украиной. При подготовке этих листовок мы всегда ориентировались на пропагандистские материалы. (Вопрос председателствующего: Какие?) Мы считали, что наша граница должна включать Восточную Украину с Киевом.

Председательствующий. Киев, по вашему плану, должен был входить в Польшу. А на севере до какого города? До Полоцка? До какого города должна была быть граница на реке Западная Двина по вашему плану в январе 1945 года?

Герман. Я точно не помню.

Председательствующий. У адвокатов есть вопросы? Нет. У подсудимых есть? Нет.

Подсудимый Окулицкий! Свидетель говорит, что были отряды, было оружие. Подтверждаете вы показания свидетеля?

Окулицкий. Я уверен, что дальше процесс покажет ...

Председательствующий. Прошу вас ответить — считаете вы правильными показания свидетеля в отношении его роли в «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Я его не знаю.

Председательствующий. Вы же командующий войском, а он командующий Станиславским округом, подчиненный вам через командующего Львовским обшаром. Вы не слышали о нем?

Окулицкий. Я с ним не имел связи.

Председательствующий. Вам приходилось встречаться до ареста со свидетелем?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. Вы слышали, что на территории Станиславского округа имеется командующий округом Герман?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. Германа не знали?..

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. А кличку «Кармен» знали?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. А кто находится в Станиславском округе вы знали?

Окулицкий. Я не имел связи и не знал, кто там командует.

Председательствующий. А с кем вы имели связь?

Окулицкий. Ни с кем.

Председательствующий. А со Станиславским округом была связь?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. Я говорю не теперь, а тогда.

Окулицкий. Когда я командовал, не было связи.

Председательствующий. А когда была?

Окулицкий. Перед варшавским восстанием связь была. После варшавского восстания связи с восточными округами не было.

Председательствующий. Что вы называете восточными округами?

Окулицкий. То, что отделяло линию фронта с лета 1944 года.

Председательствующий. Восточные округа какого государства?

Окулицкий. Восточные округа Польши — на востоке по реке Висле, так как фронт летом 1944 года проходил по Висле и дальше по реке Сан. С того времени связь с округами к востоку от линии фронта прекратилась.

Председательствующий. С территорией Станиславского округа не было связи?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. И с Львовским не было?

Окулицкий. Нет.

Председательствующий. Этим и объясняется, что вам не приходилось встречаться и иметь связь с командирами Станиславского и Львовского округов?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. Если у вас есть вопросы, пожалуйста.

Окулицкий (к свидетелю). Я хочу спросить: вы в 1944 году были командующим Станиславским округом; знали вы, что такое акция «буря»?

Герман. Да.

Окулицкий. Кто вас об этом осведомил?

Герман. Об этом я получил указание-наказ коменданта обшара Филипковского. Это — первое. А второе — в июле было совещание, на котором этот вопрос еще раз обсуждался.

Окулицкий. Какие задачи были поставлены перед акцией «буря»?

Председательствующий. Что значит это слово «буря»?

Герман. Оно означало действия против немцев.

Окулицкий. Какие действия против немцев вы должны были осуществлять в вашем округе?

Герман. Для Станиславского округа предусматривалось выступление с января 1944 года, но потом оно было отменено, и в июне — июле я получил другой приказ.

Председательствующий. Зачем вы задаете этот вопрос?

Окулицкий. Потому что это имеет связь с дальнейшим.

Председательствующий. Какую связь?

Окулицкий. Этой акцией «буря» начинается связь с Красной Армией.

Председательствующий. Не связь с Красной Армией, а борьба против нее!

Окулицкий. Этот вопрос имеет в виду связь с Красной Армией.

Герман. Акцией «буря» преследовалась цель создать видимость борьбы с немцами. Но одновременно я получил указание, чтобы использовать не более 30 процентов членов организации «АК» для борьбы с немцами, причем принять все меры к тому, чтобы избежать потерь в людях и вооружении. Разрешалось вступать в столкновения с немцами только после их отступления и только на восточной стороне, но не в населенных пунктах, чтобы избежать потерь со стороны местного населения.

В этих условиях военные действия были фактически невозможны. Все сводилось к какому-то виду демонстрации.

Окулицкий. Чем началась акция «буря» после того, как появились части Красной Армии?

Герман. Отряды «Армии Крайовой» на востоке от города Стрый были разоружены Красной Армией, а отряды западной концентрации были разоружены в городе Самборе.

Окулицкий. Я хочу задать вопрос — были ли плохие отношения к Красной Армии со стороны «Армии Крайовой»?

Герман. На территории Станиславского военного округа не было. Кроме этого одного случая, когда часть отряда восточной концентрации была разоружена, другого такого случая не было, потому что до вступления на территорию западной части Станиславского военного округа, где концентрация участников «АК» имела место, Красная Армия уже вступила в город Львов, и нам было известно, что арестовали командование «АК» во Львове. Вследствие этого акция была прекращена согласно полученным указаниям.

Окулицкий. Вы сказали, что вами был совершен один террористический акт — убийство двух офицеров Красной Армии в г. Стрый и один намеренный акт поджога, который не удался. Это точно? Больше не было?

Председательствующий. Этот вопрос уже обсуждался.

Окулицкий. Я хочу, господин председатель, спросить, совершил ли он сам этот акт убийства двух офицеров Красной Армии в городе Стрый.

Герман. Я уже сказал, что это осуществлялось по решению коменданта Стрыйского обвода «АК» его людьми. Было решение коменданта этого обвода, которому, согласно указанию коменданта Львовского обшара Янсона, я передал право решения в таких случаях. Но кто совершил это убийство — я не знаю.

Окулицкий. Когда и в каком месте давали приказ о диверсиях и терроре?

Герман. В каком месте давали приказ о диверсиях и терроре, сказать не могу, так как это развивалось постепенно. В основном акты диверсий и террора были предусмотрены самим уставом «НЕ». В октябре — ноябре месяце я получил от командующего Львовским обшаром Янсона указание создавать диверсионно-террористические отряды при комендантах обводов и создавать отряды из числа военнослужащих женщин, которые до сих пор не использовались.

Окулицкий. Много в отрядах было людей?

Герман. Примерно три тысячи человек.

Окулицкий. И вы в течение четырех месяцев совершили два террористических акта, из которых один удался, а другой не удался?

Герман. Да. Два террористических акта против советских граждан.

Председательствующий. (Обращаясь к Окулицкому). По-вашему, этого мало? (В зале смех). Как считает прокурор: свидетеля Германа можно освободить или оставить в свидетельской комнате? Может быть, он понадобится для очной ставки?

Афанасьев. Я считал бы возможным оставить свидетеля в свидетельской комнате.

Председательствующий. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Янсона. (Введен свидетель Янсон).

Ваша фамилия Янсон?

Янсон. Моя фамилия Янсон Феликс Александрович.

Председательствующий. Какой чин в польской армии вы имели?

Янсон. В польской армии с 1929 г. — майор, с 1943 г. — подполковник. Со времени вступления Красной Армии во Львов я занимал должность коменданта Львовского обшара.

Председательствующий. Последний ваш чин?

Янсон. Подполковник.

Председательствующий. Какую территорию занимал Львовский обшар?

Янсон. Львовский обшар занимал Львовскую, Станиславскую и Дрогобычскую области. Как комендант обшара я имел по должности чин генерала.

Председательствующий. Вы вызваны по делу генерала Окулицкого и других. Вам предлагается в качестве свидетеля давать правдивые показания.

Прокурор Руденко. Свидетель Янсон, расскажите о структуре вашей подпольной организации.

Янсон. Наша подпольная организация строилась территориально по 3 округам — Станиславскому, Тарнопольскому и Львовскому.

Руденко. Эти округа подчинялись общару?

Янсон. Эти 3 округа подчинялись мне как коменданту общара, а до меня комендантом был Филипковский.

Руденко. В свою очередь округа делились?

Янсон. В округе имелись инспектораты, каждый инспекторат имел обводы.

Руденко. Вы подчинялись командованию «Армии Крайовой»?

Янсон. Да.

Руденко. Какие указания о практической деятельности вы получали со времени вступления Красной Армии на территорию вашего общара?

Янсон. После вступления Красной Армии и до ареста Филипковского я выполнял функции шефа штаба, а затем был комендантом общара. В половине мая или июня 1944 года я уехал на совещание в Варшаву. На этом совещании были получены устные директивы и письменный статут организации «НЕ».

Руденко. С кем вы встретились в Варшаве?

Янсон. В первый день я встретился на совещании в Варшаве с главнокомандующим «АК» «Бур»-Комаровским, шефом его штаба, шефом 3-го отдела по кличке «Недзвядек», или, как я узнал здесь, с господином Окулицким, а в следующие дни встретился с шефами всех остальных отделов. На этом совещании получил от Пелчинского — шефа штаба генерала «Бура» — устные директивы и статут организации «НЕ». Я получил устные директивы: со времени прибытия Красной Армии на территорию Западной Украины переименовать «АК» в организацию «НЕ». Говорилось, что, поскольку Советский Союз считает эти территории своей собственностью, он является врагом Польши, и поэтому надо со вступлением Красной Армии создать, на основе организации «АК», подпольную организацию всенно-политического характера, которая вела бы дальше борьбу против Советского Союза с целью удержания за Польшей ее границ 1939 года.

Этот статут, как и устные указания, которые я получил, предусматривал расширение действий организации «НЕ» за пределами территории Польши. Возглавлял эту организацию комендант «Бур». Он непосредственно руководил Львовским общаром.

На совещании я встретился с «Бур»-Комаровским, но он на эту тему со мной разговора не вел. Когда я его об этом спросил, то он сказал мне, что на эту тему со мной будет разговаривать полковник Пелчинский как шеф штаба. Я получил эти указания от полковника Пелчинского и от его помощника, кличку которого я знал, а фамилию не знал.

Руденко. Значит, указания от Пелчинского вы получали в со-

ответствии с указаниями «Бур»-Комаровского. Вы встречались с «Недзвядеком», но не знали, что его фамилия Окулицкий?

Председательствующий. Вы имеете в виду Окулицкого, который здесь на скамье подсудимых?

Янсон. Да.

Председательствующий. Покажите.

Янсон. Первый справа.

Руденко. Что вам сказал Окулицкий?

Янсон. Мы на совещании в главном командовании «АК» в Варшаве с господином Окулицким говорили только об организации и о подготовке акции «буря».

Руденко. Окулицкий был в курсе, что вы адресованы «Бур»-Комаровским к Пелчинскому?

Янсон. Разговор этот велся с господином Окулицким.

Руденко. У вас велся разговор с «Бур»-Комаровским?

Янсон. Он сказал мне — пусть разговаривают со мной. Я спросил «Бур»-Комаровского, какие мне давать указания по вопросу организации «НЕ».

Руденко. Таким образом, Окулицкий с вами на тему об организации «НЕ» не разговаривал потому, что в его присутствии «Бур»-Комаровский адресовал вас к Пелчинскому. Какие указания вам дал Пелчинский?

Янсон. Я уже сказал, что на основе «АК» надо было при приходе Красной Армии создать организацию «НЕ».

Руденко. Изложите конкретно, какие стояли задачи перед этой организацией?

Янсон. Задачи были следующие: сохранить кадры, сохранить штабы, при которых создать потом отряды для борьбы против Красной Армии, подготовить кадры для подпольной деятельности, которые в случае надобности могли бы поднять восстание.

Руденко. Против кого?

Янсон. Вооруженное восстание против Советского Союза, когда будут определены для этого время и условия.

Руденко. Если будет соответствующий сигнал?

Янсон. Да.

Руденко. А указания насчет организации вооруженных боевых отрядов вы получали?

Янсон. Были такие устные директивы, что надо иметь отдельные отряды не больше чем 60 человек в каждом, организовать исполнительные органы, так называемые «ликвидационные группы», которые осуществляли бы террористические акты против противников «АК», то-есть против представителей советской власти.

Руденко. И еще против кого?

Янсон. И против деятелей Красной Армии.

Руденко. Дальше.

Янсон. Создать диверсионные группы, которые все были бы подготовлены к тому моменту, когда в них будет нужда; под-

держивать радиосвязь с главным командованием «АК» через Лондон; вести антисоветскую пропаганду среди членов «АК» и среди населения. Предусматривалось также подготовить... ну, как это по-русски сказать?

Председательствующий. Вы скажите по-польски, у нас есть переводчики.

Янсон. Подготовить... (пауза, подбирает слово)... подготовить в штабах отделы, которые могли бы выполнять действия и задачи разведки и контрразведки. И это все.

Руденко. Понятно. Что вы практически сделали во исполнение этих указаний, полученных из Варшавы?

Янсон. Первые месяцы по приходе Красной Армии я задержал совсем работу, так что штаб обшара не работал. На другой месяц, когда я узнал, что лица, которых я подбирал на должность комендантов округов, не разработаны, нет как это сказать, по-польски — не распроцуваны.

Руденко. Не расконспированы?

Янсон. Не расконспированы перед органами советской власти и другими лицами, я с этих комендантов округов взял новую присягу, которую они принесли организации «НЕ», и приказал им, чтобы они привлекли к работе также инспекторов и комендантов обводов, которые не были расконспированы.

На второй месяц по прибытии Красной Армии коменданты округов восстановили действия «АК». Организация «НЕ» на основе «АК» была законспирована так, что нижние чины даже об этом не знали.

Руденко. Как выполняли ваши практические указания коменданты округов?

Янсон. Коменданты округов во исполнение моего приказа привлекали в штабы своих людей — инспекторов и некоторых комендантов обводов. В то время я им еще приказал, чтобы в каждом обводе были организованы ликвидационные группы из 2—3 человек...

Руденко. Ликвидационные — это значит террористические?

Янсон. Да. Потом возобновить суды и так называемые «ликвидационные» группы как исполнителей решений этих судов.

Руденко. О каких судах вы говорите?

Янсон. Я говорю о судах, которые распространяли свое действие на членов «АК», о судах, которым подлежали все провинившиеся члены «АК». Представители советских гражданских и военных властей этим судам не подлежали.

Правда, если создавалась такая обстановка, при которой кто-нибудь угрожал организации «АК», тогда решение должен был принять комендант округа. В исключительных случаях это могли сделать инспектора и даже коменданты обводов, но те, которых знал комендант округа.

Руденко. Значит, террор над советскими военнослужащими и представителями Советского государства мог производиться

по решению коменданта округа, инспектора и даже коменданта обвода?

Янсон. Комендант обвода получал это право в исключительных случаях, когда время не позволяло уведомить коменданта округа.

Руденко. Сколько было привлечено людей для участия в организации «Армии Крайовой»?

Янсон. Привлеченные коменданты округов и члены «АК» создавали отряды в составе не более 60 человек. В этих отрядах, как я их оставил перед своим арестом, было около 7000 человек на территории обшара.

Руденко. Около 7 тысяч человек на территории вашего обшара?

Янсон. До прибытия Красной Армии, во время оккупации Германией, в «АК» числилось 30 тыс. человек, а тут осталось около 7 тысяч.

Руденко. Какое вооружение было в этих отрядах?

Янсон. Отряды имели вооружение, которое осталось еще со времени германской оккупации. Вооружение, как предложили мне на совещании у «Бур»-Комаровского, следовало сохранить и припрятать.

Руденко. Приказ Советского военного командования был о сдаче вооружения?

Янсон. Приказа о сдаче вооружения не слышал.

Руденко. А приказ о роспуске «АК» вами давался?

Янсон. Формально давался. Я говорил, что когда вступит Красная Армия, то «АК» должна быть распущена.

Руденко. А по существу?

Янсон. По существу она опять ушла в подполье.

Руденко. С вооружением, боеприпасами, отрядами, штабами?

Янсон. Небольшое число вооружения было сдано. В Верховье было сдано 800 винтовок.

Руденко. Расскажите, какую практическую деятельность проводили отряды в тылу Красной Армии?

Янсон. Мне известны только два случая террористических актов и то те, которые уже оговорены в показаниях комендантом Станиславского округа: один случай убийства сержанта армии Берлинга и другой случай — убийство заместителя представителя польского комитета переселения в городе Стрый.

Руденко. Это в каком округе?

Янсон. В Станиславском округе. Возможно, были и другие террористические акты, но мне о них никто не докладывал, так что они не принимались во внимание. Отряды по большей части были организованы, имели вооружение, может быть, неполное, но задержанное со времени германской оккупации.

Руденко. Какую разведывательную работу вы проводили?

Янсон. Разведывательная работа предусматривалась статутом этой организации. Первые месяцы никакой разведывательной работы не велось, но после того, как я установил связь с

«АК» и коменданты округов связались с низами, разведка и контрразведка занялись работой. Когда коменданты округов меня спросили, как должна идти работа, я сказал, чтобы разведка проводилась так, как велась во время германской оккупации, т. е. разведывать, где какие части расположены, с каким оружием.

Руденко. Вы дали указание, чтобы разведка строилась так, как строилась в период немецкой оккупации. Значит, никакой разницы в своей практической деятельности в период немецкой оккупации и в период вступления в Польшу частей Красной Армии вы не делали?

Янсон. Не делал.

Руденко. Вы действовали против Красной Армии так же, как против немцев?

Янсон. Я сказал, чтобы восстановить работу так, как она велась во время германской оккупации, при которой разведка и контрразведка проводились через комендантов округов. Вскоре мы восстановили разведывательную и контрразведывательную работу.

Руденко. Помимо материалов военной разведки, вы еще собирали какие-нибудь сведения?

Янсон. Кроме военных материалов, я еще собирал информационный материал. Информационный материал я передавал через радиосвязь ежедневно коменданту «Буру» через Лондон. Разведывательный материал был задержан в комендатуре обшара, так как у меня временно прервалась радиосвязь с комендантом «Буром».

Руденко. Вы передавали информации по радио в адрес кого?

Янсон. В адрес главного командования.

Руденко. Вначале кому адресовали?

Янсон. Я адресовал условным шифром. Я не адресовал главнокомандующему, а писал только две буквы «КГ» и адресовал только в его собственные руки. По указаниям, которые я имел за время германской оккупации и на будущее время, я адресовал шифром «555», что значило в «собственные руки главнокомандующего», или шифром «999», что значило «оперативный», и тоже в «собственные руки главнокомандующего». Я знал, что прежде командующим был «Бур»-Комаровский, и через радио сообщал «Бур»-Комаровскому. Потом я не знал, кто пришел на место «Бур»-Комаровского, но знал, что такой заместитель наверное там есть.

Руденко. А вы получили официальное извещение, кто вместо «Бур»-Комаровского?

Янсон. Я его получил с большим опозданием.

Руденко. Когда?

Янсон. Я получил радиотелеграмму между первым и десятым февраля 1945 г. от «Бур»-Комаровского, датированную октябрём 1944 г., о том, что он не может вести борьбу дальше в Варшаве,

что его заместитель, как командующий, остается и что он выражает благодарность всем членам «АК» за работу в подполье.

Руденко. Таким образом, вы знали, кто вместо «Бур»-Комаровского?

Янсон. Вместо «Бур»-Комаровского командующим был оставлен «Недзвядек».

Руденко. И вы адресовали ему в собственные руки?

Янсон. Эта информация не могла попасть к другому и миновать «Недзвядека».

Руденко. Ясно. Как вы поступали с данными разведывательного характера?

Янсон. Разведывательный материал передавался шефу второго отдела. Этого материала я у себя не комплектовал, и разведывательный материал я не мог передавать радиогаммой. Непосредственной связи я не имел и ждал, когда со мной наладит связь командующий «Бур».

Руденко. С командующим «Буром» вы пытались наладить связь?

Янсон. Это было невозможно. Я дал только одну депешу коменданту, чтобы он завязал со мной связь через округа Краковский и Жешувский, с которыми я был связан отделом «Топора».

Руденко. Никого вы с материалами не направляли и не пытались направить в Лондон?

Янсон. В Лондон я направил одного человека, но не с материалами, а только как человека, желавшего выехать из Западной Украины в Лондон.

Руденко. Расскажите, при каких обстоятельствах это произошло, как вы направили делегата?

Янсон. Это не был делегат, я никогда с Лондоном связи не держал, так как был подчинен только командующему «Буру», а лишь послал этого человека. Я ему дал такое удостоверение, чтобы он мог рассказать в Лондоне, какая у нас обстановка.

Руденко. Кому в Лондоне рассказать?

Янсон. Рассказать в Лондоне военному министерству.

Руденко. Эмигрантского польского «правительства»?

Янсон. Только с этой целью я и дал ему такое удостоверение, чтобы к нему отнеслись, как к человеку доверенному.

Руденко. Вы дали ему удостоверение как доверенному человеку? Может быть, вы его снабдили и деньгами?

Янсон. Да, и деньгами. 1500 долларов ему передал мой заместитель «Зигфрид».

Руденко. С вашего согласия?

Янсон. Да, с моего согласия.

Руденко. Что вам «Зигфрид» доложил: посланный вами человек выехал или не выехал?

Янсон. «Зигфрид» доложил, что он выехал в сентябре 1943 года.

Руденко. Каким путем он выбыл в Лондон, через какие страны?

Янсон. Он намеревался выехать через Румынию, Болгарию и Турцию.

Руденко. Прибыл ли он, вам неизвестно?

Янсон. Нет.

Руденко. Скажите, все ваши мероприятия финансировались?

Янсон. Финансировались с января 1944 года.

Руденко. Сколько вы получили денег?

Янсон. Деньги приходили через полугодие в разных количествах.

Руденко. Откуда вы получали деньги?

Янсон. От коменданта «Бура». Деньги получались на целый год. Я имел в своем распоряжении 71 000 бумажных долларов, 10 500 золотых долларов, 4000 рублей царской чеканки, 4500 польских злотых и 4500 тысяч бумажных польских злотых и имел еще один миллион советских бумажных рублей. Эти деньги были израсходованы на все организационные нужды.

Руденко. Где вы обменивали иностранную валюту?

Янсон. Иностранную валюту, как и золото, я через одного из наших людей обменивал на так называемой черной бирже.

Руденко. Вы по совместительству были еще биржевиком по спекуляции валютой?

Янсон. Не я делал это собственно.

Руденко. Но по вашему поручению?

Янсон. Да, по моему поручению. Иначе я не мог выдавать деньги.

Руденко. Значит, все это финансирование шло от главного командования?

Куда должны были быть направлены эти средства, на какие организационные расходы?

Янсон. Помощник шефа штаба Пелчинского сказал, что этих денег должно хватить на расходы на год, что эти деньги надо рассчитывать так, чтобы можно было финансировать все организационные цели.

Руденко. За какой период, вам говорили, следует израсходовать эти деньги?

Янсон. В течение одного года после прихода Красной Армии.

Руденко. Значит, было целевое назначение?

Янсон. Эти деньги были назначены на нормальный бюджет.

Руденко. Деньги выданы были для организации подрывной работы против Красной Армии?

Янсон. Да, против Красной Армии.

Руденко. Скажите, в каких деловых связях вы находились, с членами «Жопду», с подпольным окружным делегатом?

Янсон. Я советовался с ним два раза в месяц. На таком совещании мы оценивали политическую обстановку, и его политическая установка, как делегата «Жонду», была для меня обязательной. Я ее принимал, потом сообщал комендантам округов, как

делегат «Жонду» оценивает обстановку. Мы имели с ним непосредственную связь. Никакой письменной связи не было.

Руденко. Какую беседу вы имели с комендантом Станиславского округа Германом по поводу будущей войны?

Янсон. Это не только с Германом,—я имел беседу и с подчиненным мне комендантом Львовского округа «Шопеном». В декабре 1944 года делегат «Жонду» сообщил мне, что политическая обстановка складывается так, что Германия войну уже проиграла. Польша теперь находится в таком положении, что для нее ситуация складывается очень хорошая, Германия чувствует, что война уже проиграна. Она будет стремиться к тому, чтобы вызвать разногласия между союзниками. Для этого Германия может перевести все свои войска с Западного фронта на Восток, чтобы задержать наступление Красной Армии, и тогда свою оккупированную территорию на Западе она отдаст англо-саксам и в последний момент попытается заключить с ними какой-либо договор и сможет еще сопротивляться Советскому Союзу. Тогда Польша будет на стороне англо-саксов, и для нее ситуация сложится очень хорошая.

С этой оценкой обстановки я в то время согласился и передал ее как оценку делегата «Жонду» комендантам Станиславского и Львовского округов.

Руденко. Вы только беседовали с делегатом «правительства» или имели указания от командования «Армии Крайовой»?

Янсон. Я только беседовал с делегатом «Жонду». Откуда делегат «Жонду» имел такую оценку польской ситуации, он мне ничего не говорил. Я принимал его оценку как его собственную.

Руденко. Вы помните по этому поводу показания Германа на очной ставке с вами?

Янсон. Да.

Руденко. Но вы ведь Герману сообщили о том, что вы получили такую ориентировку от главного командования?

Янсон. Я такой ориентировки не получал.

Руденко (обращаясь к председателствующему). Разрешите вопрос свидетелю Герману.

Председательствующий. Пожалуйста.

Руденко. Свидетель Герман, у вас происходила беседа со свидетелем Янсоном по поводу будущей войны?

Герман. Да, такая беседа была. Он мне в беседе сообщил, что в будущей войне между Польшей и Советским Союзом, которая рассматривается как неизбежная, Германия может явиться возможным союзником Польши против Советского Союза, так как Германия будет стремиться к реваншу, а Польша будет стремиться получить те земли, которых она не признает за Советским Союзом.

Руденко. Он вам сообщил, откуда он получил эти указания?

Герман. Он сообщил, что получил их от главнокомандующего «АК».

Руденко. Так. Вы это подтверждаете?

Герман. Да.

Руденко. Я не имею больше вопросов к свидетелю Герману. Свидетель Янсон, а вы можете уточнить это обстоятельство?

Янсон. Я только не могу согласиться в этом с Германом, потому что я никакой информации от главного командования из Лондона не получал.

Руденко. Что, Герман говорит неправду?

Янсон. Я не могу согласиться.

Руденко. Нет, я спрашиваю — что, он неправду говорит?

Янсон. Я не могу сказать, что он неправду говорит. Я не общал, что получил эти указания. Может быть, их получил делегат «Жонду»?

Руденко. Но Герман разве заинтересован говорить о вас неправду?

Янсон. Я думаю, что он не заинтересован.

Руденко. Хорошо. Что вам известно о переговорах с венграми в период, когда Венгрия являлась союзницей Германии?

Янсон. Переговоры с венграми велись и в 1943 году, и в 1944 году. В 1943 году переговоры велись по инициативе венгров, которые хотели, чтобы «АК» дала им своих людей для разведки в тылу Красной Армии после занятия ею Западной Украины. Со стороны обшара выступил в переговорах представитель разведки бывшего штаба Войцеховского. Кто, не знаю.

Об этих переговорах я тогда в 1944 году еще раз был информирован. Я доносил об этом командующему «Буру» в рапорте. На это мы получили от него указания, что такие переговоры можно вести, но надо быть осторожными, чтобы не было провокации.

Руденко. А ведение переговоров санкционировалось?

Янсон. Да.

Руденко. Кем?

Янсон. Командующим «Буром». Но переговоры велись еще на территории города Стрый. Вел эти переговоры Герман. Но они не дали никаких результатов, потому что условия этих переговоров были с нашей стороны такие, чтобы Венгрия дала нам людей для разведывательной работы. Венгрия этого условия не выполнила, и поэтому никаких ощутительных результатов от этих переговоров не получилось. После этого переговоры с венграми были закончены.

Руденко. Это относится к какому периоду? К концу 1943 года?

Янсон. Переговоры происходили в период — конец 1943 года и до июня 1944 года.

Руденко. А теперь скажите, сколько у вас имелось в вашем обшаре нелегальных радиостанций?

Янсон. Связь с командующим «Буром» поддерживалась и через радиостанцию. В первое время мы имели, как я знал, около 16 радиостанций. Одна была сдана Красной Армии, а остальные были припрятаны, как этого требовал устав «НЕ».

Но из этих 16 радиостанций 10 были малой мощности, так что

они действовали на расстоянии 10—15 км., а дальше не действовали.

Руденко. У вас была своя мастерская по изготовлению оружия или взрывчатых веществ?

Янсон. Это еще во время германской оккупации в 1943 году была мастерская, которая вырабатывала гранаты. Продукция, которую мы сделали в 1943 году, была сдана. Это составило 10 тысяч гранат.

Руденко. Где гранаты хранились?

Янсон. Эти гранаты были розданы по округам.

Руденко. Последний к вам вопрос — кем направлялась вся ваша подрывная деятельность против Красной Армии?

Янсон. Она была направлена указаниями командующего «Бура» через шефа штаба Пелчинского и через меня — письменным статутом, исходившим от командующего «Бура».

Руденко. Один вопрос подсудимому Окулицкому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Руденко. Подсудимый Окулицкий, вы встречались с Янсоном?

Окулицкий. Да.

Руденко. Правильно говорит Янсон, что он встречался с вами в Варшаве?

Окулицкий. Да.

Руденко. Правильно он говорит, что его командировал «Бур» к Пелчинскому по вопросу организации «НЕ»?

Окулицкий. Я не помню.

Руденко. Но о встрече с Янсоном хорошо помните?

Окулицкий. Хорошо помню.

Руденко. Я вопросов не имею.

Окулицкий. Я прошу ответить на вопрос: когда я давал указание об оперативных действиях против немцев, настаивал ли я, чтобы все вооруженные силы «Армии Крайовой» принимали участие в акции «буря» или нет?

Янсон. Мы рассматривали акцию «буря» только с вами. Акция «буря» исходила из первых указаний в январе 1944 года, как основное указание. Ваши остальные указания уже подтверждали то, с чем обшары и выступали. Инициатива обшаров заключалась в том, чтобы выступить крупными силами. И когда я был на конференции — с вашей стороны было заявлено, чтобы увеличить число партизанских отрядов. Мы в это время еще не имели полных условий, и партизанских отрядов было немного; тогда было указание, чтобы их увеличить, и это уже было по инициативе обшаров.

Окулицкий. Говорите, был поставлен вопрос так, что все вооруженные силы «Армии Крайовой» должны драться с немцами или нет?

Председательствующий. Подсудимый Окулицкий, вы этот вопрос задаете второй раз.

Окулицкий. Я хочу задать другой вопрос. Какова была судьба

отрядов «Армии Крайовой», которые дрались с немцами, а после этого с частями Красной Армии?

Председательствующий. Я освобождаю свидетеля Янсона от этого вопроса. Можете не отвечать на этот вопрос. Данный вопрос совершенно излишний, и я его устранию.

Окулицкий. Я хотел еще спросить относительно связи. Был перебой в связи?

Янсон. С 26 сентября 1944 года до 30 января 1945 года был перебой, но я в то время использовал для связи радиостанцию Жешувского подокруга, которая действовала. Были посланы четыре депешки командующему. Потом я имел подтверждение, что депешки получены.

Окулицкий. Получили вы хотя бы одну радиодепешу за моей подписью?

Янсон. Нет, никаких радиодепеш за вашей подписью я не получал.

Окулицкий. Получали ли вы какие-либо приказы «Армии Крайовой» от главнокомандования последней после сдачи Варшавы?

Янсон. В последнее время я выезжал. Были четыре депешки, из них две расшифрованы. Одна депешка опознана: в ней «Бур»-Комаровский сообщает, что сдается в плен. Другая депешка — та, которая подтверждает получение радиодепешки, высланной мной через подокруг. Депешка, которая не была расшифрована до дня моего ареста, может быть и имела вашу подпись, но до дня ареста такой депешки я не получал.

Окулицкий (обращается к Янсону). Я хотел бы спросить: шифр, которым вы пользовались при радиодепешках, был знаком, как вы говорите, только главному командованию «Армии Крайовой» или нет?

Янсон. Ответить не могу. Тот шифр, который знало командование «Бура», знали все округа и обшары, знала этот шифр также централь Лондона.

Окулицкий (к Янсону). Радиодепешки посылались лично ко мне или через Лондон?

Янсон. Радиотелеграфная связь была только через Лондон. Непосредственная связь с командующим «Буром» технически была невозможна. Радиостанции, действовавшие на территории всей Польши, связывались с Лондоном, Лондон приказывал командованию «Бур», а оно в свою очередь передавало все радиogramмы мне. Иначе это было невозможно.

Окулицкий (к Янсону). Можете ли вы сказать на основании всего этого, какая связь была между нами? Вы поддерживали связь по радио личную со мной как главнокомандующим?

Янсон. Этого я не утверждаю.

Окулицкий (к Янсону). Можете ли вы сказать, что поддерживали личную связь со мной как с главнокомандующим?

Председательствующий. Вы имеете в виду встречи или связь по радио?

Окулицкий. Личную связь по радио.

Янсон. Я не могу сказать, что лично с вами связан не был. О том, что вы командующий, я узнал между 1 и 10 февраля 1945 года. Я имел радиотелеграфную связь с комендатурой «Бур» и адресовал все в руки главнокомандующего. Если я адресовал депешей «555», то значит эта депеша должна была быть передана через Лондон в ваши руки. Это было обусловлено еще со времени немецкой оккупации, и эти условия были также оставлены на дальнейшее время и в организации «НЕ».

Окулицкий. Помните очную ставку, которую я имел с вами? Тогда на очной ставке я признал, что мне действительно было известно о вашем приказе относительно террора и что эти убийства надо свалить на украинских националистов.

Янсон. С вами я не разговаривал на тему об организации убийств, которые имели место. Эти действия вытекали из указаний, которые я получал от комендатуры «Бур» и помощника Пелчинского. Эти случаи вытекали из статута, а не из указаний помощника Пелчинского.

Председательствующий. Есть ли у кого-либо еще вопросы к свидетелям? Нет. Значит, можно освободить обоих свидетелей.

Свидетели Герман и Янсон могут быть свободны от дальнейшего пребывания в зале судебного заседания. Товарищ комендант, введите свидетеля Кузьминского.

(Введен свидетель Кузьминский).

Председательствующий. Ваша фамилия Кузьминский?
Кузьминский. Да, Кузьминский.

Председательствующий. Ваше имя Андрей Юзефович?

Кузьминский. Да, Андрей Юзефович.

Председательствующий. Вы по-русски умеете говорить?

Кузьминский. Трудно.

Председательствующий. Тогда будете давать показания через переводчика. (Дальнейший вопрос ведется через переводчика). Вы вызваны в суд свидетелем по делу генерала Окулицкого и других. Вам предлагается давать только правдивые показания.

Прокурор Афанасьев. Свидетель Кузьминский, каким образом вы оказались в рядах «Армии Крайовой»?

Кузьминский. В «Армию Крайову» я вступил в 1943 году.

Афанасьев. Каким образом?

Кузьминский. В связи с преследованием немцами польских офицеров я со своим знакомым Петровским выехал из Варшавы во Львов. Петровский дал рекомендательное письмо через Чайковского Герману.

Афанасьев. Какое положение вы занимали?

Кузьминский. Вначале комендант Стрыйского обвода, а затем инспектор обвода.

Афанасьев. Много народу в подчинении у вас было?

Кузьминский. 1200 человек, в том числе 300 вооруженных.

Афанасьев. Какое оружие имелось?

Кузьминский. Имелось 90 автоматов, 100 винтовок, 50 пистолетов и 6 пулеметов, гранаты.

Афанасьев. Когда в вашем подчинении находилось 1200 человек?

Кузьминский. От октября до декабря 1944 года.

Афанасьев. От кого и какие получали практические указания о деятельности уже после прихода Красной Армии?

Кузьминский. Приказы и распоряжения получал от коменданта округа Германа.

Афанасьев. А какие указания были, какие приказы? В чем заключалась работа, которую вы должны были проводить и проводили?

Кузьминский. Первое — это перевести «АК» в подполье. Затем — законспирировать и спрятать вооружение, а также организовать вооруженные отряды и террористические группы.

Афанасьев. С какими задачами?

Кузьминский. Для выступления в соответствующий момент против Красной Армии.

Афанасьев. А террористическая задача какая?

Кузьминский. Такая же.

Афанасьев. Разведывательная деятельность предусматривалась?

Кузьминский. Разведывательная работа также проводилась.

Афанасьев. Что вы практически сделали для выполнения этих указаний?

Кузьминский. Для выполнения этих указаний было организовано 1200 человек, в том числе 300 вооруженных.

Афанасьев. Это вы уже говорили. Что сделали эти люди, какие диверсионные акты совершили?

Кузьминский. Они еще не успели развернуть свою деятельность, за исключением убийства двух офицеров Красной Армии в городе Стрый.

Афанасьев. Когда это было?

Кузьминский. В конце декабря 1944 года или в начале января 1945 года.

Афанасьев. А в части шпионской деятельности?

Кузьминский. Были переданы шпионские сведения о месте расположения частей Красной Армии.

Афанасьев. На территории района?

Кузьминский. Да.

Председательствующий. В каком году и месяце?

Кузьминский. С сентября 1944 года по январь 1945 года были собраны и переданы сведения о месте расположения частей Красной Армии, о количестве и вооружении аэродромов, о месте расположения военных комиссариатов, которые вели призыв в Красную Армию.

Афанасьев. О месте расположения военных комиссариатов или об их работе?

Кузьминский. И об их работе.

Афанасьев. Каким образом собирали эти сведения?

Кузьминский. Эти сведения собирались через комендантов обводов и командиров отрядов, затем систематизировались и передавались коменданту округа.

Афанасьев. Еще какие сведения?

Кузьминский. Еще были собраны сведения о железнодорожном узле Стрый.

Афанасьев. Кому эти сведения передавались?

Кузьминский. Эти сведения передавались коменданту округа Герману, по кличке «Глобус».

Афанасьев. В каком виде: в письменном или устном?

Кузьминский. Два раза в месяц, устно.

Афанасьев. Радиостанция в вашем распоряжении имелась?

Кузьминский. Не было.

Афанасьев. Какая еще проводилась работа, враждебная Красной Армии и Советскому Союзу?

Кузьминский. Пропагандистская работа.

Афанасьев. В чем она выражалась?

Кузьминский. Практически эта работа выражалась, в первую очередь, в издании газеты «Наше дело», а затем в выпуске листовок, которые печатались на пишущей машинке.

Афанасьев. Я не имею вопросов.

Председательствующий. Товарищи адвокаты, есть вопросы?

Адвокаты. Нет.

Афанасьев. Я ходатайствую перед судом о засвидетельствовании того, что при ликвидации Стрыйского инспектората «Армии Крайовой» было изъято из нелегального хранилища Стрыйского инспектората 5 пулеметов, оружие и боеприпасы (л. д. 33, т. 30).

Председательствующий. Удостоверяю, что в томе 30, л. д. 33 имеется копия акта о том, что при обыске в селе Райков Стрыйского района обнаружены и изъяты оружие и боеприпасы в трех местах: пулеметов 5, автоматов 6, винтовок 15, гранат 108, патронов 8000 шт., тола 30 кг, электровзрывателей 40 шт., взрывателей 25 шт. Акт составлен в городе Стрый 9 января 1945 года.

Афанасьев. Больше нет вопросов?

Председательствующий. Товарищ комендант, введите следующего свидетеля — Свечковского.

(Введен свидетель Свечковский).

Ваша фамилия Свечковский?

Свечковский. Моя настоящая фамилия — Клевенхаген Стефан Максимилианович. Фамилию Свечковский я взял себе во время германской оккупации.

Председательствующий. Вы можете говорить по-русски или вам нужен переводчик?

Свечковский. Я могу говорить по-русски.

Председательствующий. Вы вызваны в суд свидетелем по делу генерала Окулицкого и других. Предлагается давать правдивые показания.

В польской армии вы были летчиком?

Свечковский. Да, я был летчиком в чине подхорунжего.

Афанасьев. Во время нахождения в «АК» занимались ли вы шпионажем против Красной Армии?

Свечковский. Да.

Афанасьев. Расскажите об этом суду.

Свечковский. Я возглавлял экспозитуру № 8, которая существовала во Львове.

Афанасьев. Кому она была подчинена?

Свечковский. Она была подчинена главному командованию в Варшаве.

Афанасьев. Непосредственно главному командованию? Кто был ваш начальник?

Свечковский. Майор «Ришард». Настоящей фамилии его я не знаю.

Афанасьев. Чем он занимался?

Свечковский. Он руководил разведкой в восточной части Польши.

Афанасьев. Вы были связаны только с ним?

Свечковский. Только с ним, с майором «Ришард».

Афанасьев. До какого времени вы занимались этой деятельностью?

Свечковский. До последнего времени.

Афанасьев. До ареста?

Свечковский. Да.

Афанасьев. Когда вы были арестованы?

Свечковский. 28 февраля 1945 года.

Афанасьев. До 28 февраля вы не прерывали шпионской деятельности?

Свечковский. Нет, не прерывал.

Афанасьев. Расскажите более подробно, какие шпионские сведения вы собирали и каким образом передавали их?

Свечковский. Я собирал военно-политические сведения. С того времени, как эти районы были заняты советскими войсками, я этих сведений не передавал главному командованию, потому что я не имел с ним связи. Связь прервалась в июле 1944 года.

Афанасьев. Как, вы только собирали сведения, но не передавали?

Свечковский. Я собирал сведения так, как это предписывалось мне последним приказом.

Афанасьев. Когда вы потеряли связь с главным командованием?

Свечковский. Я потерял связь в июле.

Афанасьев. 1944 года?

Свечковский. 1944 года.

Афанасьев. Но продолжали собирать сведения до дня ареста?

Свечковский. Да.

Афанасьев. И эти сведения оставались неиспользованными?

Свечковский. Неиспользованными.

Афанасьев. А вы подчинялись непосредственно главному командованию?

Свечковский. Непосредственно.

Афанасьев. Радносвязи у вас не было?

Свечковский. Не было. Связь поддерживалась только курьером.

Афанасьев. У вас была экспозитура № 8?

Свечковский. Да.

Афанасьев. Сколько людей было?

Свечковский. От 20 до 30 человек.

Афанасьев. Что это за народ был?

Свечковский. Это были подофицеры и офицеры довоенной польской армии. Были и гражданские граждане, которые работали в некоторых учреждениях.

Афанасьев. Советских?

Свечковский. Нет, в польских.

Афанасьев. Получали вы вознаграждение за вашу деятельность?

Свечковский. Получал.

Афанасьев. От кого?

Свечковский. От главного командования.

Афанасьев. Сколько вы получили?

Свечковский. Вместе с последним приказом в июле я получил золотом 350 руб. царской чеканки для работы в течение шести месяцев в тылу Красной Армии.

Афанасьев. А после этого из-за отсутствия связи не получали денег?

Свечковский. Не получал, ибо не имел связи.

Афанасьев. Это были деньги специально на проведение шпионской работы?

Свечковский. Да.

Афанасьев. Вы до ареста находились на нелегальном положении?

Свечковский. На нелегальном.

Афанасьев. И от Советского военного командования скрывались?

Свечковский. Скрывался.

Афанасьев. Я не имею вопросов.

Председательствующий. Вопросы нет. У адвокатов есть вопросы? Нет. У подсудимых? Нет. Выведите свидетеля. Вызовите свидетельницу Гролинскую.

(Введена свидетельница Гролинская).

Председательствующий. Ваша фамилия Гролинская?

Гролинская. Гролинская Алина Леонидасовна.

Председательствующий. Вы по-русски можете давать показания?

Гролинская. Могу по-русски.

Председательствующий. У вас есть еще имя Седлецкая Михалина Антоновна?

Гролинская. Так.

Председательствующий. И еще Романовская Мария?

Гролинская. Так.

Председательствующий. Рождения 1923 года, уроженка г. Львова?

Гролинская. Так.

Председательствующий. Работали в трикотажной мастерской в г. Львов?

Гролинская. Так.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу генерала Окулицкого и других. Предлагается давать правдивые показания. Вопросы прокуратуры?

Руденко. С какого времени вы являетесь участником «Армии Крайовой»?

Гролинская. С весны 1942 года.

Руденко. Расскажите суду, какую деятельность и по чьему заданию вы проводили после вступления Красной Армии на территорию Львова?

Гролинская. В «Армии Крайовой» я была радисткой. Работала на радиостанции № 36. После освобождения Львова советскими войсками я по предложению командира радиоплютона (радиовзвода) «Студента» продолжала эту работу на радиостанции. «Студент» мне сказал, что связь с лондонским правительством надо поддерживать и впредь до особого распоряжения. Потом сказал, что имеется указание распустить «Армию Крайову», но связь с Лондоном надо поддерживать до полной ликвидации организации.

Сначала видно было, что действительно вся работа будет ликвидирована. У нас, например, в радиоотделе работало 2 плютона (взвода) — в одном было 40 человек, в другом — 13. Теперь в обоих взводах осталось по 10 человек, а из трех имевшихся при немцах радиостанций осталась одна, за № 36, на которой я работала. Потом «Студент» сказал, что для конспирации он оставит минимум людей, что всю работу надо еще более законспирировать. В это время я работала на 5 конспиративных квартирах.

Три квартиры находились в селе Сокольники, две в селе Зубжа, Львовской области. Имелось два радиоаппарата. Я работала до сентября, передала в Лондон на радиостанцию № 35 и в Италию № 94 для Главного командования «АК» в Варшаве двадцать телеграмм и приняла из Лондона двенадцать радиogramм. Так продолжалось до сентября 1944 года. В сентябре я вместе с другими участниками «Армии Крайовой», работавшими в Львовском обшаре, была арестована советскими войсками. Когда я сказала, что состояла в «Армии Крайовой», и дала обещание, что больше борьбу против советской власти вести не буду, я была освобождена. Между прочим, так советские власти поступали со многими участниками «Армии Крайовой», которые давали обещание не вести борьбу против советских войск.

Но своего обещания я не сдержала. Впоследствии меня встретил командир радиовзвода «Студент» и сказал, что работу в «Армии Крайовой» нужно продолжать. И я продолжала ее, ибо боялась, что буду уничтожена организацией за невыполнение приказа «АК». Кроме того, я находилась под влиянием моего руководства и пропаганды лондонского радио. Мне говорили, что Советская армия является армией оккупантов, что Советский Союз — агрессор по отношению к Польше и что против него нужно вести борьбу до тех пор, пока Советское правительство не признает лондонского правительства и не будут признаны границы Польши 1939 года.

После моей встречи с моим непосредственным начальником, по кличке «Томик», я перешла на нелегальное положение, взяв фамилию «Седлецкая Михалина», и стала работать на других конспиративных квартирах.

В декабре я получила радиоприемник. Мне было дано задание — установить радиосвязь с Лондоном, со станцией № 35. Эту связь в конце 1944 года я установила. После этого работа Львовского округа стала более активной. У нас появились новые кадры радиотелеграфистов. На конспиративных квартирах, где я работала, находились четыре радиоаппарата, которые доставила группа, специально занимавшаяся этим делом. Когда я приходила на квартиры, вся аппаратура уже была готова к работе. С содержателями квартир я встречалась по паролям. Так я работала до 10 мая 1945 года, когда передала в Лондон две телеграммы. Утром 11 мая я была арестована. С января до своего ареста я передала в Лондон от Львовского обшара 19 радиogramм и приняла для командования Львовского обшара 10 радиogramм.

При моем аресте были изъяты аппарат английского производства типа АП-4, коротковолновый приемник типа КС-1, зеркалотайник, где находились две зашифрованные радиogramмы, и одна кодовая таблица. У меня были изъяты коротковолновый приемник английского производства и документы на фамилию и имя «Романовская Мария». На имевшийся у меня приемник я принимала радиogramмы для станции № 36, которые потом через связанных передавала командованию Львовского обшара.

За работу в «Армии Крайовой» я получала ежемесячно 2.500 рублей.

Руденко. Я вопросов не имею.

Председательствующий. Защита вопросов не имеет? Свидетельница, вы свободны.

Вызовите свидетеля Станкевича.

(Введен свидетель Станкевич).

Ваша фамилия Станкевич?

Станкевич. Да.

Председательствующий. Имя Чеслав?

Станкевич. Да.

Председательствующий. 1910 года рождения?

Станкевич. Да.

Председательствующий. Подпоручик польской армии?

Станкевич. Да.

Председательствующий. По-русски умеете говорить? Или будете давать показания через переводчика?

Станкевич. Переводчик не нужен.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Окулицкого и других. Предлагается давать правдивые показания.

Руденко. С какого времени вы вступили в «Армию Крайову»?

Станкевич. Я вступил в «Армию Крайову» в 1942 году, в конце ноября.

Руденко. И до какого времени вы находились в «Армии Крайовой»?

Станкевич. До освобождения Вильно Красной Армией.

Руденко. Что вы делали после прихода Красной Армии?

Станкевич. После освобождения города Вильно частями Красной Армии «Армии Крайовой» было предложено сложить оружие. Часть «Армии Крайовой» сложила оружие, часть разошлась по лесам. Я отошел от города Вильно с 12 человеками. Встретился с одним капитаном «АК». Он сказал: оружия не складывать, людей надо увести. Я с 12 человеками отошел в деревню Волкоробишки. В этой деревне мы находились 8 дней, после чего я распустил людей по домам, а сам остался выжидать. Затем майор «Крысь» прислал на 8-й день мне посланника.

Руденко. Кто этот майор «Крысь»?

Станкевич. Это командир будущей бригады. Посланник предложил мне явиться к нему. Я явился в тот же день. Он меня спросил: «Будешь работать у меня?» Я ответил, что буду. Он сказал: «Я имею 12 вооруженных людей, которых тебе передам». Затем я его спросил, что за работа будет. Он мне ответил: «Я имею приказ от окружного Виленского штаба и от польского правительства в Лондоне, что я назначен командиром Северной группы». Он мне предложил организовать большой отряд и собрать оружие.

С людьми, которых майор мне дал, я отошел в хутор Пошупени и стал собирать отряд. С ноября до декабря я собрал 100 человек. Мне был дан приказ обучить их и законспирировать. Я обучил их всех. Собрал оружие: 15 пулеметов, 20 автоматов, 35 винтовок, 25 револьверов и ко всем к ним боеприпасы.

Руденко. Теперь расскажите, что вы практически делали с отрядом, который сколотили?

Станкевич. Я выполнял те задания, которые мне давал «Крысь» устно, когда мы с ним договаривались, или в письменных приказах за его подписью. О всех своих действиях я докладывал.

Руденко. Расскажите о расстрелах и убийствах.

Станкевич. Был прислан приказ расстрелять председателя Малосолешишинского сельсовета и его жену, которые работали с 1939 года, с момента установления советской власти. Этот

приказ не выполнить я не мог. Он пролежал у меня месяц. 100 человек были мною разделены на 3 взвода. В первый раз я направил в Малые Солешники 10 человек, во второй раз—15 человек с командиром взвода «Мысливый», в третий раз направил командира взвода Лисовского, который поймал Василевского и 15 сентября расстрелял его, его жену и дочь 17—18 лет. Когда расстреливали Василевского, его дочь хотела защитить отца своей грудью.

Руденко. Значит, вы убили дочь за то, что она пыталась защитить отца?

Станкевич. Да. Автоматной очередью сначала убили дочь, отца прострелили, а так как он не был сразу убит, его пришлось прикончить. Потом, когда Лисовский вернулся, он мне доложил, что приказ выполнен.

Руденко. Значит, Василевского расстреляли за то, что он был председателем сельсовета, а жену и дочь — за то, что они были его родными?

Станкевич. Да, за то, что он с 1939 года работал у советской власти.

Руденко. Значит, это был террористический акт против представителя советской власти? Продолжайте дальше.

Станкевич. Когда задание было выполнено, я написал рапорт и отнес коменданту «Крысь». Через девять дней я получил подписанный майором «Крысь» приказ расстрелять председателя и секретаря Больше-Солешнинского сельсовета. Это задание было выполнено. Я направил в деревню Заломанка один взвод под командованием Лисовского. Он захватил председателя и секретаря Больше-Солешнинского сельсовета и продержал их семь суток, дожидаясь меня. Я не приехал; тогда он вывел председателя и секретаря сельсовета в лес вблизи хутора Стасны и расстрелял их.

Руденко. Расстреляли и председателя, и секретаря — обоих. Еще, что вы знаете о террористической деятельности?

Станкевич. Я проходил со своим отрядом по Пуще Рудницкой — шел в деревню Старые Мацели — и столкнулся с отрядом советских войск. Это было 6 января 1945 года. У нас завязался бой, который длился с 9 до 2 часов. Были потери — у меня 25 человек, а советских солдат и офицеров было убито около 50 человек. Потом, не выдержав этого боя, я отступил.

Руденко. Вы напали неожиданно, сделали засаду?

Станкевич. Мы проходили через лес.

Руденко. Вы напали первые на них?

Станкевич. Да, мы напали на них первые.

Руденко. В результате было убито 50 красноармейцев и офицеров?

Станкевич. Да.

Руденко. Итак, это было 6 января 1945 года. Это вы выполняли приказ свыше?

Станкевич. Да, я получил приказ свыше: мелкие группы не

гребительных отрядов Красной Армии разоружать и расстреливать, с большими — не вступать в бой.

Руденко. От кого вы получили такое указание?

Станкевич. От коменданта Северной группы «Крысь» и от штаба Виленского округа «АК».

Руденко. Еще какие были столкновения?

Станкевич. Было еще столкновение вблизи деревни Невоняны. Бой длился не больше 30 минут. Были потери: со стороны Красной Армии — 8 бойцов, у меня — 5 бойцов.

Руденко. Когда это было?

Станкевич. Это было в конце января 1945 года.

Руденко. Дальше что вы можете рассказать?

Станкевич. Потом был расстрелян секретарь сельсовета деревни Калитанцы, его расстрелял сержант по кличке «Земство». Он сделал это по моему приказу. Приказ о расстреле дал я и потом донес об исполнении рапортом командиру Северной группы Виленского округа «АК». Это было 15 января 1945 года. Я встретился с отрядом «Яремы». Он молодой парень. Мы с ним встретились в деревне. Дальше мы узнали, что в деревне Лесная есть семь бойцов Красной Армии. Мы хотели напасть на эту деревню, разоружить этих бойцов и расстрелять их. У меня было жандармерии 15 человек. Я взял своего заместителя, по кличке «Пончеш». С ним было тоже 7 человек. Решили мы поехать в эту деревню. Когда подъезжали к деревне Лесная, мы увидели этих 7 бойцов и обстреляли их из пулеметов и автоматов. Они вернулись в деревню. Я дал приказ окружить деревню и доставить всех красноармейцев в одно место. Это задание было выполнено через 15—20 минут. После этого их раздели, и я отдал приказ расстрелять всех. Когда их раздели, то всех связали за руки и один из моих подчиненных несколько раз ударил их ремнем и первого бойца — крайнего — застрелил. Тогда все упали. Я выехал на окраину деревни — поставить патруль, чтобы советская воинская часть, которая стоит в местечке Каменка, не вышла на выстрелы. Когда я поставил патруль и вернулся, я увидел, что на месте идет спор. Я приказал закончить дело — расстрелять всех. После этого сложили трупы на воз и доставили в местечко Тургель, откуда они приехали. Трупы сложили на воз и написали: «Если будете мешать нам работать, то будет и вам всем то же».

Потом «Ярема» поймал двух работников Подзоранского сельсовета, которых, когда я приехал, передали мне. Они были заперты в погребе, где ссыпают картошку. Поддержали их там до вечера. Когда мой отряд выехал под Вильню, то их на дороге расстреляли.

Руденко. Когда был этот случай с семью бойцами?

Станкевич. 15 февраля 1945 года.

Руденко. Все факты изложили?

Станкевич. Да.

Руденко. Все эти расстрелы, террористические акты вы чинили по своей инициативе?

Станкевич. Нет, по приказу. Некоторые приказы я получал письменные, а остальные — устно, когда я каждый месяц выезжал лично договариваться, что делать. Было указание разоружать мелкие группы и уничтожать их.

Руденко. Вы действовали по указаниям, идущим от округа?

Станкевич. Я лично от округа указаний не получал ни разу. Но из округа давали указания туда, откуда я их получал. Из округа получались и приказы и подпольные газеты.

Руденко. Значит, вся террористическая деятельность направлялась приказами из округа через командира Северной группы?

Станкевич. Да.

Афанасьев. Это не были самочинные действия вашего отряда?

Станкевич. Нет, это были действия «Армии Крайовой».

Председательствующий. Заседание объявляю закрытым до 11 час. утра 19 июня 1945 года.

Утреннее заседание 19 июня

Комендант. Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание Военной коллегии Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик продолжается. Товарищ комендант, вызовите свидетеля Дзялынского. (В зал введен свидетель Дзялынский).

Председательствующий. Ваша фамилия Дзялынский?

Дзялынский. Да. Станислав, сын Юзефа.

Председательствующий. 1909 года рождения?

Дзялынский. Да.

Председательствующий. По профессии журналист?

Дзялынский. Да. Я прошу суд дать мне возможность говорить на польском языке, потому что я очень плохо владею русским языком.

Председательствующий. Переводчик у нас есть. Вы вызваны свидетелем по ходатайству прокуратуры по делу генерала Окулицкого и других. Предлагается давать правдивые показания. (Допрос свидетеля производится через переводчика).

Прокурор Руденко. С какого времени вы, Дзялынский, состоите в «Армии Крайовой»?

Дзялынский. В «Армию Крайову» я вступил осенью 1942 года.

Руденко. Какое руководящее положение вы занимали в «Армии Крайовой»?

Дзялынский. Летом 1942 года я получил должность коменданта 2-го района г. Вильно.

Руденко. Сколько времени вы в этой должности пребывали?

Дзялынский. Все время до момента моего ареста я был комендантом 2-го Виленского района.

Руденко. Еще какую должность вы занимали в «Армии Крайовой»?

Дзялынский. Весной 1943 года я был выделен в состав «Делегатуры Жонду» Виленского округа. Я также входил в партию «Стронництво Народове», которая затем сделалась «Конфедерацией Народовой». Осенью 1943 года делегатом «Жонду» я был назначен на должность начальника отделения информации и пропаганды.

Руденко. Кто был делегатом «Жонду»?

Дзялынский. Зигмунд Федорович.

Руденко. Какие и от кого вы получали указания по организации подрывной работы против Красной Армии?

Дзялынский. Я получал распоряжения только от своего делегата, а в последний период — от подпольного правительства, которое находилось в Варшаве.

Руденко. К чему сводились эти указания?

Дзялынский. До прихода Красной Армии все эти распоряжения давались в дипломатической форме.

Руденко. Уточните, что это значит?

Дзялынский. Это значит — к советским войскам относиться враждебно, но подходить к этому вопросу дипломатически.

Руденко. Значит, внешне создавать видимость хороших и дружеских отношений, а в действительности организовывать враждебные выступления?

Дзялынский. Да, генеральная линия всей организации была направлена против Советского Союза.

Руденко. Может быть, вы назовете конкретно, от кого вы получали эти инструкции?

Дзялынский. Эти инструкции я видел неоднократно сам лично, поскольку был начальником информации и пропаганды. Например, 15 февраля я видел такую инструкцию «Рады Едности Народовой» у представителя «Жонду». В ней Советский Союз назывался агрессором, а восточные земли считались оккупированными.

Руденко. Эта инструкция от 15 февраля 1945 года исходила от «Рады Едности Народовой» и уполномоченного «правительства»? Как вы действовали практически во исполнение этой инструкции?

Дзялынский. Как руководитель второго района и отдела информации и пропаганды я опирался на эти инструкции и всю свою работу как в «Армии Крайовой», так и в делегатуре проводил против Советов.

Руденко. В чем практически выражалась эта работа?

Дзялынский. В ряде листовок, написанных от имени конвента политической партии, а также от имени «Делегатуры Жонду» (в частности, воззвание к народу восточных земель от 1 марта 1944 года) велась антисоветская пропаганда. Рапорты, которые я посылал в Варшаву от имени делегатуры, были также противосоветскими. Вспоминаю одну из формулировок, которую я применял в своих рапортах: указывалось, что ненависть жителей восточных земель к Советскому Союзу больше, чем ненависть к немцам, потому что немцы являются противником, который уже погибает, а Советский Союз выступает во всей силе. Такую враждебную Советскому Союзу позицию занимала и вся подпольная пресса.

Руденко. Какие указания вы получили из Варшавы в отношении действий после наступления советских войск?

Дзялынский. Таких распоряжений не было, потому что связь

была организована плохо. Вся работа основывалась на старых распоряжениях, исключительно противосоветских по содержанию.

Руденко. Перед кем отчитывался свидетель в своей работе?

Дзялынский. Перед комендантом в «Армии Крайовой», а в «Делегатуре Жонду» — перед делегатом «Жонду».

Руденко. С Федоровичем вы имели постоянный контакт?

Дзялынский. Да, я имел с ним постоянный контакт.

Руденко. Разрешите задать вопрос подсудимому Янковскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Руденко. Был ли свидетель в составе «Делегатуры Жонду» Вильно?

Янковский. Да.

Руденко. Вы давали указания Федоровичу в начале 1944 года о подрывной деятельности в связи с наступлением Красной Армии? Я вас спрашиваю только в связи с показаниями свидетеля.

Янковский. Да, как и всей делегатуре.

Руденко. Вы давали указания Федоровичу?

Янковский. Он получал указания на основании общих данных.

Руденко. Эти указания носили такой характер, как это утверждает свидетель Дзялынский; их характер был враждебным Советскому Союзу?

Янковский. Характер был таков: избегать столкновения.

Руденко. Я прошу ответить ясно на вопрос: характер этих указаний сводился к тому, чтобы организовывать враждебную работу?

Янковский. Вопрос ясный.

Руденко. Я прошу ответить: так или не так?

Янковский. Не всегда можно ответить — так или не так.

Руденко. Характер указаний был таков, что вы призывали строить хорошие отношения с Красной Армией или враждебные отношения?

Янковский. Настроение было такое, чтобы взять власть в свои руки.

Руденко. Речь шла о борьбе?

Янковский. Мы надеялись, что наши отношения как-то уладятся.

Руденко. Вы как бывший председатель подпольного «совета министров» в Варшаве: какие указания давали? Вы говорите, что боролись за власть, каким путем?

Янковский. Для нас этот вопрос не был еще окончательно решен.

Руденко. Я интересуюсь вашими указаниями. Я спрашиваю, вы давали указание бороться за власть?

Янковский. (м о л ч и т).

Руденко. От «Армии Крайовой» шло указание — бороться за власть путем вооруженного выступления?

Янковский. Если это не удастся, то идти в подполье и защищать независимость Польши.

Руденко. Как защищать, с оружием?

Янковский. Не было сказано.

Руденко. Запрятаться в подполье?

Янковский. Оружия не было.

Руденко. В ваших руках не было, а в «Армии Крайовой» было? Как же вы мыслили себе «защищать независимость» Польши?

Янковский. Пропагандой и информацией.

Руденко. Только? А пропаганда направлена к призыву выступать против Советского Союза с оружием? Почему вы молчите? Скажите, вы получали информацию или сообщения о том, как выполняются ваши указания о подпольной деятельности Федоровичем — делегатом «Жонду» г. Вильно?

Янковский. Ни разу.

Руденко. Это вы точно говорите?

Янковский. Сведений не было.

Руденко. А вы не получали информацию о том, что делегат Федорович, выполняя ваши указания, не легализовался, а перешел на подпольное положение?

Янковский. Я это говорил. Мы получили сообщение о том, что он не легализовался.

Руденко. Когда вы эти сведения получили?

Янковский. Во время восстания, в августе — сентябре 1944 года.

Руденко. Ваша директива исходила от февраля 1944 года. Характер директивы мы установили. В августе — сентябре вы получили сообщение о том, что Федорович не легализовался, а перешел на подпольную деятельность. И больше вы ничего не имели?

Янковский. Больше связи мы не имели.

Руденко. А никто к вам не приезжал, специальный курьер или представитель из Вильно от Федоровича?

Янковский. Кто-то приезжал.

Руденко. Кто-то приезжал. Когда?

Янковский. В начале марта.

Руденко. Какого года?

Янковский. 1945 года.

Руденко. Кто же вам сообщил, что прибыл представитель из Вильно?

Янковский. Ясюкович.

Руденко. Разрешите спросить подсудимого Ясюковича. Подсудимый Ясюкович, припоминаете ли вы такой разговор с подсудимым Янковским?

Ясюкович. Да.

Руденко. Изложите подробнее.

Ясюкович. Действительно, в марте 1945 года обратился ко мне инженер Звежинский и сказал, что из Варшавы в Вильно отправляется какой-то человек, непричастный к подполью. Он отправляется в Вильно совершенно легально и будет иметь возможность передать некоторое сообщение. Звежинский просил меня устроить свидание этого человека с главным делегатом. Я

тогда обратился к делегату Янковскому и сказал ему об этом. Но он не пожелал встретиться с этим человеком и просил меня переговорить с ним. Я не успел этого сделать, так как, если не ошибаюсь, 8 марта у нас было совещание втроем — главный делегат Янковский, Звежинский и я. Звежинский непосредственно обратился к Янковскому, спросил, что передать в Вильно Федоровичу через этого человека, которого он не знал, но по данным своих знакомых считал его человеком, заслуживающим доверия.

Руденко. Значит, этот представитель направлялся с каким-то поручением для делегата вашего «правительства» в Вильно? Вы хотели использовать его поездку в Вильно для передачи поручения Федоровичу; в марте 1945 года связь, таким образом, с польем в Вильно была?

Ясюкович. Я не сказал, что существовала связь. Это было совершенно случайно.

Руденко. Но если бы не существовала связь и не было бы намерения поддержать эту связь, не было бы надобности использовать оказию для передачи. Свидетель Дзялынский, вы заявляли, что в прошлом принадлежали к организации «Обус Народно Радикальны».

Дзялынский. Я был представителем «Стронництво Народове».

Руденко. Какую вы можете дать характеристику этой организации?

Дзялынский. Это организация националистическая, польская.

Руденко. То-есть фашистская?

Дзялынский. Так нас всегда называли.

Руденко. Как эта организация вами оценивается?

Дзялынский. Мое личное мнение, что это только позорное, выдуманное обвинение. Организации «Обус Народно Радикальны» и «Стронництво Народове» опирались на почву чисто католическую.

Руденко. Хорошо, мы этот вопрос выясним. У нас есть представители этого течения на скамье подсудимых, они сами дадут характеристику этой организации. Как комендант района «Армии Крайовой» что может показать свидетель о своей практической деятельности?

Дзялынский. После прихода Красной Армии в Вильно в первое время моя работа развивалась против Советов. Это вытекало, как я уже говорил раньше в своих показаниях, из генеральной линии нашей партии. Если идет речь о моей личной работе, то я как комендант района Вильно давал инструкции и приказы в направлении воспитания польских солдат и офицеров в духе обороны восточных земель. Я вместе с тем подготавливал их морально к вооруженному столкновению с Советским Союзом. После вступления Красной Армии в Польшу я приказывал сохранять кадры, как можно глубже законспирировать их, отстранить ненадежные элементы, сохранять оружие и быть бдительными и готовыми на всякий случай.

Руденко. Последний вопрос: вся эта подрывная деятельность и клеветнические измышления против Советского Союза, пропаганда в этом духе, организация подполья, подрывная деятельность в тылу Красной Армии — кем эта деятельность направлялась, кто являлся ее организатором?

Дзялыньский. Если идет речь о виленском участке, то я несу ответственность.

Руденко. Кто все это направлял, кому все это подчинялось?

Дзялыньский. Мы действовали исключительно по приказам, идущим из Лондона и Варшавы, по приказам польского эмигрантского правительства.

Руденко. Значит, вся деятельность направлялась польским эмигрантским «правительством» в Лондоне и подпольным «правительством» в Варшаве, так?

Дзялыньский. Мы выполняли приказы своего правительства.

Председательствующий. Вопросов больше к свидетелю нет?

Руденко. Нет.

Председательствующий. У защиты вопросов нет?

Брауде. Нет.

Председательствующий. Свидетель Дзялыньский, можете идти. Товарищ комендант, введите свидетеля Лотаревича.

(В зал введен свидетель Лотаревич).

Председательствующий. Ваша фамилия Лотаревич?

Лотаревич. Лотаревич.

Председательствующий. Имя, год рождения?

Лотаревич. Чеслав, 1923 года рождения.

Председательствующий. В каком городе вы родились?

Лотаревич. В Детройте, в Америке.

Председательствующий. С какого времени вы жили в Белоруссии?

Лотаревич. С 1924 года вместе с родителями я находился на территории Белоруссии.

Председательствующий. Вы вызваны в суд по делу Окулицкого и других, и вам предлагается давать правдивые показания.

Руденко. С какого времени вы являетесь участником «Армии Крайовой»?

Лотаревич. С июня 1944 года.

Руденко. Расскажите, в каком отряде вы состояли и какую деятельность проводили в этом отряде.

Лотаревич. Я состоял в отряде «АК», который возглавлял польский офицер «Крысь», в качестве разведчика. После прихода Красной Армии я подчинялся распоряжениям коменданта пляцувки учебной команды Минцкевича и его заместителя «Вжоза».

Руденко. Кто был командиром отряда?

Лотаревич. Командиром отряда, который меня принял в организацию, являлся офицер по кличке «Крысь». Это до прихода Красной Армии. А после прихода Красной Армии я входил в Грокельскую пляцувку. Командиром этого отряда, этой пляцувки

был польский офицер Мицкевич — житель деревни Рогели, а заместителем его был «Вжоз».

Руденко. Куда вас Мицкевич направил?

Лотаревич. В двадцатых числах августа 1944 года я получил от его заместителя «Вжоза» задание установить связь с отрядом Квятковского, который был создан после прихода Красной Армии для организации вооруженного восстания и уничтожения местных советских работников. Командиром этого отряда был Квятковский, по кличке «Лев». В двадцатых числах августа я получил приказание установить с ним связь, причем мне было подробно рассказано о месте стоянки этого отряда. Этот отряд я нашел в лесу возле деревни Войтовичи. Затем вместе с отрядом Квятковского я направился в деревню Войтовичи. Там стояла советская машина с оружием. Приведенный мною отряд незаметно окружил эту машину и неожиданно открыл по ней стрельбу. В результате этой стрельбы был убит шофер, а оружие — 4 пулемета и другое — было погружено на подводу и отправлено в лес на место стоянки отряда.

Руденко. Что вам еще известно?

Лотаревич. Через 3—4 дня после обстрела упомянутой машины я получил от командира Мицкевича второе приказание вновь отправиться в этот самый отряд Квятковского и привести его в кустарник около села Трокель. Это задание Мицкевича мне передал заместитель его — «Вжоз» — в письменном виде. Отряд я обнаружил в лесу около деревни Жижма, затем привел его в кустарник, к Стефановичу. Когда мы прибыли туда, нас встретил сам Стефанович. Квятковский приказал нам остаться на месте, а сам пошел на шоссе, где расположили засаду. Через 15—20 минут со стороны хутора по шоссе показалась группа лиц. Отряд Квятковского открыл по ней огонь. В результате пять человек упало, три или четыре побежали, но вновь были обстреляны. После обстрела Квятковский подал мне сигнал, чтобы я удалился, и я отправился домой. Всю эту картину расстрела советских работников отрядом Квятковского я видел, но сам в расстреле участия не принимал.

Руденко. Сколько человек было расстреляно?

Лотаревич. Как я узнал позже от коменданта пляцувки, советских работников было убито четыре и одна женщина ранена. Эти люди прибыли в деревню Трокель для проведения мероприятий советской власти. Мицкевичем была организована за ними специальная слежка, которую производил Константин Стефанович. Целью слежки было установление наиболее подходящего места и времени для учинения над ними расправы. В отряд Квятковского я был выделен Мицкевичем в качестве проводника. Вскоре после расстрела отрядом Квятковского советских работников я был арестован советскими властями, и на этом моя подрывная деятельность в тылу Красной Армии закончилась.

Руденко. Все эти известные вам террористические акты совершались по приказу вашего командира?

Лотаревич. Да. Все приказания я получал от своего начальства и выполнял их, как рассказываю.

Председательствующий. Адвокаты вопросы имеют? Нет. Обвиняемые? Нет. Бы, свидетель, свободны от дачи показаний.

Товарищ комендант, вызовите свидетеля Колендо. (Вводятся свидетель Колендо).

Председательствующий. Ваша фамилия Колендо?

Колендо. Да.

Председательствующий. Как ваше имя?

Колендо. Станислав Стефанович.

Председательствующий. Желаете говорить через переводчика или по-русски?

Колендо. Могу по-русски.

Председательствующий. Какого вы года рождения?

Колендо. 1923 года рождения.

Председательствующий. По ходатайству прокуратуры вы вызваны свидетелем по делу Окулицкого, Янковского и других. Предлагается давать правдивые показания.

Руденко. С какого времени вы состояли в «Армии Крайовой»?

Колендо. С мая 1944 года.

Руденко. Кем и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в «Армию Крайову»?

Колендо. До мая 1944 года я проживал в г. Новогрудок, где работал в магазине продавцом от городского магистрата. В первых числах мая ко мне на место работы пришел неизвестный мне молодой человек и вручил повестку, в которой мне предлагалось явиться в деревню Нечеча, Лидского района.

Руденко. Дальше.

Колендо. Повестка была подписана польским поручиком «Армии Крайовой», но подписи я не смог разобрать. В конце повестки была приписка, что за невыполнение приказа мне грозит расстрел. Опасаясь расправы, я на второй день направился в деревню Нечеча, где по прибытии от местных жителей узнал, что здесь расположен отряд «АК», именующий себя «Богданка». Я обратился в штаб этого отряда, где и предъявил повестку.

Руденко. Кто был командиром отряда?

Колендо. Мне неизвестно.

Руденко. В какую школу вас направили?

Колендо. В саперно-диверсионную школу.

Руденко. Сколько времени вы там проходили обучение?

Колендо. Я там пробыл около 20 дней.

Руденко. Что изучали?

Колендо. Я изучал, как минировать мосты, взрывать железнодорожное полотно, минировать шоссе.

Руденко. Когда это было?

Колендо. В мае 1944 года.

Руденко. Дальше.

Колендо. По окончании учебы я вернулся обратно в отряд.

Председательствующий. Повторите, через сколько времени вы закончили учебу?

Колендо. Через 20 дней и возвратился, как я сказал, обратно в отряд «Богданка».

Руденко. И продолжали там находиться?

Колендо. Да.

Руденко. Сколько человек было в этом отряде?

Колендо. Там было 100 человек.

Руденко. А отряд «Пион» — это чей отряд?

Колендо. Он входил в соединение «Армии Крайовой».

Руденко. Сколько человек было в отряде «Пион»?

Колендо. Около 50 человек.

Руденко. Какое вооружение имел отряд?

Колендо. На вооружении отряда было семь пулеметов и несколько автоматов.

Руденко. Кроме того, были и винтовки?

Колендо. Остальные участники были вооружены винтовками и гранатами.

Руденко. Для какой цели был создан указанный отряд?

Колендо. Как объяснил командир отряда, для вооруженной борьбы против советской власти и воссоздания Польши в границах 1939 года.

Руденко. Этот отряд выполнял задания по диверсиям и террору?

Колендо. Да.

Руденко. Расскажите об этом.

Колендо. Вскоре после моего вступления в отряд «Рагнера», который возглавлял действовавшие в Лидском районе отряды «Армии Крайовой», из Варшавы, которая тогда еще была занята немцами, был получен приказ развернуть подрывную работу в тылу Красной Армии, взрывать железнодорожное полотно, пускать под откос воинские эшелоны, доставлявшие наступающей против немцев Красной Армии боеприпасы и вооружение. По получении этого приказа наш отряд приступил к его выполнению, причем я принимал участие в совершении одного диверсионного акта.

Руденко. Расскажите об этом.

Колендо. В ночь с 17 на 18 сентября 1944 года я вместе с группой участников нашего отряда по приказу командира Ягельского взорвал железнодорожное полотно на перегоне между станциями Неман и Ново-Елья в знак протеста против вступления в этот день частей Красной Армии на территорию Западной Белоруссии в 1939 году.

Руденко. Значит, вы взорвали железнодорожное полотно с 17 на 18 сентября в знак протеста против воссоединения белорусских и украинских земель? Это был ваш личный протест или протест по приказу?

Колендо. Это был протест по приказу.

Руденко. Я прошу суд разрешить огласить особый приказ коменданта от 8 сентября 1944 года о проведении диверсии с 17 на 18 сентября (т. 31, л. д. 120), в котором говорится: «... Коменданты районов совместно с шефами саперов и со своими саперами приступают немедленно к приготовлению операции на день 17 сентября — это есть годовщина вторжения большевиков на нашу территорию. В этот день (лучше вечером) подлежит выполнить серию диверсионных актов на территории всех районов. Операция должна быть всеобщей: взрыв воинских эшелонов, автомашин, железнодорожного полотна, сожжение мостов, ликвидация складов и сельсоветов. Выполнение конспиративное. Этот приказ старшим районов, шефам и старшим компаний сохранить в тайне. Комендант участка «Труд».

Вы говорите именно об этих указаниях?

Колендо. Да.

Председательствующий. В левом углу особого приказа коменданта сказано: «Секретно» М. П. дня 8.9 1944 г.».

Руденко. Свидетель Колендо, это было в тот момент, когда эшелоны подвозили Красной Армии вооружение?

Колендо. Да.

Руденко. Это вредило Красной Армии?

Колендо. Да.

Руденко. Война шла с немцами?

Колендо. Да.

Руденко. Ваша деятельность была направлена во вред общему делу разгрома немцев?

Колендо (молчит).

Руденко. Ваша деятельность — взрыв железнодорожного полотна — вредила общему делу Объединенных наций?

Колендо. Да.

Руденко. Разрешите вопрос подсудимому Янковскому. Я обращаюсь к вам с вопросом именно потому, что вы непосредственно давали указания или по вашим указаниям давались такие директивы. Не считаете ли вы, что эти диверсионные акты и приказы комендантов отрядам вытекали из вашей общей директивы как организатора подполья в феврале 1944 года?

Янковский. Нет, никоим образом. Я таких указаний прямо не давал этому отряду.

Руденко. Вы же являлись председателем «совета министров»?

Янковский. Да, но я такого указания не давал.

Руденко. Но вы признаете, что на основании вашей общей инструкции могли быть даны такие указания отрядам?

Янковский. Не знаю.

Руденко. Вы слышали здесь показания свидетеля и оглашенный документ? Как вы считаете, такая подрывная деятельность, вытекающая из ваших общих директив, кому прежде всего вредила?

Янковский. Общему делу...

Руденко. Объединенных наций?

Янковский. Да.

Руденко. А кому она помогала?

Янковский. Германцам.

Руденко. Больше вопросов к Янковскому не имею. Вопрос к свидетелю Колендо.

Свидетель Колендо, вы, кроме этой диверсии, участвовали в каком-либо другом диверсионном акте?

Колендо. Да.

Руденко. В каком?

Колендо. Я участвовал в подготовке нападения на обоз одной части Красной Армии.

Руденко. Изложите кратко, как это было.

Колендо. Это было так: 27 сентября 1944 года участница нашего отряда по кличке «Блоха» — девушка лет 18 — сообщила командиру отряда Ягельскому, что из деревни Березовка в город Новогрудок поехал за продуктами обоз одной части Красной Армии и что он к вечеру будет возвращаться обратно. Командир отряда Ягельский решил совершить вооруженный налет на этот обоз. Отряд направился к шоссе, которое шло между Березовкой и Новогрудком, где и устроил засаду. Сигналом к нападению должен был быть выстрел из пистолета. В засаде мы просидели до ночи и, не дождавшись обоза, вернулись обратно в лес.

Руденко. Ну, а потом совершили все-таки нападение?

Колендо. Об этом мне неизвестно, потому что я через день был направлен вместе с группой участников нашего отряда в другое место.

Руденко. При задержании вас какое оружие у вас оказалось?

Колендо. При задержании у нас взято четыре пулемета, три автомата, четырнадцать винтовок, одиннадцать гранат и восемь килограммов боеприпасов.

Руденко. Это оружие предназначалось для взрывов, для диверсий. Понятно. Больше вопросов не имею.

Председательствующий. Вопросы больше нет. Можете быть свободны.

Товарищ комендант, введите свидетеля Урбановича.

(В зал вводится свидетель Урбанович).

Председательствующий. Ваша фамилия Урбанович?

Урбанович. Да.

Председательствующий. Имя Франц Ксаверович, 1922 года рождения? По-русски можете говорить или нужен переводчик?

Урбанович. Я знаю русский язык, могу говорить.

Председательствующий. Вы вызваны свидетелем по делу Окулицкого, Янковского и других руководителей польского подполья. Предлагается давать правдивые показания.

Руденко. Когда вы вступили в отряд «Армии Крайовой»?

Урбанович. 1 мая 1944 года.

Руденко. Чей это был отряд?

Урбанович. Отряд командира «Рагнера».

Руденко. Какую должность вы занимали в отряде?

Урбанович. Я был стрелком, затем три недели старшим стрелком, а в последнее время был начальником дружины в отряде «Рагнера».

Руденко. Сколько людей было в отряде?

Урбанович. Было три взвода. Но эти взводы вместе не находились. Мне известен только наш взвод «Джевицы», брата «Рагнера». Во взводе было 25—30 человек.

Руденко. Какое вооружение вы имели?

Урбанович. Мы имели два ручных пулемета, три-четыре автомата и винтовки.

Руденко. С какой целью создавался отряд?

Урбанович. Как нам говорил командир, чтобы работать в тылу Красной Армии.

Руденко. Как «работать»?

Урбанович. Совершать террористические акты против бойцов и офицеров Красной Армии и мирных советских граждан.

Руденко. Что вам известно о деятельности отрядов «АК» в период немецкой оккупации?

Урбанович. Мне известно, что в мае 1944 года отряд «Рагнера» вел двухдневный бой с советскими партизанами за рекой Неман, возле деревни Альховцы, Лидского района. Мы понесли тогда потери — убитыми 30 человек. А сколько было убито советских партизан — мне неизвестно.

Руденко. А рота «Пазурковича»?

Урбанович. Рота «Пазурковича» в конце мая 1944 года выступала вместе с немцами, вела бой против советских партизан.

Руденко. Значит, и «АК»-овцы выступали против советских партизан? Что вам еще известно о выступлениях «АК»-овцев против партизан, против их семей или лиц, связанных с партизанами?

Урбанович. В мае 1944 года жандармерией «Рагнера» была арестована в деревне Огородники группа лиц в количестве 12—15 человек. Я видел, когда находился в роте «Фреда», что эти лица были доставлены в штаб «Рагнера» жандармами. На другой день, как говорили мне стрелки «Грст», «Коже» и «Ляс», эти лица были расстреляны жандармами батальона «Рагнера».

Руденко. За что они были расстреляны?

Урбанович. За связь с советскими партизанами.

Руденко. Из ваших показаний явствует, что в период немецкой оккупации отряды «АК» вместе с немцами выступали против советских партизан. А что делали отряды «АК» в период прихода Красной Армии?

Урбанович. Когда Красная Армия вступила в области Западной Белоруссии, «Рагнер» возвратился из похода на Вильно и

организовал отряд, состоявший из трех взводов. В тылу Красной Армии он совершал террористические акты против бойцов и офицеров Красной Армии и советских мирных жителей. Отряд занимался грабежом мирного советского населения.

Руденко. Расскажите, что вам известно о расстрелах?

Урбанович. Мне известен факт расстрела лейтенанта Красной Армии.

Руденко. Когда и при каких обстоятельствах?

Урбанович. 27 ноября 1944 года дружина «Бревко», под руководством взводного «Джевица», брата «Рагнера», совершила ночную вылазку для грабежа мирного населения. Когда мы пришли в деревню Люборы, взводный узнал, что у одного крестьянина ночует лейтенант Красной Армии. Взводный «Джевица» дал приказ мне и еще трем стрелкам задержать лейтенанта Красной Армии и доставить его к нему. Мы, выполняя это приказ, вошли в дом без шума. Воспользовавшись случаем, что лейтенант спал, мы обезоружили его, связали руки и доставили к взводному «Джевица». Потом «Джевица» приказал нам доставить лейтенанта Красной Армии на подводе в штаб «Рагнера», который находился в лесу близ деревни Дитрики. Там, в штабе, после 3—4 часов допроса командир «Рагнер» дал приказ взводному «Джевица» расстрелять лейтенанта. Взводный «Джевица» в свою очередь приказал это выполнить Брилевскому, по кличке «Муха», и «Бревко», а мне — конвоировать и охранять место расстрела. Этот приказ нами был выполнен. Лейтенант Красной Армии был расстрелян в каких-нибудь 70 метрах от штаба из пистолета. Расстреливал Брилевский, а я охранял место расстрела. Труп был закопан, а шинель, сапоги, брюки Брилевский и «Бревко» сняли и снесли к себе в шалаш.

Руденко. Что вы еще знаете об убийствах советских бойцов и жителей?

Урбанович. Взвод «Жида» в ноябре 1944 года обстрелял военную машину Красной Армии. Было убито два военнослужащих, а машина сожжена.

Руденко. Когда это было?

Урбанович. Это было в ноябре 1944 года.

Руденко. Что вам известно еще о фактах расправы над советскими гражданами?

Урбанович. В начале ноября 1944 года в штаб «Рагнера» был доставлен неизвестный мне советский гражданин, и я лично видел, как этот гражданин был расстрелян взводным «Джевица» возле штаба. За что он был расстрелян и кто он такой — я не знаю.

Руденко. Что еще знаете?

Урбанович. Мне еще известна казнь через повешение одного советского мирного жителя.

Руденко. Кто его казнил?

Урбанович. В ноябре 1944 года дружина «Бревко» под руководством взводного «Джевица» ночью совершила вылазку за

продуктами в деревню Дитрики. Там был задержан мирный житель этой деревни. В каком-нибудь километре от деревни он был казнен через повешение. Участие в этом принимали: взводный «Джевница», рядовые «Щупак» и «Мотыль». Я стоял с двумя стрелками в дозоре и охранял место казни.

Руденко. Его повесили?

Урбанович. Да, повесили.

Руденко. Итак, при немцах вы отряд вместе с немцами вели борьбу против советских войск, а когда пришла Красная Армия, вели подрывную работу в тылу Красной Армии, убивали мирных советских граждан?

Урбанович. Да.

Председательствующий. Адвокаты не имеют вопросов? Нет. Комендант, введите свидетеля Неверовского. (Вводится свидетель Неверовский).

Председательствующий. Ваша фамилия Неверовский?

Неверовский. Да.

Председательствующий. Имя, отчество — Вацлав Иосифович, 1916 года рождения?

Неверовский. Вацлав Иосифович, 1916 года рождения.

Председательствующий. По-русски можете говорить?

Неверовский. По-русски могу.

Председательствующий. Вы вызваны в суд свидетелем по делу Окулицкого и других. Предлагается давать правдивые показания.

Руденко. С какого времени вы состояли в отряде «Армии Крайовой»?

Неверовский. С августа 1944 года.

Руденко. Отряд, в котором вы находились, как именовался?

Неверовский. Польско-повстанческий.

Руденко. Кто руководил этим отрядом?

Неверовский. Гладких Витольд Францевич.

Руденко. Где находился этот отряд?

Неверовский. В районе Новогрудок.

Руденко. Сколько было людей в этом отряде?

Неверовский. Вначале числилось 80 человек, потом стало 30 человек.

Руденко. Какое оружие у вас было?

Неверовский. Пять автоматов, один пулемет, пять винтовок, пятнадцать гранат.

Руденко. Что вам известно о террористической деятельности отряда против советских граждан, советского актива, партизан?

Неверовский. Мне известно, что командир с двумя часовыми захватил в деревне Марулины партизана Костюшина. Когда я пришел, Костюшин уже лежал на земле. Командир приказал, чтобы я его расстрелял. Я двумя выстрелами в голову убил его.

Руденко. Вы расстреляли советского партизана Костюшина?

Неверовский. Да. После этого труп Костюшина зарыли на месте расстрела.

Руденко. Что еще вам известно?

Неверовский. В конце сентября 1944 года наш отряд вместе с Шульцем — заместителем командира — пришел в деревню к дому Урбановича. Он оказал сопротивление. Тогда Шульц приказал бросить в комнату гранату, но граната не взорвалась. Затем Шульц вынул двери, мы вошли в дом, произвели ограбление, забрали Урбановича, завели его в лес, и Шульц дал распоряжение Курчицкому и Бубылю, чтобы его расстрелять.

Руденко. Это тоже был советский партизан?

Неверовский. Да.

Руденко. Что еще вы знаете о деятельности отряда?

Неверовский. Отряд производил ограбления.

Руденко. Кого?

Неверовский. Мирных граждан, населения.

Руденко. Расскажите, как это было.

Неверовский. Ночью мы вошли в деревню Марутины, где произвели ограбление в доме Свирида; мы забрали у него двух свиней, два пуда муки и военную одежду.

Руденко. Произвели налет ночью с автоматами?

Неверовский. Да. Еще произвели ограбление в деревнях Котлово и Мостище.

Руденко. Кому ваш отряд подчинялся?

Неверовский. Наш отряд подчинялся бывшему польскому правительству.

Руденко. Нет, кто был командиром этого отряда?

Неверовский. Командиром был «Гиль».

Руденко. А кто такой «Рагнер»?

Неверовский. «Рагнер» был в районе Лиды.

Руденко. Значит, ваш отряд «Армии Крайовой» совершил несколько террористических актов и совершал грабежи мирного населения. Так?

Неверовский. Да.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 15 минут.

* * *

Комендант. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться.

Подсудимый Окулицкий, показания, которые вы дали на предварительном следствии о вашей деятельности в тылу Красной Армии, вы подтверждаете?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. В частности, на допросе 31 мая 1945 года вы заявили следующее:

«Я признаю себя виновным в организации и руководстве подрывной работой в тылу Действующей Красной Армии, выражившейся в создании нелегальной военно-политической организации под наименованием «НЕ» для вооруженной борьбы против Красной Армии и Советского Союза, так как нам казалось,

что Советский Союз угрожает независимости Польши». Правильно?

Окулицкий. Правильно.

Председательствующий. Далее вы показали: «Я виновен также в том, что организовал вместе с подпольным советом министров враждебную пропаганду против Красной Армии среди польского населения. Не могу отрицать того, что подрывная работа в тылу Действующей Красной Армии была направлена в ущерб борьбе Объединенных наций против гитлеровской Германии». Правильно?

Окулицкий. Да, правильно.

Председательствующий. У меня вопросов больше нет. Товарищ прокурор, у вас есть вопросы?

Афанасьев. Подсудимый Окулицкий, расскажите суду, когда и каким образом вы попали в Польшу?

Окулицкий. В Польшу я прибыл 25 мая 1944 года из Италии, был сброшен на парашюте.

Афанасьев. Что вы делали в Италии?

Окулицкий. Там я командовал 7-й пехотной дивизией. Затем, в связи с собственным желанием работать в своей стране, был откомандирован и сброшен на парашюте в Польшу.

Афанасьев. В мае 1944 года?

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. Для какой цели вы прибыли в Польшу?

Окулицкий. Я прибыл как один из заместителей главного командующего «Армией Крайовой» генерала «Бур»-Комаровского.

Афанасьев. Кем вы были назначены на эту должность?

Окулицкий. Генералом Соснковским.

Афанасьев. Где это назначение произошло?

Окулицкий. В Лондоне в марте 1944 года.

Афанасьев. В марте 1944 года вы были в Лондоне?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Кто вас вызвал в Лондон?

Окулицкий. Я был вызван туда генералом Соснковским.

Афанасьев. И после этого вылетели в Италию?

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. И из Италии были переброшены в Польшу?

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. С какого самолета вы были сброшены?

Окулицкий. Я был сброшен с самолета типа «Либерейтор», который вели польские летчики.

Афанасьев. По прибытии в Польшу вы сразу же приступили к исполнению своих обязанностей?

Окулицкий. Нет. Я прибыл в Варшаву 1 или 2 июня, после этого я заболел и только когда поправился, приступил к своим обязанностям. Это было в конце июня 1944 года.

Афанасьев. С конца июня 1944 года по день вашего ареста вы непосредственно занимались работой в «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. Сначала вы были в должности заместителя командующего, а потом командующим?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. При каких обстоятельствах и когда вы были назначены командующим «Армией Крайовой»?

Окулицкий. Командующим Армией Крайовой я был назначен 1 октября 1944 года «Бур»-Комаровским, когда была решена сдача Варшавы немцам. А главным командованием польской армии в Лондоне я был утвержден на эту должность в конце декабря 1944 года.

Афанасьев. Но до этого утверждения вы фактически уже исполняли обязанности командующего «Армией Крайовой»?

Окулицкий. В округах, которые находились от линии фронта на запад, фактически руководил я, а на восток от линии фронта — нет.

Афанасьев. Пет?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. До дня ареста?

Окулицкий. До дня ареста.

Афанасьев. Какие указания вам были даны в Лондоне перед вашей поездкой в Польшу?

Окулицкий. Перед моей поездкой в Польшу генерал Соснковский мне сказал, что наступательные действия Красной Армии могут привести к разгрому немецкой армии и захвату всей территории Польши Красной Армией, что это будет угрожать независимости Польши и против этого необходимо принять соответствующие меры.

Афанасьев. Генерал Соснковский не ставил перед вами задачу совместной с Красной Армией борьбы против немцев?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. Шел разговор только о борьбе с Красной Армией?

Окулицкий. Было указано, что борьбу против немцев мы должны вести до конца.

Афанасьев. Но эти указания сводились к борьбе против Красной Армии?

Окулицкий. Я вас не понял. Его указания были следующие: борьбу против Германии нужно вести до конца, но он считал, что Советский Союз угрожает независимости Польши, поэтому надо принять необходимые меры, когда Польша будет занята Красной Армией, чтобы можно было отстоять ее независимость, которой, по его словам, угрожал Советский Союз.

Афанасьев. Соснковский дал вам указание о том, как нужно было вести эту борьбу?

Окулицкий. Он указывал, что независимо от командного состава, который после борьбы с немцами должен явиться к командованию Красной Армии, должен быть организован другой командный состав, задача которого будет состоять в том, чтобы остаться в подполье.

Афанасьев. Какие задачи были поставлены перед этим подпольем?

Окулицкий. Эти задачи изложены не были.

Афанасьев. Даже не было указаний в общих чертах?

Окулицкий. Была только одна задача — сохранить подпольные кадры для борьбы за независимость.

Афанасьев. А в отношении задач подпольной организации инициатива была предоставлена вам?

Окулицкий. Этот вопрос являлся вопросом будущего.

Афанасьев. Но этот вопрос непосредственно встал после вашего прибытия в Польшу?

Окулицкий. Нет, как я понимал, действия, которые должны быть развернуты в будущем, зависели от того, каковы будут обстоятельства.

Афанасьев. Соснковский дал установку, что должны делать подпольные военные отряды «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. По прибытии в Польшу вы докладывали «Бур»-Комаровскому об установках Соснковского?

Окулицкий. Да, доложил.

Афанасьев. Какое решение принял «Бур»-Комаровский?

Окулицкий. Он сказал, что данный вопрос им продуман и главное командование «Армии Крайовой» приступило к созданию новой законспирированной организации под названием «НЕ».

Афанасьев. Когда вы докладывали «Бур»-Комаровскому?

Окулицкий. В июне 1944 года.

Афанасьев. Выходит, что ваш доклад не явился для него новостью? Он не сказал вам, что он имел уже указания из Лондона?

Окулицкий. Он говорил, что были указания, как нужно действовать при встрече с Красной Армией.

Афанасьев. Следовательно, он до вашего прибытия в Польшу имел указания?

Окулицкий. Да, имел от Соснковского.

Афанасьев. Что сказал «Бур»-Комаровский, какие мероприятия он уже провел к июню 1944 года?

Окулицкий. Он сказал, что приняты меры и новая законспирированная организация «НЕ» создается.

Афанасьев. Руководителем этой организации он назначил вас?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. А кого?

Окулицкий. Я был заместителем по оперативной линии.

Афанасьев. Но с июля были «АК» и эта новая организация «НЕ», они существовали параллельно?

Окулицкий. Нет, организация «НЕ» была создана только на восток от линии фронта. Она там должна была действовать. Организационная работа в штабе мне не принадлежала.

Афанасьев. Кто занимался этой организационной работой?

Окулицкий. Полковник «Ниль», он же Фильдорф.

Афанасьев. В июне—июле вы разговаривали с Фильдорфом?

Окулицкий. Я был в Варшаве один раз, за два дня перед началом восстания, когда докладывал «Бур»-Комаровский. Тогда было решено, что я буду в будущем командовать этой организацией «НЕ».

Афанасьев. Когда этот вопрос был решен?

Окулицкий. За день-два до варшавского восстания.

Афанасьев. Вначале этой организацией руководил Фильдорф?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. А за несколько дней — за день-два перед варшавским восстанием — руководителем этой организации были назначены вы?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Фильдорф докладывал вам о мероприятиях, которые он провел по организации?

Окулицкий. Нет. После я встретился с ним в декабре 1944 года.

Афанасьев. Тогда вы уже были командующим «Армией Крайовой» и формально?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. И осуществляли руководство не только западным, но и восточными округами полностью?

Окулицкий. Да, только я не командовал, потому что не было связи.

Афанасьев. Связи не было, но вы все же командовали?

Окулицкий. Нет, не командовал, потому что не было связи.

Афанасьев. Вы были командующим «Армией Крайовой» на западе и на востоке?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. В ваше подчинение входили все части «Армии Крайовой» как на западе, так и на востоке?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Без разграничения?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Какие разговоры были у вас в декабре с Фильдорфом?

Окулицкий. Он заявил, что есть новые указания от главного командования из Лондона относительно дальнейшей работы. Есть радиграмма о создании новой организации.

Афанасьев. Вы это подтверждаете?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Она действительно была вами получена и вы с этой радиграммой ознакомили Янковского?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. Какую должность вы в то время занимали?

Окулицкий. Командующего «Армией Крайовой».

Афанасьев. Подсудимый Янковский, радиogramму, о которой говорит Окулицкий, вы получили?

Янковский. Да.

Афанасьев. Когда это было?

Янковский. В декабре 1944 года или в начале 1945 года, точно не помню.

Афанасьев. Подсудимый Окулицкий, уточните, когда получена радиogramма или их было несколько?

Окулицкий. Эта была одна радиogramма.

Афанасьев. В каком месяце?

Окулицкий. Может быть, в декабре, числа не помню.

Афанасьев. Что было дальше, после получения радиogramмы?

Окулицкий. Согласно указанию, я дал приказ создать новую организацию.

Афанасьев. Уже по всей «Армии Крайовой»?

Окулицкий. В радиogramме было указано о создании отдельной организации. Я прошу высокий суд, чтобы эта радиogramма была зачитана. Из нее ясно, какие задачи ставились перед этой организацией.

Председательствующий. В каком томе?

Афанасьев. Том 1 — Документы. Имеется в виду радиотелеграмма за № 11869 от 8 декабря из Лондона.

Председательствующий. По просьбе подсудимого Окулицкого оглашается радиотелеграмма от 8 декабря № 11869 из Лондона:

«Сообщаю полный текст постановления правительства от 14 октября 1944 г.: В связи со сложившейся обстановкой в Польше необходимо провести очень много конспиративной и легальной работы. Окончательная ликвидация последствий войны будет фундаментироваться на принципах независимости Польши и будет проводиться под руководством единственно законного польского правительства, пребывающего в Лондоне. Люблинский комитет является учреждением незаконным и самозванным. Все они — бесправные пришельцы и будут ликвидированы вместе с оккупантами, как стоящие на путях восстановления нашей независимости.

Ввиду этого необходимо провести следующие мероприятия: 1) распустить имеющиеся подразделения на территории Польши, 2) законспирировать «Армию Крайову», 3) тщательно укрыть оружие, 4) организовать нелегальные руководящие органы и связь, 5) сохранить людей. Разглашение содержания настоящего постановления влечет за собой суровое наказание в отношении лиц, разгласивших секретность его. Настоящее постановление исходит действительно от правительства «Варта».

Афанасьев. Вы говорили об этой радиogramме?

Окулицкий. Правильно.

Афанасьев. В соответствии с этой радиogramмой вы и строили свою работу?

Окулицкий. Правильно.

Афанасьев. Какие задачи были поставлены перед организацией?

Окулицкий. Стоял организационный вопрос — сохранение кадров.

Афанасьев. Прежде всего скажите о целях организации.

Окулицкий. Борьба за независимость Польши.

Афанасьев. Как вы понимали эту борьбу — борьба с Красной Армией?

Окулицкий. В присяге и в нашем организационном уставе была предусмотрена борьба против всех, кто будет посягать на независимость Польши.

Афанасьев. В радиogramме сказано, что это борьба должна проводиться против Люблинского правительства. Должны быть уничтожены вместе с ним и «оккупанты».

Окулицкий. Да. Организационная работа велась таким образом, чтобы создать кадры.

Афанасьев. Когда была закончена вами эта организационная работа?

Окулицкий. Она не была закончена.

Афанасьев. До дня вашего ареста?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Но вы какие-то практические указания давали своим подчиненным?

Окулицкий. Я дал указания командирам.

Афанасьев. Вопрос о терроре ставился?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. Вчера вы показания свидетеля Янсона слышали?

Окулицкий. Слышал.

Афанасьев. Он получал установки по организации «НЕ» в Польше. Вы в это время были заместителем генерала «Бур»-Комаровского?

Окулицкий. Да, был.

Афанасьев. С «Бур»-Комаровским вы предварительно имели разговор, и, следовательно, о тех установках, которые получал Янсон, вы не могли не знать?

Окулицкий. Нет, о них я не знал, я и новую организацию не создавал по приказу, который был получен.

Афанасьев. А чем новый приказ отличался от старого?

Окулицкий. Тем, что действия новой организации должны быть такими, чтобы сохранить силы, не должно быть никаких активных действий.

Афанасьев. В телеграмме было сказано: «Все они — бесправные пришельцы и будут ликвидированы вместе с оккупантами».

Окулицкий. Имелось в виду будущее.

Афанасьев. Вы говорите о будущем. А я говорю о том, что все это было в настоящем, и вы вчера об этом слышали: ваши люди по вашему приказу делали те дела, о которых они рассказывали здесь суду.

Окулицкий. Но они не делали это по приказу, о котором я говорил.

Афанасьев. А по какому приказу?

Окулицкий. Они делали по какому-то другому приказу, о котором я не знаю.

Афанасьев. А кто являлся командующим «Армией Крайовой»?

Окулицкий. «Бур»-Комаровский.

Афанасьев. А после?

Окулицкий. Я.

Афанасьев. Вы слышали, что и в декабре, и в январе, и в феврале производились убийства. Кто тогда был командующим «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Я.

Афанасьев. Кто отвечает за эти убийства?

Окулицкий. Я отвечаю за все. Но я должен сказать, что я тогда не имел никакой связи, никаких сведений. Об этих фактах я узнал только во время следствия.

Афанасьев. Вы помните, что в декабре вы встречались с Фильдорфом, и он информировал вас?

Окулицкий. Он сказал, что он инструктировал «Армию Крайову» в восточных округах.

Афанасьев. Это те части ее, с которыми вы не имели связи?

Окулицкий. Он их инструктировал. Но когда я ему передал эту радиограмму, он сказал, что она почти не расходится с тем, что он сказал.

Афанасьев. Но в это время в восточных округах вы командовали?

Окулицкий. Можно сказать, не командовал, не имел с ними связи.

Афанасьев. Но вам Фильдорф докладывал?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Он докладывал вам, что там производится террор в отношении военнослужащих Красной Армии?

Окулицкий. Он докладывал, какие он дал указания.

Афанасьев. О терроре он говорил?

Окулицкий. Он говорил, что там более активна деятельность организации «НЕ».

Афанасьев. В чем эта активность выражалась?

Окулицкий. Я об этом ничего не знал.

Афанасьев. И Фильдорф вам ничего не доложил?

Окулицкий. Нет. Никакой связи с восточными округами мы не имели и никаких сведений не получали.

Председательствующий. Что вы подразумеваете под «восточными округами»?

Окулицкий. Господин председатель, я называю восточными округами округа, находившиеся на восток от линии фронта в период от июля 1944 года до января 1945 года. Восточные округа — это воеводства Новогрудское, Волынское, Станиславское, Тарнопольское, Львовское, Люблинское, часть Краковского.

Председательствующий. То-есть западные области Белоруссии, Украины и часть Литовской ССР?

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. Вам Фильдорф докладывал, что он по приезде в восточные области дал установку на проведение террора?

Окулицкий. Я так его понял.

Афанасьев. Поняли, видимо, так, как он докладывал?

Окулицкий. Он мне докладывал, что там более активно ведется борьба. Это был устный доклад, а не письменный, и потому я только помню, что он мне говорил, что по его мнению там большая активность.

Афанасьев. Вы показывали, что Фильдорф вам доложил, что он дал следующие установки: 1) создать в округах-обшарах вооруженные отряды численностью по 50—60 человек; 2) оружие и боеприпасы припрятать; 3) это оружие использовать для самообороны, то-есть для оказания вооруженного сопротивления советским властям в случае провала организации и для совершения террористических актов против представителей советской власти на территории СССР, а также против офицеров и солдат Красной Армии?

Окулицкий. Да, правильно. Насколько я помню, так.

Афанасьев. Но вы не отрицаете?

Окулицкий. Я не отрицаю, но не могу точно сказать.

Афанасьев. Следовательно, уже в декабре вами была санкционирована диверсионно-террористическая работа в этих восточных округах.

Окулицкий. Я приказал провести во всей Польше организационную работу по созданию «НЕ».

Афанасьев. Нет, позвольте, вам Фильдорф доложил, что он дал такую установку. Вы согласились с ним?

Окулицкий. Нет, я сказал...

Афанасьев. Вы отменили ее?

Окулицкий. Я не отменил потому, что не было никакой связи.

Афанасьев. Как же, ведь Фильдорф приезжал в декабре из восточных округов?

Окулицкий. Нет, он перед варшавским восстанием был в восточных округах.

Афанасьев. Следовательно, эта установка о террористической деятельности в тылах Красной Армии была дана перед варшавским восстанием, в то время, когда Красная Армия боролась за освобождение Варшавы?

Окулицкий. Нет, раньше.

Афанасьев. А после?

Окулицкий. Это указание было отменено. В декабре я получил новый приказ.

Афанасьев. Вы приказ Фильдорфа отменили?

Окулицкий. Да, в декабре.

Афанасьев. Через кого?

Окулицкий. Через самого Фильдорфа.

Афанасьев. А после этого террористическая деятельность прекратилась?

Окулицкий. Я еще раз повторяю, что не имелось никакой связи с восточными округами.

Афанасьев. Но если вы не имели никакой связи, как же вы могли отменить приказ?

Окулицкий. Я отменил там, где мог отменить. Там, куда этот приказ мог дойти, он был отменен.

Афанасьев. В ваших показаниях вы говорили: «Однако я лично считал, что установки Фильдорфа по террору, которые он дал летом 1944 года комендантам восточных округов Польши, являются преждевременными, так как полагал, что террористические акты в тылу Красной Армии со стороны только что созданных звеньев организации «НЕ» могут привести к провалу всей организации». Это говорит о том, что вы не были против террористической деятельности, вы ее оправдывали, но считали, что она преждевременна, так как это может расконспирировать «НЕ».

Окулицкий. В тот момент, когда Красная Армия дралась с немцами, я не хотел никакой вооруженной борьбы.

Афанасьев. Никакой вооруженной борьбы не хотели?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Зачитываю дальше: «Но эти установки Фильдорфа я не отменил».

Окулицкий. Я не мог их отменить. Я отменил их в западных округах, где имелась связь; в восточных округах, где не было связи, я не отменял.

Афанасьев. Вы не пытались это сделать?

Окулицкий. Я пытался, но ничего не добился.

Афанасьев. Вы имели сведения о восточных округах после доклада Фильдорфа?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. А общую политическую информацию вы получали от главного командования?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. И вы были против террора в восточных округах?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Почему же вы не поставили вопрос об отмене террора?

Окулицкий. Потому, что я об этом терроре узнал во время следствия.

Афанасьев. В декабре вы знали это от Фильдорфа?

Окулицкий. Я знал указания Фильдорфа, а о самих фактах террора я не знал.

Афанасьев. Но когда указания давались, то их исполняли подчиненные, верно?

Окулицкий. Верно.

Афанасьев. До какого времени вы не имели связи?

Окулицкий. Я не имел связи до конца. В ноябре 1944 года

через коменданта Варшавского округа «АК» я получил из восточных округов сведения, что один отряд находится в тяжелом положении, что у него нет вооружения, и тогда я отдал приказ распустить этот отряд. Затем я получил сведения в конце февраля и в начале марта.

Афанасьев. Вы утверждаете, что указаний по террору не давали, но какие установки были даны Фильдорфом?

Окулицкий. Насколько помню, другие.

Афанасьев. В соответствии с его установками террористическая деятельность проводилась?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. В декабре вам докладывал Фильдорф, что ему дана установка на проведение террористической деятельности в тылу Красной Армии против солдат и офицеров Красной Армии.

Окулицкий. Да. Только, господин генерал, это были установки Фильдорфа, это был террор единичный.

Афанасьев. И «единичный» вы одобряли?

Окулицкий. Нет, я не одобрял никакого террора.

Афанасьев. Но террор проводился?

Окулицкий. Я узнал об этом на следствии.

Афанасьев. Не только в ходе следствия вы узнали об этом, вы узнали об этом еще в декабре от Фильдорфа.

Окулицкий. В декабре от Фильдорфа я узнал о его установках в восточных округах, но о случаях террора я не знал.

Афанасьев. Ни одного случая такого не знали?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. И узнали об этом только в процессе следствия?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Вчера ваш непосредственный подчиненный Янсон рассказал суду о том, какие установки он получал в июне в Варшаве и как практически на месте их выполняли. Янсон, Герман, Кузьминский — это непосредственно ваши люди были?

Окулицкий. Да, но они действовали не по моему приказу.

Афанасьев. Их террористические акты и диверсионная работа проводились до ареста в феврале?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Февраль, январь, декабрь вы были главнокомандующим?

Окулицкий. Да, но я только не командовал этими округами.

Афанасьев. Как это не командовали?

Окулицкий. Потому что для этого нужно было иметь связь.

Афанасьев. Янсон сказал, что была получена радиограмма.

Окулицкий. Получена радиограмма, но без подписи.

Афанасьев. Но эта радиограмма была получена в ответ на радиограмму, посланную по шифру 555, то-есть по радиограмме, которая могла пасть только непосредственно вам в руки?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Следовательно, ответ мог быть только от вас?

Окулицкий. Ответ мог быть от лондонского центра, потому что шифр был не только для меня. Если командование мое восточным обшаром Янсона выражалось в единичной депеше, хотя бы она была и правдивой, тогда я дурак, а не командующий.

Афанасьев. Если вы были против террора, то вы бы могли отменить директиву о терроре?

Окулицкий. Да, если бы я знал.

Афанасьев. Вы знали, потому что Фильдорф докладывал вам в декабре.

Окулицкий. Фильдорф докладывал об установке, но не о терроре.

Афанасьев. Вы — главнокомандующий. В восточных округах систематически проводилась диверсионная работа, совершались террористические акты в тылу Красной Армии. Кто же отвечает за эти акты?

Окулицкий. Я отвечаю. Я не виноват в этом, но я отвечаю. (В зале смех).

Афанасьев. Именно вы виноваты, и вы отвечаете.

Окулицкий. Нет, я это различаю. Я как главнокомандующий отвечаю, если по моему указанию были действия против Красной Армии или если я узнал о каких-либо действиях, но не противодействовал.

Афанасьев. Да, вы о действиях знали, а не противодействовали?

Окулицкий. Нет, следствием не установлено, действительно ли я знал о фактах террора и не противодействовал там, где знал.

Афанасьев. Вы имели прямые указания от польского эмигрантского «правительства» в Лондоне в той радиোগрамме, которую зачитал суд.

Окулицкий. Там нет ни слова о терроре.

Афанасьев. А что значит «уничтожать»?

Окулицкий. Это в будущем.

Афанасьев. А в настоящем это не делалось?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. По-вашему, нет?

Окулицкий. По-моему, было ясно, что организационный период еще не окончен. Если бы я издавал приказы о терроре, тогда бы я знал, что террор действует.

Афанасьев. Но вы знали, что такие приказы были до вас?

Окулицкий. Я их отменял.

Афанасьев. Вы их не отменили. Вы не можете подтвердить, что отменили.

Окулицкий. Да, к сожалению, я не могу. А вы должны подтвердить, что я давал указания о терроре.

Афанасьев. Вы ничем не можете подтвердить здесь, на суде, что вы такие приказы отменили.

Окулицкий. Я не могу дать вам никаких доказательств. Вы должны мне доказать, что я давал указания о терроре.

Афанасьев. Дача вами указаний о терроре подтверждена свидетелем Янсоном. Из ваших показаний видно, что Фильдорф вам докладывал, что им даны были установки по террору. Об этом вы узнали в декабре 1944 года, и до дня вашего ареста директив об отмене их дано не было. Вы утверждаете, что дали такие указания, а в своих показаниях, которые здесь зачитывались, вы говорили, что эти установки не отменили, так как узнали об этом в декабре 1944 года. Но с декабря до дня вашего ареста прошло три месяца.

Окулицкий. В декабре 1944 года я издал приказ о создании организации «НЕ» на основе полученного приказа из Лондона. Когда я узнал, что существуют вооруженные отряды, я приказал их распустить и борьбу не вести.

Председательствующий. А «самооборона» допускалась?

Окулицкий. В организации «НЕ» должны были быть сохранены радиостанции для задач контрразведки.

Председательствующий. Как расшифровать на вашем языке «самооборону»?

Окулицкий. Если агент предал организацию, мы должны его уничтожить.

Председательствующий. Еще кого, представителей какого государства?

Окулицкий. Если входил советский гражданин, конечно, тоже.

Председательствующий. «Самооборона» понималась вами как «психологическое воздействие», как об этом говорил ваш «премьер-министр» Янковский, или должна была проводиться путем других мероприятий? Каким образом «обороняться» от органов советской власти, которые «покушались» на ваши тайные склады оружия или радиостанции?

Окулицкий. Здесь имелась в виду задача дать только возможность убежать радисту.

Председательствующий. А если преследуют?

Окулицкий. Стрелять, конечно.

Председательствующий. Можно убить советского человека, применяя директиву о терроре, и можно убить советского активиста, исполняя ваш приказ. Для убитого все равно, по какой директиве он убит участниками «АК».

Афанасьев. На следствии вы объяснили «самооборону» так: «Самооборона должна заключаться в организации разведывательной работы и вооруженном сопротивлении органам советской власти, Временному правительству и советским вооруженным частям в случае провала звеньев организации «НЕ». Вместе с тем я предлагал по возможности избегать открытых вооруженных столкновений».

Окулицкий. Точно.

Афанасьев. Вы говорили: «по возможности избегать открытых столкновений». Так?

Окулицкий. Всяких столкновений.

Афанасьев. Я зачитал ваши собственные показания.

Окулицкий. Есть ряд доказательств, которыми можно подтвердить, что я этого не хотел.

Афанасьев. Значит, вы полагали, что тех людей, которые в тылу Красной Армии занимаются шпионской деятельностью, трогать нельзя?

Окулицкий. Я ни по шпионажу, ни по диверсиям не давал указаний и не предвидел, что это будет проводиться организацией «НЕ».

Афанасьев. Перейдем теперь к шпионажу. Командование «Армии Крайовой» занималось разведывательной деятельностью?

Окулицкий. Занималось.

Афанасьев. Организация «НЕ» после формального роспуска «Армии Крайовой» сохранила у себя разведывательный аппарат?

Окулицкий. Нет, после роспуска «Армии Крайовой» свой разведывательный аппарат главное командование не сохранило, мы сохранили лишь неработающий аппарат.

Афанасьев. Сохранили неработающий шпионский аппарат?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Как был велик этот «неработающий» шпионский аппарат, в каком количестве он выражался?

Окулицкий. На этот вопрос я не могу ответить.

Афанасьев. Что же, он был у вас «на отдыхе»?

Окулицкий. Этот вопрос упирался в вопрос о деньгах, а не в количество людей.

Афанасьев. До какого времени действовал разведывательный ваш аппарат?

Окулицкий. До половины января 1945 года.

Афанасьев. Разведывательной работой в тылах Красной Армии вы занимались?

Окулицкий. Нет, против Красной Армии я не занимался.

Афанасьев. А в чем заключалась сущность вашей разведывательной работы, против кого она была направлена?

Окулицкий. Мы предусматривали, что самые лучшие работники этого аппарата должны остаться как кадры.

Афанасьев. Вы их оставили на будущее?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Я прошу суд огласить телеграмму № 72/771 от 11 ноября 1944 года, том 32, л. д. 31—36.

Председательствующий. Оглашается перевод с польского текста телеграммы: «Из центра. «Иодле», «Термиту», «Мечиславу», «Жека», «Музеум», «Барка». С ликвидацией варшавского центра разведка перестала пересылать исчерпывающие фотогра-

фические месячные разведывательные рапорты. Так как знание военных намерений и возможностей немцев и Советов на востоке имеет основное значение для предвидения и планирования дальнейшего развития событий в Польше, вы должны хотя бы частично ликвидировать пробел, передавая разведывательные донесения, согласно указанию разведотдела штаба: 1. Идентификация требует номеров военных соединений, находящихся в данном районе, их количественный состав и дислокацию. В случае невозможности узнать номера передайте условный знак военных единиц, их род — бронетанковые, пехотные, фамилии командиров от полковника и выше, название района, например, Франконско-Судетский, название дивизии, например, Энтонф, номер полевой почты. 2. Условный знак. Мы чувствуем недостатки в рисунках условных обозначений, определенных вашим центром от 700 до 900, от 1000 до 1100 и выше 1700. Передавайте описания и рисунки отсутствующих условных обозначений, в будущем передавайте условные обозначения дивизий и бригад Вермехт и Вафф Ваффен СС. При нумерации условного обозначения передавайте только короткое описание для контроля зашифрованного номера, не спутайте условного обозначения с тактическими обозначениями. 3. Транспорт. В рапортах о транспорте войск передавайте количество эшелонов, их движение — откуда, куда, их содержимое — амуниция, военные единицы. Разрозненные отряды в случае транспортирования военных единиц, необходимо указать условное их обозначение и номер, а также маршрутные номера и обозначения эшелонов. Организуйте систематическое наблюдение за железнодорожными узлами и периодически передавайте сведения о двухстороннем движении эшелонов, их количестве — войск, снабжения, эвакуации раненых и т. д. 4. Необходимо всякое наблюдение за выполнением земельных работ, постройками долговременных укреплений и т. п. 5. Общие а) с фронтовой полосы сообщайте всякие изменения и поведение обеих сторон, прежде всего передавайте факты, а не собственные впечатления, б) нужны всякие данные, касающиеся призыва в армию, создания новых единиц, принудительный угон на работу, террор, концентрационные лагеря, настроения в армии. Политические и экономические сведения. 6. Промышленность. Нам очень важно, чтобы вести постоянное наблюдение за важнейшими предприятиями военной промышленности на всей территории, куда только можно проникнуть. В каждом предприятии сообщайте количество месячной продукции, количество рабочих, запасов сырья, о трудностях с продукцией. Больше всего нас интересует информация о продукции танков и других самоходных установок, вооружения, боеприпасов, летного и морского вооружения, паровозов и вагонов. Состояние угольной и химической промышленности, состояние железнодорожных коммуникаций. Желательны месячные рапорты по каждому разделу. 7. Авиация. Нужны нам авиасведения — данные об авиасоединениях, их месторасположении, курсировании самолетов, опозна-

ние их, фамилии высших командиров, авиашколы, их тип — количество учеников. Аэродромы — точное месторасположение, название аэродромов, размер, длина и направление взлетных дорожек, качество поверхностей, оборудование для ночных полетов, постройки и склады, результаты бомбежки, какие повреждения, где и какие нанесены данные о новых самолетах и планерах, о снабжении вооружением, данные о количестве выпускаемых самолетов и моторов. Продукция летающих бомб или же другого вооружения нового типа, данные о их скорости передвижения. Подробная инструкция о положении послана почтой. 8. Способ пересылки — перевозка и движение войск, авиационные сведения передавайте по радио. Сведения о промышленности передавайте письменно и фотографией, а более важные — по радио «Варта» № 1027/II».

Афанасьев. Ваша кличка была какая?

Окулицкий. «Термит».

Афанасьев. Вы получали такую телеграмму?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Что значит здесь подпись «Варта»?

Окулицкий. Главное командование польских войск в Англии.

Афанасьев. Что, эта телеграмма шпионаж или не шпионаж?

Окулицкий. Да, шпионаж.

Афанасьев. Получив эту директиву, что вы с ней сделали?

Окулицкий. Дал указание начальнику 2-го отдела штаба «АК» для исполнения.

Афанасьев. Какое указание вы дали?

Окулицкий. Чтобы по этой директиве велась работа.

Афанасьев. Значит, вы приняли ее к исполнению?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Следовательно, шпионская деятельность против Красной Армии вами проводилась?

Окулицкий. Нет, я тогда не имел никакой связи с восточными округами и давал шпионские сведения против Германии.

Афанасьев. А сами вы в Лондон никаких телеграмм о предстоящем наступлении Красной Армии не давали?

Окулицкий. Я дал одну радиотелеграмму о том, что в ближайшее время предстоит наступление Красной Армии.

Афанасьев. На основе данных 2-го отдела?

Окулицкий. На основе данных 2-го отдела.

Афанасьев. Когда это было?

Окулицкий. Это было в первых числах января 1945 года.

Афанасьев. Вы говорили, что практически вы ничего не делали по этой телеграмме. Но выясняется, что в январе 1945 года вы в Лондон сообщили шпионские данные о том, что предвидится наступление Красной Армии.

Окулицкий. Я это заключил из немецких приготовлений к обороне. (В з а л е с м е х).

Председательствующий. Я должен отметить, что подлинник этого телеграфного донесения о разведывательной работе обнаружен при аресте начальника штаба Краковского округа Лясота 18 апреля 1945 года. Директива эта, повидимому, выполнялась, ибо она хранилась у Лясота до 18 апреля, когда помимо его воли она была обнаружена. Это было в Кракове. Не знаю, какой это округ — западный или восточный?

Окулицкий. Краковский округ от меня приказа не получал. Он получил приказ прямо из лондонского центра. Прошу уточнить, что Краковский округ получил это прямо из Лондона.

Афанасьев. Кому эта радиотелеграмма, кроме вас, была адресована «Варта»?

Окулицкий. Была адресована «Мечиславу».

Афанасьев. Кто под этим псевдонимом скрывался?

Окулицкий. Кельцынский округ.

Афанасьев. Значит, эта радиотелеграмма пошла в Кельцы. А «Мечислав»?

Окулицкий. Это комендант Кельцынского округа.

Афанасьев. А «Джека»?

Окулицкий. Варшава.

Афанасьев. А «Музеум»?

Окулицкий. Краковский округ.

Афанасьев. А «Барка»?

Окулицкий. Лодзинский округ.

Афанасьев. Все эти округа до вашего ареста были в вашем подчинении?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Следовательно, и там занимались шпионской работой под вашим руководством?

Окулицкий. Может быть, я не отрицаю этого.

Афанасьев. А вы говорили, что шпионский аппарат у вас находился на отдыхе.

Окулицкий. Шпионский аппарат находился в распоряжении главного командования, и эти округа получали непосредственные приказы из Лондона.

Афанасьев. Вы сами лично передавали данные в январе 1945 года?

Окулицкий. В январе да.

Афанасьев. После не передавали?

Окулицкий. Нет.

Афанасьев. Значит, вы занимались шпионажем против Красной Армии?

Окулицкий. Приказы из центра получал округ. Выполняя эти приказы, округа могли заниматься шпионской работой. Мое мнение я высказывал главному командованию в Лондоне, что от меня они таких сведений не получают, так как я считаю эти сведения ненужными.

Афанасьев. Тем не менее в январе 1945 года вы такую телеграмму дали?

Окулицкий. Это совсем другая телеграмма. Это была оперативная оценка.

Афанасьев. Вы сообщили военную тайну о предстоящем наступлении Красной Армии.

Окулицкий. Эту тайну я мог передать, используя немецкие данные. Я это не считаю преступлением.

Афанасьев. У меня пока вопросов нет.

Руденко. Подсудимый Окулицкий, расскажите, как вы выполнили приказ Советского командования о роспуске «Армии Крайовой».

Окулицкий. В связи с приказом Советского командования о роспуске «Армии Крайовой» я издал два приказа: приказ солдатам и приказ командирам округа.

Руденко. Был приказ распустить «Армию Крайову»? Вы сообщили Советскому командованию об исполнении этого приказа?

Окулицкий. Советскому командованию я об этом не сообщал.

Руденко. Ни в какой форме?

Окулицкий. Я передал одному лицу, что «Армия Крайова» не существует и что я являюсь частным человеком.

Руденко. Это кому вы сообщили, представителю Советского командования?

Окулицкий. Нет, он не был представителем Советского командования.

Руденко. А кто он был?

Окулицкий. Майор польской армии.

Руденко. Вы командованию Красной Армии сообщали об этом официально?

Окулицкий. Официально я не сообщал.

Руденко. Вы выполнили приказ Советского командования о роспуске «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Нет.

Руденко. Вы говорите, что во исполнение этого приказа вы издали два приказа: первый приказ — командирам, другой — солдатам. Что это за приказы? Назовите их, расскажите о них.

Окулицкий. Эти приказы находятся в деле, они имеют большое значение для всего процесса.

Руденко. Если нужно будет, то, конечно, суд огласит их. Но я прошу ответить мне на мои вопросы сейчас. Вы говорите, что вы не выполнили приказ Советского командования о роспуске «Армии Крайовой». Вы сохранили «Армию Крайову» в подполье. Вы спрятали боеприпасы, оружие, радиостанции, которые подлежали сдаче. Все это сохранили в подполье?

Окулицкий. Да.

Руденко. Как вы это расцениваете?

Окулицкий. Я это расцениваю как невыполнение приказа командования Красной Армии.

Руденко. Только невыполнение приказа? С какой целью?

Окулицкий. С целью сохранения для будущего.

Руденко. Для чего в конечном итоге?

Окулицкай. Для борьбы в будущем в случае угрозы Польше.
Руденко. Против кого?

Окулицкий. Против того, кто будет угрожать.

Руденко. Какое же государство вы имели в виду?

Окулицкий. Советский Союз.

Руденко. Значит, этот приказ исходил из задач будущей войны против Советского Союза с вашей оговоркой: «в случае, если Советский Союз будет угрожать независимости Польши»? На кого же вы ориентировались в этой войне против СССР, и о каком блоке шла речь?

Окулицкий. О блоке против Советов.

Руденко. Из кого должен состоять этот блок — Польша, а еще какие государства?

Окулицкий. Все государства.

Руденко. Назовите те государства, которые упоминали вы в своем письме к полковнику «Славбору»?

Окулицкий. Я называл Англию...

Руденко. Еще?

Окулицкий. Еще немцев.

Руденко. Значит, блок с немцами? Значит, блок с Германией, с врагом всех свободолюбивых народов, с немцами, которые известны всему миру своей жестокостью, варварством, истреблением мирных жителей?

Окулицкий. Не с немцами, а с Европой. (Смех в зале).

Руденко. А что вы писали об этом полковнику «Славбору»? Товарищ председатель, разрешите мне процитировать это письмо Окулицкого. В разделе 5, на л. д. 35—36, том 33 — «План подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР», говорится: «В случае победы СССР над Германией это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе... Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этот блок без участия в нем Германии, которая будет контролироваться англичанами...». Это ваше письмо?

Окулицкий. Мое. Сначала разрешите мне...

Руденко. Я прошу сначала ответить на мой вопрос: кому вы адресовали его?

Окулицкий. Коменданту Западного обшара «Славбору».

Руденко. Это ваш подчиненный? Это ваша частная переписка или директива «Армии Крайовой»?

Окулицкий. Это мой ответ на частный вопрос.

Руденко. Это ваша установка. Еще кому вы давали такие установки?

Окулицкий. Больше никому.

Руденко. Это вы категорически утверждаете?

Окулицкий. Да.

Руденко. А кто такой «Конар»?

Окулицкий. Это подчиненный «Славбора». Он подчинен «Славбору» как командир Познаньского округа.

Руденко. Его кличка?

Окулицкий. «Конар».

Руденко. Для «Конара» вы писали по этому вопросу указания?

Окулицкий. Нет, не писал.

Руденко. А по другому вопросу?

Окулицкий. Я писал, чтобы он получил указания от «Славбора».

Руденко. А вы указали «Конару», что он должен руководствоваться указаниями, данными «Славбору»?

Окулицкий. Я уверен, что он сделал бы это сам.

Руденко. Я вас спрашиваю не о том, уверены вы или нет, а писали ли вы или нет. Я просил бы суд огласить письмо Окулицкого, адресованное «Конару», от 22 марта 1945 года.

Председательствующий. Оглашается письмо «Конару»: «Гражданин «Конар» К-О. Вагон. Вопрос командования регулирующим образом: 1) вы берете командование округом Вагона; 2) всем западным обшаром командует «Славбор», которому вы полностью подчинены; 3) уполномочиваю вас присылать рапорты по наиболее важным и неотложным делам непосредственно в ГК (Главное командование). Ставлю в известность об этом «Славбора». Оценку ситуации и основные установки по пропаганде пересылаю «Славбору», у которого можете получить. Прошу вас быть в хороших взаимоотношениях с «Славбором», особенно в вопросе передачи людей. «Ниль» нечаянно попался в руки НКВД. Его функции возьмет на себя Картум. Жму вашу руку». Датировано 22 марта 1945 года.

Руденко. Ясно. Ваше письмо?

Окулицкий. Мое.

Руденко. Вы имели в виду письмо «Славбора», датированное 22 марта 1945 года?

Окулицкий. Да.

Руденко. Это директива?

Окулицкий. Директива.

Руденко. Исходящая от вас как от главнокомандующего?

Окулицкий. Да.

Руденко. Расскажите о ваших взаимоотношениях с подпольным «советом министров»?

Окулицкий. Да, я был в контакте с ним.

Руденко. Вы в контакте работали с подсудимым Янковским?

Окулицкий. Да.

Руденко. Он был информирован о вашей деятельности, а вы о его деятельности. Правильно?

Окулицкий. Правильно.

Руденко. Какие у вас были взаимоотношения с «Радой Едности Народовой»?

Окулицкий. Хорошие.

Руденко. Они были в курсе ваших мероприятий?

Окулицкий. Моих—нет.

Руденко. Вы информировали их о проводимых вами мероприятиях?

Окулицкий. Совет министров — да, «Раду Едности Народовой» — нет.

Руденко. Вы «Раду Едности Народовой» информировали по вопросу сохранения подполья?

Окулицкий. В марте — да.

Руденко. А в феврале месяце?

Окулицкий. В феврале месяце сказал, что сохранено оружие.

Руденко. Кто присутствовал на этом заседании?

Окулицкий. Члены рады.

Руденко. А точнее? Пужак присутствовал?

Окулицкий. Не помню. Может быть, и присутствовал.

Руденко. Вы информировали «Раду» о чем?

Окулицкий. Я информировал, что сохранены радиостанции и оружие.

Руденко. Последний вопрос. Вы признаете, что вся ваша деятельность была направлена против Красной Армии и Советского Союза?

Окулицкий. Я признаю, но все это делалось потому, что мы считали, что Советский Союз представляет угрозу независимости Польши.

Руденко. Вы сохраняете подполье, вооружение, организуете террористические и диверсионные акты против Красной Армии в тот момент, когда Красная Армия ведет борьбу с немцами. Это мешает борьбе с немцами или помогает?

Окулицкий. О терроре, диверсии, шпионаже я указаний не давал.

Руденко. Я вас спрашиваю, эта деятельность мешала или помогала Красной Армии?

Окулицкий. Мешала.

Руденко. Кому эта деятельность помогала?

Окулицкий. Конечно, немцам.

Руденко. Я не имею больше вопросов к подсудимому.

Председательствующий. Я имею вопрос. В ваших показаниях от 29 мая 1945 года вы описываете ваши переговоры с «Бур»-Комаровским в присутствии, если не ошибаюсь, Фильдорфа об организации «НЕ». Кто такой Фильдорф?

Окулицкий. Это полковник «Ниль».

Председательствующий. Кем он был?

Окулицкий. Фильдорф был начальником организационной части.

Председательствующий. Когда «Бур»-Комаровский предложил вам возглавить организацию «НЕ», то кем был назначен вами Фильдорф?

Окулицкий. Фильдорф был назначен моим заместителем, который должен был заниматься организационными вопросами.

Председательствующий. Фильдорф создавал в восточных округах организации «НЕ»?

Окулицкий. Да, создавал.

Председательствующий. В ваших показаниях записано: «Бур»-Комаровский предложил мне возглавить эту организацию, т. е. «НЕ», а Фильдорф был назначен моим заместителем. «Бур»-Комаровский сказал, что Фильдорф уже занимается созданием организации «НЕ» в восточных округах Польши, а затем нам нужно будет создать эту организацию на территории западных округов Польши, по мере освобождения ее от немцев частями Красной Армии».

Это значит, военно-политическая организация «НЕ» была направлена против Красной Армии? В восточных округах она была организована раньше, в западных округах — по мере освобождения их Красной Армией.

Далее вы показывали, что «Бур»-Комаровский объявил Фильдорфу, что «я буду возглавлять организацию «НЕ», а он, Фильдорф, будет моим заместителем. Фильдорф имел при себе план создания организации «НЕ», отпечатанный на машинке, но я за неимением времени не стал с ним знакомиться и условился встретиться с Фильдорфом для этой цели в первых числах августа 1944 года. Однако моя встреча с Фильдорфом не состоялась в связи с началом варшавского восстания и отсутствием Фильдорфа в это время в Варшаве», и что Фильдорф при встрече с ним в начале декабря 1944 года в Ченстохове информировал вас, что он вместе с подполковником Музичка, по кличке «Бенедикт», еще до варшавского восстания выезжал в западные области Украины, Белоруссии и в Вильно для инструктажа и оказания практической помощи комендантам округов «Армии Крайовой» по созданию организации.

Все это правильно?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. Где именно вы встречались с ним?

Окулицкий. В Ченстохове.

Председательствующий. Таким образом, в начале декабря 1944 года вы встречались с Фильдорфом. Вы показывали также, что Фильдорф говорил вам, что он инструктировал комендантов общаров и округов «Армии Крайовой» только по организационным вопросам. А когда вы показали ему директиву польского лондонского «правительства», полученную от генерала Копаньского, о создании вместо формально распущенной «Армии Крайовой» новой законспирированной военно-политической организации, Фильдорф заявил вам, что «его инструкции комендантам общаров и округов по созданию организации «НЕ» в восточных округах Польши мало чем отличаются от установок, полученных от Копаньского». Это говорит о том, что вы вели одну и ту же работу?

Окулицкий. Точно.

Председательствующий. «Фильдорф мне докладывал, — показывали вы, — что он дал следующие установки комендантам восточных общаров и округов «Армии Крайовой»: «1) создать в

округах, общарах экзекутивы, т. е. вооруженные отряды численностью по 50—60 человек, а остальных участников «Армии Крайовой» распустить, оружие и боеприпасы спрятать». Это правильно?

Окулицкий. Да, правильно.

Председательствующий. И далее: «3) Эти экзекутивы (отряды) использовать для самообороны, т. е. для оказания вооруженного сопротивления советским властям в случае провала звеньев организации и для совершения террористических актов против представителей польского люблинского правительства, представителей советской власти на территории СССР, а также против офицеров и солдат Красной Армии».

Это так?

Окулицкий. Да, верно.

Председательствующий. На вопрос следствия, для каких целей были даны указания о совершении террористических актов против офицеров Красной Армии и представителей советской власти на территориях Западной Украины и Белоруссии, вы отвечали: «Мы считали органы советской власти на этих территориях незаконными, и террористические акты против представителей советской власти, а также офицеров и солдат Красной Армии имели целью деморализовать органы советской власти и сорвать проводимые ими мероприятия».

Окулицкий. Я об этом не знал.

Председательствующий. Что вы не знали? Вы, командующий армией, а также Фильдорф считали, что органы советской власти на этой территории, т. е. в западных областях Украины и Белоруссии, являются «незаконными», убийства представителей советской власти на этих территориях считали «законными». Это ведь так?

Окулицкий. Да.

Председательствующий. Понятно. До какого времени вы были связаны с Фильдорфом?

Окулицкий. Последний раз я его видел в Варшаве в феврале 1945 года.

Председательствующий. Фильдорф давал какие-либо указания по террору комендантам восточных округов, т. е. в западных областях Украины и Белоруссии?

Окулицкий. Я не отрицаю, что все это могло довести до террора. Но об этом написано не было.

Председательствующий. Сколько встреч вы имели с Соснковским в период вашего командования «Армией Крайовой», кроме той встречи, о которой вы говорили ранее?

Окулицкий. Когда я был командующим «Армией Крайовой», я не имел с ним ни одной встречи.

Председательствующий. А до вашего назначения сколько вы имели встреч с Соснковским?

Окулицкий. Две встречи.

Председательствующий. Где?

Окулицкий. В Лондоне.

Председательствующий. О вашей работе был разговор?

Окулицкий. Не понимаю.

Председательствующий. Разговор был по вопросу о вашей работе в качестве командующего «АК»?

Окулицкий. Во время первого моего разговора с генералом Сосновским я сам ставил вопрос о том, чтобы отправить меня в Польшу, и получил задание подобрать офицеров для Польши. Вторая моя поездка была в генеральный штаб в Лондон для технического образования центра.

Председательствующий. Когда вы были арестованы?

Окулицкий. 27 марта 1945 года.

Председательствующий. Вы говорили о каких-то переговорах в то время, с кем?

Окулицкий. С полковником Пименовым. Он прислал мне письмо, в котором приглашал меня на переговоры по вопросам, которые мешают польско-советским взаимоотношениям.

Председательствующий. Когда Пименов написал вам такое письмо, вы прибыли и после этого оказались арестованным?

Окулицкий. Точно.

Председательствующий. И ваша преступная деятельность против Советского Союза на этом была закончена?

Окулицкий. Точно.

Председательствующий. Объявляю перерыв на 15 минут.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. У кого есть вопросы к подсудимому Окулицкому?

Афанасьев. У меня есть вопрос. Подсудимый Окулицкий, вы сказали, что после получения телеграммы из Лондона о реорганизации «Армии Крайовой» в «НЕ» вы дали указание о прекращении разведывательной работы?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Вы давали указание о том, чтобы разведывательную работу прекратить?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Когда это было?

Окулицкий. После 20 января.

Афанасьев. А какое указание было сделано по округам?

Окулицкий. По округам — не знаю.

Афанасьев. Было дано указание или не было дано?

Окулицкий. Не знаю. Я знаю, что в округах был получен приказ о ведении разведки непосредственно прямо из Лондона. Так что работали по указанию, я не отрицаю.

Афанасьев. «Круг» вам известен?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Кто это такой?

Окулицкий. Комендант Краковского округа.

Афанасьев. В процессе следствия вам была предъявлена радиogramма из Кракова в адрес Главного командования за № 621/2, в которой говорится: «В западном направлении во второй половине марта прошло в среднем 20 эшелонов в сутки с войсками и амуницией (артиллерия, танки, пехота). В восточном направлении прошло около 13 эшелонов с углем и один эшелон с машинами, которые вывозят из Польши. В Кракове расклеены распоряжения о срочном призыве в армию 1895—1925 годов рождения. В Кракове состоялся, при участии генерала Жимерского, выпуск 800 офицеров, привезенных с востока. Большинство выпускников с низким образованием».

Эта радиoteлеграмма послана была в марте 1945 года. Следовательно, разведывательные данные сообщались и после ваших указаний?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. На следствии на вопрос, проводилась ли шпионская работа в тылах Красной Армии и по чьему распоряжению или указанию это делалось, вы признали, что шпионская деятельность действительно велась в тылах Красной Армии и это делалось по распоряжению польского «генерального штаба» в Лондоне. Верно?

Окулицкий. Правильно.

Афанасьев. В процессе следствия вы в своих показаниях говорили, что мысль о возможности блока Польши с Германией зародилась у вас не в марте, а значительно раньше. Так ли это?

Окулицкий. Да.

Афанасьев. Когда это было? Расскажите суду.

Окулицкий. Это было тогда, когда Красная Армия двигалась через Польшу. Мы уже знали, что немцы будут разгромлены, и, считая Советский Союз угрозой против независимости Польши, искали защиты против этой угрозы.

Афанасьев. Вы имели беседу по этому вопросу с «Бур»-Комаровским?

Окулицкий. Я с «Бур»-Комаровским не разговаривал на эту тему. Мне докладывал об этом офицер, который вернулся после разговора с фон ден-Бахом.

Афанасьев. Кто такой фон ден-Бах?

Окулицкий. Обергруппенфюрер «СС».

Афанасьев. С ним велись переговоры о капитуляции?

Окулицкий. Да. И когда этот офицер рассказал о том, что фон ден-Бах заявил, что Советский Союз пойдет на всю Европу, будет угрожать не только Германии и Польше, а всем государствам (он так говорил), я на это ответил: «Может быть, он не ошибается». На это «Бур»-Комаровский ответил: «Может быть».

Афанасьев. Я больше вопросов не имею.

Председательствующий (обращаясь к прокурору). На первом заседании мы утвердили по вашему предложению порядок допроса первой стадии судебного следствия. Первая стадия уже прошла. Какие будут ваши дальнейшие предложения?

Афанасьев. Вношу предложение о дальнейшем допросе подсудимых в следующем порядке: Звежинский, Урбанский, Чарновский, Багинский, Мерзва, Хацинский, Кобылянский, Стемлер-Домбский, Михаловский, Стыпулковский, Пужак.

Председательствующий. А допрос свидетелей?

Афанасьев. Провести после допроса подсудимых.

Председательствующий. Каково мнение защиты?

Брауде. Не возражаем.

Председательствующий. Поскольку Окулицкий, Янковский, Стыпулковский заявили, что они будут защищаться сами, я считаю необходимым разъяснить им, что они имеют право произнести защитительную речь независимо от последнего слова.

Порядок допроса подсудимых, предложенный прокуратурой в лице Главного Военного Прокурора Красной Армии генерал-майора юстиции Афанасьева, утверждается. Приступаем к допросу подсудимого Звежинского.

Подсудимый Звежинский, вы занимали пост председателя партии «Стронництво Народове» и вице-президента «Рады Едности Народовой». Вы подтверждаете показания, которые вы дали на предварительном следствии?

Звежинский. Я прошу Верховный суд разрешить мне сделать некоторые оговорки по поводу обвинительного заключения. Я хочу сказать, что с планом подготовки военного выступления Польши в блоке с Германией против СССР я не имею ничего общего. Я был арестован 8 марта.

Председательствующий. Вы были арестованы раньше всех?

Звежинский. Да, за три недели до ареста других. Здесь указывали, что Окулицкий говорил о каком-то письме. Это было 22 марта, и я не был информирован насчет этого плана.

Далее я хотел сказать о терроре и диверсиях. В обвинительном заключении сказано, что я как член «Рады Едности Народовой» был участником проведения в жизнь террора и диверсий. Я не был участником проведения в жизнь террора и диверсий, я не руководил ими и не участвовал в исполнении каких-либо актов.

Председательствующий. Вас и не обвиняют в том, что вы лично организовали или совершили убийства.

Звежинский. Затем на странице 4-й в последних пяти строках сказано, что генерал Окулицкий по указанию эмигрантского польского правительства, при участии членов польского подпольного совета министров и «Рады Едности Народовой», опубликовал приказ о роспуске «Армии Крайовой». Я должен сказать, что «Рада Едности Народова» не была органом, который мог издавать какие-нибудь приказы. Рада была лишь совещательным органом при делегате лондонского правительства в Польше — господине Янковском.

Далее, насчет организации «НЕ». Я признал себя виновным только частично в организации этой новой конспиративной военно-политической организации. Мое участие в этом состояло

только в том, что я говорил генералу Окулицкому, что в «Совет», который он предполагал создать при военно-политической организации, могу дать представителя от партии — Ясюковича.

Руденко. С какого времени вы являлись вице-президентом «Рады Едности Народовой»?

Звежинский. Вице-президентом я являлся с сентября 1944 года.

Руденко. Кем вы были назначены?

Звежинский. Я был назначен правлением партии «Стронництво Народове».

Руденко. Значит, вы были выделены в состав «Рады» в сентябре 1944 года?

Звежинский. Да, во время восстания в Варшаве.

Руденко. Какое было организационное построение вашего «парламента»?

Звежинский. Во главе «Рады Едности Народовой», состоявшей из 15 или 17 членов, вернее из 15, стояла главная комиссия, в которой председательствовал Пужак. Всего в этой комиссии было 5 человек.

Руденко. Кто входил в состав ее?

Звежинский. Президент Пужак и два вице-президента: Багинский и я.

Руденко. Еще кто?

Звежинский. Члены: Урбанский — представитель «Партии труда» и представитель демократов Чарновский.

Руденко. Это был состав главной комиссии?

Звежинский. Да.

Руденко. Какие у вас существовали взаимоотношения с лицами, входящими в состав «совета министров»?

Звежинский. Взаимоотношения такие: совет министров иногда созывал «Раду Едности Народову» в полном составе и там ставил на обсуждение разные вопросы.

Руденко. Что вам известно о директивах польского эмигрантского «правительства» из Лондона?

Звежинский. О директивах я вообще мало знаю. Одна из директив, о которой я узнал в конце января 1945 года или в начале февраля 1945 года, была директива о дальнейшей конспирации.

Руденко. Вы имеете в виду январскую директиву о сохранении подполья?

Звежинский. Да, которая была получена в январе или феврале.

Руденко. Как ваше подполье практически осуществляло эту директиву?

Звежинский. Эта директива осуществлялась в том смысле, что все подполье осталось в конспирации.

Руденко. По этому вопросу у вас было совещание?

Звежинский. Совещания «Рады Едности Народовой» не было.

Руденко. Как вы были информированы об этой директиве?

Звежинский. Я был информирован на частной конференции Бень, который являлся одним из заместителей Яликовского.

Руденко. Как понимать «частная конференция»?

Звежинский. Это значит конференция неофициального характера.

Руденко. Вы получали директивы из Лондона от польского «правительства»?

Звежинский. Да.

Руденко. Вы получили директиву от 18 декабря 1944 года?

Звежинский. Да, получили.

Руденко. В этой директиве указывалось на необходимость взвесить политическую обстановку?

Звежинский. Указывалось.

Руденко. Как вы в соответствии с этой директивой намеревались вести дальше подпольную работу?

Звежинский. Я могу говорить о своей партии. Она не изменяла ни своего состава, ни своей тактики, ни своих действий. Насчет своей тактики могу сказать, что мы раньше, еще в декабре 1944 года, считали необходимым сократить состав партии, ограничить ее действия до минимума.

Руденко. У вас была беседа с Ясюковичем?

Звежинский. Сейчас не припомню, но возможно, что была.

Руденко. По вопросам совещания, происходившего в Кракове?

Звежинский. Это другое дело. Моя беседа с Ясюковичем не имела отношения к военно-политической организации «НЕ».

Руденко. Как не имела? А создание нового, более законспирированного политического центра, «четверки»?

Звежинский. Мне казалось, что этот совет существовал и ранее.

Руденко. Значит, вы вели беседу с Ясюковичем о создании новой подпольной организации?

Звежинский. Разговор был в общих чертах. Ясюкович информировал меня, что в Кракове с Янковским обсуждалась возможность создания новой четверки как органа, который должен заменить подпольный совет министров и «Раду Едности Народову». Этот орган должен был состоять из представителей четырех главных партий, а именно: «Стронництво Людове», «Стронництво Народове», «Партии Праци» и ППС.

Руденко. Этот орган должен был исполнять функции «совета министров»?

Звежинский. Да, этот орган должен был выполнять функции подпольного совета министров и «Рады Едности Народовой». Совет министров и «Рада Едности Народова» должны были легализоваться.

Руденко. А вместо себя оставить «четверку» для согласования и руководства политическими делами подполья?

Звежинский. Да.

Руденко. Кому вы собирались представить список легализованных членов «правительства»?

Звежинский. По-моему, список должен был быть представлен трем державам через посредничество представителя Англии.

Руденко. Вы намечали представить список членов подпольного «правительства» Англии, Америке и СССР, но в то же время намечали сохранить «четверку», так называемый «политический центр», для дальнейшей конспиративной работы?

Звежинский. Да, правильно, но без исполнения полностью тех функций, которые исполняли совет министров и «Рада Едности Народова».

Руденко. Этот аппарат должен был быть создан для того, чтобы более глубоко законспирировать подпольную деятельность?

Звежинский. Можно и так понимать. Я, собственно говоря, не имею точного представления, как это должно было быть.

Руденко. Но ставилась задача в таком плане?

Звежинский. Да, в таком.

Руденко. Скажите, на заседании «Рады Едности Народовой» вы слушали доклад или информацию Окулицкого?

Звежинский. Да, слушали, это было в половине февраля.

Руденко. О чем докладывал Окулицкий?

Звежинский. О роспуске «Армии Крайовой» и о приказе, который он отдал, но не припоминаю — офицерам или солдатам.

Руденко. Что доложил Окулицкий?

Звежинский. Он зачитал воззвание к солдатам и офицерам, доложил о роспуске «Армии Крайовой», доложил о том, что штабы сохраняются с целью доведения до конца процесса ликвидации «Армии Крайовой».

Руденко. А оружие?

Звежинский. Относительно оружия он не говорил.

Руденко. А штабы сохранялись на каком положении — легальном или нелегальном?

Звежинский. На нелегальном до тех пор, пока не будет ликвидирована «АК».

Руденко. Какова была роль Окулицкого в создании этого нового политического центра «НЕ»?

Звежинский. Окулицкий в кратких чертах говорил нам о законспирированной организации «НЕ» и спрашивал мое мнение о создании совета из представителей партий с целью согласования политики и деятельности этой организации с политикой партий. Я тогда дал свое согласие дать представителя от нашей партии «Стронництво Народове».

Руденко. Кого вы рекомендовали?

Звежинский. Я рекомендовал Ясюковича.

Руденко. Стало быть, вы были осведомлены Окулицким о создании новой организации?

Звежинский. Да, был осведомлен, но в общих чертах. О задачах говорилось в том смысле, что эта организация должна вести борьбу за независимость Польши. И дальше говорилось, что эта организация могла бы служить для сохранения кадров, которые впоследствии можно было бы использовать при создании польской армии.

Руденко. Эта организация должна была находиться в пользе?

Звежинский. Эта организация должна была быть строго за-
конспирированной.

Руденко. Что вам известно о практической подрывной деятельности в тылу Красной Армии?

Звежинский. О практической деятельности в тылу Красной Армии я показал на следствии и указал на несколько случаев, которые мне лично известны. Мне был известен факт концентрации в районе Белостока сил «АК» и о борьбе отрядов «АК» против Красной Армии. Далее, мне известно о взрыве склада с боеприпасами под Люблином, о действиях против Красной Армии отряда, который оторвался от штаба «АК» и действовал самостоятельно в районе Ломжи. Далее, я знал о взрыве моста на железнодорожной линии Тарнов — Львов, о борьбе против Красной Армии двух или трех отрядов «НОЗ», действовавших в Люблинском округе.

Руденко. «Бур»-Комаровский говорил вам об отряде Пясецкого?

Звежинский. Да, «Бур»-Комаровский говорил об отряде Пясецкого, который сначала был направлен для борьбы с немцами, а потом...

Руденко. А потом остался в тылу Красной Армии?

Звежинский. Да.

Руденко. И вел подрывную деятельность в тылу Красной Армии?

Звежинский. Да.

Руденко. Последний вопрос относительно организации «Народово Радикальна»; что это за организация?

Звежинский. Это отколовшаяся часть нашей партии.

Руденко. Как вы характеризуете политически эту организацию?

Звежинский. К сожалению, в последние годы после того, как я ушел из польского сейма, я близко политическими вопросами не занимался, но могу сказать, что это организация молодых «народовцев» с большим политическим темпераментом.

Руденко. По своему характеру?

Звежинский. Да.

Руденко. Вы говорили суду о том, что примыкаете к этому «сообществу», но что вы не все знаете?

Звежинский. Да.

Руденко. Но это «сообщество» являлось преступным?

Звежинский. Если его деятельность выражалась в преступной деятельности, то да.

Руденко. На основании вашего собственного признания вы считаете себя ответственным за все, что делало это «сообщество»?

Звежинский. Да.

Руденко. Вы считаете себя соучастником?

Звежинский. Да, политическим соучастником.

Адвокат Оцеп. Вы говорите о политической ответственности?

Звежинский. Да.

Оцеп. Вы принимали участие в подрывной деятельности, признаете ли вы себя виновным?

Звежинский. Я принадлежу к подполью, но активно я им не руководил, я не был человеком, который поощрял бы и подстрекал такую работу.

Оцеп. Ваше отношение к фактам диверсионно-террористической деятельности после того, как вы узнали о них?

Звежинский. Вполне отрицательное.

Оцеп. Вы вели беседы с Янковским и Ясюковичем насчет новой подпольной организации?

Звежинский. Да, но этот вопрос не был решен.

Оцеп. Вы знали о радиоустановках, через которые поддерживались сношения с лондонским эмигрантским «правительством»?

Звежинский. Знал.

Оцеп. Каково ваше отношение к решениям Ялтинской конференции по польскому вопросу?

Звежинский. Этот вопрос я освещал положительно с некоторыми оговорками.

Оцеп. Та газета, в которой была опубликована статья о Крымской конференции, каким образом она оказалась у вас на квартире? И каково ваше отношение к этой газете и статье?

Звежинский. Автор и издатель этой газеты — это одно и то же лицо. Эта газета была издана в количестве 100 экземпляров, отпечатана на пишущей машинке и роздана членам партии, видным представителям подполья.

Оцеп. Узкому кругу читателей?

Звежинский. Только видным представителям партии и подполья.

Оцеп. Почему она оказалась у вас?

Звежинский. Издатель и автор этой газеты все номера газеты присылал мне. Она была обнаружена не на моей квартире при моем аресте, а на квартире, в которой я когда-то жил. Адресована она была мне.

Оцеп. Можно считать, что факт нахождения этой газеты свидетельствует о вашей солидарности с той статьей, которая приведена в обвинительном заключении?

Звежинский. Я уже на следствии высказал свое мнение, что эту статью я считаю направленной против Красной Армии и Советского Союза. Мое отношение к этой статье отрицательное.

Оцеп. Позвольте уточнить. Ваша точка зрения исключала всякую возможность участия Польши в какой-нибудь мере или форме в блоке с Германией?

Звежинский. Да, задачей нашей партии была борьба с немцами, с Германией, которую мы считали исконным врагом польского народа.

Оцеп. Позвольте поставить последний вопрос: как вы трактуете использование в преступных целях радиостанций, вооружения и боеприпасов или это использование не имело места?

Звезжинский. Я не имел никакой практической возможности противодействовать этому и издавать приказы по этому поводу.

Оцеп. Когда вам стало известно о том, что приказ Советского командования предлагает прекратить деятельность «АК», считали ли вы реальным прекращение деятельности «АК»?

Звезжинский. Я считал это реальным до момента моего ареста. Только в процессе следствия я узнал, что не следует это считать реальным. Я знал о некоторых отрядах, отбившихся от «АК», но существовавших.

Оцеп. Это значит, что они вели самостоятельное существование?

Звезжинский. Да, они действовали самостоятельно, так как отбились и не имели приказа о роспуске. Я говорю об одном таком отряде — об отряде в Ломжинском уезде.

Оцеп. Вы могли бы принять какие-нибудь меры, чтобы этим отдельным отрядам дать директиву о том, чтобы они разоружились?

Звезжинский. Я мог дать директиву, и я это сделал. Я давал об этом поручение одному из своих сотрудников.

Оцеп. Значит, ваше указание сводилось к тому, чтобы эти отряды были распущены?

Звезжинский. Да, если в скором времени не найдут связь с командованием «АК, чтобы были распущены.

Оцеп. Последний вопрос. Ваше настоящее отношение к подпольной организации?

Звезжинский. Я не совсем ясно понимаю ваш вопрос. Думаю, что польское правительство в Лондоне должно было идти по пути мира, чтобы всякими возможными путями, при посредстве великих держав, дипломатических отношений дойти до соглашения с Советским правительством.

Оцеп. Таким образом, можно сказать, что вы считали необходимым употребить все силы для того, чтобы Польша нашла общий язык с Советским Союзом?

Звезжинский. Да.

Оцеп. Вам было известно о договоре с Польшей?

Звезжинский. Я случайно узнал об этом во время заключения.

Оцеп. Вы человек больной или здоровый?

Звезжинский. Я не очень здоровый, но не вполне больной человек. (В зале смех).

Председательствующий. Вы не отрицаете, что были осведомлены подробно об отдельных отрядах «АК» до вашего ареста?

Звезжинский. Да.

Председательствующий. Вас информировали некоторые лица, что в тылу Красной Армии действует польское подполье и проводится подрывная работа?

Звезжинский. Да.

Председательствующий. Вы говорили об этом Ясюковичу?
Звежинский. Да, я говорил.

Председательствующий. Вам известно, что в Минск-Мазовецком участниками «АК» совершено было убийство группы военнослужащих Красной Армии?

Звежинский. Да.

Председательствующий. Вам известны случаи диверсионной работы?

Звежинский. Я уже говорил об этом.

Председательствующий. Вы считали эти случаи вполне естественными?

Звежинский. Они не были естественными.

Председательствующий. Они вытекали из вашей пропагандистской работы?

Звежинский. Я полагаю, что если бы были точные указания со стороны главного командования, то пропагандистская работа моей партии и газет не могла бы иметь такого значения.

Председательствующий. Ведь она развертывалась?

Звежинский. Во время следствия я узнал много подробностей.

Председательствующий. Вам оглашались отдельные выдержки из газет?

Звежинский. Да.

Председательствующий. У других подсудимых есть вопросы?

Окулицкий. Я хочу спросить, докладывал ли мне Звежинский об актах террора?

Звежинский. Нет.

Оцеп. Разрешите мне задать вопрос относительно пропаганды и агитации. Вы имеете в виду газету, которая находилась в ведении подполья после того, когда Польша была освобождена от немцев?

Звежинский. Выход газеты — нашего партийного центрального органа — был прекращен.

Насчет периферийных органов я не могу с полной уверенностью сказать, но предполагаю, что число газет было сокращено и ко мне ничего по этому поводу не поступало.

Оцеп. Позвольте установить. Из ваших показаний на предварительном следствии и сейчас видно, что выход нелегальной газеты был прекращен. Что касается номера газеты, который приобщен к делу и о котором идет речь в обвинительном заключении, то вы дали объяснение, что редактор этой газеты не подчинился тем директивам, которые вы дали, и, будучи недисциплинированным человеком, отошел от ваших указаний?

Звежинский. Я показал это с самого начала.

Оцеп. Как фамилия этого человека?

Звежинский. Мачинский или Маницкий. Он не подчинился мне, хотя и обещал, что не будет писать таких статей.

Оцеп. У меня вопросов нет.

Председательствующий. Подсудимый Звежинский, можете

садиться. Подсудимый Урбанский, вы подтверждаете свои показания, которые вы дали на предварительном следствии?

Урбанский. Да, подтверждаю, но несу ответственность не за все.

Председательствующий. Я не говорил о других показаниях, а только о ваших, которые вы дали во время допроса военным прокурором. Вы показали: «Я признаю себя виновным в том, что являлся членом президиума и ответственным секретарем подпольной «Партии Труда», которая поддерживала подпольные польские круги, находящиеся в Польше: совет министров и эмигрантское польское правительство, находящееся в Лондоне. Как член президиума названной партии, разделял ее политику враждебной пропагандой против Советского Союза и Красной Армии». Правильно зафиксировано?

Урбанский. Да, правильно.

Председательствующий. Затем вы показали: «Также признаю себя виновным в том, что после опубликования приказов военного командования Красной Армии о сдаче радиопередатчиков пользовался подпольной радиостанцией, принадлежащей делегатуре, через которую поддерживал связь с эмигрантским правительством в Лондоне». Правильно?

Урбанский. Да, правильно.

Руденко. Вы были одновременно и членом президиума «Рады Едности Народовой»?

Урбанский. Да.

Руденко. Какую должность вы исполняли?

Урбанский. Должность секретаря.

Руденко. Что вы можете рассказать о деятельности других лидеров партии ППС, в частности в 1943 году, в период немецкой оккупации? Я имею в виду деятельность, враждебную по отношению к Советскому Союзу?

Урбанский. Я могу сказать, что президиум «Рады Едности Народовой» дополнился пятью человеками, пятью представителями польских партий. Но тогда этот состав был построен иначе, чем теперь. «Рада Едности Народова» была создана в январе или феврале 1944 года. Председателем ее был Пужак, заместителем — «Юзеф» (фамилию не знаю) — представитель от партии «Стронництво Людове»; затем был «Владислав» — от «Стронництво Народове». Впоследствии вошли еще три организации: «Союз Демократов», «Рацлавица», «Отчизна». Главная комиссия была дополнена одним членом — Чарновским.

Руденко. Скажите, кто такой Михневский?

Урбанский. Директор департамента труда и опеки.

Руденко. Он издавал газету или бюллетень еще в 1943 году?

Урбанский. Я не знаю, издавал ли он газету в 1943 году. Он являлся руководителем комитета, который был при уполномоченном «Жонду».

Руденко. По своему характеру пропаганда этой газеты отличалась чем-либо от немецкой пропаганды?

Урбанский. Если вообще сказать, то может быть и не отличалась, но все-таки разница была.

Руденко. Можно сказать, что не отличалась?

Урбанский. Немцы в пропаганде применяли разные методы.

Руденко. Нас не интересует эта пропаганда. Меня интересует, ваша пропаганда отличалась от немецкой, есть некоторые отличия, оттенки?

Урбанский. Отличалась, но не так ярко.

Руденко. На следствии, при допросе вас 21 мая, вы рассказывали о Михневском, о его подозрительном поведении и связи с немцами.

Урбанский. Я сказал, что он как директор департамента был арестован немцами и через несколько дней освобожден.

Руденко. Что вам известно об этом?

Урбанский. Подробно я с ним не говорил, правда, виделся, и он обещал, что потом расскажет обо всем.

Руденко. А кто вам говорил об этом?

Урбанский. Мне немного говорил об этом Квасеборский. Ему сказал Михневский, что сначала он сидел вместе с другими в одной комнате, но спустя 2—3 дня его положение улучшилось.

Руденко. А потом его освободили?

Урбанский. Через несколько дней он был освобожден.

Руденко. Вы знали о том, что он занимается подпольной деятельностью?

Урбанский. Да.

Руденко. Расскажите о деятельности вашего подпольного «парламента». Вы на заседании подпольного «парламента» слышали сообщение Окулицкого?

Урбанский. Да, слышал.

Руденко. Это когда было?

Урбанский. В половине февраля 1945 года.

Руденко. О чем докладывал Окулицкий?

Урбанский. Насколько я понял, он докладывал о том, что по указанию президента Рачкевича распускается «Армия Крайова», а оружие и боеприпасы прячутся.

Руденко. И люди?

Урбанский (м о л ч и т).

Руденко. А кадры сохраняются?

Урбанский. Да. Но точно я этого сказать не могу. Я слышал только о том, что решением президента «Армия Крайова» распускается, оружие и боеприпасы скрываются.

Руденко. На этом заседании Пужак присутствовал?

Урбанский (м о л ч и т).

Руденко. Ваш «президент» Пужак присутствовал?

Урбанский. Присутствовал.

Руденко. Как вы можете характеризовать Пужака по его деятельности, вы как член подполья, наблюдавший и знавший Пужака?

Урбанский. Я знаю Пужака только по деятельности политической, так что особенно много о нем не могу сказать.

Руденко. Что вы можете сказать о Пужаке?

Урбанский. Если речь идет о политической деятельности...

Руденко. Нас интересует его подрывная, подпольная деятельность в тылах Красной Армии, направленная против Красной Армии. Как он проводил ее?

Урбанский. Могу сказать, что он был настроен против Советского Союза.

Руденко. Как он оценивал Красную Армию?

Урбанский. Он говорил — неизвестно с какой целью приходит Красная Армия в Польшу. Может быть, как захватчик.

Руденко. Как «оккупант»?

Урбанский. Он это говорил.

Руденко. Он называл Красную Армию «оккупационной»?

Урбанский. Он оценивал Красную Армию как оккупационную, захватническую, он говорил, неизвестно, уйдет она из Польши или останется.

Руденко. Что он говорил относительно договора с Советским Союзом? Возможен ли договор Польши с Советским Союзом или нет?

Урбанский. Он говорил, договариваться можно, но только будет ли договор соблюдаться.

Руденко. И как вывод из этого что он предлагал? Вести подпольную борьбу? Против кого?

Урбанский (молчит).

Руденко. Может быть, вы стесняетесь говорить в присутствии Пужака? Это я говорю в связи с тем, что вы подавали заявление на имя военного прокурора с просьбой не оглашать ваши показания. Вы 4 июня такое заявление подавали?

Урбанский. Подавал.

Руденко. Разрешите огласить л. д. 88 10-го тома.

Председательствующий. Оглашается заявление подсудимого Урбанского от 4 июня 1945 года:

«Господину военному прокурору от Урбанского Франца Андреевича.

На допросе у вас и следователя я дал искренние показания о подрывной работе против Красной Армии и Советского Союза со стороны подпольной организации ППС и лидера этой партии Пужака, особенно враждебно настроенного против Красной Армии и Советского Союза в целом. Хорошо зная террористический характер организации ППС и мстительность Пужака, я уверен, что если ему или его соучастникам, находящимся на свободе, каким-либо способом станет известно о моих показаниях, которые я дал на предварительном следствии, то, несомненно, моя семья и родственники, проживающие в Польше, подвергнутся террору со стороны боевиков ППС, находящихся на нелегальном положении. Поэтому, господин прокурор, прошу вас данные мною правдивые показания о подрывной деятельности ППС и

лидера этой организации в тылу Красной Армии не оглашать от моего имени и не делать мне очной ставки с Пужаком, которую вы мне предложили с ним иметь 4 июня 1945 года. Урбанский».

Руденко. Это ваше заявление?

Урбанский. Да, мое.

Руденко. Пужак — ваш «президент»?

Урбанский. Да.

Руденко. Вы говорили в своих показаниях, что основная задача польского «правительства» и «Армии Крайовой» заключается в том, чтобы вести борьбу с Красной Армией?

Урбанский. Это правильно.

Руденко. Ясно. Значит Пужака вы характеризуете как враждебно настроенное по отношению к Советскому Союзу лицо, практически осуществлявшее руководство подрывной работой?

Урбанский. Да.

Руденко. Теперь скажите, кроме февральского заседания, какой еще у вас практический контакт с подпольным «советом министров» существовал?

Урбанский. Контакт существовал только во время заседания.

Руденко. Позвольте, в связи с допросом подсудимого Урбанского, задать один вопрос Пужаку.

Председательствующий. Пожалуйста.

Руденко. Подсудимый Пужак, вы слышали заявление Урбанского, которое огласил председательствующий. У вас действительно такой мстительный характер?

Пужак. Начав показания, я ответил на вопрос, поставленный мне следователем: имел ли я какие-либо счета с господином Урбанским. Я с Урбанским никаких счетов не имел, а наоборот, между нами были самые лучшие отношения. Чем руководствовался господин Урбанский, чтобы так клеветнически представить мою роль в совете, я не знаю. Я только ссылаюсь на других представителей и думаю, что в выводах это выяснится.

Руденко. Подсудимый Пужак, были ли у ППС боевые организации?

Пужак. У нас были боевые организации во время царизма.

Руденко. А теперь?

Пужак. У нас были отряды, которые имели наименование «Армия Людова», а затем были переименованы в военные отряды ППС.

Председательствующий. Вопросов у вас больше нет?

Руденко. Нет.

Председательствующий. А у адвокатов?

Михальский. Скажите, Урбанский, до 1942 года в какой партии вы состояли?

Урбанский. С 1937 года до 1942 года я состоял в партии «Христианской демократии», а с 1942 года — в партии «Стронниство Праци».

Михальский. Знали ли вы о роспуске «Армии Крайовой»?

Урбанский. В феврале на заседании «Рады Едности Народо-

вой» господин Окулицкий доложил, что решением президента распускается «Армия Крайова» и прячет оружие и боеприпасы. А потом, в марте на другом заседании, когда был разговор между господином Янковским и господином Окулицким на тему, почему он не явился к командованию Красной Армии, хотя имел связь, он ответил, что не пошел сам, а направил письмо о том, что он распускает армию и уже к ней не имеет больше отношения. Тогда господин Янковский сказал Окулицкому: «Вы должны пойти, и с вами пойду я». В конце февраля я читал объявление о том, что нужно отдать оружие. Я спросил: «А что делать с боеприпасами?» Окулицкий дал ответ, что «самое лучшее оружие взято немцами, часть взяли «Батальоны хлопски», а остался хлам, если хотите, я этот хлам отдам». На этом заседании я читал приказ о роспуске «Армии Крайовой».

Михальский. О роспуске «Армии Крайовой» вы узнали из разговоров с Хацинским или до этого все было ясно?

Урбанский. Когда я после заседания «Рады Едности Народовой» встретился с Хацинским, я ему рассказал о разговоре между господином Янковским и господином Окулицким о роспуске «Армии Крайовой». Хацинский сказал, что ему известно о том, что вся «Армия Крайова» не распущена.

Михальский. Скажите, как секретарь главной комиссии вы могли оказать какое-нибудь влияние на Окулицкого?

Урбанский. Нет. «Рада Едности Народова» на «Армию Крайову» не могла влиять. «Армия Крайова» совсем отдельная организация. О нероспуске ее я узнал здесь в ходе следствия.

Михальский. Вы говорили на предварительном следствии, что о конкретных фактах диверсий, которые совершались в тылу Красной Армии, вы не знали?

Урбанский. О том, что я узнал на следствии, и то, что здесь говорили свидетели, я услышал в первый раз. Об одном факте мне рассказывал Хацинский, когда возвращался из Кракова в Варшаву, что на станции Скорневица сгорел вагон. Он говорил, что опасно ездить. Что это диверсия — я ничего не знал.

Михальский. Вы также состоите секретарем «Партии Труда»? Вы были представителем от этой партии в «Раде». У вас по партийной линии расхождения с лондонским «правительством» были или нет?

Урбанский. Если речь идет о политике лондонского правительства, то надо сказать, что у нас все-таки были расхождения. Хотя там есть министры от нашей партии, но все-таки мы намеревались их отозвать из Лондона.

Михальский. О решениях Крымской конференции какое у вас мнение — положительное?

Урбанский. Положительное.

Михальский. У вас вооруженные отряды были в партии?

Урбанский. Нет, не было. Когда я пришел в 1942 году осенью, никаких отрядов не было, они были переданы в «АК».

Михальский. Никакого идейного воздействия на своих членов партии, которые состояли в «Армии Крайовой», вы не могли оказывать?

Урбанский. Я не мог оказывать. Когда они переходили в «Армию Крайову», то всякая связь была прервана.

Михальский. Теперь скажите мне, как называлась партийная газета?

Урбанский. «Реформа».

Михальский. Кто ее редактировал и кто нес ответственность за ее направление?

Урбанский. Редактировал газету один из заместителей председателя «Партии Труда» — Ян Хоппе.

Михальский. Но своему содержанию эта газета носила нарочито клеветнический характер?

Урбанский. Да, клеветнический характер, особенно после Тегеранской конференции.

Михальский. К моменту прихода Красной Армии в Варшаву вы никакой газеты не издавали?

Урбанский. Нет, не издавали.

Михальский. Вы как секретарь «Рады» считаете себя ответственным за другие листовки, которые издавались Янковским и подпольным «правительством»?

Урбанский. На это я никакого влияния не имел.

Михальский. Сколько времени вы были секретарем?

Урбанский. С октября 1944 года.

Михальский. С октября 1944 года до момента ареста?

Урбанский. В последнее время, после варшавского восстания, я себя плохо чувствовал и хотел выйти совсем.

Михальский. Скажите, пункт обвинения, который имеется в обвинительном заключении на листе дела 25, вы полностью подтверждаете?

Урбанский. Нет, не подтверждаю. Здесь сказано о несдаче оружия, боеприпасов и использовании их в преступных целях. Этого я не мог знать, так как об использовании оружия, боеприпасов мне совсем не было известно, и я не знал, какие враждебные силы действовали против Красной Армии.

Председательствующий. Объявляется перерыв до 7 часов.

Вечернее заседание 19 июня

Комедант. Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается. Подсудимый Чарновский, показания, которые вы дали на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Чарновский. Да, подтверждаю.

Председательствующий. Товарищ прокурор, пожалуйста.

Руденко. Какую руководящую роль вы играли в вашем подполье?

Чарновский. Я был председателем правления «Союза демократов», был членом «Рады Едности Народовой».

Руденко. Членом «Рады» или главной комиссии?

Чарновский. И членом главной комиссии.

Руденко. Или же членом президиума?

Чарновский. Да.

Руденко. С какого времени вы состояли в этой должности?

Чарновский. С 1944 года, со времени восстания.

Руденко. Расскажите, что вам известно о подрывной деятельности подполья, направленной против Красной Армии?

Чарновский. Господин Ясюкович сказал, что подпольный совет министров информировал нас обо всем. Это неправильно. И вот почему. О таком решении (правда, я сейчас не все помню), как решение в Петрокове, явившееся следствием полученной телеграммы из Лондона, «Рада Едности Народовой» не знала. О разговорах в Кракове «Рада Едности Народовой» не знала. О разговорах на тему об организации «НЕ» в подпольном совете министров «Рада Едности Народовой» не знала.

Руденко. «Рада» не знала?

Чарновский. Да.

Руденко. А вы?

Чарновский. Я узнал потом из разговоров с генералом Окулицким.

Руденко. С подсудимым Окулицким?

Чарновский. Да.

Руденко. Вы показывайте о своей деятельности. Речь идет не только о «Раде», а конкретно и о нас: что вы знали, каким было ваше участие в этой подрывной деятельности? Об этом показывайте.

Чарновский. Я считаю, что моя подрывная деятельность заключается в принадлежности к «Раде Едности Народовой», к организации «НЕ», к «Союзу демократов».

Руденко. Значит, в принадлежности к «Раде Едности Народовой», в принадлежности к подпольной организации «НЕ»? Вот давайте эти обстоятельства и уточним: каково было ваше участие в «Раде Едности Народовой», в чем выражалась ваша принадлежность к организации «НЕ»?

Чарновский. Я вовлечен был в эту организацию Багинским, так как он хотел иметь поддержку еще одного голоса. Разговор на тему об организации «НЕ» имел место один раз с Окулицким во второй половине февраля, в период собрания «Рады Едности Народовой».

Руденко. Прошу уточнить, кто присутствовал на этом собрании?

Чарновский. На этом собрании были: Окулицкий, Зарембо.

Руденко. Из присутствующих здесь, кроме Окулицкого, с вами вместе кто был?

Чарновский. Никого не было.

Руденко. Это было заседание «Рады Едности Народовой»?

Чарновский. Это было собрание «Рады». Окулицкий дал оценку обстановки. Это было после решений Крымской конференции, это было после того, как блок четырех крупных партий развалился. Окулицкий на это обратил внимание и сказал, что нужно искать связи. Ни одного слова он не сказал о том, что это делается по чьим-то указаниям и инструкциям, будь то лондонского правительства или кого иного. Он не сказал ни одного слова, что эта организация уже существует. Я был уверен в том, что это его собственная инициатива и что эта организация будет создана.

Руденко. Подпольная организация?

Чарновский. Да. Теперь скажу, какие цели она преследовала. Целью ее были: борьба за независимость Польши, борьба против вмешательства других государств. Так точно он эту цель и определил. В первую очередь — сказал он — это борьба против польского временного правительства, которое является орудием в руках СССР. Но он одновременно подчеркнул, что это борьба против вмешательства и других; как на пример он указал, что если Миколайчик как премьер-министр придет в Польшу, то тайна этой организации должна быть сохранена и перед ним.

Вначале, когда он так говорил, то не все партии хотели входить в состав этой организации, даже и «Строиництво Народове» не хотело входить. Но, повторяю, это было вначале. Затем в разговоре этот вопрос вновь поднимался. Окулицкий ни одним словом не обмолвился, что это должна быть вооруженная военная организация, и утверждал, что эта организация должна быть политической. Каковы были методы работы? Эта организация должна была вести свою работу путем консультаций и соглашений между организациями, которые войдут в состав нового вре-

менного правительства и путем ведения совместной пропаганды.

Руденко. Какой пропаганды? Какого характера?

Чарновский. Об этом не говорили. Это, очевидно, общая пропаганда.

Руденко. При этой же встрече обсуждался вопрос о политическом центре этой организации?

Чарновский. Со мной Окулицкий именно и говорил о создании этого центра организации.

Руденко. Вам было предложено принять участие в этой организации?

Чарновский. Да, я тогда сказал, что могу принять участие только лично.

Руденко. Вы можете принять участие в подпольном центре только лично, без согласия на то членов вашей организации «Союз демократов»?

Чарновский. Да.

Руденко. Почему вы так заявили?

Чарновский. Потому, что «Союз демократов» уже раньше имел намерение выйти из подполья.

Руденко. И прекратить подрывную деятельность?

Чарновский. Так.

Руденко. Стало быть, вы, давая согласие быть членом этой организации и зная, что ваша организация, руководителем которой вы были, будет возражать против этого подполья с подрывной работой, дали согласие лично от себя?

Чарновский. Да. Я дал согласие именно от себя и интересовался, как «людовцы» решили. Потом, когда встретился с Жепецким, — это было во второй половине марта — я узнал, что «людовцы» колеблются.

Руденко. У вас была беседа в феврале месяце?

Чарновский. Да.

Руденко. Вам как руководителю «Рады Едности Народовой» было известно о том, что был издан приказ командования Красной Армии о сдаче вооружения, о роспуске «Армии Крайовой»?

Чарновский. Да.

Руденко. «Рада» была сохранена и законспирирована?

Чарновский. Да.

Руденко. Стало быть, вы были осведомлены о всей деятельности этих организаций, которые проводили подрывную работу?

Чарновский. Да, но не с начала.

Руденко. Когда?

Чарновский. Я припоминаю, что был один раз разговор в половине февраля на «Раде Едности Народовой». Но чтобы тогда было сказано об оружии — этого я не припоминаю. Я об этом узнал на последнем совещании «Рады Едности Народовой» числа 25-го — это было в воскресенье.

Руденко. Какого месяца?

Чарновский. Марта.

Руденко. До этого вы не знали?

Чарновский. Знал из польской печати, но никто официально на заседании «Рады Едности Народовой» не говорил.

Руденко. А неофициально?

Чарновский. Нет.

Руденко. А из беседы с Окулицким?

Чарновский. Нет.

Руденко. Вы заявляете суду, что вы были осведомлены о сохранении подпольного центра, враждебного Красной Армии, лишь в конце марта?

Чарновский. Да.

Руденко. Вы подтверждаете свои показания в части проведения террористической пропаганды против Советского Союза?

Чарновский. Да, я признаю это.

Руденко. Я вынужден напомнить вам ваши показания, в которых вы признавали свою ответственность в этом вопросе.

Чарновский. Я признаю свою ответственность.

Руденко. Вы говорите, что пропаганда проводилась клеветническая, но вы не знали об этом.

Чарновский. Я говорю, что не все документы знал.

Руденко. А большинство листовок и других документов?

Чарновский. Нельзя сказать, чтобы большинство. Я знал, какая была атмосфера.

Руденко. Атмосфера была какая?

Чарновский. Клеветническая. В нашей подпольной печати помещался ряд статей, в которых клеветнически писалось, что Советское правительство намерено включить Польшу в состав Советского Союза. В своей пропаганде наши газеты иногда проводили параллель между немецкими войсками и Красной Армией. Ряд газет называл Красную Армию оккупантами. В целях продолжения борьбы против Советского Союза генерал Окулицкий организовал конспиративную организацию, в состав которой я дал согласие войти, но не успел войти в нее, потому что ее не успели сформировать.

В результате нашей враждебной пропаганды, нашего пребывания в подполье и попытки создания новых организаций могли иметь место подрывные действия против советских войск, но я лично отношения к этому не имею.

Руденко. Вы допускаете, что в результате клеветнической пропаганды могли иметь место враждебные Красной Армии акты?

Чарновский. Да.

Руденко. Кроме того, вы забыли о том, что вы сами руководили одной организацией...

Чарновский. Эта организация перестала существовать.

Председательствующий. А что она собой представляла? Когда вы ее возглавляли, она существовала?

Чарновский. В 1939 году в сентябре (или ноябре). Это была боевая организация.

Председательствующий. Кто возглавлял ее с 1939 года?

Чарновский. Три человека.

Председательствующий. В том числе были вы?

Чарновский. Был.

Председательствующий. Кто еще был?

Чарновский. Будкевич, Женчиковский и я.

Председательствующий. В 1944 году она существовала?

Чарновский. В 1941 году и в 1942 году все отряды были окончательно переданы в «Армию Крайову».

Председательствующий. Растворились совершенно в «Армии Крайовой» или остался костяк?

Чарновский. Совершенно растворились.

Председательствующий. И вы связь прекратили?

Чарновский. Да.

Председательствующий. Некоторый опыт работы в военной организации вы, как видите, имели. Как понять слова, записанные в вашем допросе? На вопрос: «Кто от имени «Союза демократов» поддерживал связь с командованием «Армии Крайовой» и членами вашей организации, находившимися в отрядах «Армии Крайовой»? — вы отвечали: «Связь с командованием «Армии Крайовой» от имени «Союза демократов» после варшавского восстания поддерживал я, Чарновский». Варшавское восстание было осенью 1944 года. Сейчас вы говорите, что чуть ли не в 1942 году ваша партийная организация совершенно растворилась в «Армии Крайовой»; но, оказывается, в 1944 году вы поддерживали связь с вашей организацией.

Чарновский. Из членов этой боевой организации некоторые вели политическую работу.

Председательствующий. Вы поддерживали связи с отдельными людьми или с организацией?

Чарновский. С организацией не поддерживал.

Председательствующий. А с кем?

Чарновский. Только с отдельными лицами.

Председательствующий. Сколько было народа в вашей организации? 20 человек или несколько тысяч?

Чарновский. Было несколько тысяч, но некоторые уже растворились в «Армии Крайовой». Из этих нескольких тысяч около 8—10 тысяч вошли в «Армию Крайову» — около 10%.

Председательствующий. Одно дело — поддерживать личную связь с отдельными приятелями, а другое дело — поддерживать принципиальную связь с такой организацией, как «Союз демократов», с таким официальным учреждением, как командование «Армии Крайовой». Имеются ваши показания: «Связь с командованием «Армии Крайовой» от имени правления «Союза демократов» поддерживал я — Чарновский».

У адвокатов есть вопросы?

Адвокат Миловидов. Скажите, вы признаете себя виновным,

ответственным за ведение пропаганды, которая носила клеветнический характер?

Чарновский. Признаю.

Миловидов. В этой части вы признаете себя виновным. А в отношении того, что происходили террористические акты, диверсии? Об этом вы узнали, когда они происходили фактически или позднее?

Чарновский. Об этом я узнал во время следствия, а уже некоторые сигналы были известны перед этим.

Миловидов. Когда имело место первое сообщение Окулицкого на совещании? Точно вы можете сказать? Это 25 февраля было первое сообщение Окулицкого относительно того, что «Армия Крайова» не распущена фактически, что спрятаны оружие, радиостанции и боеприпасы?

Чарновский. Нет, это было в марте.

Миловидов. Это было уже в марте 1945 года? Когда было точно это сообщение?

Чарновский. Это было на заседании, которое не дало результатов. Это было 25 марта.

Миловидов. И вот здесь впервые вы были поставлены в известность о подрывной деятельности, которую проводила «Армия Крайова»?

Чарновский. Окулицкий не говорил о террористических актах, но говорил о том, что оружие спрятано.

Миловидов. Это впервые вы узнали в марте 1945 года? А когда вы были арестованы?

Чарновский. 28 марта.

Миловидов. Таким образом, эту информацию вы получили за несколько дней до задержания?

Чарновский. Да.

Миловидов. А когда состоялось предложение вступить вам в подпольную организацию «Неподлежность»?

Чарновский. Это было во второй половине февраля.

Миловидов. Вы дали следствию показания, что вы согласились на вступление в организацию «НЕ».

Чарновский. Да.

Миловидов. Значит, это произошло приблизительно за месяц до вашего ареста?

Чарновский. Да, приблизительно за месяц.

Миловидов. Что за этот месяц сделано вами конкретно в качестве вступившего в эту организацию?

Чарновский. Кроме разговора с Окулицким и Жепецким — ничего.

Миловидов. Значит, никакой конкретной преступной деятельности вы в этой организации не провели?

Чарновский. Нет.

Миловидов. Больших вопросов не имею.

Председательствующий. У подсудимых есть вопросы к подсудимому Чарновскому?

Михаловский. Скажите, пожалуйста, делали ли вы когда-нибудь на заседании отчет об организации «НЕ»?

Чарновский. Делал на собрании правления «Союза».

Михаловский. А о политическом центре?

Чарновский. Нет.

Михаловский. Был ли со мной разговор о политическом центре в феврале месяце 1945 года?

Чарновский. Да.

Михаловский. Вы мне заявили, что вы от себя дали согласие вступить в какую организацию: в «НЕ» или в политический центр?

Чарновский. Названия новой подпольной организации я не знал.

Михаловский. Вам было известно, что эта организация еще не создана, еще только создается? Помните вы, что в конце варшавского восстания было заседание нашего правления «Союза демократов», и там мы решили, между прочим, вопрос о так называемой «второй конспирации». Вы помните, какое решение было на этом заседании?

Чарновский. В первые дни после прихода Красной Армии было решение прекратить подпольную деятельность, перейти на легальное положение и принять участие в хозяйственной и культурной жизни.

Михаловский. Решили, что не пойдем на организацию «второй конспирации»?

Чарновский. Во исполнение этих решений мы приняли некоторые предварительные меры.

Председательствующий. Еще один вопрос: по поводу другого вашего показания, данного на допросе от 1 июня этого года. Было записано: «Я также признаю себя ответственным, как член «Ряды Едности Народовой» за учиненные диверсии и террористические акты в тылу Красной Армии со стороны законспирированных отрядов «Армии Крайовой», ибо наша деятельность по созданию этого подполья, проводимая нами клеветническая пропаганда против СССР и Красной Армии неизбежно должна была вызвать и диверсии и террор в тылу Красной Армии. Сейчас я вынужден признать, что наша подрывная деятельность в конечном итоге вредила общему делу Объединенных наций». Правильно это? Ваша подрывная деятельность вредила общему делу Объединенных наций, вы теперь пришли к этому выводу?

(Обвиняемый не совсем хорошо понимает вопрос; тогда председательствующий обращается к переводчику).

Товарищ переводчик, будьте любезны, переведите этот вопрос. (Снова читает текст показания). Правильно зафиксирована эта мысль? Вы теперь пришли к этому убеждению или немного раньше?

Чарновский. Немного раньше.

Председательствующий. Примерно год, полгода, несколько недель или 10 дней тому назад вы пришли к той мысли, что ваша деятельность, в конечном счете, вредила общему делу Объединенных наций?

Чарновский (молчит).

Председательствующий. До ареста или после ареста?

Чарновский. Нет, это было после ареста.

Председательствующий. До этого вы колебались или после?

Чарновский. Мне очень трудно сформулировать. Колебания были после прихода Красной Армии. Задача была в том, как выйти из подполья, а не в том, чтобы выйти из подполья...

Председательствующий. Вы тут показали, что «Окулицкий и руководимая им «Армия Крайова» не выполнили приказа Советского командования о сдаче имеющихся у них оружия, боеприпасов, радиостанций, типографий и не распустили своих штабов.

После официального заявления Советскому командованию о роспуске этой армии вооружение и отряды были сохранены и законспирированы для подрывной деятельности в тылу Красной Армии».

Чарновский. Это все верно.

Председательствующий. Вопросов больше нет? Нет. Садитесь, пожалуйста. Подсудимый Багинский! Подсудимый Багинский, скажите, пожалуйста, показания, которые вы давали на предварительном следствии, вы подтверждаете полностью?

Багинский. Я хочу сделать некоторые замечания.

Председательствующий. В отношении обвинительного заключения или в отношении ваших показаний?

Багинский. И в отношении обвинительного заключения, и в отношении показаний.

Председательствующий. О вашей роли?

Багинский. Относительно редактора газеты, о которой здесь говорил Звежинский.

Председательствующий. Пожалуйста.

Багинский. Я хотел вернуться к статье в газете, о которой говорилось утром. Эта статья была о земельной реформе. Я не был согласен с установками этой газеты. Когда я сказал господину Звежинскому об этой статье, то он мне ответил: «Я согласен с вами, но я ничего не могу сделать с редактором этой газеты».

Председательствующий. Это для суда не столь важно. Товарищ прокурор, пожалуйста!

Руденко. Я хочу спросить о вашем положении в «Раде Едности Народовой». Кем вы там были?

Багинский. Одним из двух заместителей председателя «Рады», которые не имели никаких прав.

Руденко. О правах я сейчас не спрашиваю. Итак, вы были заместителем председателя так называемого «парламента».

Багинский. Я не могу назвать это парламентом, так как парламент имеет иные права.

Руденко. Сейчас, конечно, это не «парламент», а тогда по-вашему это был «парламент». А какую должность вы занимали по партийной линии?

Багинский. Я был заместителем председателя президиума партии.

Руденко. Какой партии?

Багинский. «Стронництво Людове». Я практически ведал междупартийной политикой...

Руденко. Сейчас суд интересуется вопросом не о междупартийной политике, а о подрывной деятельности в тылу Красной Армии. Это обстоятельство исследуется сейчас в судебном заседании. Вы признаете себя виновным в том, что не выполнили приказа командования Красной Армии о сдаче радиопередатчиков?

Багинский. Не выполнило подпольное «правительство».

Руденко. Хорошо, подпольное «правительство» не выполнило, да?

Багинский. Да.

Руденко. А оружие?

Багинский. Я ничего не знаю по этому вопросу, потому что организация не имела отрядов.

Руденко. Об оружии вы не знаете. А скажите, ваша партия имела оружие?

Багинский. Имела.

Руденко. А вы по своей линии, как заместитель председателя президиума партии, выполнили приказ Советского командования о сдаче оружия?

Багинский. Об этом я не могу знать, потому что в партии было 5—10 тысяч человек, которые имели свое личное оружие.

Руденко. Что значит личное? Ведь эти отряды были у вас?

Багинский. Организация не имела оружия, принадлежащего непосредственно ей.

Руденко. У вас были отряды?

Багинский. Да.

Руденко. Они были вооружены?

Багинский. Некоторые были вооружены.

Руденко. Что значит «некоторые»? Сколько вы насчитывали в подполье членов вашей партии, которые входили в вооруженные отряды?

Багинский. Отрядов было 20, а сколько было оружия — не знаю.

Руденко. Вы приняли меры к выполнению приказа Советского командования о сдаче оружия?

Багинский. Лично нам это не приходило в голову.

Руденко. Приказ был ясен — сдать оружие. Понятно это?

Багинский. Ясно. Каждый гражданин, который имел оружие, должен был это выполнить.

Руденко. Ваши отряды потом были влиты в «Армию Крайову»?

Багинский. Практически нет.

Руденко. Что значит «практически»?

Багинский. Они были подчинены.

Руденко. Значит, ваши вооруженные отряды были практически влиты.

Багинский. Это потом было разрешено.

Руденко. Но как было разрешено — формально влить в «Армию Крайову»?

Багинский. Это было автономией.

Председательствующий. Когда речь идет о сдаче оружия, у вас получается какая-то «автономия». Нужно рассказать так, как было в действительности. Ваши отряды имели вооружение? Это вы признаете?

Багинский. Да, имели. Некоторые члены «Батальонов хлопских» имели оружие.

Руденко. Сколько человек было в этих «Батальонах хлопских»?

Багинский. Около 100 тысяч человек.

Руденко. 10 процентов — это будет 10 тысяч человек.

Багинский. Может быть, 10 процентов.

Руденко. Если «некоторые» имели оружие, то в какой цифре это выразится?

Багинский. Это было 5 тысяч человек.

Председательствующий. 10 процентов от 100 тысяч — это будет все-таки 10 тысяч человек.

Руденко. Багинский говорит — 5 тысяч человек. Пусть будет так. Эти вооруженные отряды должны были влиться в «Армию Крайову». А «Армия Крайова» сдала вооружение?

Багинский. Не сдала, и об этом я узнал от генерала Окулицкого 26 марта.

Руденко. Узнали от Окулицкого 26 марта. Почему «Армия Крайова» не сдала оружия, вам сейчас ясно?

Багинский. Сейчас ясно.

Руденко. Чтобы вести борьбу против Красной Армии?

Багинский. Не только.

Руденко. А почему же ваши отряды не сдали вооружения? Потому что они входили в «Армию Крайову»?

Багинский. Я не говорю, что они не сдали, но когда мы дали указание распустить «Батальоны хлопские», а подчинение их «АК» было формальное, мы, признаю, сделали ошибку, что не сказали о сдаче оружия.

Руденко. Вы говорите, «ошибку»...

Багинский. Каждый гражданин, который имел личное оружие...

Руденко. Подсудимый Багинский, вы как заместитель председателя президиума «Стронництво Людове» по своей линии дали указание, директиву, чтобы члены вашей организации выполнили приказ Советского командования о сдаче оружия, чтобы каждый член вашей организации безусловно выполнил приказ Советского командования?

Багинский (м о л ч и т).

Руденко. Я спрашиваю, вы такое указание дали?

Багинский. Не дал, потому что не пришло в голову.

Руденко. Приказ Советского командования вами саботировался.

Багинский. Я этого не сказал бы. Мы не дали указания, что не надо сдавать оружия.

Руденко. Но вы не дали также указания, чтобы обязательно сдавали оружие?

Багинский. Не додумались.

Руденко. Вам как вице-президенту не пришло в голову издать директиву о сдаче оружия при наличии приказа Советского командования?

Багинский. Я не думал, что буду здесь, в таком положении.

Руденко. Вы не были бы здесь, если бы не были в подполье.

Багинский. Я не имел возможности выйти из подполья, а если бы хотел, то не мог.

Руденко. Почему?

Багинский. Не знал, как выйти из подполья.

Руденко. Я вас спрашиваю, почему вы не вышли из подполья?

Багинский. 15 марта мы приняли решение выйти из подполья не позже 2 апреля.

Председательствующий. Очень долго решали.

Руденко. Решали, пока вас не изъяли.

Председательствующий. Вам помогли выйти из подполья.

Руденко. Вы ждали, пока вас не нащупала разведка и не помогла вам выйти из подполья.

Багинский. Я сам пришел и пригласил других, чтобы пришли.

Руденко. Когда вы пришли?

Багинский. Кажется, 17 марта.

Руденко. Разрешите задать вопрос подсудимому Звежинскому. Подсудимый Звежинский, когда вы были арестованы?

Звежинский. 8 марта.

Руденко. Таким образом, о подпольной деятельности было известно 8 марта?

Звежинский. Так.

Руденко. Я не имею вопросов к подсудимому Звежинскому. Подсудимый Багинский, вы согласились с фактом, что действительно члены вашей организации имели вооружение, несмотря на приказ Советского командования о сдаче оружия?

Багинский. Да.

Руденко. И вы не додумались сдать оружие?

Багинский. Можно было бы так сказать, если бы эта формула не была обидна. (Смех в зале).

Руденко. Вам предоставляется право уточнить формулировку в судебном заседании.

Багинский. Каждый гражданин, который имел оружие, обязан был сдать. Мы складов оружия не имели.

Руденко. У вас редактор не подчиняется президиуму партии? Дисциплины не было?

Багинский. Не было дисциплины.

Руденко. Если нет дисциплины, тогда все ясно. Незачем больше этот вопрос обсуждать.

Багинский. Учтите шесть лет войны и подполье.

Руденко. Мы здесь рассматриваем преступную деятельность польского подполья в тылу Красной Армии—той армии, которая осуществила освободительную роль, разгромила Германию. Об этом ведем разговор. Это для вас ясно?

Багинский. Ясно.

Руденко. По какому поводу вами велись беседы с Окулицким и Янковским?

Багинский. С Янковским были беседы по разным вопросам. С Окулицким была беседа один раз.

Руденко. О чем шла речь — о создании центра?

Багинский. Да.

Руденко. Почему с вами советовались по этому вопросу? Как вы определяли ваше отношение к этому вопросу?

Багинский. Мы вели политический разговор.

Руденко. Я спрашиваю о подрывной деятельности в тылу Красной Армии. Я спрашиваю, шел ли разговор о создании центра организации «НЕ»?

Багинский. Господин Янковский сказал, что такая организация существует. Характер этой организации господин Янковский определял не как политический.

Руденко. А вы сами как определяли характер этой организации?

Багинский. Я ответил ему — не думаю, чтобы ЦК нашей партии согласился быть в подполье, когда имеет намерение вообще выйти из подполья.

Руденко. Но эта организация в конечном итоге создавалась для подрывной деятельности против Красной Армии, да?

Багинский. Господин Янковский мне этого не говорил.

Руденко. Но вам потом это стало известно?

Багинский. Да. Когда я говорил с генералом Окулицким.

Руденко. Для подрывной деятельности против Красной Армии. Вы обсуждали вопрос о создании этого центра? Кого вы рекомендовали в этот центр?

Багинский. Никого не рекомендовал. Ситуация была такая...

Руденко. Не ситуация, а кого вы рекомендовали?

Багинский. Никого.

Руденко. И никакой кандидатуры не называли?

Багинский. Нет.

Руденко. А вспомните!

Багинский. Окулицкий в беседе просил, чтобы его сотрудник, который был в «Батальонах хлопских», пришел на это совещание. Он был, но не принимал участия в разговоре, а только слушал.

Руденко. Обсуждался вопрос о кандидатуре?

Багинский. Нет.

Руденко. А кто такой Жепецкий?

Багинский. Из командования «АК».

Руденко. О нем шла речь?

Багинский. О нем речь шла не в конкретной форме.

Руденко. Какое мнение вы высказали?

Багинский. Отрицательное.

Руденко. Почему?

Багинский. Потому что мы не имели доверия к командованию «АК», которое было при «Бур»-Комаровском. Хотя господин Жепецкий из «АК» последнее время относился к нам положительно, мы политического доверия к нему не имели.

Руденко. Когда обсуждался вопрос о центре? И шла ли речь о кандидатуре Жепецкого?

Багинский. Это было за день до моего ареста. Окулицкий сказал, что он назначает его своим заместителем. Мы не имели доверия к командованию «АК».

Руденко. Вы заявили сейчас, что не имели доверия к командованию «АК». А кто такой Каминский?

Багинский. Это из «Батальонов хлопских».

Руденко. Он был командиром этих батальонов?

Багинский. Да. Перед варшавским восстанием он вошел в командование «АК», а все другие наши воеводские командиры не вошли туда.

Руденко. Каминского специально командировали в «АК» для связи?

Багинский. Да. Перед варшавским восстанием он вошел туда.

Председательствующий. В качестве командира какого соединения? Какую должность он получил?

Багинский. Как известно, он получил не то, что ему обещали, получил маленькую должность — по организации женских формирований «АК». Так я слышал.

Председательствующий. А в первый период организации «Батальонов хлопских» кто ими командовал?

Багинский. Каминский.

Председательствующий. До какого времени?

Багинский. До восстания.

Председательствующий. До сентября 1944 года. А потом где он был?

Багинский. Он остался в командовании «АК», а после восстания возвратился на партийную работу.

Председательствующий. Немцам в плен он сдался?

Багинский. Нет, не сдался.

Руденко. Почему вы все-таки с недоверием относились к командованию «Армии Крайовой?»

Багинский. Это очень долго рассказывать.

Руденко. Кратко скажите — почему не доверяли?

Председательствующий. Наверно, потому, что у них была дисциплина, а у вас нет?

Багинский. Нет, не потому, и у нас была дисциплина. А потому, что во главе командования «АК» были многие из среды правящих кругов довоенной Польши, с которыми «Стронництво Людове» и вообще партии, представители которых здесь сидят, вели оппозиционную борьбу.

Руденко. Словом, у вас были расхождения в убеждениях?

Багинский. Я хотел подчеркнуть, что «АК»-овские круги вели политическую линию, которая была ярко антисоветской.

Руденко. Но практически вы сообща вели подрывную деятельность против Красной Армии?

Багинский. Я не знаю о подрывной работе против Красной Армии. Не знаю и потому не могу сказать.

Председательствующий. И потому никак не решались выйти из подполья, когда Красная Армия освободила Польшу.

Руденко. Я не имею больше вопросов.

Председательствующий. У адвокатов есть вопросы?

Адвокат Маркевич. Скажите, пожалуйста, кто-нибудь ставил когда-либо вопрос, что сейчас подполье переходит на скрытую борьбу против Красной Армии и что вам нужно принять участие? Ставился ли этот вопрос в такой конкретной форме и одобряли ли вы эту политику?

Багинский. Никогда этот вопрос не стоял и об этом не говорили, но часто говорилось относительно «НЕ», как здесь повторил генерал Окулицкий. Помню, что он кратко мне сказал, когда мы в феврале 1945 года говорили об этой организации, что «НЕ» будет противодействовать ликвидации самостоятельности Польши. Но это относилось к будущему и не было сказано прямо. Я хочу подчеркнуть, что информации о выступлении на сегодня и на завтра (в переносном смысле) к нам не приходили от тех кругов, которые хотели, чтобы мы приняли участие в этом подполье. Что в действительности делалось Окулицким, я не могу сказать. Многое вообще я услышал здесь впервые.

Маркевич. Скажите, пожалуйста, когда Красная Армия вступила в пределы Польши, вам было известно, что были диверсии, террор, вооруженные нападения и т. д.?

Багинский. Я вообще не знал о том, что «АК» сохранила оружие. Об этом я ничего не слышал и думаю, что в Советском Союзе невозможно сохранить эту организацию в подполье. Все знали о том, что эта конспирация была невозможной, а потом, когда пришла информация о том, что создается «НЕ», я был уверен в том, что это невозможно. Мне это казалось невероятным.

Маркевич. Вы считаете, что вы никакого участия в подрывной деятельности против Красной Армии не принимали?

Багинский. Не принимал и не знал о тех вещах, о которых сейчас узнал. Я хочу сказать о взгляде Окулицкого на будущее

Германии. Воззрение Окулицкого в этой части идет против нашей политики, и поэтому я считал бы для себя невозможным принять на себя такое обвинение.

Маркевич. Вы никакой правительственной должности не занимали?

Багинский. Нет.

Маркевич. Вы занимали только партийные должности, а потом были заместителем председателя президиума «Рады Едности Народовой»?

Багинский. Да.

Маркевич. А вообще какая ваша профессия, кроме политической деятельности? Вы журналист?

Багинский. Да, журналист, но это не мое занятие. Я в течение 30 лет был секретарем партии, а потом я был секретарем или заместителем секретаря партии и всегда выбирался на эту должность.

Маркевич. Еще один вопрос — как вы рассматривали вступление советских войск в Польшу? Разделяли вы мнение тех, кто считал, что вступление советских войск — это оккупация? Внушало ли вам какие-либо опасения это обстоятельство?

Скажите, как вы лично расценивали это?

Багинский. Нас очень интересовал вопрос о наших границах. До Крымской конференции этот вопрос для нас был неясным, но Крымская конференция изменила ситуацию и внесла ясность в вопрос об установлении границы.

(Вопрос Окулицкого к Багинскому). Можете ли вы сказать, каково было мое отношение к решениям Крымской конференции?

Багинский. Отношение генерала Окулицкого к Крымской конференции было положительным.

Руденко. В связи с вопросом Окулицкого я прошу подсудимого Багинского ответить — в чем выражалось положительное отношение подсудимого Окулицкого к решениям Крымской конференции?

Багинский. В том, что он признал это решение.

Руденко. И в ответ на решения Крымской конференции еще больше усилил подпольную подрывную работу?

Багинский. Нет...

Руденко. Я больше вопросов не имею.

Председательствующий. Подсудимый Мерзва, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии?

Мерзва. Да. Подтверждаю.

Председательствующий. Пожалуйста, товарищ прокурор.

Руденко. Вы являлись членом Центрального комитета партии «Стронництво Людове»?

Мерзва. Да.

Руденко. Расскажите об известной вам практической деятельности подполья.

Мерзва. Враждебных действий подполья против Красной Армии я не знаю. Наша партия «Стронництво Людове» была в подполье вплоть до нашего ареста.

Руденко. Вы говорите, что принимали участие в подполье.

Мерзва. Я лично сам был в подполье так же, как и вся наша партия «Стронництво Людове». Но мы как партия «Стронництво Людове» не вели прямо враждебной работы против Советского Союза.

Руденко. Прямо вы не вели, но были осведомлены о враждебной работе?

Мерзва. Только в том отношении, что в совете министров и в «Раде Едности Народовой» были наши представители.

Руденко. Кто именно?

Мерзва. Представителями от партии «Стронництво Людове» были Адам Бень и Казимир Багинский. Я знал также о том, что генерал Окулицкий хотел создать подпольную организацию, в которую мы должны были выделить также своего представителя.

Руденко. Дали вы своего представителя в политический центр или нет?

Мерзва. Сразу мы не решили — дадим представителя от партии «Стронництво Людове» или нет, а решили пойти к генералу Окулицкому для разговора о том, какую цель эта организация будет иметь, после чего и намеревались решить вопрос — дать представителя или нет. С Багинским мы пошли на беседу с генералом Окулицким, где я с ним впервые встретился как с руководителем «АК». Раньше я с ним не встречался, и, повторяю, поскольку коллега Багинский просил, чтобы я пошел с ним вместе, я это сделал. Нам нужно было знать, какой будет разговор на тему о новом подполье. Там мы выяснили, что будет создано новое подполье, куда необходимо было выделить представителя от нашей партии.

На заседании у себя мы решили, что никакого представителя не будем посылать. Это решение было принято нашим ЦК в феврале месяце. Затем мы приняли решение собрать всех делегатов округа нашей партии и установить — выйти из подполья или нет. На этой беседе мы решили, что выходим из подполья, в связи с чем и отказались выделить представителя от нашей партии. Всем было известно, что мы в новое подполье идти не хотим. Мы приняли решение, что в течение двух недель наша организация выйдет из подполья. Мы сказали, что должны установить связь с Красной Армией и временным польским правительством. Это решение было вынесено 15 марта. 16 марта мы дали знать, что идем на переговоры с Советским командованием. Наша партия такое решение приняла первой. Мы назвали наши фамилии и заявили, что хотим выйти из подполья.

Руденко. О диверсионных и террористических актах вашего подполья вам было известно?

Мерзва. Я никогда не слышал о диверсионных и террористических актах и сам их не совершал.

Руденко. Я не спрашивал, совершали ли вы подобные акты, вас в этом никто не обвиняет. Я спрашиваю, было ли известно вам о террористических и диверсионных актах вашего подполья?

Мерзва. Нет.

Руденко. А со стороны «Армии Крайовой»?

Мерзва. И со стороны «Армии Крайовой» я подобных случаев не знаю.

Руденко. Значит, вы этого не знали и не были осведомлены об этом?

Мерзва. Не был. На следствии я читал документы.

Руденко. Вы знакомились с документацией. Не следователь вам сказал, а вы сами видели снимки убитых бойцов и командиров Красной Армии.

Мерзва. Да.

Руденко. Я уточняю этот вопрос. До этого времени вы не знали о террористических и диверсионных актах вашего подполья?

Мерзва. Не знал.

Руденко. Таким образом, вы себя считаете виновным и ответственным за то, что знали о существовании подпольной организации. На заседаниях ЦК вашей партии докладывали о создании новой подпольной военно-политической организации?

Мерзва. Да.

Руденко. Я вопросов больше не имею.

Маркевич. У вас был разговор о выходе из подполья вашей организации?

Мерзва. Да.

Маркевич. Вам было известно, что эта организация была создана с целью поднять вооруженную борьбу против Советского Союза?

Мерзва. Я об этом не знал.

Маркевич. Какое ваше личное отношение к этому вопросу?

Мерзва. Никто о вооруженной борьбе не думал. Если бы я в этом был убежден, я вышел бы из подполья. Мы хотели выйти из подполья.

Маркевич. Ваше отношение к предложению о подготовке вооруженной борьбы против Советского Союза было отрицательным?

Мерзва. Это ясно.

Маркевич. Вы не разделяете такого убеждения?

Мерзва. Не только я лично, но и весь ЦК.

Маркевич. Разрешите уточнить один вопрос из вашей биографии. Вы какого происхождения?

Мерзва. Я из крестьян-бедняков. Семья была большая, земли мало. Я работал на своем участке, с трудом кончил университет. Работал в Союзе молодежи, женился. Имею трех детей.

Маркевич. Вы сами содержали свою семью?

Мерзва. Да.

Маркевич. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. Переходим к подсудимому Хацинскому.

Афанасьев. Подсудимый Хацинский, какое положение вы занимали в подполье?

Хацинский. Я был председателем «Стронництво Праци».

Афанасьев. С кем из подсудимых вы были связаны?

Хацинский. По партии я был связан с одним только человеком — с Урбанским.

Афанасьев. Вы знали о том, что «Армия Крайова» распущена только формально, а оружие и боеприпасы ее скрыты?

Хацинский. Не знал.

Афанасьев. На эту тему разговора у вас с Урбанским не было?

Хацинский. Не было. В конце февраля или в начале марта мне было известно по слухам, что «Армия Крайова» распущена, и нам об этом говорилось. Но все-таки мне один мой знакомый, которого я встретил по дороге, сказал, что появился какой-то отряд, который находится без продовольствия, голодный и начал добывать себе пропитание. И вот тот, кто меня об этом информировал, обратил мое внимание на то, что если это будет так и люди будут ходить без пищи, то эти люди наделают много пакостей, так как они будут способны на все.

Афанасьев. О фиктивном роспуске «Армии Крайовой» вы узнали по слухам или на заседании правления вашей партии?

Хацинский. О том, что армия распущена, я еще узнал в Кракове.

Афанасьев. А когда вы приехали из Кракова, было у вас заседание правления партии?

Хацинский. Заседания правления партии не было с 17 октября 1944 года. Мы просто встретились и говорили с двумя или тремя знакомыми.

Афанасьев. А с Урбанским на эту тему в феврале у вас был разговор?

Хацинский. Урбанский был у меня в феврале или в марте, точно не припомню.

Афанасьев. Подсудимый Урбанский, подтвердите, пожалуйста, разговор, который у вас состоялся с Хацинским. Информировали ли вы его о докладе Окулицкого, в котором он говорил о том, что «Армия Крайова» распущена формально, а оружие спрятано?

Урбанский. Подтверждаю. Это заседание было в феврале месяце. Кроме Хацинского, там были еще два или три члена, хорошо не помню. Это было заседание, и я говорил, что было на этом заседании.

Афанасьев. Как отнесся Хацинский к вашему сообщению?

Урбанский. Мы тогда ничего не решили.

Афанасьев. Но во всяком случае он был в курсе дела?

Урбанский. На этом заседании он об этом слышал.

Руденко. Я не спрашивал, совершали ли вы подобные акты, вас в этом никто не обвиняет. Я спрашиваю, было ли известно вам о террористических и диверсионных актах вашего подполья?

Мерзва. Нет.

Руденко. А со стороны «Армии Крайовой»?

Мерзва. И со стороны «Армии Крайовой» я подобных случаев не знаю.

Руденко. Значит, вы этого не знали и не были осведомлены об этом?

Мерзва. Не был. На следствии я читал документы.

Руденко. Вы знакомились с документацией. Не следователь вам сказал, а вы сами видели снимки убитых бойцов и командиров Красной Армии.

Мерзва. Да.

Руденко. Я уточняю этот вопрос. До этого времени вы не знали о террористических и диверсионных актах вашего подполья?

Мерзва. Не знал.

Руденко. Таким образом, вы себя считаете виновным и ответственным за то, что знали о существовании подпольной организации. На заседаниях ЦК вашей партии докладывали о создании новой подпольной военно-политической организации?

Мерзва. Да.

Руденко. Я вопросов больше не имею.

Маркевич. У вас был разговор о выходе из подполья вашей организации?

Мерзва. Да.

Маркевич. Вам было известно, что эта организация была создана с целью поднять вооруженную борьбу против Советского Союза?

Мерзва. Я об этом не знал.

Маркевич. Какое ваше личное отношение к этому вопросу?

Мерзва. Никто о вооруженной борьбе не думал. Если бы я в этом был убежден, я вышел бы из подполья. Мы хотели выйти из подполья.

Маркевич. Ваше отношение к предложению о подготовке вооруженной борьбы против Советского Союза было отрицательным?

Мерзва. Это ясно.

Маркевич. Вы не разделяете такого убеждения?

Мерзва. Не только я лично, но и весь ЦК.

Маркевич. Разрешите уточнить один вопрос из вашей биографии. Вы какого происхождения?

Мерзва. Я из крестьян-бедняков. Семья была большая, земли мало. Я работал на своем участке, с трудом кончил университет. Работал в Союзе молодежи, женился. Имею трех детей.

Маркевич. Вы сами содержали свою семью?

Мерзва. Да.

Маркевич. У меня больше вопросов нет.

Председательствующий. Переходим к подсудимому Хацинскому.

Афанасьев. Подсудимый Хацинский, какое положение вы занимали в подполье?

Хацинский. Я был председателем «Строиництво Праци».

Афанасьев. С кем из подсудимых вы были связаны?

Хацинский. По партии я был связан с одним только человеком — с Урбанским.

Афанасьев. Вы знали о том, что «Армия Крайова» распущена только формально, а оружие и боеприпасы ее скрыты?

Хацинский. Не знал.

Афанасьев. На эту тему разговора у вас с Урбанским не было?

Хацинский. Не было. В конце февраля или в начале марта мне было известно по слухам, что «Армия Крайова» распущена, и нам об этом говорилось. Но все-таки мне один мой знакомый, которого я встретил по дороге, сказал, что появился какой-то отряд, который находится без продовольствия, голодный и начал добывать себе пропитание. И вот тот, кто меня об этом информировал, обратил мое внимание на то, что если это будет так и люди будут ходить без пищи, то эти люди наделают много пакостей, так как они будут способны на все.

Афанасьев. О фиктивном роспуске «Армии Крайовой» вы узнали по слухам или на заседании правления вашей партии?

Хацинский. О том, что армия распущена, я еще узнал в Кракове.

Афанасьев. А когда вы приехали из Кракова, было у вас заседание правления партии?

Хацинский. Заседания правления партии не было с 17 октября 1944 года. Мы просто встретились и говорили с двумя или тремя знакомыми.

Афанасьев. А с Урбанским на эту тему в феврале у вас был разговор?

Хацинский. Урбанский был у меня в феврале или в марте, точно не припомню.

Афанасьев. Подсудимый Урбанский, подтвердите, пожалуй ста, разговор, который у вас состоялся с Хацинским. Информировали ли вы его о докладе Окулицкого, в котором он говорил о том, что «Армия Крайова» распущена формально, а оружие спрятано?

Урбанский. Подтверждаю. Это заседание было в феврале месяце. Кроме Хацинского, там были еще два или три члена, хорошо не помню. Это было заседание, и я говорил, что было на этом заседании.

Афанасьев. Как отнесся Хацинский к вашему сообщению?

Урбанский. Мы тогда ничего не решили.

Афанасьев. Но во всяком случае он был в курсе дела?

Урбанский. На этом заседании он об этом слышал.

Афанасьев. И вы сказали ему, для какой цели было скрыто оружие?

Урбанский. Сказал, что Окулицкий решением президента Рачкевича распускает армию.

Афанасьев. Формально?

Урбанский. Этого не помню... и что оружие и боеприпасы он прячет.

Афанасьев. Об этом вы и сказали Хацинскому?

Урбанский. Не Хацинскому, а говорил на этом заседании.

Афанасьев. Здесь шел разговор об этом?

Урбанский. Да, на этом заседании. А в марте месяце, когда было заседание главной комиссии «Рады Едности Народовой», шел разговор о том между господином Янковским и господином Окулицким. Господин Янковский ему сделал какой-то выговор. Господин Окулицкий говорил: «Я написал письмо, все уже выяснил, а если вы думаете, что это кончено, то я пойду».

Тогда я сказал господину Окулицкому, что я в конце февраля читал, что оружие нужно сдать, и спросил, как же теперь быть с оружием. Господин Окулицкий сказал, что самое лучшее оружие мы во время восстания должны были отдать немцам, что часть взяли «Батальоны хлопски», а остался хлам. «Если, — сказал он, — хотите, то этот хлам можно передать».

Афанасьев. Подсудимый Урбанский, второй вопрос к вам: Хацинский знал о существовании подпольной радиостанции?

Урбанский. Конечно, знал, потому что через эту радиостанцию, которая находилась у правительства господина Янковского, мы получали и передавали сообщения.

Афанасьев. У меня к подсудимому Урбанскому вопросов больше нет. Подсудимый Хацинский, вы слышали показания Урбанского? Они правильны?

Хацинский. Есть некоторая разница.

Афанасьев. Здесь речь идет о разговоре, в котором Урбанский вас информировал, что армия распущена, оружие спрятано.

Хацинский. Об оружии не помню. Он информировал очень кратко, как он говорил, — телеграфно. Никаких дискуссий, как сказал Урбанский, не было. А о том, что некоторые, какие-то отдельные отряды «Армии Крайовой» существуют, я на следствии докладывал и теперь сказал, что мне это было известно по слухам.

Афанасьев. Не по слухам это вам было известно, а вам сказал Урбанский еще в феврале. Речь идет не о слухах, а о том сообщении, которое было сделано.

Хацинский. Я не помню, чтобы это докладывал подсудимый Окулицкий. Этих подробностей не помню. Я подсудимого Окулицкого первый раз вижу здесь.

Афанасьев. Я не имею вопросов.

Председательствующий. У защитников есть вопросы?

Казначеев. Скажите, в период немецкой оккупации вы каким-нибудь репрессиям подвергались?

Хацинский. В период немецкой оккупации я в 1940 году был арестован вместе с группой адвокатов в количестве 50 человек. Был в Освенцимском концлагере в течение десяти месяцев без суда и следствия.

Казначеев. Семья ваша каким-нибудь репрессиям подвергалась в тот же период времени?

Хацинский. Мой сын 23 лет был арестован в 1943 году гестапо на улице Варшавы и, по всей вероятности, погиб, потому что нигде никаких сведений я получить о нем до сих пор не смог. Потом, после варшавского восстания, когда моя жена и три дочери были изгнаны из Варшавы, у жены отняли трех дочерей и среди них девочку 14 лет.

Казначеев. Куда они были отправлены?

Хацинский. В Германию, на работы. Жену, как старую, отправили домой, а девушек отправили в Германию. Мне было известно, что они были на фортификационных работах около Рейна.

Казначеев. Чем объяснить то обстоятельство, что вы — человек, так тяжело пострадавший от немецкой оккупации, все-таки оказались при приходе Красной Армии в подполье?

Хацинский. Я в подполье не пошел во время прихода Красной Армии.

Казначеев. А как было?

Хацинский. Я был избран председателем «Партии труда» 1 августа 1944 года. Меня принудили, чтобы я был председателем. Полгода я лежал в кровати. Я принял должность руководителя партии. Программа у нас была довоенная, и надо было выработать новую программу, значит, была создана программная комиссия, я был ее председателем. Я был болен, приезжал из санатория два раза в месяц, и мы писали программу.

Казначеев. И этим ограничилась ваша деятельность?

Хацинский. Да, только этим — выработкой программы партии.

Казначеев. Никакой другой практической работы вы не вели?

Хацинский. Здесь, господин председатель, мне в обвинительном заключении предъявлены разные обвинения. Во-первых, сказано, что я был связан с эмигрантским правительством в Лондоне и давал телеграммы правительству в Лондон.

Казначеев. А кому была радиотелеграмма адресована?

Хацинский. Телеграмма была адресована «Партии труда». Мне показали эту телеграмму.

Председательствующий. Кто?

Хацинский. Представитель эмигрантского правительства.

Казначеев. Он входил в польское эмигрантское «правительство»?

Хацинский. Нет, не входил.

Казначеев. Мне непонятно ваше несогласие на очной ставке с Урбанским: он говорит, что вы послали телеграмму, а вы говорите, что вы намеревались послать.

Хацинский. Я составил ответ, и разноречие между нами в том, что он говорит, что мы втроем составляли ответ, а я говорю, что вдвоем. Я пытался послать телеграмму, но послана ли она — я не знаю.

Казначеев. И последний вопрос, относящийся к вашей автобиографии, вопрос отдаленный. Тут написано, что вы окончили Киевский университет.

Хацинский. Да.

Казначеев. Это было до революции?

Хацинский. Да.

Казначеев. В связи с чем вы попали в Киев?

Хацинский. До войны я два года учился в Швейцарии, в университете. Когда началась война 1914 года, я не мог ехать в Швейцарию. Я был противником коалиции Германии и Австрии и, как молодой человек, по этому поводу произносил различные речи. Когда немцы приблизились к Варшаве, это было в 1915 году, я подумал, что мне неловко будет оставаться в Варшаве, и поехал в Киев и там записался в университет. Насчет подпольной подрывной работы: я не могу себя признать виновным в подрывной работе против Красной Армии потому, что это не сходится с моими политическими убеждениями, которые известны многим.

Председательствующий. Сколько было членов в вашей партии в 1944 году?

Хацинский. Я могу сказать только, сколько было депутатов в двух объединениях партии.

Председательствующий. Сколько членов было: два человека или десять тысяч?

Хацинский. Активных?

Председательствующий. Учет у вас плохой. Вы не знаете, сколько у вас членов партии.

Хацинский. Могу предполагать 3 тысячи, может быть 4. Лучше знает секретарь.

Председательствующий. Кто это секретарь?

Хацинский. Урбанский.

Председательствующий. Подсудимый Урбанский, сколько у вас в 1944 году было членов партии?

Урбанский. Я не могу ответить на этот вопрос — может быть три, четыре или пять тысяч, точно не могу сказать.

Председательствующий. Подсудимый Кобылянский, показания, данные вами на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Кобылянский. Да, подтверждаю.

Афанасьев. Вы были членом подпольного «парламента»?

Кобылянский. Да.

Афанасьев. Какой период времени?

Кобылянский. Еще до восстания и до дня ареста.

Афанасьев. Вы были осведомлены о подрывной работе против Красной Армии?

Кобылянский. Нет.

Афанасьев. Вам было известно о фиктивном роспуске «Армии Крайовой», о сохранении боеприпасов и оружия отрядов «Армии Крайовой»?

Кобылянский. С 15 января по 3 марта я был в деревне и там узнал о роспуске «Армии Крайовой», но никто мне не рассказывал дальнейших подробностей.

Афанасьев. На следствии вы показали, что признаете себя виновным в том, что поддерживали политику подпольного правительства.

Кобылянский. Я не отрицаю. Это было не мое личное мнение, я должен был поддерживать эту политику.

Афанасьев. Речь идет не об общем мнении, а о вашей личной ответственности.

Кобылянский. Лично я последние два года — до половины декабря месяца — был неактивным.

Афанасьев. А потом вы стали активным?

Кобылянский. Потом на меня возложили функции руководства связью с нашим отделом, подчиненным «Армии Крайовой». Я это дело начал, но ничего не успел сделать.

Афанасьев. С «Армией Крайовой» вы имели какие-либо связи?

Кобылянский. Я с 1942 года был в штабе «НОВ», и когда наши отряды переходили в «Армию Крайову», я также вступил в ряды «Армии Крайовой».

Афанасьев. Вы знали об указании эмигрантского «правительства» в Лондоне, что «Армия Крайова» должна быть законспирирована и оставлена в подполье?

Кобылянский. Мне об этом никто не говорил, и я мог только догадываться.

Афанасьев. А с Ясюковичем вы не говорили?

Кобылянский. Нет, с Ясюковичем я по этому поводу не говорил.

Афанасьев. А со Звежинским вы не виделись?

Кобылянский. Только во второй половине февраля я виделся однажды со Звежинским, но по этому поводу он мне ничего не сказал.

Афанасьев. О том, что подпольное «правительство» и «Армия Крайова» не выполнили приказа Советского командования, не сдали имеющихся у них радиостанций, вы знали?

Кобылянский. Я не знал и мог только догадываться.

Афанасьев. Я спрашиваю вас, знали или не знали?

Кобылянский. Точно не знал, как обстоит дело.

Афанасьев. Разве Ясюкович и Звежинский не делились с вами о том, что происходит в партии?

Кобылянский. Я был в Варшаве с 3 по 7 марта.

Афанасьев. На заседаниях вы были?

Кобылянский. Никогда не был.

Адвокат Миловидов. Когда состоялся формальный роспуск «Армии Крайовой»?

Кобылянский. 19 января.

Миловидов. То-есть это был тот период времени, когда вы в Варшаве отсутствовали. При этом вам только по слухам могло быть известно, оставлена армия или нет?

Кобылянский. Да.

Миловидов. Таким образом, период действия, когда вы находились в Варшаве, определяется с 31 по 7 марта, остальное время вы были в деревне и фактически бездействовали?

Кобылянский. Да.

Миловидов. Разъясните, пожалуйста, занимавшееся вами положение: что значит заместитель члена подпольного «парламента»?

Кобылянский. Я был как бы в запасе.

Миловидов. Значит, вы были в качестве кандидата на случай расширения или вывода кого-либо из парламента, а членом правительства не являлись?

Кобылянский. Нет, членом правительства не являлся.

Миловидов. А вели вы какую-либо работу в партийном руководстве?

Кобылянский. Не вел.

Миловидов. У руководства вы не находились? У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Стемлер-Домбский! Вы подтверждаете ваши показания в части информации об издании бюллетеней?

Стемлер-Домбский. Да, подтверждаю.

Афанасьев. Скажите, какую деятельность вы проводили в подполье?

Стемлер-Домбский. Я являлся служащим департамента информации главной делегатуры в Варшаве. Свою работу я начал в октябре 1943 года в качестве руководителя отдела книгоиздательства. С этого времени и до подавления варшавского восстания, когда департамент переехал в Краков, я оставался на постоянном месте жительства под Варшавой в местечке Милянувек. С ноября по 20 февраля 1945 года я был заместителем директора департамента.

Афанасьев. Вы издавали какой-то бюллетень. Что это за бюллетень?

Стемлер-Домбский. В качестве заместителя директора департамента моей обязанностью было издавать ведомости по радио.

Афанасьев. Кто эту обязанность на вас возложил?

Стемлер-Домбский. Директор департамента, который находился в Кракове.

Афанасьев. Какой характер имел этот бюллетень?

Стемлер-Домбский. Этот бюллетень печатал все то, о чем говорилось в официальной лондонской передаче на польском языке.

Афанасьев. А так как там в передачах польского эмигрантского «правительства» в Лондоне возводилась всякая клевета на Советский Союз, то вы ее и перепечатывали?

Стемлер-Домбский. То, что передавалось официально в лондонской передаче, мы печатали в бюллетене.

Председательствующий. В передаче эмигрантского «правительства» в Лондоне?

Стемлер-Домбский. В официальной лондонской британской станции был час передачи на польском языке, и мы слушали передачи и потом печатали их в бюллетене. Там были вести о важнейших событиях в мире, о событиях на фронте и действиях лондонского польского правительства.

Председательствующий. О каких действиях?

Стемлер-Домбский. О том, что говорил Рачкевич, что говорил премьер-министр Арцишевский. Во время оккупации немцев бюллетень издавался под Варшавой, до 18 января. 18 января началось наступление Красной Армии. Немцы взорвали электростанцию в Милянувек, и за неимением электростанции мы прекратили работу до начала февраля.

Афанасьев. На кого был рассчитан этот бюллетень?

Стемлер-Домбский. Он издавался для руководителей подпольных организаций. В начале января Рутковский — сотрудник секретариата председателя совета министров Янковского — потребовал от меня, чтобы я как заместитель директора департамента издавал бюллетень «Ведомости по радио». Но радио не было. Тогда я нашел частное лицо, которое имело собственный радиоприемник. Во время немецкой оккупации он принимал то, что говорил Лондон, и издавал собственную газету, имел своих абонентов. Когда пришла Красная Армия, он прекратил это, но имел радиоприемник. С 5 февраля я у него покупал ежедневно 10 экземпляров этой лондонской передачи для руководителей польского подполья и посылал ежедневно в адреса, которые оставил мне директор департамента. В ноябре директором департамента был Войтиховский.

С 5 февраля по 20 февраля я посылал ежедневно 10 экземпляров «Ведомостей по радио» руководителям подпольной организации.

20 февраля приехал директор департамента и взял работу в свои руки, решив меня уволить. Я вышел из подполья, перешел на легальное положение и стал работать в Красном Кресте.

Афанасьев. Вы вышли из подполья 20 февраля?

Стемлер-Домбский. Да.

Афанасьев. Что вы слышали о роспуске «Армии Крайовой»?

Стемлер-Домбский. Я впервые узнал об этом из лондонской передачи. Там был оглашен приказ о роспуске «Армии Крайовой».

Афанасьев. Чей приказ?

Стемлер-Домбский. Приказ президента Рачкевича.

Афанасьев. Законспирированный приказ?

Стемлер-Домбский. Нет. Об этом я узнал здесь, на следствии и на процессе. О том, что было указание не сдавать оружие, я ничего не знал.

Афанасьев. Ничего не знали?

Стемлер-Домбский. Не знал.

Афанасьев. Значит, вы получили только сообщение о том, что «Армия Крайова» распущена?

Стемлер-Домбский. Была передача лондонского радио в форме приказа президента Рачкевича.

Афанасьев (обращаясь к председательствующему). Вопрос к подсудимому Окулицкому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Афанасьев. Подсудимый Окулицкий, скажите, приказ о роспуске «Армии Крайовой» был передан по лондонскому радио?

Окулицкий. Может быть, но я не помню точно. Я получил приказ, на основе которого дал свой приказ. Это был приказ от декабря 1944 года.

Афанасьев. Но тот был зашифрованный?

Стемлер-Домбский. Да.

Афанасьев. А этот был открытый?

Стемлер-Домбский. Была передача официальной станции.

Афанасьев. А о роспуске когда узнали?

Стемлер-Домбский. На следствии и на процессе.

Афанасьев. Янковский вас об этом не информировал?

Стемлер-Домбский. Нет.

Афанасьев (обращаясь к председательствующему). Вопрос к подсудимому Янковскому.

Председательствующий. Пожалуйста.

Афанасьев. Подсудимый Янковский, 25 мая на допросе вы показали следующее: «Стемлер-Домбский, как руководящий участник подполья, был осведомлен о том, что мы нарушили приказ советских военных властей и продолжали в тылу Красной Армии пользоваться радиостанциями и типографиями». Правильно это?

Янковский. Стемлер как руководящий работник подполья был осведомлен о деятельности подполья. Это верно.

Афанасьев. Знал ли он о том, что ведется та подрывная работа в тылах Красной Армии, о которой вас спрашивали здесь?

Янковский. Нет.

Афанасьев. Не знал?

Янковский. Нет.

Афанасьев. Вы его об этом не информировали?

Янковский. Нет. Я с ним имел связь очень редко.

Афанасьев. И шел только разговор о незаконном использовании вами радиосвязью?

На допросе 25 мая вы показали, что Стемлер как руководящий работник подполья был осведомлен о том, что вы нарушили приказ советских военных властей и продолжали в тылу Красной Армии пользоваться радиостанциями.

Янковский. Я пользовался лондонской передачей.

Афанасьев (обращаясь к Стемлер-Домбскому). Вы печатали ваши бюллетени в типографии?

Стемлер-Домбский. Нет, это было 10 экземпляров на машинке, на тонкой бумаге.

Афанасьев. А типографии вы не имели?

Стемлер-Домбский. О типографии я ничего не знаю.

Председательствующий. Вопросов нет?

Адвокат Плевако. Разрешите вопрос. Подсудимый Стемлер, каковы были задачи департамента во время немецкой оккупации, и, в частности, каковы были ваши задачи?

Стемлер-Домбский. Я стал служащим департамента информации по возвращении из немецкого концлагеря в Освенциме. Я полтора года болел. Не знаю, имеет ли русское общество понятие об этом концлагере. В момент моего пребывания в нем там было около 7 000 русских. Я вышел из концлагеря, полгода лежал в больнице, год был в деревне. Я излечил все свои раны, но одного излечить не мог—это ненависти к немцам. Когда ко мне вернулись силы, я стал искать работы против немцев. Брать винтовку в руки и идти в партизаны—для этого я слишком стар. Но я нашел случай познакомиться с Войтиховским, который оказался директором департамента информации. Он знал меня по моей предвоенной авторской и книгоиздательской работе и предложил мне организовать в департаменте отделение книги. В департаменте было отделение печати, которым руководил сам Войтиховский. Было отделение театра, радио, кинофильмов. Я, придя в подполье последним (это было осенью 1943 г.), активизировал отделение книги. Работа была политическая и практическая. Политическая работа заключалась в подготовке материалов для государственного издательства, которого в Польше не было. Практической работой являлись диверсии в типографиях и на складах бумаги. Все типографии были заняты немцами. Печатать вообще мы ничего не могли. Отдел книгоиздательства никаких книг не издавал.

Плевако. В течение какого времени вы находились под арестом у немцев?

Стемлер-Домбский. Я был в концлагере один год.

Плевако. В какой партии вы были?

Стемлер-Домбский. Я беспартийный.

Плевако. А что вы знали об организации «НЕ»?

Стемлер-Домбский. Ничего не знал. Я узнал о ней только во время следствия и на процессе.

Плевако. С какого времени вы работали в Красном Кресте?

Стемлер-Домбский. С января 1945 года и до момента моего ареста. 26 января правление Красного Креста предложило мне возвратиться на старое место, откуда в 1941 году немцы взяли меня в тюрьму.

Плевако. Когда вы легализовались, то стали работать в Красном Кресте? Это было легально?

Стемлер-Домбский. Да, легально.

Плевако. Каково ваше мнение о решениях Крымской конференции, и каково ваше мнение по поводу тех действий, которые являются предметом настоящего судебного разбирательства?

Стемлер-Домбский. Отношение к решениям Крымской конференции у меня самое положительное. Я считал, что это разрешит польский вопрос и выведет нас из того тупика, в котором мы очутились. То, о чем я узнал во время следствия и процесса, трудно сказать в одной фразе. На протяжении 200 лет, на протяжении 8 поколений нарастала вражда между Польшей и Россией. От отца к сыну, от матери к дочери росла пропасть все больше и больше. После первой мировой войны положение не изменилось. Конечно, когда страх и недоверие, как мрак, покрывали наши сердца и наши глаза, мы оказались в таком положении, что какова цель, таковы и действия.

Председательствующий. Напрасно вы так волнуетесь.

Стемлер-Домбский. Нет политической перспективы.

Плевако. Вы по профессии кто — учитель?

Стемлер-Домбский. Да, учитель. Как учитель работал 7 лет, а потом в книгоиздательстве. Моя специальность — это борьба с неграмотностью среди взрослых. Я в Англии и в Соединенных Штатах имел более 30 трудов — учебников, книг.

Плевако. Кто ваш отец?

Стемлер-Домбский. Мой отец — кустарь-колесник.

Плевако. Значит, из бедной семьи?

Стемлер-Домбский. Да, из бедной семьи, сам добивался всего.

Председательствующий. Подсудимый Михаловский, показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Михаловский. Да, подтверждаю. Но я не знал о том, что оружие и боеприпасы использовались в преступных целях.

Председательствующий. В ваших показаниях записано так: «Я признаю себя виновным в том, что, будучи заместителем председателя объединения демократических партий Польши «Союз демократов», я действительно знал об имевшихся в распоряжении польского подпольного совета министров радиопередатчиках и оружии, однако я не знал, что радиопередатчики и оружие используются для борьбы против Красной Армии и Советского Союза». Это показание вы подтверждаете?

Михаловский. Да, подтверждаю.

Председательствующий (обращается к прокурору Афанасьеву). Пожалуйста.

Афанасьев. Когда вы узнали об этом?

Михаловский. О чем?

Афанасьев. О том, что командование «Армии Крайовой» не распустило войска, а оружие и боеприпасы скрыло?

Михаловский. Я знал приказ командующего «Армии Крайовой». Не читал этого приказа, а слышал о нем. Я заметил, что в этом приказе нет упоминания о том, чтобы сдать оружие. От Чарновского знал, что радиопередатчиков также не сдают.

Афанасьев. А вы знали, что создается новая политическая организация? Чарновский вам говорил?

Михаловский. Чарновский говорил, что создается новый политический центр.

Афанасьев. Для чего создается политический центр?

Михаловский. Не мог сказать.

Афанасьев. Он говорил, для каких целей создается этот политический центр?

Михаловский. Для защиты независимости Польши.

Афанасьев. А вот в вашем показании, которое вы давали 6 июня, вы говорите: «Еще с февраля 1945 года мне сообщил Чарновский, что создается новая военная организация для борьбы с Советским Союзом и Красной Армией». Правильно это?

Михаловский. Я это подтверждаю.

Афанасьев. А детализировал Чарновский, что это за центр, кто его создает?

Михаловский. Чарновский говорил мне о своих разговорах с Окулицким относительно создания политического центра.

Афанасьев. С целью борьбы с Советским Союзом и Красной Армией?

Михаловский. Да, с этой целью.

Афанасьев. На базе чего создается новая организация?

Михаловский. В этом политическом центре должны состоять другие партии. Об «АК» не было разговоров.

Афанасьев. Об «АК» не было разговоров, а о каких партиях конкретно был разговор?

Михаловский. О партиях, которые находятся в подполье.

Афанасьев. Какие находились в подполье и проводили подрывную, диверсионную работу против Красной Армии?

Михаловский. Да.

Афанасьев. Но какой должна быть новая организация, вы не заинтересовались у Чарновского?

Михаловский. Нет.

Афанасьев. Это был единственный разговор или вы к этому разговору еще возвращались?

Михаловский. Это был единственный разговор.

Афанасьев. У меня есть вопрос к подсудимому Чарновскому. Подсудимый Чарновский, был у вас такой разговор с Михаловским?

Чарновский. Я не говорил, что это организация вооруженная. Я говорил о политической организации.

Афанасьев. Но вы говорили о том, что эта организация создается для борьбы с Красной Армией?

Чарновский. Я был за независимость, говорил, что она будет самостоятельной и независимой от лондонского правительства.

Афанасьев. Независимой от польского эмигрантского «правительства» в Лондоне? Что же это за политический центр, каким путем предполагалось вести борьбу с Красной Армией?

Чарновский. Я не говорил о борьбе против Красной Армии. Я говорил о борьбе против временного правительства, против СССР, но не против Красной Армии. (С м е х в з а л е).

Афанасьев. Против СССР, но не против Красной Армии?!

Председательствующий. Подсудимый Чарновский, вы не ошиблись в этой странной установке?

Чарновский. Это была только политическая организация, которая ставила своей целью независимость и борьбу против вмешательства.

Афанасьев. О каком вмешательстве вы говорите?

Чарновский. О вмешательстве Советского Союза или других.

Афанасьев. Кого других?

Чарновский. Английского. Точно Окулицкий не сказал перед всеми, кого он здесь имел в виду.

Афанасьев. Вы передавали ваш разговор с Окулицким?

Чарновский. О целях организации я сказал.

Афанасьев. А целью организации была борьба с Красной Армией?

Чарновский. Я об этом не знал.

Афанасьев (о б р а щ а я с ь к п р е с е д а т е л ь с т в у ю щ е м у). Разрешите обратиться к подсудимому Окулицкому?

Председательствующий. Пожалуйста.

Афанасьев. Подсудимый Окулицкий, какой разговор у вас был с Чарновским? Информировали вы его о создании «НЕ»?

Окулицкий. Информировал.

Афанасьев. Полностью?

Окулицкий. Насколько помню, полностью.

Афанасьев. И о целях организации?

Окулицкий. Но я ни слова не говорил о вооруженной борьбе против Красной Армии, так как этого не было в целях организации «НЕ».

Афанасьев. Бесцельно боролись?

Окулицкий. Это было сохранение сил в случае угрозы независимости Польши.

Афанасьев. Угрозы не было, а борьба была! (О б р а щ а е т с я к п о д с у д и м о м у Ч а р н о в с к о м у). Значит, такой разговор у вас состоялся с Окулицким, и этот разговор вы передали Михаловскому?

Чарновский. Да, сокращенно.

Афанасьев. Сокращенный разговор... Какую пропаганду вы вели?

Михаловский. После прихода Красной Армии мы вели устную пропаганду против Красной Армии.

Афанасьев. А печатный орган был?

Михаловский. Нет. Мы решили действовать таким образом,

что по округам оставались уполномоченные — один человек на округ — и осталось главное управление. Печатного органа мы не создавали. Один раз мы каждому уполномоченному послали письмо. Может быть, десять таких писем мы послали, в которых дали оценку внутренней и внешней политической ситуации и информировали о Красной Армии. Это были клеветнические данные.

Афанасьев. Вы сами говорите, что были клеветнические измышления о Красной Армии. Для чего это делалось?

Михаловский. Это была форма борьбы с Красной Армией.

Афанасьев. Это была клевета!

У меня больше вопросов нет.

Адвокат Михальский. Скажите, после прихода Красной Армии «Союз демократов» был распушен?

Михаловский. Да.

Михальский. Было ли заседание, где было решено, что нужно выходить из подполья?

Михаловский. Постановление было, но не успели выйти из подполья.

Михальский. Было ли у вас желание участвовать в политической жизни Польши?

Михаловский. Было решено поступать на работу государственную, хозяйственную, общественную.

Михальский. Осуществить не успели это?

Михаловский. Успели. Наши люди пошли на работу.

Михальский. А по существу «Союз демократов» не существовал?

Михаловский. Было главное управление и уполномоченные.

Михальский. Десять писем приходилось на одного уполномоченного?

Михаловский. Каждый уполномоченный получил только одно письмо.

Михальский. Так что вся эта информация заключалась в одном письме?

Михаловский. Да.

Михальский. Все эти десять писем были одного содержания?

Михаловский. Да, одного.

Михальский. Вы принимали участие в составлении содержания этих писем?

Михаловский. Да, я принимал в этом участие.

Михальский. Эти письма содержали неправильную информацию?

Михаловский. Да, неправильную.

Михальский. Еще один вопрос. Вы в «Раде» не участвовали?

Михаловский. Нет.

Михальский. А в организации «НЕ» участвовали?

Михаловский. Нет.

Председательствующий. Подсудимый Стыпулковский.

Товарищ прокурор, прошу.

Афанасьев. Какое положение в подполье вы занимали?

Стыпулковский. Во время вступления Красной Армии в Варшаву я был политическим советником президиума партии «Стронництво Народове». В этой должности я пребывал с 17 января до второй половины марта 1945 года. Во второй половине марта я встретился с Ясюковичем, который сказал мне, что арестован Звежинский, а вместе с ним арестованы и другие члены президиума «Стронництво Народове», и что теперь он приглашает меня в состав президиума. В этом президиуме я не успел принять какое-либо участие.

Афанасьев. Вы приказ о роспуске «Армии Крайовой» от января месяца знали?

Стыпулковский. Приказ о роспуске «Армии Крайовой» я читал в радиобюллетене.

Афанасьев. Когда это было?

Стыпулковский. Это было в начале февраля.

Афанасьев. Подсудимый Ясюкович, подсудимый Стыпулковский был советником в вашей партии?

Ясюкович. Насколько я знаю, он был приглашен председателем партии Звежинским в качестве политического советника.

Афанасьев. Разве подсудимый Стыпулковский не вводился в курс вопросов, которые были известны руководству, в частности вам? Разве он не знал, что «Армия Крайова» переформирована в организацию «НЕ», что оружие и боеприпасы сохранены и что создана новая политическая организация с определенными целями, о которых здесь говорилось? Разве Стыпулковский не информировался вами об этом?

Ясюкович. Об этом я ничего ему не мог сказать, потому что с ним не встречался. При мне он никогда не был на заседаниях президиума.

Афанасьев. Не обязательно быть на заседаниях президиума. Вы могли встречаться в подполье и информировать друг друга.

Ясюкович. С лета 1942 года по март 1945 года я со Стыпулковским не встречался.

Афанасьев. Подсудимый Ясюкович, я к вам вопросов больше не имею.

Подсудимый Стыпулковский, какая печать издавалась вашей партией?

Стыпулковский. Официальным органом партии была газета «Валка» («Борьба»).

Афанасьев. Суд интересуется нелегальное издание, которое было направлено против Красной Армии и Советского Союза. Где печатались клеветнические статьи о Красной Армии?

Стыпулковский. Органа печати, который печатал статьи против Красной Армии, я не читал.

Афанасьев. А газета «Слово польске» существовала?

Стыпулковский. Газета «Слово польске» издавалась перед вой-

ной во Львове. О том, что эта газета являлась нелегальной, направленной против Советского Союза, я узнал только сейчас.

Афанасьев. Вы на следствии показали: «Я ответственным себя за враждебную пропаганду не признаю, потому что помещенные статьи враждебного характера не были санкционированы руководством партии «Стронництво Народове». Кто же отвечает за вашу печать?

Стыпулковский. Я говорю об официальном мнении «Стронництво Народове», о котором я знал от Звежинского.

Афанасьев. Меня не этот вопрос интересует. Вы говорите, что не отвечаете за помещение статей враждебного характера против Красной Армии (имеется в виду ваша подпольная партийная печать), они-де не были санкционированы вашей партией. Спрашивается, кто же отвечает за вашу печать?

Стыпулковский. Тот, кто такую статью поместил или написал.

Афанасьев. Это — орган вашей партии. Партия ваша несет ответственность за свою печать или нет?

Стыпулковский. Не могут все члены партии нести ответственность за деятельность, которая не шла по линии партии.

Афанасьев. Идет вопрос о руководстве партии.

Стыпулковский. Я не был у руководства партии.

Афанасьев. Откуда же вам известно, что эти статьи не были санкционированы руководством партии?

Стыпулковский. Это я знаю от Звежинского. Касается это газеты «Глос польске», о которой говорилось несколько раз. Упоминалось, что Звежинский имел много разногласий с автором этой статьи.

Афанасьев. В феврале вы были у руководства?

Стыпулковский. Нет.

Афанасьев. С какого времени вы член президиума партии?

Стыпулковский. Формально с 22 марта 1943 года.

Афанасьев. До этого вы какое положение занимали в партии?

Стыпулковский. Был юридическим советником партии и работал по заданиям Звежинского. Он определял работу, которую я впоследствии готовил. Следствию я подробно рассказал, что я проделал в этом направлении за период своей работы в течение шести недель или двух месяцев.

Афанасьев. Меня это не интересует. Вы стояли у руководства партии. Так?

Стыпулковский. Я не был у руководства и не имел никакого права решений. Правда, меня считали руководителем, но ведь руководитель имеет право решать, а я как советник такого права не имел. Повторяю, я представлял материалы по заданиям Звежинского и об этом показал следствию.

Могу я спросить у защиты: есть ли в акте моего дела реферат, который был взят у меня при обыске?

Председательствующий. Вас интересует этот документ? (Пока зы в а е т).

Стыпулковский. Да, именно этот. В этом реферате...

Председательствующий. Когда он написан?

Стыпулковский. Он был написан во второй половине марта и был приготовлен, чтобы показать моим коллегам в президиуме. Это было мое дело в качестве советника. В этом реферате я определял свое мнение по вопросам деятельности в тылу Красной Армии во время борьбы с Германией, говорил о нашей программе, о «Стронництво Народове», об отношении России в прошлом и в будущем к Польше.

Там есть объективный материал, на который я теперь могу сослаться.

Председательствующий. Вы будете ссылаться на этот материал, когда вам дадут слово для защиты. Вы по профессии адвокат?

Стыпулковский. Да.

Председательствующий. Вы приготовили защитительную речь задолго до своего ареста. (Смех в зале).

Стыпулковский. Я плохо говорю на русском языке и поэтому приготовил этот материал.

Председательствующий. Это дало вам основание отказаться от советского адвоката?

Стыпулковский. Поэтому я и отказался. Я был адвокатом много лет перед войной.

Адвокат Оцен. Разрешите мне задать вопрос. Вы сказали, что Звежинский имел много разногласий с редактором?

Стыпулковский. Да.

Оцен. С редактором той газеты, о которой говорится в обвинительном заключении? Кто был редактором?

Стыпулковский. Я фамилии не знаю.

Оцен. Можно ли так сказать, что у Звежинского была вражда с редактором?

Стыпулковский. Это не совсем правильно. Члены партии могли иметь разные мнения. У них разногласия идут далеко.

Оцен. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Пужак, вы подтверждаете те показания, которые подписывали?

Пужак. Да, подтверждаю.

Руденко. С какого времени вы являетесь президентом подпольного «парламента»?

Пужак. Председателем?

Руденко. Президентом вы тоже именовались?

Пужак. С начала 1944 года.

Руденко. Вы поддерживали контакт с подпольным «советом министров»?

Пужак. Всегда на заседании совета участвовали представители правительства.

Руденко. А вы участвовали, в свою очередь, на заседаниях «правительства». Вы были информированы о деятельности «правительства» по принципиальным вопросам?

Пужак. По принципиальным — да.

Руденко. Кто вас информировал?

Пужак. Янковский.

Руденко. Значит, по принципиальным вопросам вас информировал Янковский. Это вы подтверждаете?

Пужак. Да.

Руденко. Вы были осведомлены о подрывной работе в тылу Красной Армии?

Пужак. Нет.

Руденко. Это что, не принципиальный вопрос?

Пужак. Как я указал...

Руденко. Я вас спрашиваю: это принципиальный или не принципиальный вопрос?

Пужак. Принципиальный.

Руденко. Вы заявили, что по всем принципиальным вопросам вы были информированы, а по этому вопросу вы не были информированы, вы, находившийся в подполье, возглавивший подпольный «парламент». Это что — желание только отрицать, или вы правду говорите?

Пужак. Янковский издал приказ своим окружным делегатам, в котором было указано, чтобы местное население по приходе советской армии относилось к ней корректно. Местным властям он дал предписание, чтобы они явились в сопровождении представителя «Армии Крайовой» всюду, где находятся советские войска.

Руденко. Вы говорите, что Янковский информировал вас об указании, чтобы отношение населения было корректное, чтобы ваши представители явились вместе с отрядами «Армии Крайовой». Правильно?

Пужак. Да.

Руденко. На заседании вашего «парламента» Окулицкий информировал вас, что оружие и боеприпасы спрятаны?

Пужак. Нет, такого заседания не помню.

Руденко. Вы помните, что вы на очной ставке с Окулицким показали, что вы это заседание помните, но не помните, — обсуждался ли этот вопрос?

Пужак. К сожалению, этого вопроса не слышал.

Руденко. А другие члены «парламента» слышали.

Разрешите подсудимому Окулицкому вопрос.

Председательствующий. Пожалуйста.

Руденко. Подсудимый Окулицкий, вы в феврале сделали сообщение на заседании «Рады Едности Народовой»?

Окулицкий. Да.

Руденко. Сообщили ли вы, что боеприпасы спрятаны?

Окулицкий. Да.

Руденко (обращается к Пужаку). Что вы можете сказать?

Пужак. Я это отрицаю.

Руденко. Что, Окулицкий говорит неправду?

Пужак. В этом случае он ошибается. (Смех в зале).

Руденко. От кого вы узнали, что «Армия Крайова» не разоружена, а оружие спрятано?

Пужак. Я этого, к сожалению, не знал.

Руденко. Вы не знали об этом?

Пужак. Не делалось такого заявления.

Руденко. А вы помните вашу очную ставку с Янковским?

Пужак. Помню.

Руденко. Вы отрицали также это совещание, но заявляли, что узнали об этом от какого-то частного лица.

Пужак. Приказ лондонского правительства я узнал случайно.

Руденко. От кого?

Пужак. От случайного лица.

Руденко. Известного вам лица?

Пужак. Да. от знакомого.

Руденко. Вы можете его назвать?

Пужак. А зачем?

Руденко. Не желаете?

Пужак. Это было тайно.

Руденко. Это частное лицо, от которого вы узнали об этом, можете назвать?

Пужак. Но что из этого выйдет?

Руденко. Значит, вы просто не желаете назвать. Заявление Окулицкого отрицаете, заявление Янковского отрицаете, а это лицо не желаете назвать.

Пужак. Я заявляю, что я о роспуске «Армии Крайовой» получил известие от знакомого.

Руденко. Вы утверждаете, что зашифрованный приказ вы получили от частного лица. Но это частное лицо вы не желаете назвать?

Пужак (молчит).

Руденко. Вы не желаете назвать это частное лицо?

Пужак. Не желаю.

Руденко. Это ваше право. Скажите о подпольной радиостанции для связи с Лондоном.

Пужак. Все решения совета передавались господину Янковскому для передачи в Лондон.

Руденко. Вы знали приказ Советского командования. Значит, вы этот приказ нарушили?

Пужак. Да.

Руденко. Таким образом, вы утверждаете, что о деятельности террористической, диверсионной вы не были осведомлены?

Пужак. Нет.

Руденко. Больше, как о радиостанции, ничего не знали! Об «АК» не знали, о деятельности «совета министров» ничего не знали и были случайно информированы от частного лица! Я вопросов больше не имею.

Председательствующий. У защиты есть вопросы?

Казначеев. Есть.

Председательствующий. Пожалуйста.

Казначеев. Вы и дальше были на нелегальном положении или же были на легальном?

Пужак. С приходом Красной Армии была издана инструкция нашей партией, нашей организацией, чтобы принять участие в общественной жизни, принять участие в хозяйственных учреждениях и, главным образом, в профсоюзах. 15 февраля состоялось заседание нашего ЦК, на котором постановлено было, в связи с решениями Крымской конференции, выйти из подполья.

Казначеев. Это постановление состоялось 15 февраля?

Пужак. Да. Мы это решение передали на усмотрение нашего верховного партийного совета, который замещает конгресс партии. Заседание этого совета состоялось 18 марта.

Казначеев. Где состоялось это заседание?

Пужак. Заседание состоялось в Кракове. Этот совет утвердил решение ЦК, принял все наши инструкции о выходе из подполья, и с этого времени я считаю, что партия уже перестала находиться в подполье. Уже были факты такие, как, скажем, легализация партии в Домбровском бассейне.

Казначеев. К тому времени было достаточно оснований полагать, что есть возможность легализоваться?

Пужак. Да, решили попробовать.

Казначеев. Но в конечном счете это решение не было выполнено, почему?

Пужак. Нужно было напечатать, переслать, сделать это через делегатов, через специальных курьеров. Но во время прихода Красной Армии мы никаких изданий не имели в подполье.

Казначеев. У вас лично взгляды на политическую ориентацию партии были такие же, как у лондонского польского «правительства»?

Пужак. Нет, лондонское правительство отказалось наотрез от решений Крымской конференции. Мы же в ЦК и в нашем верховном совете решили, что принимаем постановления Крымской конференции как позитивное явление.

Казначеев. Кто мешал вам выполнить свое решение, не считаясь с указаниями из Лондона? Смогли ли вы провести свое решение? Почему вы этого не сделали?

Пужак. Практически уже было невозможно, не было условий для издания, оглашения всего этого. Но устная пропаганда была такова и ориентация нашей партии была такова.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 10 минут.

* * *

Комендант. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста, заседание продолжается.

Казначеев. Вы, подсудимый Пужак, слышали заявление, сделанное здесь Урбанским, относительно того, что вы были враж-

дебно настроены к Советскому Союзу? Вы считаете это правильным?

Пужак. Неправильным. Если бы я так говорил, как сказал Урбанский, тогда я защищал бы другую позицию. В декабре мы решили, что правительство Арцишевского получает от нас убежденное мнение, что нужно идти дальше по вопросу о восточных границах. По этому решению Арцишевский мог отойти от прежней позиции. В феврале было решение Крымской конференции, решение ясное.

Казначеев. Чем вы объясняете такое заявление Урбанского?

Пужак. Я удивляюсь, откуда эта ненависть ко мне.

Казначеев (Урбанскому). Когда вы говорили о враждебных настроениях Пужака, какие настроения вы имели в виду, где он эти настроения проявлял и в какой форме?

Урбанский. В дискуссиях, в разговорах, на заседаниях главной комиссии «Рады Едности». Тогда господин Пужак говорил, что не нужно доверять Советскому Союзу, потому, что он не выполнит обязательств, даже если будет заключен какой-нибудь договор.

Казначеев. К какому периоду это относится?

Пужак. Это было в 1944 году.

Казначеев. Меня интересует 1945 год, в частности период начиная с февраля этого года.

Урбанский. Об этом периоде не могу сказать, потому что не помню. Но в марте он говорил, что если эта конференция, на которую мы собирались, не даст никакого результата, то группа должна скрыться в подполье и ждать всемирной конференции.

Казначеев. Обвиняемый Пужак показал, что в феврале было решено выйти из подполья, что это решение было утверждено в марте?

Урбанский. Я не знаю, что было в марте, так как на заседании не присутствовал.

Казначеев. За этот период времени были ли какие-нибудь конкретные указания с его стороны, направленные против Советского Союза?

Урбанский. Этого я не могу сказать, кроме одного момента в марте.

Казначеев. О враждебных настроениях Пужака в период февраль — март и дальше вы ничего не можете сказать?

Урбанский. Нет.

Казначеев. Подсудимый Пужак, когда началась ваша политическая деятельность? Вы являлись секретарем партии с 1921 г. А с какого времени вы являетесь вообще членом партии?

Пужак. С 1903 года. Когда я вступил в партию, я был австрийским подданным... Пошел в подполье с партией ППС. Во время своей работы принимал участие, между прочим, в движении 1905—1906 годов.

Казначеев. За период с 1905 года вы подвергались репрессиям?

Пужак. В начале 1911 года я был арестован царским правительством и привлечен к ответственности по 102-й статье, части второй и осужден на 8 лет каторжных работ. Наказание отбывал в Шлиссельбургской крепости. После отбытия наказания подлежал высылке в Сибирь на вечное поселение. Во время февральской революции в России занимался организацией польских рабочих и проводил среди них пепезовскую работу.

В августе 1918 года выбыл в Польшу, принимал участие в подполье во время германской оккупации. Затем был выбран в сейм. 17 лет был членом сейма. В 1921 году был избран секретарем партии.

Казначеев. Больше вопросов не имею.

Председательствующий. У адвокатуры имеются вопросы к подсудимому Пужак? Нет. У подсудимых? Нет.

Руденко. Я имею вопрос к подсудимому Окулицкому. Подсудимый Окулицкий, создается некоторая неясность из вашего ответа о перелете в Варшаву. Вы здесь заявили, что, по приказу главнокомандующего польскими вооруженными силами генерала Соснковского, вы были переброшены в Варшаву.

Окулицкий. Точно.

Руденко. Когда это было?

Окулицкий. Я получил приказ, что буду направлен в Польшу в июле месяце 1943 г., но был переброшен только 21 мая 1944 г.

Руденко. Как вы были переброшены?

Окулицкий. Самолетом.

Руденко. Генерал Соснковский имел в своем распоряжении самолеты?

Окулицкий. Нет. Это был обыкновенный английский бомбардировщик типа «Либереитор» с польскими летчиками.

Руденко. Откуда вы были переброшены, с какой базы?

Окулицкий. Я вылетел из Бриндизи (Италия). Это — база английских летчиков.

Руденко. Вы оттуда были переброшены?

Окулицкий. Да.

Руденко. Я больше вопросов к подсудимому Окулицкому не имею.

Председательствующий. У меня вопрос к прокуратуре. Вчера мы вызвали ряд свидетелей, остались недопрошенными еще 11 свидетелей, фамилии которых имеются в обвинительном заключении. Ввиду того, что следствие приближается к концу, надо решить вопрос, когда продолжить опрос свидетелей — сегодня или завтра?

Афанасьев. Ввиду ясности дела государственные обвинители отказываются от опроса остальных свидетелей, которые были намечены по обвинительному заключению, а именно свидетелей Савицкого, Шабатовского, Свительского, Куявинского, Ошмянского, Мартовского, Васневского, Куликовского, Скржеча, Павильона и Микутя, всего 11 человек.

Председательствующий. Как считает защита?

Адвокат Брауде. Для защиты дело также совершенно ясно. В опросе остальных свидетелей она не нуждается.

Председательствующий. Суд после совещания на месте определил: «Ввиду того, что вызов свидетелей Савицкого, Шабатовского, Свитальского, Куявинского, Ошмянского, Мартовского, Васневского, Куликовского, Скржеца, Павилюна и Микутя не вызывается обстоятельствами дела, допрос этих свидетелей не производить».

(Оглашается определение распорядительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 июня с. г. по ходатайству подсудимого Окулицкого, заявившего вчера ходатайство о вызове ряда дополнительных свидетелей: Кульчицкого, Котовича и Битнера вызвать в качестве свидетелей на судебное заседание, в вызове же остальных свидетелей отказать, так как Тумидайский и Свитальский на территории Советского Союза не обнаружены, Филипковский же этапирован в дальний лагерь и находится в пути следования).

Председательствующий. Объявляю перерыв судебного заседания до 12 часов дня 20 июня 1945 г.

Утреннее заседание 20 июня

Комендант. Прошу встать. Суд идет!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается. Вчера Военная коллегия Верховного суда СССР по ходатайству обвиняемого Окулицкого решила вызвать в качестве свидетелей по его делу Кульчицкого, Котовича и Битнера, о чем были даны соответствующие указания. Сейчас мы получили справку, что по метеорологическим условиям просимые свидетели самолетом доставлены быть не могут ни сегодня, ни завтра.

Прокурор Афанасьев. Поскольку неизвестно, могут ли быть вызваны свидетели по просьбе подсудимого Окулицкого в ближайшие дни, обвинение не видит необходимости задерживать рассмотрение дела, тем более что вчера ввиду ясности обстоятельств дела государственное обвинение отказалось от допроса 11 свидетелей, которые были намечены по списку обвинительного заключения. Поэтому я вношу предложение об окончании судебного следствия.

Председательствующий. Подсудимый Окулицкий, вы настаиваете на вызове свидетелей?

Окулицкий. Я не хочу ничем замедлять рассмотрение дела, но если можно вызвать свидетелей, я бы очень просил вас.

Председательствующий. Требуется разрешения еще один вопрос. Как известно, подсудимый Пайдак не был доставлен на судебное заседание ввиду его болезни. За два дня процесса болезнь его не кончилась. Сегодня также подсудимый Пайдак отсутствует, поэтому необходимо решить вопрос о дальнейшем направлении материалов по обвинению Пайдака.

Афанасьев. Поскольку подсудимый Пайдак не может быть по состоянию здоровья на суде, полагаю, что дело о нем следует выделить из этого производства и рассмотреть особо.

Председательствующий. Чем еще желаете дополнить судебное следствие?

Афанасьев. Я прошу суд засвидетельствовать, что в следственных материалах, помимо списка убитых и раненых участниками «Армии Крайовой» военнослужащих Красной Армии, имеются и соответствующие документы, подтверждающие в каждом отдельном случае имевшее место убийство или ранение. Эти документы представляют собой акты военных и гражданских властей, акты военно-медицинской экспертизы, акты

судебно-медицинского исследования и т. д. Эти документы находятся в томе 25, л. д. 2—88. Прошу удостоверить это.

Председательствующий. Суд удостоверяет наличие этих документов в деле, в частности, в томе 25. Если кто желает сослаться на эти документы, он имеет полную возможность это сделать.

Какие еще будут заявления?

Брауде. У меня вопрос к подсудимому Бень. Подсудимый Бень, скажите, пожалуйста, какими непосредственно делами вы ведали, будучи «министром» польского подпольного «правительства»?

Бень. Я ведал отделами земледелия просвещения и юстиции.

Брауде. У меня вопросов больше нет.

Председательствующий. Подсудимый Бень, в продолжение какого времени вы считались заместителем председателя «совета министров» польского подпольного «правительства»?

Бень. Я был заместителем главного делегата лондонского польского правительства все время, начиная с весны 1943 года.

Председательствующий. Заместителем главного делегата и заместителем «премьер-министра»?

Бень. Нет, заместителем премьер-министра я не был, а был только заместителем главного делегата. Так было до весны 1944 года, а весной 1944 года, оставаясь заместителем главного делегата, я назначен был министром.

Председательствующий. Фактически вы были заместителем?

Бень. Да, я был заместителем главного делегата.

Брауде. Кто еще были заместителями главного делегата?

Бень. Ясюкович и Пайдак.

Брауде. Как распределялись между вами должности заместителей главного делегата?

Бень. Было предусмотрено, что если что-либо случится с господином Янковским, например, если он будет арестован или убит, то-есть не сможет исполнять свои обязанности, тогда я должен был бы вступить на его место, так как я являлся его первым заместителем, Пайдак — вторым, Ясюкович — третьим.

Председательствующий. Случилось так, что всех арестовали. Кто же там остался?

Бень. Это предусмотрено не было. (В зале смех).

Брауде. У меня вопрос к подсудимому Ясюковичу. Подсудимый Ясюкович, какие вы непосредственно обязанности выполняли как «министр»?

Ясюкович. Я ведал всеми хозяйственными департаментами — земледелия, торговли и промышленности. Впоследствии, по указанию главного делегата Янковского, я уступил департамент земледелия господину Беню, а департамент торговли и промышленности — господину Пайдаку. Кроме того, ведал департаментом финансов и государственного контроля.

Брауде. А как заместитель главного делегата?

Ясюкович. Как у заместителя главного делегата у меня никаких обязанностей, вернее должностей, не было.

Оцен. У меня вопрос к подсудимому Звежинскому. Вы говорили о том, что являетесь противником блока Польши и Германии, но вы вели или не вели борьбу против немецкого фашизма?

Звежинский. Я вел ту борьбу, которую вела партия «Строительство Народове».

Оцен. Меня интересует лично ваша борьба.

Звежинский. Я путем пропаганды как только мог вел борьбу с оккупантами.

Оцен. У меня нет больше вопросов.

Председательствующий. Я разъясняю, что подсудимые после прений сторон будут иметь последнее слово, а те подсудимые, которые отказались от защитника, перед последним словом будут иметь право выступить со своей защитительной речью. Есть желающие задать вопрос, дополнить следствие? Нет. У вас тоже дополнительных вопросов нет? (Спрашивает председательствующий, обращаясь к представителям государственного обвинения).

Афанасьев. Нет.

Руденко. Нет.

Председательствующий. Суд определил: следственные материалы в отношении подсудимого Пайдака ввиду его болезни и неявки на суд выделить и направить на рассмотрение отдельно.

Что касается вызова в суд свидетелей в связи с ходатайством подсудимого Окулицкого, то ввиду невозможности их доставки на суд сегодня и даже завтра суд считает возможным не откладывать судебного заседания и объявляет судебное следствие законченным.

Афанасьев. Перед прениями сторон я прошу объявить перерыв на 15 минут.

Защитник Брауде. Я прошу объявить перерыв на полчаса.

Председательствующий. Объявляю перерыв на полчаса.

* * *

Комендант. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Садитесь, пожалуйста. Заседание продолжается. Слово имеет Главный военный Прокурор Красной Армии генерал-майор юстиции товарищ Афанасьев.

Афанасьев. Товарищи судьи, члены Военной коллегии Верховного суда Союза ССР!

Со всей возможной тщательностью и объективностью, как и подобает советскому суду и советскому правосудию, вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь, на скамье подсудимых, людей, обвиняемых в совершении тягчайших преступлений.

Мы подошли сейчас к концу судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Но прежде чем перейти к изложению вины каждого подсудимого в отдельности и доказательств, имеющих против него, я не могу не остановиться на некоторых важных особенностях настоящего судебного процесса.

Эти особенности заключаются, на мой взгляд, раньше всего в том, что он происходит в обстановке всемирно-исторических побед Советского Союза и всех Объединенных наций, приведших к полному поражению гитлеровской Германии, злейшего и коварного врага всех свободолюбивых народов.

Эти особенности заключаются и в том, что преступная деятельность подсудимых была направлена против нашей доблестной Красной Армии, которая на протяжении всей войны сражалась с главными силами фашистской Германии, против Красной Армии, освободившей польский народ от ига фашистской тирании, против Красной Армии, которая ценой величайших жертв спасла народы Европы от фашистского рабства и гибели.

Эти особенности заключаются, наконец, в том, что данный судебный процесс в известном смысле подводит итог преступной деятельности представителей польской реакции, боровшихся в течение многих лет против Советского Союза и предавших интересы своего народа.

Именно о них говорил товарищ Сталин при подписании договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой:

«Они предпочитали вести политику игры между Германией и Советским Союзом и, конечно, доигрались... Польша была оккупирована, ее независимость — аннулирована, при этом немецкие войска получили возможность в результате всей этой пагубной политики оказаться у ворот Москвы».

С первых дней Великой Отечественной войны советский народ и его Красная Армия шли в авангарде борьбы свободолюбивых народов против фашизма. В тяжелых боях Красная Армия отстояла независимость нашего государства, спасла свободу и честь нашей родины, разгромила гитлеровскую военную машину и спасла народы Европы от порабощения гитлеровским разбойничьим империализмом и гибели.

Отечественная война советского народа была справедливейшей из всех справедливых войн, какие знала история человечества. Ее цели были ясны и благородны: это была война за свободу и независимость социалистического отечества, война за освобождение народов Европы от гитлеровского гнета, за уничтожение кровавого фашистского «нового порядка», война культуры и цивилизации против варварства и средневековых зверств гитлеровских разбойников.

В этой войне советские люди отстаивали правое, святое дело и отстояли, отстояли под руководством гениального полководца Красной Армии Маршала Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина.

Советскому государству принадлежит решающая роль в освобождении мира от фашистской тирании. Именно на советско-германском фронте были разбиты и уничтожены главные силы гитлеровской армии. Красная Армия и Военно-Морской Флот нанесли врагу смертельные поражения, которые при помощи наших союзников — США и Англии — привели к полному разгрому фашистской Германии.

Героическая борьба Красной Армии в Отечественной войне навсегда войдет в анналы мировой истории как бессмертный подвиг в борьбе нашего народа против фашистской реакции. Победу нашего оружия прославляют сегодня все свободолюбивые народы, все, кто искренне хочет мира во всем мире и свободы для всего человечества.

«Красная Армия, — указывает товарищ Сталин, — есть армия защиты мира и дружбы между народами всех стран. Она создана не для завоевания чужих стран, а для защиты границ Советской Страны. Красная Армия всегда относилась с уважением к правам и независимости всех народов».

И вот против этой героической армии, против армии-освободительницы были направлены злодейские замыслы подсудимых. Эти господа, не зная никаких пределов в своей наглости и бесстыдстве, позволили себе назвать Красную Армию «новым оккупантом».

Из мрачных закоулков своего темного подполья все эти подпольные «министры» и члены так называемого «парламента», Окулицкий и иже с ним, марионетки, игравшие в политику и сидящие сейчас на скамье подсудимых, протягивали свои преступные руки, пытаясь нанести удар в спину наступающей Красной Армии.

Мы преклоняем свои головы перед светлой памятью сотен офицеров и бойцов Красной Армии, перед сотнями советских людей, убитых и замученных злодеями из банд «Армии Крайовой». Мы вечно будем чтить память майора 134 отдельного моторизованного батальона Героя Советского Союза Канарчук, убитого, а затем сожженного бандитами из «Армии Крайовой» 24 августа 1944 года вблизи деревни Доукшаны Гродненской области.

Но разве этими подлыми убийствами из-за угла можно запугать наших неустрашимых бойцов и офицеров? Жалки ваши потуги, господа подпольные «министры»!

Вы, слепые кроты польского подполья, принимали наше великодушие за слабость.

В перехваченной и приобщенной к делу радиограмме № 5 от 12. 8. 44 г., адресованной в штаб главного командования «Армии Крайовой», указывается:

«Советы действуют корректно. У Советов нехватает людей, это характеризует их слабость».

Привыкшие к насилию и бесправию, они корректность расценили как слабость.

Ошибаетесь, господа террористы и диверсанты! Не слабость, а силу это характеризует, силу русского и всего советского народа.

И сегодня величественно звучат слова поэта Державина о русском народе: «По мышцам ты — неутомимый, по духу — ты непобедимый, по сердцу — прост, по чувству — добр, ты в счастье тих, в несчастье бодр».

Товарищи судьи! На скамье подсудимых люди с различными биографиями, различных взглядов и убеждений.

Наряду с Окулицким — ближайшим сподвижником снискавшего себе печальную известность фашиста и провокатора «Бурж-Комаровского» — мы видим ответственного секретаря правления «Стронництво Праци» Урбанского; наряду с генеральным секретарем ППС Пужак мы видим президента правления «Союза демократов» — Чарновского, наряду с деятелем «Стронництво Пародове» Стыпулковским — члена ЦК партии «Стронництво Людовё» Мерзва.

Что же объединяло этих людей?

Материалы предварительного и судебного следствия, показания обвиняемых и свидетелей, многочисленные документы и другие вещественные доказательства позволяют нам со всей категоричностью и полным основанием ответить: большинство из сидящих на скамье подсудимых были объединены ненавистью к Советскому государству, великому советскому народу и его героической Красной Армии.

Характерны в этом отношении показания подсудимого Урбанского, данные им следствию на допросе 21 мая 1945 года.

Урбанский показал:

«Среди польских демократических кругов широко известно, что у руководства ППС и «Стронництво Народове» стоят люди с сугубо реакционными взглядами как в отношении внутреннего устройства польского государства, так и внешней политики польской республики.

Лидеры ППС — Пужак, Арцишевский, Мартин, Квапинский, Узембво, Михневский, Прагер, Циолкош и ряд других, всегда стояли на враждебных позициях к Советскому Союзу и были сторонниками установления в Польше профашистских порядков на основе конституции 1935 года».

И далее:

«Руководящие круги «Стронництво Пародове» до войны и в период немецкой оккупации Польши постоянно поддерживали тесный контакт в работе с фашистской организацией «ОНР», которая открыто провозглашает и борется за установление в Польше фашистских порядков. Начиная с 1939 года и по 1943 год «Стронництво Народове» совместно с «ОПР» создавали и руководили вооруженными отрядами, так называемыми «Народовые силы збройны» — «НСЗ». Отряды «НСЗ» с 1943 года не преследовались немецкими властями и вели активную борьбу на территории Польши с партизанскими отрядами, представителями

польских патриотических организаций и против военнотружущих Красной Армии, попадавших в тыл к немцам. Однажды мне «Юзеф» — представитель крестьянской партии в «Раде Едности Народовой» рассказал, что в Люблинском воеводстве весной 1943 года один из вооруженных отрядов «НСЗ» внезапно напал на группу красноармейцев, выполнявших задание Советского командования в тылу немецких войск, и вырезал около 30 бойцов и офицеров Красной Армии» (т. 10, л. д. 62—67).

Свои показания, данные на следствии, Урбанский подтвердил и на суде.

Конечно, не все сидящие на скамье подсудимых играли одинаковую роль. Некоторые из них играли подчиненную роль, некоторые, как и многие другие люди, были обмануты и одурачены главарями этого преступного сообщества, именуемого «Армией Крайовой», «советом министров» и «Радой Едности Народовой»; различна степень их вины, а следовательно и их ответственность.

Было бы неправильным, сказав, что объединяло этих людей, не сказать, кто объединял этих людей. Это необходимо сделать, чтобы, наиболее полно уяснив мотивы, правильно оценить преступления подсудимых и соответственно этому определить и меру наказания каждому. Я бы не выполнил своего долга представителя государственного обвинения, если бы этого не сделал.

И на этот вопрос имеющиеся в распоряжении суда данные предварительного и судебного следствия позволяют неопровержимо заявить: объединяло преступную деятельность подсудимых, а некоторых из них толкало на преступный путь польское эмигрантское «правительство» в Лондоне.

«...На путь борьбы с Красной Армией толкало эмигрантское правительство, с другой стороны, на нас действовала реакционная группа из числа нелегальных партий» (Показания Урбанского, т. 10, л. д. 47).

Еще в 1940 году, как это явствует из показаний подсудимого Ясюковича, Окулицкий был направлен польским эмигрантским «правительством» в район Львова для организации активной подрывной работы против советской власти.

Только в этой связи, прежде чем перейти к изложению имеющихся судебных доказательств, я хочу кратко остановиться на той поистине пагубной для польского народа роли, которую играли и еще играют польская эмигрантская клика и группа отпетых авантюристов из этой клики под названием эмигрантское «правительство» в Лондоне.

Реакционное эмигрантское польское «правительство» в Лондоне, находящееся в руках профашистских элементов, не раз показывало, что оно не только не в состоянии выполнять волю народа, а наоборот, своей политикой играет на руку фашистской Германии. Вся политика так называемого польского «правительства» — это разжигание войны между народами Европы, разжигание братоубийственной борьбы в стране, ставка на раскол единства Объединенных наций.

Ведущая роль в польском эмигрантском «правительстве» принадлежит господствовавшей в Польше до сентября 1939 года фашистской клике санации, которая и явилась главной виновницей катастрофы, постигшей Польшу в 1939 году.

После пресловутого майского переворота в 1926 году, будучи правящей партией, санационная клика последовательно проводила фашизацию страны. Клика эта руководствовалась не интересами польского народа, а интересами кучки магнатов, феодалов и высших военных сановников, угнетавших не только украинцев, белоруссов и литовцев, но и польские народные массы.

Своей внешней политикой правительство Рыдз-Смиглы — Бека впрягло Польшу в колесницу германского империализма. Санационная клика сделала все возможное, чтобы вбить клин между Польшей и ее историческим союзником — СССР. Она привела к изоляции Польши и подготовила немецкому фашизму почву для порабощения страны.

Санационная клика стремилась и стремится сделать послевоенную Польшу новым изданием досентябрьской Польши, форпостом реакции, направленной против СССР.

Виновники сентябрьской катастрофы получили в эмигрантском «правительстве» крепкую опору. Новое эмигрантское «правительство», созданное после смерти Сикорского, несмотря на свою «демократическую» видимость, очутилось в плену у санационной клики.

Эмигрантское «правительство» добивалось пассивности польского народа в отношении немецких захватчиков. Господа из Лондона призывали измученный, истекавший кровью польский народ воздерживаться от борьбы с захватчиками, «выжидать, как они выражались,—с винтовкой у ноги». Реакционные польские лидеры в своей печати прямо заявляли, что не надо вредить немцам, ибо это помогает Советскому Союзу.

В 1943 году, когда в Польше, вопреки всяким запретам, развернулась борьба против немецких захватчиков, эмигрантское «правительство» сманеврировало и выдвинуло лозунг «ограниченной борьбы», такой «борьбы», какая не таила бы в себе опасности перерасти в массовые выступления против гитлеровских разбойников.

С тех пор польские реакционеры стали проводить политику отказа от борьбы, политику, исключавшую участие широких масс в активном сопротивлении оккупантам.

Замечательные успехи Красной Армии, ее приближение к польским землям заставили эмигрантское «правительство» прибегнуть к новым маневрам. Лицемерные директивы частям «Армии Крайовой» о «сотрудничестве» с Красной Армией должны были служить дымовой завесой, скрывающей фактическое обострение антисоветского курса.

Опасаясь (хотя с уверенностью можно сказать, что эти опасения были напрасными, поскольку «Армией Крайовой» руководил «Бур»-Комаровский), что в «Армии Крайовой» могут при-

дать всерьез фразы о сотрудничестве с Красной Армией, орган господина Соснковского «Всхуд» в № 17 писал: «Для нас могут в будущем возникнуть самые плачевные последствия, если мы будем поступать искренне в отношении советских властей... Советские войска отнюдь не являются нашими союзниками».

Еще циничнее высказываются другие газеты и журналы реакционных эмигрантских кругов; они открыто призывали к активной борьбе против Красной Армии. Например, «Мысль Панствова» от 13 декабря 1943 года писала: «К концу войны не немцы, покидающие Польшу, будут являться главной политическо-военной проблемой, но вступающие русские. И не против немцев мы должны мобилизовать главные наши силы, а против России... Немцы, уходящие из Польши перед лицом наступающих русских войск, не должны встречать препятствий со стороны поляков... В условиях, созданных эвакуацией немцев, не может быть, конечно, речи ни о каком антинемецком восстании; речь может идти только о восстании антирусском». Яснее сказать нельзя!

Через великие муки, через тяжкие испытания прошел польский народ. Он испытал до конца всю горечь гитлеровского гнета, испытал на себе людоедскую практику гитлеровцев — практику истребления славянских народов. Но польский народ не покорился. Вопреки политике лондонских профашистских групп польской эмиграции, он упорно и настойчиво, героически боролся против своих извечных врагов — фашистско-немецких разбойников.

Польский народ внес свой вклад в дело борьбы с заклятым врагом славян — гитлеровцами. Но он не в силах был самостоятельно сбросить немецко-фашистское ярмо. Советский народ протянул руку братской помощи многострадальному польскому народу. Разгромив германские вооруженные силы, Красная Армия перенесла военные действия за рубежи Советского Союза и в боях совместно с польским войском освободила Польшу от тяжких цепей гитлеровского рабства. Над гордой Варшавой, над польскими городами вновь взвились флаги Польской республики. Польский народ вздохнул свободно, исполненный благодарности советскому народу, Красной Армии — освободительнице.

И это братство, скрепленное кровью, пролитой на поле брани против общего врага, вздумала поколебать и пытается колебать своими происками авантюристическая клика Арцышевского — Рачкевича, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, не брезгая никакими средствами.

О «деятельности» эмигрантского «правительства» весьма наглядно свидетельствует в своих показаниях подсудимый — первый заместитель главного делегата этого «правительства» в Польше — Бень:

«В августе 1944 года командование «Армии Крайовой» организовало в Варшаве восстание, являющееся фактически политической авантюрой, которое принесло польскому на-

роду бесцельные жертвы. Несмотря на то, что ясно была видна несостоятельность восстания, подпольное польское правительство содействовало «Армии Крайовой» в проведении восстания, затеянного кругами Арцишевского и Рачкевича в корыстных целях для приобретения политического багажа» (Показания от 12 мая 1945 г.).

В огне освободительной борьбы родилась новая Польша — свободная, демократическая, независимая Польша. Эмигрантское «правительство» в Лондоне и польское подполье в действительности не хотят этой новой Польши, они хотят старой Польши, которую в течение двух последних войн немцам удалось использовать «как коридор для нашествия на восток и как трамплин для нападения на Советский Союз» (Сталин).

Но польский народ боролся и будет бороться за новую Польшу. Он с презрением отвернулся от реакционной эмигрантской клики, ее последователей из польского подполья и их пресловутых лидеров, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Они будут выброшены в мусорную яму истории, имена их станут символом позора и бесчестия.

Товарищи судьи! Я бы не позволил себе занимать ваше внимание изложением преступной деятельности польского эмигрантского «правительства» (этим, вероятно, в свое время займется суд польского народа), если бы эта преступная деятельность не имела прямого отношения к разбираемому вами делу, если бы эта преступная деятельность не нашла свое практическое отражение в той подрывной работе, которую подсудимые проводили в тылу Красной Армии, в тех тягчайших преступлениях, которые подсудимые совершали.

Именно по указаниям польского эмигрантского «правительства» подсудимые направили свою преступную деятельность против Советского Союза и Красной Армии.

По решению этого «правительства» от 14 октября 1944 года, изложенному в радиোগрамме № 11869, которая была оглашена на суде, была законспирирована «Армия Крайова», скрыто оружие и техника, организованы нелегальные органы и связь. Не кто иной, как генерал Соснковский, инструктировал в марте 1944 года Окулицкого, как двурушничать с Советским военным командованием, когда Красная Армия вступит на территорию Польши, как организовать новое подполье и вести борьбу против Красной Армии, о чем показал на следствии и подтвердил на суде подсудимый Окулицкий.

Когда главные и иные коменданты «Армии Крайовой» организовывали в тылу Красной Армии сбор и передачу польскому «правительству» в Лондоне шпионских сведений, то они исходили из полученных оттуда директив.

Я останавлиюсь только на некоторых из многочисленных документов, имеющих в деле и оглашенных на суде.

Радиোগраммой № 7201/1/777 от 11 ноября 1944 г. за подписью

«Варта», переданной радиостанцией под индексом № 39 (получение которой Окулицкий подтвердил и на следствии и на суде) в адрес пяти начальников округов и лично Окулицкого, главный штаб при польском эмигрантском «правительстве», указывая, что «с ликвидацией Варшавского центра разведка перестала пересылать исчерпывающие фотографические месячные разведывательные рапорта...», требовал передавать разведывательные донесения о количестве и дислокации воинских соединений, фамилии командиров от полковника и выше, маршрутные номера и обозначение воинских эшелонов; данные об авиасоединениях, их месторасположении, типах самолетов и их вооружении, аэродромах, складах и т. д.

Это уже никак не политическая информация, которой пытались маскировать шпионаж «деятели» польского подполья.

Когда Окулицкий в декабре 1944 года на заседании подпольного «совета министров» в Пиотрукове, информируя о полученном приказе о роспуске «Армии Крайовой», говорил, что приказ лондонского «правительства» является политическим маневром, с целью создать видимость ликвидации подпольных вооруженных сил; когда комендант Самборского инспектората «Армии Крайовой» «Югас-Плюмень» в письме своему заместителю — Бинасевичу («Лис») от 10 февраля 1945 г. (фотокопия этого письма имеется в деле — т. 4, стр. 105—106) указывал:

«Президент Рачкевич распустил «Армию Крайову». Нас это пока не касается. Это дипломатический трюк, который дает еще одно доказательство (нашей лояльности) союзникам» — разве они не исходили из постановления эмигрантского «правительства» от 14 ноября 1944 г., в котором указывалось, что надлежит «распустить существующие еще на территории на советской стороне конспиративные и партизанские отряды «Армии Крайовой», при этом сохранить скелетную сеть конспиративных ячеек?»

Когда в этом же постановлении «правительства» указывалось, что «право самообороны остается и дальше в силе»; когда предлагалось «не упускать возможности уклонения от регистрации и призыва...»; «домогаться низкого размера норм и так организоваться с действиями их поставки, чтобы не вызвать репрессий...»; когда в ранее цитированном постановлении от 14 октября 1944 г. (радиограмма из Лондона № 11869) указывалось: «В связи со сложившейся обстановкой в Польше необходимо провести очень много конспиративной и легальной работы. Все они (Польский Комитет Национального Освобождения) бесправные пришельцы и будут ликвидированы вместе с оккупантами»; когда в радиограмме из Лондона № 100 от 17 января 1945 г. для Окулицкого и Янковского, генерал Копаньский передал телеграмму «правительства» № 480, в которой говорится: «Учитывая обстановку и политическое положение, в котором вы оказались в связи с успешным советским наступлением, правительство решило, что делегаты правительства, Крайовый Совет министров,

аппарат делегатуры, воеводские и уездные делегаты, а также Совет Национального Объединения и руководство партий, не должны представляться Советам. Отход на запад возможен...», — разве это не прямые директивы перейти в подполье и продолжать борьбу против Красной Армии, разве это не прямые призывы к саботажу и террору?

«Отход на запад возможен»! К немцам — пожалуйста, только «не представляться Советам», только не прекращать борьбу против Советского Союза!

Вот чего требовали господа эмигранты и на основе чего действовали подсудимые.

Разве не по прямым указаниям эмигрантского «правительства» действовал руководитель варшавской организации «Стронництво Народове» Прус, когда он в своем смрадном листке, именуемом органом «Столичного округа национальной партии», в газете «Варшавский глос народовы» № 3 за 21 февраля 1945 г. (номер газеты изъят при аресте подсудимого Звезжинского и приобщен к делу — т. 33, л. д. 81—98), возводил клевету на союзные нам государства и их руководителей с целью внести недоверие между союзниками и ослабить их общие военные усилия? Когда «Варшавский глос народовы» пишет: «Когда, наконец, союзники возьмут Россию за горло?», — разве это не выражение позиции эмигрантского «правительства»? В этом нет никаких сомнений, об этом свидетельствуют и статьи, публикуемые в газете «Дзенник польски — Дзенник жолнежа».

Руководители польского подполья преступно пренебрегали кровными интересами польского народа.

Польский народ хочет дружбы с Советским Союзом, которая является залогом подлинной независимости Польши, а эти люди, сидящие на скамье подсудимых, этого не хотят. Они не верят в дружбу с Советским Союзом, не хотят этой дружбы, предпочитают какой-то блок с участием Англии, Германии. Они исходят из представлений старых реакционеров, которые считают, что Польша должна быть «санитарным кордоном».

Государственное обвинение и советское правосудие, разоблачая здесь преступную политику представителей старой реакционной Польши, тем самым помогают новой, независимой, демократической Польше.

Рачковские, Соснковские, Арцишевские и всякие прочие «москвичи» из кожи лезут вон, чтобы сорвать попытку укрепления дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом, прочные основы которой уже заложены Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской республикой, имеющим историческое и большое международное значение.

Эти господа всячески стараются внести разлад между странами демократической коалиции, сорвать созидательную работу Объединенных наций по послевоенному устройству мира, по ликвидации немецкой и обузданию всякой иной агрессии.

Но всякие попытки этих господ сорвать польско-советскую дружбу, как уже показали факты, обречены на провал.

Новая, независимая, демократическая Польша взяла твердый курс на ликвидацию старой и пагубной политики игры между Германней и Советским Союзом и заменила ее политикой союза и дружбы с ее великим восточным соседом.

На место отчужденности и недружелюбия, разжигавшихся врагами славянства между славянскими народами и ослаблявших их силы, пришла крепкая дружба и взаимопомощь.

Никакие происки польских реакционеров из эмигрантской клики, никакое польское подполье, организующее террористические и диверсионные акты, убийства из-за угла наших бойцов и офицеров, не могут поколебать волю польского и советского народов к союзу и дружбе.

Дружба Советского Союза и свободной демократической Польши растет и крепнет с каждым днем, и нет такой силы в мире, которая могла бы этому помешать!

* * *

По каким каналам проводилась подрывная работа против Красной Армии и Советского Союза?

Организация подпольных вооруженных отрядов «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии

В период немецкой оккупации на территории Польши, Литвы, западных областей Украины и Белоруссии польским эмигрантским «правительством» была создана подпольная военная организация, именуемая «Армией Крайовой» (сокращено «АК»), которую до сентября 1944 года возглавлял генерал польской армии «Бур»-Комаровский, а после его сдачи в плен немцам, с октября 1944 года — его заместитель бригадный генерал Окулицкий.

Как показал Окулицкий, он в Польшу был переброшен по приказу генерала Соснковского в мае 1944 года на самолете английского военно-воздушного флота типа «Либереитор» с английской военно-воздушной базы, находившейся в районе Бриндизи (Италия), а до этого выполнял специальные задания Соснковского и Андерса, в частности организовал диверсионную школу для обучения офицерского состава. Само собой разумеется, что выбор пал на Окулицкого не случайно, и, как это установлено следствием, переброска Окулицкого в Польшу в мае 1944 года была связана с развертыванием борьбы против Красной Армии.

Совместно с обвиняемым Окулицким работой этой нелегальной организации «АК» руководили Янковский, именовавший себя главным делегатом лондонского польского «правительства» в Польше, а потом и председателем подпольного «совета министров», и его «министры» Бень и Ясюкович.

Одновременно на территории Польши была создана и работала нелегальная так называемая «Рада Едности Наро́довой»

или подпольный «парламент», возглавляемый генеральным секретарем ППС Пужаком.

Обвиняемый Окулицкий и подпольное «правительство» имели в своем распоряжении вооруженные отряды, склады оружия и боеприпасов, радиопередаточные и радиоприемные станции, нелегальные типографии, мастерские для изготовления ручных гранат, для фабрикации печатей и документов, конспиративные квартиры и значительные денежные суммы в иностранной валюте, которыми их снабжало лондонское эмигрантское «правительство».

Оставив свои вооруженные силы и организации на нелегальном положении, по прямому указанию польского эмигрантского «правительства», они направили свою деятельность против Советского Союза и повели активную подрывную работу в тылу советских действующих армий. Это выражалось в диверсиях на коммуникациях Красной Армии, террористических актах против советских офицеров и бойцов и во враждебной в отношении Советского Союза пропаганде среди польского населения.

Одновременно используя радиопередатчики для связи с польским эмигрантским «правительством» в Лондоне, подсудимые передавали злостную клеветническую информацию о Красной Армии. В целях большей конспирации деятельности подполья Окулицкий по директиве эмигрантского «правительства», при участии членов подпольного «совета министров» и «Рады Едности Народовой», опубликовал приказ о роспуске «Армии Крайовой», причем одновременно Окулицкий дал окружным комендантам «АК» секретные указания оставить основную часть кадрового солдатского и офицерского состава «Армии Крайовой» на нелегальном положении, сформировать в округах тщательно засекреченные штабы, сохранить и спрятать оружие и боеприпасы и законспирировать действующие радиопередаточные станции. Заведомую лживость и бесчестность этого приказа, предназначенного для обмана общественного мнения за границей, признал Окулицкий, признал и ряд других подсудимых, это подтвердили допрошенные на суде свидетели, и я считаю, товарищи судьи, что могу дальше на этом не останавливаться. Мне лишь хотелось привести одну справку и процитировать выдержку из этого приказа.

Как показал арестованный начальник штаба Краковского округа «АК» Лясота, по прямым указаниям Окулицкого в Краковском округе после так называемого «ропуска» «Армии Крайовой» было спрятано до 4000 винтовок, 2000 автоматов, 1000 пистолетов, 150 пулеметов, до миллиона патронов, 10 000 ручных гранат, 5 противотанковых пушек, 15 радиостанций и т. д. Данные об этом имеются в деле.

Этот штрих ярко рисует «честность» и «правдивость» Окулицкого, который заверил, что «АК» распущена, он уже не командующий, а только частное лицо, одним словом «я — не я, и лошадь не моя».

Окулицкий 19 января 1945 года издал лицемерный и коварный приказ.

Я прошу, товарищи судьи, обратить особое внимание на эту дату: приказ издан через два дня после освобождения Красной Армией Варшавы. Мы помним этот радостный день. Освобождение Варшавы было благой вестью для всего славянского мира. От Варшавы пошло неудержимое стремительное движение Красной Армии на запад, к логову фашистского зверя.

Это было в тот самый день, когда доблестные войска маршала Конева освободили Краков, древнюю столицу и один из важнейших культурно-политических центров союзной нам Польши. И в этот самый день командующий вооруженными силами в стране — бригадный генерал «Недзвядек» (это псевдоним Окулицкого) дает директиву усилить борьбу с Красной Армией.

Я процитирую только несколько пунктов этого приказа. Правда, бригадный генерал предписал приказ после использования уничтожить, но «сие от него не зависит»: подлинный приказ находится в деле и был оглашен.

В этом приказе говорилось:

«1. Развивающееся советское наступление может повести в короткое время к занятию всей Польши Красной Армией, что в действительности означает замену немецкой оккупации — оккупацией советской...»

2. Навязанная в 1939 году война Польше не окончится в настоящее время победой Советов, окончится она для нас только тогда, когда мы достигнем своей цели...

3. В изменившихся условиях новой оккупации свою деятельность мы должны направить на восстановление независимости и оборону населения перед опасностью.

5. «АК» распущена. Командиры не легализируются. Солдат освободить от присяги, выплатить двухмесячное пособие и законспирировать. Оружие спрятать. Скомпрометированных перевести на другие территории и законспирировать. Об остатках денежных средств и имущества донести Рувнику. Сохранить малые, хорошо законспирированные штабы и всю радиосеть. Поддерживайте связь со мной и действуйте в согласии с аппаратом делегаттуры правительства».

Вот уж действительно — комментарии излишни! С поразительным бесстыдством Окулицкий облекает гнусный обман в пышные фразы о «независимости и обороне»; кстати, это присуще не только Окулицкому, но и многим другим сидящим на скамье подсудимых. Они распространяли гнусную клевету о Красной Армии. В директиве «Бур»-Комаровского № 1300/ш от 10 июля 1944 года под названием «Отношение к Советам», изытой в штабе Краковского округа «АК» и приобщенной к настоящему делу, говорится: «...Советы, с одной стороны, являются нашим союзником в борьбе с немцами, а с другой стороны, жестоким оккупантом».

Приказ Окулицкого от 19 января 1945 г. лишний раз доказывает, что в его лице польская реакция нашла достойного заместителя «Бур»-Комаровского и что они оба — одного поля ягода!

Создание подпольной военно-политической организации «Неподлежность» («НЕ»)

Выполняя указания эмигрантского «правительства», Окулицкий, пытаясь обмануть командование Красной Армии изданием приказа о роспуске «Армии Крайовой», на самом деле сохранил основные кадры этой армии, законспирировав их, а также оружие, боеприпасы и средства связи.

Эта подпольная организация Окулицким была названа «Неподлежность» — сокращенно «НЕ», и он же ее возглавил.

На заседании подпольного «совета министров» в феврале 1945 года Окулицкий внес предложение создать для руководства этой организацией «политический центр» из представителей партий «Стронництво Людове», «Стронництво Народове», ППС и «Союз демократов». «Совет министров» одобрил это предложение и поручил Янковскому приступить к переговорам с представителями этих партий.

На совещании «министров» Окулицкий предложил руководящий политический центр создать при нем, а Янковский возражал. Почему он возражал? Может быть, он был против организации «НЕ», может быть, он решил прекратить борьбу против Союза ССР и Красной Армии, которая являлась главной и основной целью этой заговорщической организации? Отнюдь нет. Оказывается, Янковский боялся усиления веса и значения Окулицкого, и Янковский принял решение: руководство политическим центром он возложил... на себя! Я позволил себе остановиться на этом эпизоде потому, что он характеризует беспринципность польского подполья, которая существовала не только в этом вопросе.

Так, заместитель президента «Рады Едности Народовой» Багинский на вопрос прокурора товарища Руденко заявил на суде, что его партия «Стронництво Людове» не имела доверия к командованию «АК», так как в руководстве «АК» много приверженцев санации, а в то же время «Рада Едности Народовой» контактировалась с Окулицким, в то же время реакционные элементы из «Стронництво Людове» получали через Янковского деньги для своей подпольной деятельности от эмигрантского «правительства». Видимо, господин Багинский исходит из того, что «деньги не пахнут».

О задачах подпольной организации «НЕ» подробно говорили на суде подсудимые, свидетели; эти задачи наглядно видны из приобщенных к делу документов. Эти задачи сводились к сколачиванию кадров для подготовки восстания против СССР; к созданию террористических так называемых ликвидационных групп для совершения террористических актов над представителями Советского военного командования и органов советской власти; к подготовке диверсионных актов; к проведению разведывательной и контрразведывательной работы в тылу Красной Армии; к проведению печатной и устной пропаганды, направленной против СССР. Это следует считать бесспорно установленным. Я хочу

только остановиться на одном моменте, о котором на суде мало говорили, но который, с моей точки зрения, имеет весьма существенное значение для правильной оценки этой организации, ее руководителей и участников.

На допросе от 19 мая 1945 года «министр» Ясюкович показал, что по заявлению Окулицкого, с которым был согласен и Янковский, организация «НЕ» будет существовать и после того, как сформируется правительство, предусмотренное решениями Крымской конференции, и что, находясь в подполье, «НЕ» будет осуществлять наблюдение за новым правительством и противодействовать проведению последним «нежелательной» политики.

На судебном заседании Ясюкович, подтвердив свои показания, данные им на предварительном следствии, сделал поправку, что это было только мнение Окулицкого, но не Янковского. Я готов принять эту поправку, но ведь сущности она никак не меняет. Окулицкий сказал, а Янковский и другие «министры» не возразили.

Какой же вывод из этого следует? Два вывода напрашиваются отсюда. Первый—Окулицкий и польское подполье, лицемерно заявив о своем согласии с решениями Крымской конференции, саботировали эти решения, готовили срыв решений. Второй — Окулицкий и иные с ним, создавая «НЕ», в перспективном плане расчищали путь военной диктатуре. Других выводов сделать нельзя. Ибо что значит «наблюдать» за правительством и «противодействовать нежелательной политике», если это «наблюдение» и «противодействие» будут осуществлять тысячи головорезов (а именно такие и подбирались в «НЕ»), вооруженных не только автоматами, но и пулеметами и даже пушками?

Таковы факты, такова неумолимая логика, и других выводов делать нельзя, тем более если учесть, что к созданию «НЕ» имел непосредственное отношение «фюрер» польских фашистов Соснковский.

И, наконец, последнее, что я хотел бы добавить по поводу организации «НЕ», — это привести выдержку из показаний подсудимого Бень, данных им 29 мая 1945 г. при допросе прокурором.

Бень показал: «...Наша организация «НЕ», по моему мнению, не могла и не может пользоваться защитой международного права. Советское военное командование для обеспечения своего тыла вполне законно принимало меры по пресечению деятельности «НЕ».

Здесь это говорит юрист Бень, и в этой части я с ним полностью согласен.

Террористическо-диверсионная и шпионская деятельность «Армии Крайовой» и «НЕ»

Террористическо-диверсионный характер подпольных отрядов «Армии Крайовой» и «НЕ» с бесспорной ясностью установлен. Они и были специально для этого созданы. Террор, диверсии и шпионаж являлись основой программы, если вообще к бандитам применим термин — программа.

Террор как средство борьбы был присущ и широко применялся не только бандитскими шайками «АК», но и многими «деятелями» польского подполья. Неслучайно, когда на суде спросили подсудимого Урбанского, почему он боялся, что его показания станут известны Пужаку, он ответил: причиной этой боязни были террористический характер организации ППС и мстительность Пужака.

Подсудимые на суде признали, что организация «НЕ» ставила перед собой задачу совершения диверсионно-террористических актов, они даже готовы принять на себя «морально-политическую» ответственность за диверсионные и террористические акты, совершенные участниками подполья, но пытались отрицать, что они являлись организаторами диверсий и террора. Конечно, Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович лично никого не зарезали и поджогов не совершали, но что по их директивам, данным на основе указаний польского эмигрантского «правительства», бандитские шайки «АК» убивали офицеров и бойцов Красной Армии, резали и жгли советских людей, взрывали мосты и спускали под откос поезда, — в этом нет никаких сомнений, и для такого вывода мы располагаем достаточными доказательствами.

Как я уже указывал, в постановлении эмигрантского «правительства» от 14 октября 1944 года был прямой призыв к террору. На совещании при главном командовании «АК» в Варшаве летом 1944 года «Бур»-Комаровский, генерал Фильдорф и Пелчинский дали указания командующим округов «АК» об организации террористических актов, о чем подробно рассказал на суде командующий Львовским обнгаром «АК» Янсон. В приказе № 4 от 10 февраля 1945 года, изданном командующим Станиславским округом «АК» Германом на основе полученных им указаний от Янсона, предусматривается организация диверсионных и террористических групп.

Комендант Стрыйской инспектуры «АК» Кузьминский на основе указаний Германа формирует террористические группы для убийств представителей советских военных и гражданских властей и не только формирует группы, но и практически осуществляет ряд террористико-диверсионных актов. Командир подпольного отряда «АК» Станкевич на суде рассказал, как его отряд по указанию Вильнюсского окружного руководства «АК» совершал вооруженные налеты на населенные пункты, грабил население, совершал террористические акты против представителей советской власти, офицеров и бойцов Красной Армии, рассказал, как в сентябре 1944 года в местечке Малые Солепники по его приказанию были убиты председатель сельсовета Василевский, его жена и 18-летняя дочь, пытавшаяся своей грудью защитить отца. Участники банд «АК» Урбанович и Колендо на суде показали о ряде террористических и диверсионных актов, совершенных при их непосредственном участии.

Разве при таких обстоятельствах возможно говорить только о «морально-политической» ответственности Окулицкого, Янковского, Беня и Ясюковича? Безусловно, нет. Все они — звенья одной дьявольской цепочки: начиная от политических гангстеров, владеющих в эмигрантском «правительстве», руководителей «АК» и польского подполья, комендантов обшаров и округов «АК» и до командиров отрядов и непосредственных убийц и диверсантов — все они должны нести уголовную ответственность, с той лишь разницей, что одни должны отвечать за организацию террора и диверсий, другие должны отвечать за исполнение террористических и диверсионных актов.

Когда Окулицкий в своих показаниях от 29 мая 1945 года указывал, что он считал установки Фильдорфа по террору, которые тот дал летом 1944 года командирам округов, преждевременными, так как они... могут привести к провалу, то это лишь еще одно подтверждение, еще одна улика против него.

Материалы предварительного и судебного следствия с бесспорностью устанавливают, что на территории западных областей Украины и Белоруссии, в Литве и Польше, в тылу Действующей Красной Армии в течение 1944 года и начала 1945 года подпольными вооруженными отрядами «Армии Крайовой» систематически совершались террористические акты в отношении бойцов и офицеров Красной Армии, диверсии на коммуникациях Красной Армии и вооруженные налеты на советские гражданские учреждения, грабежи мирного населения.

Нет необходимости, да и возможности перечислить все убийства, поджоги, взрывы и грабежи, совершенные участниками «Армии Крайовой». Об этих фактах показывали на суде свидетели, сотни фактов изложены в надлежащем образом оформленных документах (акты, справки, протоколы судебно-медицинских вскрытий), имеющихся в деле.

Документальными данными и свидетельскими показаниями доказано, что с июля 1944 года по 25 мая 1945 года в тылу Красной Армии подпольными вооруженными отрядами «АК» убито 95 офицеров, 134 человека сержантского состава и 364 красноармейца. За этот же период ранено 219 военнослужащих Красной Армии.

Нельзя без содрогания смотреть на кровавые следы террористической деятельности банд «Армии Крайовой», которые жгли, взрывали и убивали советских людей, и не просто убивали, а после зверских пыток, после страшных издевательств. Весь мир возмущался кровавыми злодеяниями немецко-фашистских извергов, но бандиты из «Армии Крайовой» мало чем от них отличались.

Я полагаю, что могу подробно не останавливаться на доказательствах обвинения Окулицкого в ведении разведывательной работы и что эта разведывательная работа велась по прямому заданию польского эмигрантского «правительства».

Об этом с несомненностью свидетельствует радиограмма из Лондона за № 7201, на которую я уже выше ссылался и получение которой на суде подтвердил Окулицкий.

Окулицкий также подтвердил на суде, что он передал шпионские сведения в Лондон; о шпионской деятельности, проводимой по заданию главного командования «АК», показывали на суде свидетели Свечковский, Янсон, Герман и другие.

Изложенное и дает мне основание утверждать, что по заданиям польского эмигрантского «правительства» Окулицкий и местные подпольные организации «Армии Крайовой» систематически занимались сбором сведений разведывательного характера в тылу Красной Армии.

Работа нелегальных приемо-передаточных радиостанций «АК» и подпольного польского «правительства» в тылу Красной Армии

В общей системе подрывной работы, проводимой польским подпольем в тылу Красной Армии, немалое место занимают подпольные радиостанции.

Показаниями участников «АК», многочисленными вещественными доказательствами — изъятыми документами, перехваченными и расшифрованными радиограммами, обнаруженными и изъятыми радиопередатчиками — установлено, что после освобождения Красной Армией территории западных областей Украины, Белоруссии и районов Польши «АК» и подпольное «правительство», нарушив приказы командования Красной Армии, преднамеренно не сдали и сохранили на нелегальном положении в тылу Красной Армии разветвленную сеть радиопередаточных станций.

Через эти радиостанции польским подпольем регулярно передавались и принимались шифрованные радиограммы, содержавшие распоряжения польского эмигрантского «правительства» и руководства «АК» о переходе организации в подполье и создании строго законспирированных боевых отрядов для проведения подрывной работы в тылу Красной Армии.

По директивам эмигрантского «правительства» руководство «АК» через свои радиопередаточные станции спускало приказы местным организациям «АК» не сдавать советским военным властям и прятать оружие, снаряжение и другое военное имущество, а руководителей и участников организаций переводить на нелегальное положение.

Руководство «АК» передавало командующим и комендантам округов «АК» директивы собирать в тылу Красной Армии и передавать в центр через свои подпольные радиостанции сведения о дислокации и передвижении советских войск, противодействовать мобилизации советских граждан в западных районах

Украины, Белоруссии и Литвы в Красную Армию и саботировать проводимые командованием Красной Армии и советскими органами мероприятия.

Окружные и низовые подпольные организации «АК» передавали через свои радиостанции в тылу Красной Армии эмигрантскому «правительству» и главному командованию «АК» информации о выполнении их приказов и распоряжений, шпионские сведения о Красной Армии, клеветнические и провокационные измышления о действиях Красной Армии и органов советской власти на территории, освобожденной от немецких захватчиков.

Обвиняемые Окулицкий, Янковский, Бень, Ясюкович и другие признали это на следствии и подтвердили на суде.

Вы, товарищи судьи, слышали по этому вопросу показания свидетелей Янсона, Германа и других, на суде давала показания Гролинская, радиотелеграфистка «АК», которая была арестована в момент работы на подпольной радиостанции.

Нужны ли еще доказательства? Считаю, что нет.

План подготовки военного выступления с Германией против СССР

Создавая подполье, сохраняя кадры и штабы, вооружение и боеприпасы, командование «Армии Крайовой» и подпольное «правительство» строили планы подготовки военного выступления против СССР в блоке с Германией.

Руководители польского подполья понимали, конечно, что убийствами из-за угла представителей Красной Армии и советской власти, диверсионными актами и шпионажем им не остановить неумолимый ход событий, и поэтому основную ставку свою в борьбе против Советского государства они ставили на подготовку войны против Советского Союза. Географическое и экономическое положение Польши таково, что она должна либо дружить с Советским Союзом, либо быть в блоке с Германией. Другого пути нет и быть не может. Польское подполье, которым руководило во всем эмигрантское «правительство», избрало блок с Германией. Что позиция эмигрантского «правительства» именно такая, выболтали многие газеты этого «правительства», об этом свидетельствует вся деятельность господ Рачкевичей, Соснковских, Арцишевских, направленная на разжигание войны против СССР. Что такую же позицию занимало руководство «АК» и, в частности, Окулицкий, свидетельствуют неопровержимые доказательства.

В директиве от 22 марта 1945 года командующего «Армией Крайовой» Окулицкого в адрес коменданта Западного обшара «АК» полковника «Славбора», изъятой при обыске у Окулицкого, говорится: «В случае победы СССР над Германией это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе...

Считаясь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР. Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока, а также нельзя представить этот блок без участия в нем Германии, которая будет контролироваться англичанами».

Что это была именно директива, а не частное высказывание, Окулицкий вынужден был признать на суде. Он не мог этого не признать, слишком много свидетелей против него, свидетелей живых и свидетельств документальных.

Показания некоторых свидетелей вы слышали на суде. Свидетель Герман показал, что в беседе с комендантом общара Янсоном тот ему сообщил о полученных установках от главнокомандующего «АК», которые сводились к следующему:

«...Германия, как и Польша, считает СССР своим врагом. Германия будет стремиться к реваншу против СССР, а Польша — к возврату тех земель, которые она не признает за Советским Союзом.

Польша и Германия, имея общие интересы, смогут явиться союзниками в предстоящей войне против СССР».

Этот же свидетель показывал на суде, что в руководящих кругах польского подполья Германию рассматривали как «меньшее зло для Польши, чем Советский Союз», а поэтому стремились создать видимость борьбы против Германии, поражение которой в середине 1944 года не вызывало сомнений, и накапливать силы для предстоящей борьбы против СССР.

В конце декабря 1944 года делегат подпольного «правительства» по Львовскому округу «Новицкий» сообщил коменданту общара Янсону, что эмигрантское «правительство», связавшись с Германией и другими государствами, враждебными Советскому Союзу, будет готовиться к тому, чтобы воевать против СССР. И это обстоятельство Янсон подтвердил на суде.

А что эти установки находили практическое применение, подтверждается фактами, о которых на суде рассказывали свидетели Герман, Янсон и Урбанович.

Герман и Янсон рассказали о том, как они в 1943—1944 годах вели с разрешения «Бур»-Комаровского переговоры с представителями венгерского военного командования о контактировании враждебной работы против частей Красной Армии, а Урбанович сообщил о том, как они, т. е. члены «АК», снаряжали совместно с немцами карательные экспедиции против советских партизан.

На вопрос прокурора Руденко Урбанович ответил: «При немцах — карательные экспедиции «АК» и немцев против советских партизан, а после изгнания немцев — против Красной Армии».

В этих немногих словах очень точно изложена деятельность «Армии Крайовой».

Командование «АК» и подпольное «правительство» в своих

директивах и листовках распространяли клеветнические измышления в отношении Советского Союза и Красной Армии.

Не брезгая никакими средствами, прибегая к чудовищному обману и неслыханным провокациям, они совершали свои тягчайшие преступления против Советского государства и Красной Армии, действовали во вред интересам своего народа, вредили делу Объединенных наций.

Они направляли клеветническую информацию в Лондон с целью дезинформировать Британское правительство о действительном положении в Польше, всякими путями старались вызывать недоверие к Советскому Союзу, неприязнь к Красной Армии.

Хороши, нечего сказать, «министры» и «президенты», «командующие» и «делегаты»! Это не политические деятели, а преступное сообщество. Это — организаторы убийств и диверсий, это заговорщики, это клеветники и провокаторы, это гнусные обманщики и злостные нарушители законов об охране тыла Красной Армии.

И первое место в этой компании, сидящей на скамье подсудимых, принадлежит Окулицкому. Рядом с ним должен занять место Янковский, а близко к ним — Бень и Ясюкович, так называемые «министры» так называемого «совета министров». Что касается роли и места остальных подсудимых, то об этом скажет в своей речи мой товарищ по обвинению — государственный советник юстиции 2-го класса Руденко.

Материалы предварительного и судебного следствия позволяют мне со всей категоричностью утверждать, что в отношении подсудимых Окулицкого Леопольда Блажевича, Янковского Ян-Станислава Иосифовича, Бень Адама Валентьевича и Ясюковича Станислава Игнатьевича полностью доказано, что:

1. После освобождения территории западных областей Украины и Белоруссии, Советской Литвы и территории Польши они являлись организаторами и руководителями польских нелегальных организаций на этой территории, проводивших активную подрывную работу в тылу Красной Армии.

2. Подсудимый Окулицкий при участии подсудимых Янковского, Бень и Ясюковича, действуя по прямым указаниям польского эмигрантского «правительства», ложно заявив Советскому военному командованию о роспуске «Армии Крайовой», в действительности сохранил ее штабы, офицерские кадры и на этой базе создал новую законспирированную военно-политическую организацию под наименованием «Неподлеглость» — «НЕ» («Независимость») — в целях усиления подрывной работы в тылу Красной Армии и подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР.

3. Подсудимые Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович руководили подрывной деятельностью созданных ими подпольных организаций, направляли ее на совершение террористических актов против бойцов и офицеров Красной Армии, диверсий на

коммуникациях Красной Армии, неся, таким образом, всю моральную и политическую ответственность за диверсии и за террористические акты, совершенные в тылу Красной Армии.

4. Подсудимые Окулицкий, Янковский, Бень и Ясюкович, вопреки известным им приказам Советского военного командования об обязательной сдаче приемо-передаточных радиостанций, оружия и боеприпасов, скрыли их и использовали для подрывной работы против Действующей Красной Армии.

5. Подсудимый Окулицкий занимался организацией и ведением разведывательно-шпионской работы в тылах Красной Армии.

Подсудимые полностью изобличены в совершении перечисленных выше преступлений, полностью изобличаются неопровержимыми объективными доказательствами, как-то: приобщенными к делу подлинными документами, вещественными доказательствами, показаниями свидетелей и собственными признаниями. Они полностью изобличены, и я целиком поддерживаю в отношении Окулицкого обвинение в совершении им преступлений, предусмотренных ст. ст. 58⁶, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР, а в отношении Янковского, Бень и Ясюковича — по ст. ст. 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

З а к л ю ч е н и е

Я заканчиваю, товарищи судьи. Мне остается только изложить соображения о мере наказания.

Все четверо подсудимых во главе с Окулицким виновны в совершении тягчайших преступлений. Эти преступления стоили многих и многих жизней лучших советских людей.

Во главе с такими преступниками, как Окулицкий, Янковский, и их соучастниками по подпольной подрывной работе в тылу Красной Армии производились крушения поездов и взрывы мостов и причинялся ущерб Красной Армии в тот момент, когда она вела тяжелые и кровопролитные бои за освобождение польского народа от фашистского гнета. Они повинны в гибели многих советских людей. Путем провокаций и обмана, клеветы и шантажа они отравляли общественное сознание Польши.

Под их руководством совершались такие преступления, как террор и диверсии, которые по закону караются расстрелом.

И тем не менее, товарищи судьи, я считаю возможным не настаивать на применении к ним высшей меры наказания. И не только потому, что они раскаялись в совершенных преступлениях (хотя по нашему закону это является смягчающим вину обстоятельством и при определении меры наказания суд это обязан учитывать). И не только потому, что они действовали по директивам польского эмигрантского «правительства» и, если можно так выразиться, во тьме польского подполья «светили» не своим «светом», а отраженным «светом» эмигрантского «правительства» из Лондона.

Я считаю возможным ограничиться применением к ним лишения свободы, а не расстрела главным образом потому, что мы сейчас переживаем радостные дни великих побед, одержанных нашим народом и его героической Красной Армией.

В условиях, когда наша доблестная Красная Армия и наш народ, наша великая родина одержали в союзе с народами других демократических свободолюбивых стран величайшую в мире победу над гитлеровскими ордами, когда победоносно закончена нами эта справедливейшая из справедливейших войн и враг повержен в прах, люди, подобные этим преступникам, не представляют уже той опасности, которая требовала бы применения к ним такой меры наказания, как расстрел.

Советский народ в беспримерных битвах одержал военную, политическую, экономическую и идеологическую победу над гитлеровской Германией.

Выдержав с честью все испытания, которые выпали на долю Советской страны во второй мировой войне, наше государство вышло из войны еще более сильным и могущественным, чем оно было в начале войны.

Наша страна вступила в период мирного развития и под руководством большевистской партии и Советского правительства, во главе с нашим великим вождем и гениальным полководцем советских армий и всего советского народа товарищем Сталиным приступила к решению стоящих перед ней величайших задач.

Вашего приговора ждет весь наш народ, весь мир. Ваш приговор прозвучит как голос подлинной справедливости. Он прозвучит вместе с тем грозным предостережением всем врагам Советского Союза и всего прогрессивного человечества, всем тем, кто попытается своей преступной рукой поколебать дружбу советского и польского народов.

* * *

Председательствующий. Слово имеет государственный советник юстиции 2-го класса товарищ Руденко.

Руденко. Товарищи верховные судьи! Государственный обвинитель — Главный военный прокурор Красной Армии обстоятельно и исчерпывающе дал характеристику общественно-политической значимости настоящего судебного процесса, вскрыл сущность подрывной деятельности польского подполья, сделал соответствующие выводы в отношении руководителей этого преступного сообщества, насажденного и действовавшего по указке польского эмигрантского «правительства» в Лондоне.

Целиком присоединяясь к этой оценке и выводам, я позволю себе перейти непосредственно к изложению обстоятельств дела и предъявленного обвинения каждому из подсудимых, соучастников преступлений, совершенных Окулицким, Янковским, Белем, Ясюковичем.

Обвинительное заключение квалифицирует преступления этой группы подсудимых: Пужака, Звездинского, Багинского, Мерзва, Стыпулковского, Чарновского, Хащинского, Урбанского, Михаловского, Кобылянского, Стемлер-Домбского по ст. ст. 17—58^а, 58^б и 58^в Уголовного кодекса РСФСР.

До того, как ответить на вопрос, подтверждено ли это обвинение судебным следствием, считаю необходимым проанализировать уликовые данные, собранные предварительным и судебным следствием в отношении каждого из них.

Из этой группы 11 подсудимых, которых я обвиняю, надлежит выделить особо подсудимого Пужака Казимира Войцеховича — председателя так называемого подпольного «парламента» — «Рады Едности Народовой».

И не потому, что он является председателем так называемого подпольного «парламента», а в силу тех доказательств и улик, собранных как предварительным, так и судебным следствием, изобличающих его в непосредственной преступной связи с руководящей четверкой подполья, орудовавшего в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины.

Подсудимые Янковский и Окулицкий на предварительном следствии показали и на суде подтвердили, что Пужак был информирован о всех «принципиальных решениях», иначе говоря, об основных преступных действиях «АК» и так называемого подпольного «правительства». В частности, он знал, что роспуск «Армии Крайовой» проведен формально, что штабы «АК» законспирированы, вооружение, боеприпасы спрятаны, что это совершено в целях проведения подрывной деятельности в тылу Красной Армии.

Подсудимый Урбанский на предварительном следствии и в судебном заседании вчера показал, как враждебно был настроен Пужак по отношению к Красной Армии и Советскому Союзу, об указаниях Пужака по сохранению подполья, о его клеветнических измышлениях в отношении Красной Армии и т. д.

Пужак отрещивается от показаний Янковского, Окулицкого и Урбанского.

Он пытается увильнуть. Он путает, замечает следы. Он признает и в то же время отрицает. Но дело в том, что он признает то, что ему выгодно, а отрицает то, что ему невыгодно.

Он действует по испытанному методу рецидивистов-уголовников, которые, понавишись на грабеже, охотно признают кражу, иногда даже кражу со взломом, но только не грабеж.

Действуя по этому методу, Пужак признает, что пользовался нелегальной радиостанцией подпольного «правительства» для связи с Лондоном.

Что еще признает Пужак? Он признает, что Янковский его информировал по «принципиальным вопросам».

Спрашивается: что это за «принципиальные вопросы»? Пужак вразумительного ответа не дал. Он выдумывает несуразные

объяснения вроде того, что о роспуске «Армии Крайовой» он узнал от частного лица, фамилию которого он назвать не желает. Раз не желает, не будем настаивать. На этот вопрос ответили его компаньоны по скамье подсудимых — Янковский, Окулицкий и Урбанский. Судя по этим показаниям, Пужак был информирован о так называемом роспуске «АК» вовсе не частным лицом, а хотя подпольным, но все же командующим «АК». И не просто информирован о «роспуске» «АК». Окулицкий сообщил Пужаку о том, что штабы и офицерские кадры, оружие, боеприпасы и средства связи не передаются Советскому командованию, иными словами, информировал о новых методах борьбы в тылу Красной Армии.

Что же, Окулицкий оговаривает Пужака? Но какие же причины оговора? Их нет и быть не может, и оснований для серьезной постановки вопроса об оговоре нет.

То же следует отметить и в отношении Янковского и Урбанского. Разве Урбанский мог рискнуть на оговор генерального секретаря ППС и президента «парламента», зная о террористическом характере организаций, находившихся под руководством Пужака, и его мстительности? Урбанский был секретарем президиума «парламента». Может быть, он не поделил власть с «президентом», и это послужило причиной оговора?

Вряд ли. Невелика честь быть таким «президентом»!

И, наконец, мы располагаем показаниями свидетеля Дзялынского, который лично даже и не знает Пужака, но зато получал его директивы в виде воззвания «Рады Едности Народовой», установки на проведение подрывной работы. О том, что собой представляют эти установки, свидетель Дзялынский подробно говорил на суде.

Таким образом, как бы ни ловчил Пужак, он изобличен, улики против него веские, доказательства неопровержимые, и я полностью поддерживаю предъявленное ему обвинение по ст. ст. 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

Следующими из этой группы должны быть названы заместители председателя «Рады Едности Народовой»:

Багинский Казимир Станиславович и

Звежинский Александр Казимирович.

Багинский на предварительном и судебном следствии признал себя виновным частично.

Бесспорно установлено, что Багинский знал о существовании «НЕ», об этом его информировал Бень. Это не отрицается Багинским.

Багинский вел переговоры с Окулицким и Янковским об участии партии «Стронництво Людове» в новой военно-политической организации «НЕ».

Багинский дал согласие на выделение коменданта «Батальонов хлопских» Каминского в новую подпольную организацию «НЕ».

Багинский пытался доказать, что он не знал о целях этой организации. Неправда. На заданный ему вопрос, подтверждает ли он показания, данные на предварительном следствии, Багинский ответил: «Подтверждаю». Теперь позвольте обратиться к показаниям, которые Багинский давал на предварительном следствии.

На допросе от 5 июня 1945 года Багинский показал:

«...У меня были личные подозрения, что организация «НЕ», возглавляемая Окулицким, может пойти на проведение подрывной работы против Красной Армии и Советского Союза. Эти подозрения впоследствии подтверждались тем, что возвращавшиеся из германского плена офицеры польской армии из округов санации и, в частности, из окружения «Бур»-Комаровского стремились с помощью Окулицкого проникнуть в организацию «НЕ» (т. 8, л. д. 146—153).

И тем не менее Багинский ведет переговоры с Окулицким и Янковским о создании политического центра этого преступного подполья.

Багинский заявляет, что-де, мол, узнал об этом новом подполье в конце марта и практически не осуществил никаких мероприятий.

Это может иметь значение при определении меры наказания, но не поколеблет предъявленных Багинскому обвинений, ибо развороту его практической подрывной деятельности помешал арест. Но сие уже от него не зависело.

Багинский был вице-президентом «Рады Едности Народовой». На предварительном следствии он показал, что как член «Рады» несет ответственность за деятельность подпольного «совета министров» и в том числе за действия министров Пайдака и Ясюковича, поскольку он имел влияние на их деятельность. Так показывал Багинский на следствии. Но когда на суде момент ответственности приблизился и стал вплотную, Багинский решил ограничить «себя морально-политической ответственностью».

Я считаю, товарищи судьи, что Багинский, как и другие, не свободен в выборе ответственности. Ответственность вытекает из закона и наступает за нарушение закона.

Багинский нарушил законы Советского государства об охране тыла Красной Армии. Нарушение этих законов влечет за собой уголовную ответственность. Следовательно, Багинский, помимо морально-политической ответственности, должен нести уголовную ответственность.

Багинский является соучастником преступной деятельности Ясюковича, виновность которого по ст. ст. 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР на суде была доказана, а потому я обвиняю Багинского по ст. ст. 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

В отношении Звездинского я считаю установленным, что он являлся участником польского подполья, проводившего подрывную работу в тылу Красной Армии.

Звежинский являлся председателем «Стронництво Народове» и, кроме того, вице-президентом подпольного «парламента», знал о создании военно-политической организации «НЕ» и принимал участие в выделении представителя от партии в так называемый политический центр.

Как установлено на предварительном и судебном следствии, после приказа Советского командования о роспуске вооруженных отрядов подполья Звежинский не принял мер к роспуску отрядов «Народовы силы збройни» и сдаче ими оружия, которое они использовали для подрывной работы в тылу Красной Армии. И за это он должен нести ответственность.

Вина Звежинского в этом доказана его собственным признанием, его избличают Ясюкович и другие участники польского подполья.

Изложенное дает мне основание поддерживать обвинение в отношении Багинского и Звежинского в пределах обвинительного заключения.

М е р з в а Станислав Францевич.

Подсудимый пытался представить дело таким образом, что он виноват только объективно, а субъективной вины за ним нет.

Он признавал, что как член ЦК «Стронництво Людове» несет ответственность за то, что ЦК партии одобрил решение подпольного «совета министров» и «Рады Едности Народовой» остаться в подполье вместе с «АК» после изгнания Красной Армией немецких захватчиков с территории Польши.

Он признал, что ЦК партии «Стронництво Людове» согласился с решением подпольного «совета министров» и «Рады Едности Народовой» о создании «политического комитета» для подпольной работы и решил послать туда своих представителей, а далее он делает вывод:

«...Само наше нахождение в подполье уже является сопротивлением Красной Армии, которая вела борьбу против немецких захватчиков».

Из всего вышесказанного правилен лишь вывод. Действительно, нахождение в подполье, сам этот факт должен быть рассмотрен как сопротивление Красной Армии, тем более что, как было установлено на суде, польское подполье вело активную подрывную работу в тылу Красной Армии и вхождение в подполье усиливало борьбу против Красной Армии, против той армии, которая принесла свободу польскому народу.

Однако дело не только в этом. Мерзва был осведомлен о задачах так называемого «политического комитета», которые состояли в том, чтобы всеми методами вести борьбу против Советского Союза. Более того, он принимал совместно с Багинским участие в совещании, на котором решалось организационное оформление военно-политической организации «НЕ», он был осведомлен о целях и задачах «НЕ», он, следовательно, содействовал формированию «НЕ», участники которой проводили террористические акты против представителей Красной Армии

и советской власти, совершали диверсии на коммуникациях в тылу Красной Армии.

Это уже не объективная, а субъективная вина, и поэтому я обвиняю подсудимого Мерзва как соучастника преступлений Янковского, Ясюковича и Бень.

Ч а р н о в с к и й Евгений Станиславович.

Чарновский входил в «Раду Едности Народову» как председатель правления «Союза демократов».

Что это был за союз демократов и какой Чарновский «демократ», свидетельствует тот факт, что Чарновский принимал участие в польском подполье, которое вело борьбу против самой демократической армии в мире — против Красной Армии, помогающей польскому народу возродить новую, свободную, демократическую Польшу. Но не о лжедемократах я буду говорить. Моя задача заключается в том, чтобы доказать суду виновность Чарновского в предъявленном ему обвинении. Я утверждаю, что вина Чарновского доказана и он изобличен как своими показаниями, так и показаниями своих соучастников по польскому подполью.

В чем конкретно я обвиняю Чарновского? Я обвиняю его в том, что он принимал в марте 1945 года участие в заседании «Рады Едности Народовой», на котором Окулицкий информировал о невыполнении им приказа Советского командования о роспуске «АК» и что «АК», вопреки приказу Советского командования, сохранила штабы, оружие, боеприпасы и средства связи.

Я обвиняю Чарновского в том, что он, будучи осведомлен о целях и задачах «НЕ», дал согласие Окулицкому и Жепецкому участвовать в работе военно-политической организации «НЕ» и согласился войти в состав так называемого руководящего политического центра этой организации. А что собой представляет эта подпольная организация с достаточной полнотой было установлено на предварительном и судебном следствии.

Наконец, я обвиняю Чарновского в том, что он пользовался подпольной радиостанцией подпольного «правительства» для нелегальной связи с Лондоном.

Что касается показаний Чарновского о том, что он являлся командующим военной организацией «Союз пробуждения Польши», то хотя звучит это громко, но оснований для дополнительного обвинения Чарновского не нахожу. Мы не установили на данном процессе конкретной подрывной деятельности этого «Союза», «командующим» Чарновский стал при весьма оригинальных обстоятельствах: он получил письмо от Женчиковского, в котором тот уполномочивает Чарновского в дальнейшем быть «командующим военной организацией»; при таком положении у меня нет оснований предъявлять ему дополнительные обвинения.

В чем виноват Чарновский — я уже докладывал суду; эти обвинения обоснованы и доказаны как материалами предварительного, так и судебного следствия и должны квалифицироваться ст. ст. 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

В отношении Стыпулковского З. Ф., Урбанского Ф. А. и Ха-

цинского И. А. государственное обвинение также поддерживает обвинение по ст. ст. 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР и требует в отношении всех 3 подсудимых менее длительного срока лишения свободы.

Касаясь подсудимых Михаловского С. Ф., Кобылянского К. С. и Стемлер-Домбского И. Г., государственное обвинение считает, что достаточных данных для обвинительного приговора в отношении их нет.

• * *

Председательствующий. Переходим к речам защиты. Первую речь предоставляю подсудимому Окулицкому.

Окулицкий. Господа судьи! Я буду говорить по-русски, хотя прошу разрешить, чтобы переводчик, который здесь сидит, мог, когда я скажу польское слово, перевести это слово.

Председательствующий. Не возражаю.

Окулицкий. Процесс этот имеет характер политический. Дело идет о наказании за деятельность, которая направлена была против Красной Армии, угрожала интересам Советского Союза, действовала против Объединенных наций в их борьбе против Германии. Одним словом, речь идет о наказании польского подполья.

Дело состоит в том, что польское подполье имеет большой капитал, полученный в борьбе против Германии. Этого никто не может опровергнуть, никакие доказательства не могут быть приведены против того, что польское подполье дралось с немцами в течение пяти лет. Нет поводов лишать нас этого капитала. Это было бы для меня больно. Это лишение капитала, который стоил очень больших жертв, в завоевании которого принимали участие не фашисты, не реакционеры, а самые лучшие друзья польского народа, польские демократы. Обвинение в совместной работе с германцами — это хуже лишения капитала, это — лишение чести.

Но, господин прокурор, такое крупное обвинение — прямое обвинение 300 тысяч солдат «Армии Крайовой», обвинение польского народа в том, что польский народ принимал участие в подпольной работе.

Председательствующий. Прокурор не обвинял польский народ.

Окулицкий. Извиняюсь. Я говорил, что «Армия Крайова» выросла из польского народа. А «Армии Крайовой» брошено обвинение в содействии немцам, в совместной деятельности с немцами. И на каких основаниях? Я понимаю, высокий суд имеет сведения, имеет достаточно фактов для обвинения отрядов «АК».

Как главнокомандующий «Армией Крайовой» я должен рассказать, в каких условиях я командовал, как командовал, чтобы моя вина, мое преступление выступили перед судом в ярком свете. Каждый командующий отвечает за все действия армии, которой он командует, а значит и за действия, совершенные по его приказаниям, когда он получает сведения от своих подчинен-

ных и передает доклады своим начальникам. Виноват он тогда целиком. Он не может снять с себя ответственность за все действия, которые идут в ущерб обществу.

Но существует большая разница между командованием в нормальных, обычных условиях и командованием «Армии Крайовой». Обыкновенное командование — не очень тяжелая задача. Командующий имеет достаточно средств и возможностей, чтобы иметь в руках свои отряды.

В «Армии Крайовой» дело обстояло иначе. Конспиративный солдат, конспиративный командир — это лицо, которое должно жить подпольно, с которым нельзя связываться так, как в нормальной, обыкновенной жизни. Все это создает трудности в установлении связи. Если один раз конспиративная связь между подчиненным и командующим сорвана, ее наладить нелегко.

Я говорю это для того, чтобы высокий суд понял, какие трудности были у меня в командовании восточными округами; в действительности этого командования не было. До начала варшавского восстания связь у командования «Армии Крайовой» была налажена неплохо, действовала исправно. Варшавское восстание и наступление Красной Армии в 1944 году отделили главное командование «Армии Крайовой» от округов, находящихся на востоке от линии фронта, которая проходила по реке Висле. Единственная связь, которая оставалась, — радио — шла через Лондон. И я не знаю, существовала она или нет, потому что до главного командования многое не доходило. После сдачи Варшавы, когда я принял командование «Армией Крайовой», я имел связь лишь с округами к западу от линии фронта. С восточными округами никакой связи я не имел. Поэтому я считаю себя виновным за действия «Армии Крайовой» к западу от линии фронта, образовавшегося летом 1944 года. За эти западные округа, которыми я командовал, я отвечаю полностью.

Господин прокурор обвиняет меня в организации подпольных вооруженных отрядов «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии и в этом обвинении ссылается на мой приказ, отданный не в декабре 1944 года, как говорится в обвинительном заключении, а 19 января 1945 года. Я очень благодарен господину прокурору, что он воспроизвел этот приказ полностью. В обвинении он ссылается на мой приказ, который я дал окружным комендантам «Армии Крайовой»: сохранять кадровый солдатский и офицерский состав, сформировать законспирированные штабы и т. д. В этом приказе, который господин прокурор зачитал, ни слова об отрядах нет. Наоборот, в нем сказано — распустить отряды, оставить только штабы и то незаконспирированные. Этот приказ — доказательство того, что обвинение меня в организации вооруженных отрядов в тылу Красной Армии не имеет оснований.

Какие данные я могу привести против этого обвинения? Господин прокурор ссылается на самый приказ, я тоже ссылаюсь на него и доказываю, что о вооруженных отрядах там нет ни слова. Я спрашивал моих товарищей по скамье обвиняемых, всех спра-

шивал, знали ли они об этих отрядах, — никто не знает. Никто не мог подтвердить.

Есть еще одно доказательство — приказ генерала Копаньского, в котором говорится — сохранить руководство и командный состав. И этот приказ был таким приказом, по которому я действовал. Есть мой приказ коменданту западного обшара «Славбору», где вы не найдете ни одного слова о вооруженных отрядах. Там говорится об организационной сети, но ни слова об отрядах.

Я думаю, что мои доказательства, какие я мог собрать как обвиняемый, достаточно убедительны. Действительно, никаких вооруженных отрядов «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии я не организовывал, и их не было. Если это так, так откуда же они взялись? Я думаю, что здесь путаница. Здесь говорится об отрядах, которые остались в восточных округах. Я скажу об этом тогда, когда буду говорить о терроре.

Следующий пункт обвинения — это организация «НЕ». Задачи этой подпольной организации сформулированы в обвинительном заключении. Говорят, что по поводу подпольных вооруженных отрядов для борьбы против Красной Армии я сослался на разговор с генералом Сосновским. Но в этом разговоре не говорилось об организации «НЕ». В обвинительном заключении говорится: «Обвиняемый Окулицкий показал, что в июле 1944 года «Бур»-Комаровский сообщил ему, что такая организация имеется».

Господин прокурор сослался на показания обвиняемых Янковского, Ясюковича и других. Действительно, в обвинительном заключении имеются показания обвиняемого Ясюковича, в которых есть такой пункт: «Официально объявив о роспуске «Армии Крайовой», мы фактически сохранили ее, законспирировав, и пытались скрыть этот факт от Советского Союза. Эта армия была предназначена для борьбы с Советским Союзом и действительно вела диверсионно-террористическую деятельность в тылу Красной Армии...».

Я задал здесь перед судом вопрос обвиняемому Ясюковичу, когда он узнал о терроре и диверсиях «Армии Крайовой» в тылу Красной Армии. Он ответил, что только здесь, на следствии. Я не имею никаких доказательств, чтобы подтвердить, что никаких вооруженных отрядов для борьбы против Красной Армии в организации «НЕ» не было.

В обвинительном заключении есть приказ «Славбору», командиру западного обшара. Я действительно 23 марта дал «Славбору» приказ. Что же в этом приказе «Славбору» сказано? В этом приказе дана оценка ситуации, указаны задачи для него; там сказано относительно денежных средств; там сказано, какие сведения меня интересуют. Но в этом приказе нет ни слова ни об отрядах, ни о действиях вооруженных отрядов. Если бы такие отряды существовали, разве бы они не были указаны в этом приказе? Я ссылаюсь также на ответы тех обвиняемых, которых я спрашивал на суде, знали ли они о вооруженных отрядах орга-

низации «НЕ». Все они единодушно ответили, что никто из них не знал, и очень трудно было бы законспирировать их так, чтобы никто не знал о существовании отрядов, если бы они были.

Теперь об организации «НЕ». Господин прокурор упоминал о вооруженных отрядах организации «НЕ» и «Армии Крайовой». Но штабы, которые я сохранил, — это не организация «НЕ». Это не одно и то же. Это паходит подтверждение в обвинении. Это только организационный костяк, но не вооруженные отряды. А если нет этих вооруженных отрядов, то нет диверсий и нет террора. Этих отрядов не было; нет никаких доказательств того, что мною были оставлены какие-либо вооруженные отряды «Армии Крайовой».

В третьем пункте обвинения указана террористическо-диверсионная и шпионская деятельность подпольных вооруженных отрядов «Армии Крайовой» и организации «НЕ». Обвинительное заключение по этому пункту ссылается на очень многие убедительные доказательства и факты убийств, диверсий, которые происходили, главным образом, в Виленском округе. Против этого ничего не скажешь. Действительно, такие факты есть. Но ни одного факта в обвинительном заключении нет относительно западных округов, которыми я в действительности командовал. Конечно, это не значит, что я не несу ответственности и за восточные округа.

Мое мнение относительно террора таково, что подпольный террор должен производиться тогда, когда организационная сеть хорошая, когда террористические действия и диверсии не ведут к организационному провалу. Тогда террор и диверсии будут фактически целесообразными. Нужно, чтобы это имело реальный смысл. Только в этом случае террор и диверсии будут хорошим оружием.

Думаю, что обвинение меня в руководстве террором и диверсиями должно было бы иметь более крепкую основу, чем какой-то приказ. Я об этом терроре, о фактах террора и диверсий, которые имели место в восточных округах, с которыми я не имел связи и которыми не командовал, узнал на следствии. Я считаю, что эти факты бессмысленны, вредны для польского народа. Я считаю их самыми глупыми, если можно так сказать, действиями. Там, где я командовал, я запретил их; там я сделал все, что было в моих силах, чтобы таких действий не было, и поэтому у обвинения нет фактов по западным округам, которыми я командовал. Если бы я создал вооруженные отряды для террора и диверсий, это нашло бы отражение в моем приказе коменданту Келецкого обшара. Я прошу судей ознакомиться с этим приказом. В этом приказе нет ни слова относительно террора и диверсий.

Господин прокурор дал точные данные о количестве убитых офицеров и бойцов Красной Армии в результате террора со стороны членов «Армии Крайовой». Не оправдываясь перед вами, говоря правду, искренне считаю, что это напрасные жертвы. Я склоняюсь перед ними, отдаю им честь, солдатам и офицерам

Красной Армии, но я их этим не воскрешу. Господин прокурор может быть думает, что с моей стороны это маневр. Нет, это искренне. Я убежден, что потери «Армии Крайовой» в этой бессмысленной, глупой борьбе не меньше. Мне их тоже глубоко жаль.

Что было поводом к этой ненужной, глупой, вредной, идущей только на пользу немцам — я это признал и признаю — борьбе? На процессе обвинением брошен был очень яркий свет на эти факты террора, потрясающие факты. Брошена тень на действия «Армии Крайовой», которые представлены в самом кошмарном виде. Я просил вызвать свидетелей, которые там командовали тогда, — комендантов обшаров, округов и дивизий, чтобы допросить их здесь, перед судом, чтобы выяснить, откуда получила начало такая вредная, никому не нужная борьба. Ведь они там командовали, они должны объяснить, откуда эта борьба началась. К сожалению, этого нельзя было сделать.

Я лично считаю, что поводом к этой борьбе было неурегулирование дипломатических отношений между Советским правительством и польским лондонским правительством, которое мы считали своим законным правительством. И солдаты «Армии Крайовой», считая это правительство своим законным правительством, действовали в убеждении, что действуют правильно, на пользу своей родине.

Неурегулирование дипломатических отношений между польским правительством в Лондоне и Советским правительством есть действительная причина, истинная причина этой борьбы. Это точка раздора. Это зажгло пламя.

Конечно, здесь играло большую роль недоверие к Советскому правительству относительно намерений его в отношении Польши. Солдаты «Армии Крайовой» верили правительству, которое считали своим законным правительством. А там находили поводы для недоверия. Это недоверие родилось не в этой войне. Оно тянется несколько столетий. Мы только двадцать лет были независимым государством. Мы не забыли 123-летней неволи, которая пришла с востока, от царской России. Мы не знали, какие преобразования произошли в русском народе. Мы не знали, что ваше мнение теперь относительно национальных вопросов совсем другое, что теперь нет угрозы независимости Польши. Не зная, какая у вас произошла внутренняя перемена и перестройка государства, перестройка людей, — как мы могли поверить, что теперь вступление Красной Армии в Польшу уже не представляет угрозы? Это тоже причина.

Относительно шпионажа. Господин прокурор в своей речи сказал, что я признал себя виновным в пересылке шпионских сведений. Я знаю, господин прокурор ссылается на мою оценку ситуации, которую я передал в Лондон в январе 1945 года. В оценке этой я действительно сказал, что, по моему мнению, наступление Красной Армии начнется в ближайшие дни. Но я не имел никаких сведений из восточных округов. Мы очень внимательно смотрели

на немецкие действия, и это давало нам много сведений. Я думаю, что обвинять в этом никто меня не может. Я передал эти сведения на основе подготовки немцев к обороне. Но это не были шпионские сведения, собранные в тылу Красной Армии.

Господин прокурор прочитал перед судом целый приказ, который был мною получен от польского генерального штаба. Действительно, такой приказ был. Хочу сказать, что этот приказ говорил о разведывательной работе не только против Советов, но и против немцев. Я знаю, что, проводя этот приказ в жизнь, округа могли передавать сведения в Лондон. Знаю даже, что второй отдел польского генерального штаба в Лондоне очень хотел иметь сведения относительно Красной Армии. Признаю это. Я узнал один такой случай в Келецком округе. Но я это запретил. Я сказал, что это никому не нужно. Ни одного сведения против Красной Армии я в Лондон не передавал. В обвинительном заключении ни одного такого случая не упоминается. Я сообщил Лондону, что я считаю это ненужным и вредным.

Относительно четвертого пункта обвинения — «работ нелегальных приемо-передаточных радиостанций» — признаю себя виновным полностью. Относительно пятого пункта обвинения — «план подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР». Это не отражает моей директивы от 22 марта 1945 года. Я этого не хотел. Когда проходил процесс, я хотел, чтобы этот мой приказ был прочитан целиком. Он имеет большое значение. Насколько я его помню, в первом пункте этого приказа я сказал, что Советский Союз действительно угрожает независимости Польши. Таково было мое мнение. На каком основании я это сказал? На основании сведений, полученных мною от лондонского правительства, и на основании того, что еще не было создано временное польское правительство, которое должно было быть создано по решению Крымской конференции.

В другом пункте этого приказа я дал политическую международную оценку. Насколько я помню, я писал, что победа Советского Союза над Германией будет для нас угрозой, что дело не кончится только разгромом Германии, что дело пойдет дальше и создастся угроза не только Польше, но и английским интересам. Я говорил, что будет дальнейший советский натиск, давление. Это мое мнение.

Председательствующий. О каком давлении идет речь?

Окулицкий. Господин генерал, я думал, что так будет. Ведь я свою оценку будущего не мог делать из того, что есть, я говорил о будущем. А как вывод из этого — мы должны добиваться своей независимости, но это будет только тогда, когда создастся угроза не только для Польши, а для большего количества государств.

Председательствующий. О какой угрозе вы говорите?

Окулицкий. Господин председатель, я говорю об угрозе, которая была в моем воображении, так я думал. (Смех в зале).

В третьем пункте своего приказа я говорил «Славному» о

наших задачах на будущее. Я прямо говорил в приказе — никакой борьбы не вести. В этом приказе было указание не вести борьбы даже с «Польской рабочей партией». Если бы я был намерен вести эту борьбу, было бы иначе. Я не хотел никакой борьбы в тылу Красной Армии, чтобы не быть обвиненным, что я содействую немцам. И в этом приказе есть тому доказательство. В другом пункте приказа сказано — сохранить силы, организовать силы. Но сохранить силы и организовать силы не значит начать террор. Этот приказ случайно был обнаружен у меня, он действительно является приказом. Он свидетельствует о том, что с моей стороны не было террора, диверсий, шпионажа.

Я считаю себя виновным в том, что делал, считаю себя виновным в невыполнении приказов командования Красной Армии, в том, что не сдал оружия, в том, что не сдал боеприпасов, а наоборот, издал приказ спрятать оружие, спрятать боеприпасы. Я полностью виновен в сохранении радиостанций, виновен в сохранении штабов, виновен в создании новой законспирированной организации «НЕ», виновен в том, что поддерживал радиосвязь с Лондоном, действительно виновен в том, что вел враждебную пропаганду против Красной Армии, против Советского Союза. В этом я виновен. Террор и диверсии были, это факт. Но я не виновен в терроре, в руководстве террором, в руководстве диверсиями. Я таких указаний не давал.

Господин прокурор в своей речи представил мою личность в очень темном свете, и я даже сам себе стал не очень нравиться. (В зале смех). Но я думаю, что господин прокурор сам не глубоко убежден в том, что сказал, потому что в его руках достаточно доводов, говорящих о том, что я не такой уж кошмарный тип. Меня обвиняли в том, что я прибыл в Польшу как посланец эмигрантской клики с целью вести борьбу против Красной Армии. Я не знаю, какие доказательства имеются в руках господина прокурора, чтобы так тяжело обвинять меня. Мой приезд в Польшу — факт, конечно, враждебный Советскому Союзу. Но целью моего приезда в страну была активизация борьбы против немцев. Я прибыл в Польшу для того, чтобы «Армия Крайова» в то время, когда будет нанесен решительный удар немцам, действовала всеми силами. Это бесспорно. Свидетель Янсон перед судом сказал, что после моего приезда были получены другие приказы. Террористические и диверсионные действия имели место в немецком тылу. Вы это можете проверить. К этому у вас есть достаточно возможностей.

Господин прокурор относительно моей личности заявил, что я авантюрист, который отвечает за варшавское восстание, ссылаясь на показание моего товарища Бенья. Я признаю, что в значительной мере руководил варшавским восстанием, но я не считаю себя авантюристом. Я считаю, что варшавское восстание не было авантюрой. Если с политической точки зрения возможно оценивать варшавское восстание как авантюру, то с солдатской

точки зрения такая оценка неправильна, а я стою перед Верховным судом Красной Армии.

Господин прокурор представил меня как реакционера, как искреннего наследника «Бур»-Комаровского, как какого-то аристократа, подчеркнув, что даже партия «Стронництво Людове» не имела ко мне доверия. Насколько я понимаю, господин прокурор неточно сказал. Вчера мой товарищ по этой скамье—Багинский сказал так: пока был «Бур»-Комаровский, они, «Стронництво Людове», не имели доверия к командованию «Армии Крайовой», и подчеркнул, что все изменилось только после моего прихода. Я не аристократ и не реакционер.

Каково мое мнение относительно польско-советского вопроса? Я хочу об этом сказать не для того, чтобы оправдаться перед судом. Хотя господин прокурор представил меня как коварного врага Советского Союза, как реакционера, совместно работавшего с немцами, — хотя прямо это и не было доказано, — я должен заявить, что никакой вражды против Советского Союза я не чувствую. Моя деятельность не была враждебной и не направлялась враждой. Она направлялась недоверием. Я признаю, что моя деятельность направлялась недоверием к Советскому Союзу. Поэтому она не имела характера агрессивного, а имела характер защиты. Я знаю, что польский народ хочет искренне дружбы с советским народом. И я считал бы себя большим преступником, если бы не хотел также дружбы. Я хочу, искренне хочу дружбы, с одним условием—чтобы была сохранена независимость Польни. Это — *conditio sine qua non*.

Я видел такой выход в решениях Крымской конференции. Я участвовал на том заседании, где политические представители Польши решили, что страна должна принять решения Крымской конференции, что на этой основе мы должны начать строить новое польское государство, демократическое польское государство. Я лично свое мнение тогда высказал. Это мнение было таково, что решения Крымской конференции мы должны принять.

Вы мне можете сказать: «Но вы продолжали свою деятельность?». Да, продолжал. Продолжал потому, что решения—это еще не все. Другой факт. Договор между Советским Союзом и Польским правительством — это факт, имеющий большое значение. Он действительно приведет к мирной и дружественной жизни между польским и советским народами. Польский народ имеет много недостатков. Он очень бурливый, но он имеет одно хорошее качество — любовь к свободе, и я думаю, что его история дает достаточно тому доказательств.

Все то, что я сказал, это—последнее мое мнение относительно дальнейших отношений между Польшей и Советским Союзом. Я говорю не для того, чтобы смягчить заключение господина прокурора, чтобы снизить меру наказания. Достаточно того, что я признаю себя виновным.

Я знаю теперь, что я делал ошибки. В чем моя ошибка? Недоверие к Советскому Союзу — моя самая большая ошибка. И дове-

рие к своему правительству. Это все. В этом заключается моя вина. Но как я мог не верить своему правительству, которое я считал своим правительством? Не легкой, а тяжелой была жизнь моя в период командования «Армией Крайовой». Это был один из наиболее тяжелых периодов.

Я исполнил свой долг перед своей родиной как солдат, действовавший по приказам своего правительства. Вы, господа судьи, исполните свой так, как вам прикажет ваша совесть, честь.

Председательствующий. Слово имеет адвокат Брауде.

Брауде. Граждане судьи! Я защищаю по этому делу «министров» польского подпольного «правительства» Беня и Ясюковича. Оба эти подсудимые и на предварительном следствии, и, в особенности, на судебном признали себя виновными по пунктам обвинения, предъявленного им обвинительным заключением, с некоторыми оговорками, на которые они, по моему мнению, имеют законное право.

И Беня и Ясюкович, признавая себя виновными, возражали против обвинения в том, что они собирались в блоке с Германией воевать против Советского Союза. Оба они решительно отрицали то, что они знали о конкретных фактах диверсий и подрывной деятельности. Но они в то же время полностью признали остальные пункты предъявленного им обвинения. Они признали, что несут моральную и политическую ответственность за всю деятельность подпольного «правительства». Вместе с тем они также решительно и твердо осудили здесь всю свою прошлую деятельность, деятельность подпольного «правительства» и деятельность польского эмигрантского «правительства», фактически руководившего деятельностью подпольного «правительства» в Польше.

Граждане судьи! Когда подсудимые приносят полное сознание и когда это сознание соответствует всем обстоятельствам дела, когда оно подтверждается и данными предварительного и судебного следствия, когда подсудимые не только сознаются, но и осуждают свою деятельность, заявляют об ошибочности ее, — тогда у защитника имеются большие основания для того, чтобы говорить о снисхождении к подсудимому.

Для того чтобы привести некоторые доводы в пользу необходимости быть более снисходительными к Беню и Ясюковичу, я должен сделать несколько оговорок. Они необходимы после тех объяснений, которые здесь сделал подсудимый Окулицкий.

Подсудимый Окулицкий не хочет признать, что здесь судят людей, обвиняемых в конкретных преступлениях. Он всячески пытается доказать, что «Армия Крайова», которой Окулицкий командовал, не вела той борьбы против Красной Армии, о которой здесь приводились достаточно убедительные факты. Но мы знаем, что это не так. Мы знаем также и другую армию — армию польскую, братскую, которая помогала Красной Армии, которая шла с ней плечом к плечу освобождать Польшу. Что касается «Армии Крайовой», мы слышали здесь об отдельных ее представителях, которые мешали Красной Армии в ее великой освободи-

тельной борьбе. Вот об этом генералу Окулицкому следовало бы помнить.

Товарищи судьи, я не могу как советский человек, как адвокат не сказать еще об одном. Все знают о том, с каким восторгом встретил польский народ Красную Армию, все знают о том, как много сделала Красная Армия для братского польского народа. И глубочайшее чувство негодования испытывает советский народ, когда он слышит о преступлениях, совершенных против Красной Армии, против Советского Союза сидящими на скамье подсудимых, которые действовали по указанию лондонского эмигрантского «правительства». Эту кучку политиканов, обанкротившихся дельцов нельзя отождествлять с польским народом. Бень и Ясюкович здесь ясно показали, что они не стоят на той точке зрения, на какой стоит Окулицкий. Окулицкий здесь говорил о том, что у него в свое время было глубокое недоверие к Советскому Союзу и в силу этого недоверия он считал, что нужно вести борьбу с Советским Союзом для того, чтобы обеспечить независимость Польши. Но польский народ, все честные люди Польши не могли и не могут думать так о советском народе, который глубоко уважает права и свободу других народов. Так может утверждать только кучка политиканов, которая в силу своих узких классовых интересов была далека от подлинных стремлений, от подлинных желаний польского народа.

Здесь, на суде, в течение двух дней процесса были восстановлены события, имевшие место в Польше в тот период, который был освещен в судебном заседании. Здесь проходили люди, которые называли себя солдатами и офицерами «Армии Крайовой». Но мы слышали здесь, как эти «солдаты» и «офицеры» с эпическим спокойствием рассказывали об убийствах советских граждан, бойцов и офицеров Красной Армии.

По-разному подсудимые оценивают свое отношение к событиям. Вот здесь подсудимые Бень и Ясюкович говорили, что они искренне раскаиваются, осуждают свою прошлую деятельность. Кто эти подсудимые? Бень — юрист, член своей партии, в которой он долго работал, судья, известный и популярный в Польше. Политический деятель Ясюкович был долгое время депутатом сейма. И когда оба они заявляют о своем раскаянии, я считаю, что им можно верить.

Я думаю, что придет время, когда они выйдут на свободу и узнают, что польский народ залечивает свои раны с помощью Советского Союза, когда они узнают, что польское крестьянство наделено землей, увидят, что польский народ сплотился вокруг своего демократического правительства, что Договор о дружбе, заключенный между Польшей и Советским Союзом, обеспечивает свободу, могущество и процветание свободной, демократической Польши, — тогда они еще глубже осознают свои ошибки и будут честно работать на пользу своего народа и дружбы между народами.

Я кончаю, граждане судьи. Но мне хотелось бы сказать еще несколько слов.

Когда на скамье подсудимых сидит группа людей, обвиняемых в тягчайших преступлениях, когда на скамье подсудимых сидят непосредственные исполнители и подстрекатели и вдохновители этих преступлений, тогда все ясно.

Но когда в этой группе людей, сидящих на скамье подсудимых, нехватает основных, главных виновников, вдохновителей преступлений из лондонской эмигрантской клики, — тогда преступление отсутствующих невольно тяжелым бременем падает на головы подсудимых и ответственность может быть неправильно распределена.

Я смотрю на эту скамью подсудимых и с горечью констатирую, что здесь нехватает основных виновников, нехватает многих из тех, которые должны полностью и в первую голову отвечать за все преступления, предъявленные здесь подсудимым. Но я верю, что эти главные виновники, вдохновители преступлений, тоже скоро предстанут на скамье подсудимых перед своим народом. А к этим людям, сидящим ныне на скамье подсудимых, — Беню и Ясюковичу, принесшим искреннее и глубокое осознание своей вины и раскаяние, я прошу максимального снисхождения.

Председательствующий. Объявляю перерыв.

Вечернее заседание 20 июня

Комендант суда. Суд идет. Прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается. Слово имеет адвокат Плевако.

Плевако. Граждане члены Военной коллегии! Я буду краток в своей речи. Я защищаю Стемлер-Домбского. Прокурор отказался обвинять его потому, что считает, что не собрано достаточных данных для его обвинения. Я вполне согласен с прокурором, что в деле нет данных, которые подтверждали бы обвинение Стемлер-Домбского, но полагаю, что он должен быть оправдан не только потому, что нет доказательств его вины, но главным образом потому, что в деле у нас много доказательств отсутствия его вины. Для того чтобы вам это было ясно, я хотел бы рассказать немного о его жизни, начиная хотя бы с 1939 года. -

Кто такой Стемлер-Домбский? Учитель. Его специальность — работа по ликвидации неграмотности взрослых. Он имеет по этому вопросу много печатных трудов. Никогда ни в каких партиях он не состоял. Он был только работником просвещения.

В 1939 году началась война. Ему был 51 год. Итти на войну с винтовкой в руках он не мог, но, будучи патриотом, он хотел принять участие в помощи родине и вступил в Красный Крест. В скором времени, когда немцы заняли Варшаву, он был арестован и больше года просидел в лагере гестапо. Он вернулся оттуда через год совершенно больным и в течение долгого времени лечил свою отбитую почку, порванные мышцы и рассеченное ухо.

Оправившись, он стал искать себе работу, но не хотел сотрудничать с немцами. Ему подвернулась работа по заведыванию отделом книгоиздательств в департаменте информации подпольного «правительства». Тут он работал до прихода Красной Армии. Когда Красная Армия освободила Польшу, он некоторое время оставался в подполье. Но вся его работа в департаменте сводилась к тому, что он издавал 10 экземпляров «Ведомостей по радио».

Британское радиовещание ежедневно сообщало сведения на польском, чешском, сербском языках. Стемлер-Домбский получал польские сообщения, передававшиеся в так называемый «польский час». Эти сообщения печатались им в 10 экземплярах. Там

сообщалось о важнейших мировых событиях, о положении на фронте, о том, что делало польское эмигрантское «правительство» в Лондоне. Никаких тайных директив не было в этих «Ведомостях». Характерно, что именно в этих «Ведомостях» было опубликовано официальное уведомление польского правительства о роспуске «Армии Крайовой», а зашифрованные директивы о том, что этот роспуск фиктивен, были направлены польским эмигрантским «правительством» непосредственно Окулицкому.

В том, что делал Стемлер-Домбский, не было ничего такого, что вредило бы Красной Армии или могло ей вредить.

Так он работал до 20 февраля, а затем оставил работу, вышел из подполья и вернулся к легальной работе в Красном Кресте, созданном уже тогда, когда Польша была освобождена Красной Армией. Он не знал, что «Армия Крайова» не распущена, не знал, что оружие не сдается. Никогда членом партий он не был, никогда ни в каких совещаниях не участвовал, и никто его не информировал о создании «НЕ». Никаких действий с его стороны, направленных против Советского правительства или Красной Армии, не было. Правда, в своем показании на предварительном следствии он говорил, что в течение 15 дней считался заместителем директора департамента и, следовательно, несет моральную ответственность за всю работу департамента. Действительно, в одном номере газеты, которая издавалась в Кракове, самим директором департамента информации была помещена статья, враждебная советской власти, но сам Стемлер-Домбский ее не печатал и никакого отношения к этой газете не имел. На вопрос следователя по поводу этого эпизода он ответил: «Я был заместителем директора департамента, и я морально за это отвечаю». Но моральная ответственность не может быть смешиваема с юридической ответственностью. Я считаю, что в действиях Стемлер-Домбского нет состава преступления, и прошу вынести моему подзащитному оправдательный приговор.

Председательствующий. Слово имеет адвокат Миловидов.

Миловидов. Есть такие дела, в которых общая оценка процесса характеризуется не только процессуальным отношением сторон, а диктуется общечеловеческим представлением об общественной опасности и отвратительности преступления.

Из материалов этого процесса, из совершенно отчетливо высказанных свидетельских показаний мы видим последствия той деятельности, в которой обвиняются подсудимые. Это — совершенные в тылу Красной Армии убийства советских бойцов и командиров, диверсионные акты. Мы видим, как этим преступным действиям служила система пропаганды, как печатной, так и устной. Совершенно естественно, что не существует иной оценки настоящего процесса, чем та, которая уже высказана по настоящему делу со стороны обвинения.

Я считаю, что в мою задачу после высказываний уже выступавших товарищей не входит общая оценка той обстановки в

Польша, которая сложилась здесь с того момента, как Красная Армия стала изгонять из Польши немецких захватчиков.

Совершенно очевидно, что в этот момент деятели подполья, поведение которых сейчас обсуждается, совершенно оторвались от реальной действительности и постепенно дошли до того, о чем мы слышали здесь на суде. Эта оторванность от действительности и является характерной для всего поведения обвиняемых.

Достаточно вспомнить, что в одном из показаний, оглашенных вами, товарищ председательствующий, мы слышали о листовках, которые в январе 1945 года прокламировали вождельцы подпольного польского «правительства», доходившие до требования включить в территорию Польши наш советский Киев. И это всерьез обсуждается в январе — феврале 1945 года!

К автору листовки, который позволил себе вышеуказанное смехотворное утверждение, применимы слова: «И в воинственном азарте поражает Русь на карте указательным перстом».

И вот этими анекдотическими притязаниями и мышинной возней в подполье, непониманием интересов польского государства, полной отвлеченностью от действительности характеризуется поведение большей части тех лиц, которые в уголовном порядке отвечают сейчас перед судом.

Есть нечто жалкое в этом поведении лиц, оторванных от жизни, которое одновременно сочеталось с тягчайшими преступлениями против Красной Армии.

В какой степени отвечают за эти преступления подсудимые Кобылянский и Чарновский, которых я защищаю?

В отношении Кобылянского я ограничусь несколькими словами.

Государственный советник юстиции 2-го класса товарищ Руденко отказался поддерживать обвинение в отношении подсудимого Кобылянского. И я с ним солидарен. Солидарен потому, что судебное следствие внесло целый ряд коррективов к той части обвинительного заключения, которая касается подсудимого Кобылянского.

На суде выяснилось, что, помимо эпизодического упоминания Кобылянского в акте обвинительного заключения, здесь, в ходе судебного следствия, на протяжении всего процесса ни от одного свидетеля или обвиняемого мы о Кобылянском не слышали, и его фамилия не упоминалась. Единственное, чем можно руководствоваться в оценке его роли, — это его личные показания.

Из этих показаний, из проверенных материалов предварительного следствия вытекает, что он не занимал никакого официального положения, т. е. не имел не только оснований к вмешательству в какие-то распоряжения, но и не приступал даже еще к участию в так называемом подпольном «парламенте», который был назван «Радой Едности Народовой». Он был кандидатом в члены этого «парламента» на случай выбытия кого-либо из этого «парламента».

В январе 1945 года он уехал в деревню и оставался там до 3 марта. Переговоры о создании подпольной преступной организации «НЕ» происходили в его отсутствие. Он вновь явился в Варшаву 3 марта, а через три дня — 7 марта — уже был арестован глава подпольного «правительства», и, таким образом, деятельность подпольного «правительства» закончилась.

За эти три дня в Варшаве Кобылянский не осуществил ни одного конкретного действия. Я полагаю, что в состав ст. 17 УК, по которой привлечен Кобылянский, обязательно входит осуществление реального действия. У Кобылянского не было ни подстрекательства, ни пособничества. Ввиду сказанного прошу подсудимому Кобылянскому вынести оправдательный приговор.

Что касается моего второго подзащитного — Чарновского, то у него положение сложнее.

Чарновский признал себя виновным, но сказал, что он находился в заблуждении в результате неправильной информации о действительном положении вещей.

Ему вменяется в вину то, что он был осведомлен о всех преступлениях против Красной Армии, что он был осведомлен Окулицким о фиктивности роспуска «Армии Крайовой». Этого не отрицает и Чарновский, но вносит некоторый корректив хронологического порядка. Окулицкий показал, что он поставил об этом в известность Чарновского в последних числах февраля, а Чарновский говорит, что это было 26 марта.

Если правильно, что сообщение Окулицкого имело место 26 марта и Чарновский впервые на этом заседании подпольной «Рады» только и узнал о сохранении оружия, боеприпасов, радиоприемников и радиопередатчиков, то Чарновского нельзя обвинить в том, что он явился соучастником или был пособником в организации тех отрядов, которые совершали террористические акты и диверсии. Ведь Чарновский был арестован 28 марта, т. е. через два дня после заседания подпольной «Рады Едности Народовой».

Второе обвинение — это то, что Чарновский пользовался радио, т. е. передатчиком для сообщений в Лондон. Это обвинение им не отвергается. Он признает свою вину. Он признает себя виновным в передаче сообщений, клеветнически искажающих действительное положение вещей.

Но какими источниками Чарновский пользовался, когда он передавал эти сообщения? Не личными, а теми информацией, которые он получал от Окулицкого.

Сам Чарновский не занимал такого положения, которое давало бы ему возможность непосредственного собирания сведений. С него нельзя снять ответственность за эту клевету; он сам прекрасно отдаёт себе в этом отчет и говорит, что признает себя виновным по ст. 58¹¹ через ст. 17 УК и по ст. 58¹⁰.

Мне представляется доказанным, что Чарновский, который дал словесное согласие Окулицкому вступить в качестве одного из лидеров в политический центр организации «НЕ», имел по

этому вопросу только два разговора с Окулицким, но действия никакого не совершил.

При избрании ему наказания учтите, товарищи судьи, что Чарновский признал правильность почти всех предъявленных ему обвинений. Признавая себя виновным, он сказал: «Сейчас я отдаю себе полный отчет, что я действовал не только ошибочно, но и преступно, что подобного рода деятельность объективно вредила делу Объединенных наций».

Такое признание председателя правления «Союза демократов» есть признание человека, который своей политической репутацией дорожит больше, чем своей физической неприкосновенностью и свободой. Такое признание является, конечно, полным пересмотром своих политических позиций и диктуется искренностью, а не желанием смягчить свою участь.

В этом плане я и прошу о смягчении приговора в пределах того убеждения, которое сложится у вас, товарищи члены Военной коллегии.

Председательствующий. Слово имеет адвокат Маркевич.

Маркевич. Товарищи члены Военной коллегии! Я защищаю Багинского и Мерзва. Товарищ прокурор совершенно правильно указал, что на этой скамье подсудимых сидят разные люди. И требуется максимальное внимание к тем, кто сидит перед нами, к тому, что они делали. Требуется максимальная справедливость, которой и отличается советское правосудие. Одно дело, когда человек сознательно занимается распространением лживой, клеветнической пропаганды, другое дело, если люди дезориентированы лживыми заявлениями, исходившими от польского эмигрантского «правительства», Политическое заблуждение не есть преступный умысел, и те люди, которые заблуждались, заслуживают вашего максимального снисхождения.

Вы судите людей не по формально правовым нормам закона, вы рассматриваете их как живых людей, которые действовали в определенной обстановке, рассматриваете, как они себя вели, какую опасность они представляли для тылов Красной Армии, для нашего Советского Союза.

Что собой представляет Мерзва — человек, которого вы сейчас видите на скамье подсудимых? Сын бедного польского крестьянина, одного из тех крестьян, многие поколения которых несли на себе нужду, тяготы, рабство. Мерзва — это один из тех крестьянских сыновей, который простым человеческим языком, бесспорно дошедшим до вашего сознания и сердца, рассказал, каким образом он добился высшего образования и как он начал свою политическую деятельность. Мерзва и Багинский оставались в подполье не для того, чтобы воткнуть нож в спину тем, кто принес им свободу, кто тысячами жизней и потоками крови заплатил за то, чтобы разорвать цепи фашистского рабства. Всего этого они не делали. Эти люди были политически дезориентированы лживой пропагандой. Что сделал Мерзва? Можно ли на-

звать хотя бы один конкретный террористический акт, в котором он сам участвовал бы?

За что стоит перед судом Мерзва? Не за то, конечно, что он принадлежал к партии «Стронництво Людове». Мы не судим людей за то, что они примыкали к той или другой партии. Нам важно, что конкретно сделал тот или иной человек, какую опасность представляла его деятельность для тыла Красной Армии.

Я полагаю, что к Мерзва — к этому скромному юристу, сыну бедного польского крестьянина, который никогда не имел собственности, не пользовался наемным трудом и психология которого не должна отличаться от того класса, из среды которого он вышел, — вы будете снисходительны.

Относительно подсудимого Багинского. О нем прокурор правильно сказал: «громкий титул, но мало содержания».

Если бы было установлено, что «Рада Едности Народовой» действовала в тылу Красной Армии и совершала преступления против нее, то можно было бы судить Багинского.

Вы, товарищи судьи, видели, что Окулицкий, возглавлявший военную организацию, не считался с «Радой». Он получал инструкции из Лондона и не считал подчас нужным делиться своими сведениями с этой политической группировкой. Она была ему нужна тогда, когда надо было создать видимость политической опоры.

И я полагаю, что давать за громкий титул большие наказания маленьким людям не является выражением нашей советской справедливости.

Польская эмигрантская клика в Лондоне принесла много вреда прежде всего польскому народу. Преступной политике этой клики польский народ решительно враждебен. Польский народ дружелюбно встретил нашу Красную Армию, ибо в его сердце горят исторические примеры его великой дружбы с русским народом. Он вспоминает яркую страницу из истории Польши, когда на полях Грюнвальда два братски скрещенных меча пригвоздили к земле тевтонского коршуна. Никогда поляк не будет ненавидеть русского. Польский народ знает, что не может быть у Польши надежнее друга, чем Советский Союз. Поручкой этому является железное сталинское слово, которое никогда не подводит. Польский народ может быть спокоен за свою судьбу.

Война кончилась. Придет первая после войны весна. Обездоленный и прозябавший в нужде польский крестьянин выедет впервые на свое собственное поле, которое он получил из рук новой польской власти. Он выедет в поле с громкой весенней песней, а когда подует ветер с востока, он не отвернет своего лица, потому что этот ветер принесет ему такую же дружескую песню с советских полей. Только неисправимые враги польского народа могут сеять вражду между дружественными народами Польши и СССР. Нет сомнения, что мои подзащитные Мерзва и Багинский поймут (если уже не поняли) всю пагубность того пути, на котором они оказались, поймут, как ошибочны были их поступки.

Я прошу о максимальном снисхождении для подсудимых Мерзва и Багинского.

Председательствующий. Слово предоставляется адвокату Михальскому.

Михальский. Товарищи судьи, члены Военной коллегии Верховного суда! На конференции в Крыму главы трех великих союзных держав в своем историческом решении о Польше подтвердили общее желание видеть Польшу сильной, свободной, независимой и демократической.

Решения исторической Крымской конференции были встречены всей польской общественностью с большой радостью.

Но нашлись люди — ставленники польского эмигрантского «правительства», которые встретили в штыки решения Крымской конференции.

Беда некоторых из сидящих здесь на скамье подсудимых заключается в том, что они были вовлечены в эту вредную борьбу, которая была инспирирована эмигрантским «правительством». Они выполняли распоряжения этого «правительства», считая себя связанными с ним присягой, известными обязательствами. Они не поняли изменившейся обстановки, не поняли того, что Красная Армия является не только армией дружбы народов, но армией — освободительницей других народов, что вся политика Советского государства направлена не на агрессию, а на обеспечение длительного и прочного мира во всем мире, на укрепление дружбы всех свободолюбивых народов и в первую очередь народов славянских.

Здесь многие из подсудимых в результате услышанного на суде признали свою ошибку, признали, что они были дезориентированы.

В отношении некоторых из привлеченных по настоящему делу надо учесть ту обстановку, которая была в Польше до 1939 года и особенно во время немецкой оккупации, когда они находились под влиянием потоков ложной информации о действительной политике Советского государства по отношению к Польше. От них сознательно скрывалось все то, что происходит в нашей стране с момента Октябрьской революции, больше того — извращалось все относящееся к Советскому Союзу.

Немецкое радио во время оккупации также всячески убеждало поляков в том, что враги Польши не они, немцы, а русские, что враги Польши — на Востоке. Радиосвязь с лондонским эмигрантским «правительством» давала информацию и установки того же качества, а может быть и худшего. Этими установками пользовались люди, сидящие на этой скамье подсудимых, считая себя связанными с «правительством». Вот в этом беда этих людей. Но сейчас, хотя и поздно, — а лучше поздно, чем никогда, — они пришли к убеждению, что их взгляды, их политические установки были неверны.

В этом процессе я защищаю Урбанского и Михаловского.

Михаловский не вступал ни в какую подпольную «правительственную» организацию и никаких постов в ней не занимал.

Все его участие в настоящем деле заключается в том, что он иногда встречался с теми или иными работниками подполья, получал от них информацию, но сам каких-либо активных действий не совершал.

Я полностью разделяю точку зрения государственного обвинителя, который просил Военную коллегию при обсуждении участия Михаловского учесть недостаток собранных по делу доказательств. Подсудимому Михаловскому я прошу вынести оправдательный приговор.

Урбанский был секретарем главной комиссии подпольного «парламента». Во время своей работы в этом «парламенте» он находился под влиянием его «президента» Пужака, которого он боялся даже здесь, в Москве. Он был окружен агрессивно настроенными лицами, которые его дезориентировали и не давали ему возможности получить правильные сведения о том, что же действительно происходит.

Роль и значение Урбанского в данном процессе второстепенные. Он был исполнителем, находившимся под чужим влиянием.

Он признал ошибочность своих действий, своих взглядов.

Я прошу в отношении Урбанского учесть все эти обстоятельства и вынести ему максимально снисходительный приговор.

Председательствующий. Слово предоставляется адвокату Оцеп.

Оцеп. Под общей формулой обвинения, товарищи судьи, члены Военной коллегии, перед вами прошли люди разных морально-политических убеждений, психического склада и образа поведения. Одни из них действовали со злобной преднамеренностью, другие были дезориентированы преступной политикой польского эмигрантского «правительства», находились во власти шовинистических, националистических предрассудков.

В отношении моего подзащитного Звежинского мне представляется правильным отметить, что он не понял ни сложности международной политической ситуации, ни тех великих принципов, которые внес Советский Союз в сферу межгосударственных и межнациональных отношений. Звежинский жил представлениями о том времени, когда царизм в России сознательно и намеренно проводил политику национального угнетения. Он не видел, не знал того нового, что произошло после победы в России Октябрьской социалистической революции, поставившей у власти рабочих и крестьян и поднявшей знамя мира между народами, дружбы между ними, уважения прав народов.

Подсудимому Звежинскому предъявляется обвинение в том, что он являлся участником польского подполья, проводившего подрывную работу в тылу Красной Армии.

Не могу не обратить вашего внимания, товарищи члены Военной коллегии, что есть некоторое правовое и фактическое несоот-

ветствие в той формуле, которая дана на страницах 4 и 25 обвинительного заключения.

На стр. 4 указывается, что Звежинский был осведомлен о невыполнении приказов Советского военного командования о сдаче оружия и об использовании его в преступных целях. Это еще не значит, что подсудимый может быть обвинен в использовании им лично этих преступных средств. Но именно таков смысл обвинения, как оно сформулировано на стр. 25 в резолютивной части обвинительного заключения.

Преступная деятельность Звежинского — деятельность не подстрекателя, не пособника, но попустителя. Он обязан был как политический деятель, осуществлять определенные действия для выполнения приказов Советского командования. Он этого не сделал, не принял никаких для этого мер. Если вы подойдете к фактам, которые установлены данными дела и сформулированы в обвинительном заключении, то придете к выводу, что это позиция попустителя, а не подстрекателя.

Я позволю себе привести его ответ, который никакими данными не оспаривался: «О том, что «АК» фактически распущена не была, я узнал впоследствии». И дальше: «Что касается сдачи оружия, то я этим вопросом не интересовался».

О своем отношении к организации «НЕ» и к террористическим актам он показал: «О совершении террористических актов я не знал». Он узнал об этом с опозданием.

О причастности Звежинского к пропаганде, враждебной Советскому Союзу. Это обвинение остается в силе. Однако по этому поводу мы имеем только один факт: у Звежинского на квартире найдена газета со статьей, содержащей клевету на Советский Союз. Эта статья, как он говорит и как это подтверждает ряд других обвиняемых, была написана тем автором, который на свою личную ответственность писал эту статью.

Может возникнуть вопрос: почему эта газета оказалась у Звежинского на квартире? Но факт нахождения у него газеты еще не свидетельствует о его идейной солидарности с ней. Он виновен в том, что не проявил бдительности, но не в том, что солидарен с теми мыслями, которые были сформулированы этой газетой. На предварительном следствии вопрос ставился шире. Вопрос ставился так, что он должен нести ответственность за ту подпольную прессу, которая должна была прекратить свою деятельность после занятия территории Красной Армией. И в этой части была дана Звежинским директива прекратить подпольную деятельность прессы. И она была прекращена, за исключением одного обшара, где одна типография в Келецке осталась действовать, причем он не знает, какую политическую продукцию эта типография выпускала.

Наконец, последнее и наиболее серьезное обвинение, заключающееся в том, что якобы Звежинский принимал участие в организации блока, намечавшего в ближайшем будущем совместное выступление польской и германской армий против Советского

Союза. Но он говорит, что до Ялтинской конференции и после нее он занимал позицию блока не с Германией, а с Советским Союзом. Он заявил, что надлежит все сделать для того, чтобы этот союз стал реальностью, и он приветствовал, — правда, из стен тюрьмы, — договор дружбы Советского Союза с Польшей. А здесь, на суде, он сказал, что этот договор должен быть фундаментом развития и расцвета взаимодоверительных и искренних отношений между Польшей и СССР.

Чудовищная война — война грабительская, захватническая, которую предприняла гитлеровская Германия против Советского Союза, окончилась нашей победой. Враг повержен. Он капитулировал. Завоевав победу Советскому Союзу, Красная Армия в то же время оказала неоценимую братскую помощь польскому народу в освобождении его от гитлеровской тираннии. Этот факт вызывает чувство глубокой симпатии к Советскому Союзу со стороны польского народа, со стороны всех поляков — подлинных патриотов своей родины. Этот факт не может оставаться бесследным и для тех, кто в силу тех или иных обстоятельств на время вступил на неправильный, ошибочный путь, как это произошло с подсудимым Звежинским. Звежинский признал свои заблуждения и преступления, многое передумал. И я прошу применить в данном случае к подсудимому Звежинскому гуманную правовую норму, которая заложена в ст. 8 Уголовного кодекса РСФСР, представляющей гордость нашей советской социалистической законности.

Председательствующий. Слово имеет адвокат Казначеев.

Казначеев. Товарищи судьи! Задача защиты Хацинского и Пужака значительно упростилась после речи прокурора. Признаюсь, я полагал, что она будет еще проще, что прокурор откажется от обвинения моего подзащитного Хацинского. Я считаю, что материалы настоящего дела давали к тому все основания.

Хацинский — человек, судьба которого поистине трагична. Около года Хацинский пробыл в знаменитом Освенцимском лагере, в том лагере, мрачная слава о котором облетела весь мир. Двое детей Хацинского убиты немцами во время оккупации, остальные дети угнаны в Германию. Сам Хацинский, как он утверждает здесь, никогда не был человеком фашистской ориентации.

После тяжелых дней пребывания в Освенцимском застенке Хацинский не мог вернуться к своей работе председателя «Партии труда». Его деятельность сводилась к тому, что он, сидя где-то в кабинете, писал новую программу этой партии. Никакой практической работой в подполье он не занимался, да и не мог заниматься по состоянию своего здоровья. Он не был ни с кем связан из деятелей лондонского «правительства».

Хацинский — не член какого-либо подпольного «правительства». Он — не член какого-либо подпольного «парламента». Он не имеет никакого отношения к «Армии Крайовой». На вопрос о

том, где Хацинский первый раз увидел обвиняемого Окулицкого Хацинский ответил: «Впервые здесь, в зале суда».

Правда, на предварительном следствии, на очной ставке между Урбанским и Хацинским имелись некоторые разногласия. Но по какому вопросу? Хацинский показал, что он «имел намерение отправить телеграмму в ответ на запрос» лондонских эмигрантов, а Урбанский утверждал, что эту телеграмму он послал и что она была вручена ему Хацинским. Я считаю, что это разногласие не столь уже серьезное. Больше того, я скажу: а где у нас основания не верить Хацинскому, а верить Урбанскому? При отсутствии в деле каких-либо других доказательств, подтверждающих этот факт, показания Урбанского не могут служить доказательством, что эта пресловутая телеграмма действительно была послана.

В формуле обвинения говорится, что Хацинский является участником подполья и как участник подпольной организации должен нести ответственность за все действия членов подпольной организации.

Но прошу учесть, товарищи судьи, что поскольку организация «Партии труда», в которую входил Хацинский, террористической деятельностью не занималась, он за эту деятельность подполья ответственности не несет.

На основе этих соображений и в соответствии со всеми остальными материалами настоящего дела я думаю, что не погрешу против совести, если буду просить об оправдании подсудимого Хацинского.

Несколько сложнее, товарищи судьи, обстоит дело с моим подзащитным Пужаком. Характеристика Пужака дана одним из обвиняемых по настоящему делу, который, когда следствие уже закончилось, обратился к следователю со специальным письменным заявлением и просил это заявление не оглашать. Я говорю о заявлении Урбанского. Но в этом своем заявлении Урбанский говорит о настроении Пужака, а не о его конкретных действиях.

Но ведь, товарищи судьи, здесь Пужак держит ответ перед судом не за свои политические убеждения или настроения, а за те факты преступной деятельности, которые ему инкриминируются в обвинительном заключении.

Позвольте при таких условиях отбросить такие материалы, как характеристика, данная Урбанским, и перейти к анализу того, что инкриминируется Пужаку и что можно считать доказанным. Прежде чем анализировать эти факты, позвольте, товарищи судьи, остановиться еще на одном моменте, который в характеристике Пужака играет не последнюю роль.

Тут говорилось относительно особой мстительности Пужака и относительно того, что Пужак вилял перед судом. Я, товарищи судьи, не собираюсь входить в оценку всего политического прошлого Пужака, но я позволю себе обратить внимание на один момент, который свидетельствует о том, что он держится в суде прямо даже тогда, когда это ему невыгодно,

На один из вопросов, заданных обвинением, Пужак категорически заявил: «Я это неизвестное лицо называть не хочу».

Я полагаю, что не приходится говорить о Пужаке как о человеке, влиятельном перед судом.

Пужак на вопрос о том, в чем он себя признает виновным, ответил весьма точно, заявив, что он:

«...Находясь на нелегальном положении, нарушил приказ Красной Армии, пользовался подпольной радиостанцией подпольного правительства для сношений с нашим представителем в Лондоне и товарищами-эмигрантами из ППС. О диверсионной и террористической деятельности подполья не знал».

В основном Пужак не отрицает предъявленного ему обвинения.

Я думаю, товарищи судьи, что вы примете в расчет и ту специфическую обстановку, в которой преступление Пужака зрело и протекало дальше.

Я вас прошу вспомнить о том, что Пужак в течение длительного срока жил на территории разоренной Польши, где связь с внешним миром была затруднена, где о мировых событиях знали не все, а часто были информированы неправильно.

Находясь в таких условиях, он решил дать ответ на запрос лондонского «правительства».

Были ли у Пужака к моменту дачи этого ответа какие-нибудь принципиальные расхождения и разногласия с лондонским эмигрантским «правительством»? Пужак утверждает, что по вопросу о Крымской конференции его ориентация была полностью противоположна тем установкам, которые давались из Лондона.

Реализовать свои собственные намерения и планы Пужак не мог.

Перед ним и организацией стояла дилемма: выйти из подполья или не выходить? И он дал показания здесь, что в феврале было принято решение о выходе из подполья, что это решение было санкционировано 18 марта и что оно было бы в дальнейшем реализовано.

По вопросу о причастности к террористической и диверсионной деятельности остальных подпольных организаций Пужак дает совершенно определенные показания, что он об этом ничего не знал. Его уличают его соседи по скамье подсудимых — Окулицкий, Янковский. Но обратите внимание на то, что Янковский уличает его так: он говорит — «об этом знали у нас все».

Товарищи судьи! Заканчивая свою речь, я выражаю уверенность в том, что, учитывая признание подсудимого, вы примените к нему такую меру наказания, которая не требует длительных сроков лишения свободы.

Я считаю, что на данном историческом этапе, когда окончательно очищается воздух от миазмов фашистской заразы, когда, обгаренная кровью миллионов, строится новая Европа, когда на основе принципов, провозглашенных руководителями трех великих Объединенных наций, рождается там новая жизнь, — ваш

приговор должен отличаться особой гуманностью. В этом его глубокий политический смысл.

Я думаю, что каждое слово вашего гуманного приговора будет резонировать на весь мир, и каждый честный человек в мире оценит великую гуманность советского правосудия.

Председательствующий. Подсудимый Янковский! Вы заявили, что будете защищаться сами. Вы имеете право на защиту. Желаете воспользоваться?

Янковский. Да.

Председательствующий. Слово предоставляется подсудимому Янковскому.

Янковский. Я хотел бы дать объяснения по пунктам обвинения.

Насчет первого пункта. В нем говорится, что после освобождения от немцев западных областей Украины и Белоруссии я также являлся организатором и руководителем политической нелегальной организации «НЕ».

Политическая организация «НЕ» была создана в 1944 году, а мой аппарат — главного делегата лондонского правительства — был создан в начале оккупации Польши немцами.

Дальше. В обвинении говорится, что эта организация проводила активную подрывную работу в тылу Красной Армии. Я хочу добавить, что мой аппарат был создан не для того, чтобы вести борьбу с Красной Армией, а для того, чтобы подготовиться взять власть в свои руки, когда немцы будут выброшены. Однако в практике моей работы эти цели не были осуществлены в том духе, как они были намечены.

Я сознался на следствии в том, что мои директивы, направленные окружным делегатам, привели на практике к враждебному отношению к Советскому Союзу.

Насчет второго пункта. Здесь говорится: «Обвиняемый Окулицкий при участии обвиняемых Янковского, Бень и Ясюковича, действуя по указаниям польского эмигрантского «правительства», ложно заявив Советскому военному командованию о роспуске «Армии Крайовой», в действительности сохранили ее штабы, офицерские кадры и на этой базе создали новую законспирированную военно-политическую организацию под наименованием «НЕ» — «Неподлежность» («Независимость») — в целях продолжения подрывной работы в тылу Красной Армии и подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР». О создании новой организации «НЕ» я на следствии и на процессе говорил, что эта организация была создана де-факто гораздо ранее, чем здесь сообщали свидетели, — еще в июле 1944 года, и не только без моего участия, но и без моего ведома.

Надо сказать, что я все-таки должен нести политическую ответственность за создание этой подпольной организации, так как я принял участие в формировании ее руководящего политического центра.

Перехожу к пункту третьему, наиболее тяжелому и трагическому, так как в обвинении здесь говорится о подрывной деятель-

ности, о работе, которая была направлена на совершение террористических актов и диверсий в тылу Красной Армии. Мы несем за это моральную и политическую ответственность.

Я уже говорил, что пока не пришла инструкция из Лондона, я послал свою инструкцию, так как этого от меня добивались мои окружные делегаты; они требовали указаний, как им вести себя в случае прибытия Красной Армии. Вместе с инструкцией я послал им также листовки, в которых говорилось о том, как должно вести себя население по отношению к Красной Армии и как должны вести себя делегаты. Получив из Лондона инструкцию, я переработал ее и послал своим делегатам. Что об этих инструкциях говорит свидетель Дзялынский, который был послан мною в качестве начальника отделения пропаганды? Он говорит, во-первых, что инструкция была дипломатического характера, во-вторых, что после занятия Вильно он поручений непосредственно из Варшавы не имел, а оперировал старыми инструкциями, и что листовки, письма, которые были изданы в Вильно, а равно корреспонденция через окружного агента имели антисоветский характер. Нельзя не признать, что посланные мною инструкции вызвали со стороны моего аппарата более острые методы борьбы против Советского Союза.

Но надо еще иметь в виду, что Вильно, как и Львов, как и восточные округа, было отрезано от Варшавы; новых инструкций я не получал, мы жили самостоятельной политической жизнью; установилась самостоятельная политика. А ведь мы три-четыре года были в конспирации. Кто знает условия конспиративной жизни (а я условия конспиративной жизни хорошо знаю), тому известно, что эти условия дергают людей. Люди уже не могут удержаться себя, и если они еще вдобавок отрезаны от руководящего центра, то тем более вряд ли какие-либо условия для них обязательны. Они могли не считаться с политическими взглядами различных кругов, они могли реагировать на события только по тому, что слышали на месте.

Свидетель Колендо говорит относительно диверсий, что он совершал взрывы на железной дороге в знак протеста против оккупации Красной Армией этой территории.

Во время следствия я был подробно ознакомлен с актами диверсий и террора по Вильнюсскому округу, хотя на суде эти материалы не приводились. Я читал, что какой-то командующий батальоном сознался, что он по указанию окружного коменданта подготовлял людей к общему восстанию против Советского Союза после окончания войны, что он совершал взрывы, чтобы препятствовать продвижению вперед Красной Армии. Третий свидетель говорил то же. Три свидетеля говорили: один говорил о протесте, другой и третий — о восстании, о том, что хотели помешать продвижению вперед Красной Армии. Не видно никакого плана, но диверсии есть. Когда связь прерывается с центром, в данном случае с Варшавой, тогда нет плана. Более активные подпольщики набрасывают свои маленькие планы.

Когда свидетель Станкевич давал свои показания, я против его фамилии написал: зверь! Этот человек говорил об убийствах красноармейцев, как охотник говорит о своей добыче. Он равнодушно убивал красноармейцев, через месяц он так же равнодушно убивал бы польских солдат. Это не человек, а зверь. Таково мое мнение о нем. Во всяком случае я должен подчеркнуть весьма твердо, что об актах террора и диверсий, которые имели место преимущественно почти только в восточных округах Польши с 1939 года, я узнал за несколько дней до ареста и главным образом здесь во время судебного следствия.

Эти диверсии и террористические акты я считаю не имеющими никакого смысла. Это было тактической ошибкой.

Я сказал следствию, что, быть может, мои инструкции в начале 1944 года могли повлиять на отношения между моими органами и властями Советского Союза. За это я несу ответственность.

Последний, четвертый пункт, где говорится о несдаче радиостанций и т. д. За это я несу ответственность, так как я их не сдал.

Пока, господин председатель, я ограничусь сказанным.

Председательствующий. Подсудимый Стыпулковский, поскольку вы отказались от защиты, вы имеете право выступить с защитительной речью.

Стыпулковский. Граждане судьи, я как юрист, который в своей жизни имел много дел в судах, понимаю, что я стою перед вами слабо вооруженным. Я плохо говорю по-русски и на этом языке буду произносить перед вами свою речь. Я не знаю хорошо статей ваших законов, а главное, не знаю вашей психологии, и вы не можете знать моей психологии.

Как адвокат я знаю, какое великое значение для подсудимого имеет взаимопонимание психологии подсудимого и судьи, знание со стороны последнего условий жизни, в которых действовал обвиняемый. Поэтому я не взял советского защитника, которого мне предложили, а только поблагодарил за его участие в моей защите.

Я обвиняюсь в том, что совершил преступления, указанные в пункте шестом формулы обвинения, что я принимал участие в подрывной деятельности польского подполья на территории Польши в период действия там Красной Армии и что я был осведомлен о невыполнении руководителями подполья приказа Советского военного командования о сдаче радиостанций, боеприпасов и оружия, которые использовались ими в преступных целях.

Мне предъявлены, таким образом, три обвинения. Начну с предъявляемого мне обвинения в том, что я пользовался передаточными станциями, оружием и военными боеприпасами в преступных целях.

Меня это обвинение не может касаться, так как материалы следствия не дают почвы для него. В действительности я не пользовался ни передаточными станциями, ни оружием. Партия «Стронництво Народове» даже до немецкой оккупации никогда не имела собственной радиостанции, что вызывало у членов партии недовольство, а что касается оружия, то я желал бы заметить,

что как человек, не имеющий военной подготовки, я даже во время восстания в Варшаве ходил на немцев только с бутылкой бензина.

Перехожу ко второму предъявляемому мне обвинению, к обвинению в том, что я был осведомлен о невыполнении руководителями подполья приказов Советского военного командования о сдаче приемо-передаточных радиостанций, оружия и боеприпасов.

Меня интересует с точки зрения юридической вопрос, какое преступление совершает тот, кто был информирован о том, что руководители подполья не выполнили приказа Советского военного командования о сдаче радиостанций и оружия? По-моему, он этим не совершает еще никакого преступления, если только он не воспользовался этой информацией для преступных целей. А как я уже сказал, я не имел никакого отношения ни к радиостанции, ни к оружию.

Перехожу к предъявленному мне обвинению в том, что я принимал участие в подрывной деятельности польского подполья на территории Польши в тылу Действующей Красной Армии. Надо определить ближе это обвинение — может ли оно быть основанием для моей ответственности? Для этого надо прежде всего установить мою деятельность в подполье в тылу Действующей Красной Армии в период между 17 января и 28 марта 1945 года. До второй половины марта я исполнял должность юридического и политического советника «Стронництво Народове». После 20 марта я был приглашен Ясюковичем на заседание президиума «Стронництво Народове», но не успел на нем побывать.

В это время я не занимал никаких должностей в других организациях подполья и не принадлежал к ним.

Остается моя ответственность за мою деятельность в качестве юридического и политического советника «Стронництва Народове» за период от 17 января до половины марта 1945 года.

Скажу подробно о своей деятельности.

Первое. После нескольких разговоров с председателем Звежинским я, по его просьбе, написал проект инструкции для дальнейшей деятельности «Стронництва». Проект предлагал скорый выход из подполья и ограничение подпольной деятельности ко времени выяснения результатов Крымской конференции.

Далее. От имени «Стронництва Народове» я принял совместное участие на конференции с генералом Окулицким.

Звежинский на очной ставке показал, что я принимал участие в беседе с ним и Окулицким, в которой шел разговор о создании строго законспирированной новой организации на основе «АК». Из показаний Звежинского же известно, что только председатели партий могли быть информированы о создании тайной организации, а я в это время не только не был председателем «Стронництва Народове», а даже не был членом ее президиума.

Я отрицаю, что Окулицкий в моем присутствии говорил вообще о создании той или иной военно-политической организации. Этот

разговор мог быть со Звежинским в мое отсутствие. Было бы нарушением конспирации информировать меня об этой организации.

Еще одно свидетельство.

Я поместил на страницах «Глос народов» реферат, в котором изложил свои взгляды на состояние польско-советских отношений в прошлом и в будущем. В этом реферате я не отрицал различия во взглядах наших и взглядах России по вопросу о границах Польши, но я указывал своим коллегам, что активную деятельность против Красной Армии во время ее борьбы с немцами я осуждал бы как глупость и преступление против польских интересов.

Эти слова имеются в моем реферате. Они написаны не теперь, а в то время, когда я и не думал, что буду здесь себя защищать.

Я очень прошу, чтобы вы, граждане судьи, рассуждая о моей виновности, познакомились с этим рефератом, который был найден у меня при обыске. Там показано ясно, что мои взгляды не ведут к подрывной работе. Тогда вы должны спросить себя: может ли человек с такими взглядами на польско-советские отношения быть обвиненным в участии в подрывной деятельности в тылу Действующей Красной Армии?

Мне уже на следствии казалось, что придается значение тому, что Окулицкий и Звежинский осведомили меня о создании военной организации. Это я категорически отрицаю. Какое тут преступление с моей стороны? Разве кто-нибудь показал, что я вступил в нее, принимал участие в создании этой новой военной организации или что я имел возможность отменить распоряжения польского правительства в Лондоне, данные Окулицкому или Комаровскому о создании этой организации? Разве утверждает кто-нибудь, что я знал подробно цели этой организации? Нет. Насколько это было в моей возможности, я противодействовал, о чем было сказано в моем реферате для «Стронництва Народове». Я как политический советник этой партии презирал в то время всякую подрывную деятельность в Польше.

Прошу также помнить, что, как видно из представленных документов, в огромном большинстве случаев подрывная деятельность имела место в воеводствах Львовском, Новогрудском, Тернопольском, с которыми я почти не имел отношений с 1944 года.

Господин государственный советник говорил, что я в 1943 году возглавил организацию «Обуз народово-радикальный лагерь». В действительности я к этой организации не принадлежал.

Здесь сидят трое очень уважаемых моих коллег. Они могут в последнем слове подтвердить мои показания в этой части.

Я спрашивал, является ли преступлением моя принадлежность к «Стронництву Народове»? Ее цели демократически-национальные. Я состоял в этой партии 20 лет и говорю, что никакого преступления в отношении СССР и в отношении Красной Армии я не совершал. Если другие члены нашей партии и совершали преступления, наказуемые с точки зрения Уголовного кодекса РСФСР,

то это еще не указывает на то, что моя принадлежность к этой партии «Стронництво Народове» является преступлением согласно ст. 58¹¹ УК. Мое мнение подтвердил гражданин государственный советник сегодня при определении наказания некоторым моим коллегам. Позвольте, граждане судьи, вам сказать, что под мертвой и часто искусственной буквой права стоит красивая своей правдой жизнь. Она еще более видна в Советском Союзе, где суд судит, исходя из правдивой интерпретации фактов. Это не тайна ни для кого в Польше.

Из материалов моего дела известно, что я в течение шести лет вел борьбу с немцами. Я потерял брата, потерял 16-летнего воспитанника, которого считал своим вторым сыном. Из-за меня немцы вывезли и мучают два года в тюрьме мою мать-старушку, жену, невестку, прислугу, судьба которых до сих пор мне неизвестна. Всем известно, что немцы казнили из-за меня моих родственников. За меня немцы держали в 1943—1944 гг. в тюрьме моего 14-летнего сына, выводили его на улицы Варшавы для публичного расстрела, потом возвратили обратно как слишком молодого. Немцы забрали у меня и моей семьи все, что было заработано в течение моей жизни тяжелым трудом; они забрали у меня все книги, не оставили даже домашней рухляди. В течение шести лет я прятался из угла в угол и имею за своей спиной полтора года пребывания в концлагере. Как я могу подозреваться в том, что готовился к военному выступлению против СССР в блоке с Германией, в то время когда моя мать и жена были мученицами у немцев? Разве можно делать такой вывод только потому, что член подполья генерал Окулицкий, с которым я один раз в жизни встретился, выдвинул свой несчастный прогноз о будущих событиях в Европе?

Мои показания о своей невинности я подтвердил. Хочу, чтобы вы еще знали одно.

Говорят, что если признаешь свою виновность, то мера наказания будет смягчена. Я этого не сделал не только потому, что я искренне чувствую себя невинным, но и потому, что верю, что в моей жизни представится еще возможность какого-то влияния на взаимоотношения между Польшей и Советским Союзом в духе дружбы и устранения всех трудностей между этими обеими странами. Хочу быть честным со своей совестью, потому что надеюсь иметь возможность служить трудом своей стране и служить делу доброжелательных отношений между Польшей и СССР.

Прошу меня оправдать.

Председательствующий. Объявляется перерыв на 15 минут.

* * *

Комендант. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Прошу садиться. Заседание продолжается. Товарищи прокуроры! Вы желаете воспользоваться правом реплик?

Прокуроры. Нет.

Председательствующий. Переходим к последним словам подсудимых.

Подсудимый Окулицкий, вы желаете сказать что-нибудь в последнем слове?

Окулицкий. Да, я скажу о себе.

Признаю, что мы против Советского Союза совершили большое преступление, что мы совершили большие ошибки. Откуда они проросли? Из недоверия к Советскому Союзу. Это недоверие исходило из той пропаганды, которую вело то правительство, которое мы считали своим законным правительством.

Ваш приговор, господа судьи, будет, полагаю, иметь большое значение для Польши. Я говорю это не для того, чтобы смягчить свою вину, а для того, чтобы не выдвигать дальше никаких трудностей в укреплении дружбы между Польшей и Советским Союзом и не вредить дружбе между польским народом и советским народом.

Реакция советских властей на нашу деятельность вполне понятна, и было достаточно оснований для моего присутствия здесь на скамье подсудимых. Но я говорю — и опять-таки не для того, чтобы смягчить свою участь, — вражды к Советскому Союзу в Польше нет, есть у ряда людей недоверие, но вражды нет. А это — большая разница. И так как нет вражды, а есть только недоверие, то если это недоверие будет рассеяно, то будет искренняя и долговременная дружба.

Хочу подчеркнуть еще одно — хорошее отношение всех советских властей ко мне как к преступнику и арестованному. Если бы я попал в руки немцев, я, конечно, не мог бы говорить так, как говорю теперь здесь. Там, у немцев, со мной обращались бы совсем по-другому.

Я приговор ваш приму спокойно, с уверенностью, что наказание будет справедливым. Считаю, что я виноват, но я действовал как солдат, выполнявший приказ своего правительства, действовал так, как обстоятельства принуждали меня действовать.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Стемлер-Домбский.

Стемлер-Домбский. Я ограничиваюсь двумя словами: я прошу оправдания!

Председательствующий. Подсудимый Янковский! Вам предоставляется последнее слово.

Янковский. Господин главный военный прокурор назвал уже этот процесс необыкновенным. Я тоже считаю его необыкновенным процессом. Для меня он трагический процесс. Не лично для меня, но в истории польско-советских отношений. Почему?

Потому, что процесс происходит в Москве, в столице Советского Союза, в столице Красной Армии, той Красной Армии, которая выбросила немцев из Польши, освободила Польшу, в столице Советского Союза, который недавно подписал дружественный договор между Польшей и Советским Союзом.

Ненормальные отношения между нами начались с 17 сентября 1939 года.

Впоследствии Сикорский хотел оформить договорные отношения между Польшей и Советским Союзом. Но этот договор не удался. Тогда в Польше появились опасения насчет того, что занятые советскими войсками восточные территории Польши не вернутся к ней и будут удержаны Советским Союзом.

Было другое опасение, что Советский Союз будет стараться сделать из остальной части Польши семнадцатую Советскую республику. Это опасение совсем не оправдалось. Мало того, Крымское соглашение, подписанное представителями трех держав — Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, гарантировало независимость Польши. Затем в апреле 1945 года был подписан дружественный договор на двадцать лет между Польшей и Советским Союзом. Этому договору я придаю большое значение, так как он имеет целью, во-первых, защиту Польши от опасности со стороны Германии и, во-вторых, обеспечивает, что Польша и Советский Союз не будут вмешиваться во внутренние дела друг друга.

Но атмосфера, которая создавалась в 1939 году, не исчезла. В Виленском и Львовском округах имели место диверсии. Несомненно, что эта атмосфера сложилась в результате многих обстоятельств. Среди них немалое значение имело и то, что политические партии, которые там работали уже несколько десятков лет до занятия этих территорий советскими войсками, были отброшены. Был отброшен и мой аппарат, который был там организован задолго до занятия этих территорий Красной Армией. Этот аппарат был организован из местного населения.

Ненормальные отношения между Польшей и Россией сложились и по другим причинам. Отрицательную роль сыграла та политика, которую вело польское лондонское правительство. Эта политика была во многом ошибочной. В чем была ошибочность этой политики?

Было в ней чересчур много расчета и надежды на поддержку и помощь со стороны англо-саксов; с другой стороны, не были достаточно оценены значение и сила Советского Союза. Польское правительство в Лондоне, идя по пути враждебного отношения к Советскому Союзу, к советской власти, зашло в тупик, из которого оно не находило выхода.

Самый яркий пример того, как запуталось это правительство, мы видим на том факте, что польское правительство в Лондоне, как вам известно, не признало решений Крымской конференции, но и не в состоянии было указать нам какой-либо выход. Мы должны были сами искать выход, и мы позитивно отнеслись к решениям Крымской конференции.

Дальше, польское лондонское правительство сделало ту ошибку, что чересчур преувеличивало опасность советизации, которая, по его мнению, угрожала независимости Польши, и соответственно этому опасению давало инструкции местам. Все это ока-

зывало свое влияние на действия моего делегатского аппарата.

Были и такие трудности: в Польше создались два направления. Одно из них стояло на стороне лондонского правительства, другое — на стороне люблинского правительства. Так было в «Стронництве Людове», в ППС, так было у демократов.

Я отлично сознаю, что я как подпольный делегат отвечаю почти за все, и не думаю снимать с себя ответственности.

Я два года был главным делегатом, и я несу ответственность за все. Я об этих вещах говорил, доискивался причин фактов, которые были здесь так детально разобраны, — причины диверсий, террора против Красной Армии, я доискивался причины всего этого, чтобы осветить перед высоким судом ту обстановку, в которой мы, т. е. я, совет министров, делегатский аппарат и политический аппарат, жили в Польше последние 5 лет. Я кончаю. Я высказываю свое желание, чтобы этот процесс не был почвой, на которой развивались бы новые микробы недоверия в отношении между Польшей и Советским Союзом.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Кобылянский.

Кобылянский. Считаю свое последнее слово излишним. Я прошу оправдания.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Бень.

Бень. О своей личной роли в подполье я уже все сказал открыто и искренне во время предварительного следствия и во время процесса.

Я признал себя виновным и отдал свою судьбу в распоряжение высокого суда с полным к нему доверием. Я хотел бы только, в связи с заявлением господина прокурора, что здесь на скамье подсудимых сидит польская реакция, сказать, что я не причисляю себя к польской реакции. Лично я происхожу из крестьянской семьи. Как ученик, как студент, а позднее как человек, так или иначе работающий, я всегда был трудящимся, и мне всегда до последнего времени было тяжело в жизни. Могу даже сказать, что, сидя здесь в тюрьме, я имел во всяком случае приятное ощущение: я спокойно спал, не боясь того, что меня арестуют. (С м е х в з а л е).

Мы в нашей польской политике, несомненно, допустили большие ошибки, из которых получились преступления. Я как юрист признаю, что наша деятельность имела, с точки зрения юридической, характер преступления.

Как мы к этому пришли? Мы пришли к этому потому, что вели плохую, ошибочную политику. Эту ошибочную политику вело наше правительство в Лондоне, а мы в Польше, находясь в подполье, слишком некритически руководствовались этой политикой лондонского польского правительства. Почему эта политика была ошибочна?

Каждый народ должен вести такую политику, которая обеспечивала бы ему независимость, которая позволяла бы ему жить свободно. Чем обуславливается такая политика? Народ должен иметь или свою собственную силу, которая обеспечила бы ему безопасность, или он должен быть в сотрудничестве с такими государствами, союз с которыми будет обеспечивать эту безопасность.

Наше правительство такой единственно правильной политики не вело.

Господин прокурор здесь сегодня сказал, что политический путь Польши должен быть такой — или с немцами, или с Советским Союзом. И это совершенно правильно. Но никакое сотрудничество польского народа с немцами невозможно.

По моему мнению, единственный путь, который лежит перед нами, — это политическое сотрудничество с Советским Союзом. И это сотрудничество возможно и необходимо.

Я сказал, что может и должно быть достигнуто полное взаимное доверие между польским и советским народами.

Для этого необходимо, чтобы политическое руководство Польшей взяла в свои руки те люди, которые не причастны к той ошибочной политике, которая имела место до сих пор. Те люди, которые возглавляют польское правительство в Лондоне, не имеют возможности наладить дружественные отношения между Польшей и Советским Союзом. Я думаю, что на место этих людей должны прийти и, надеюсь, придут такие люди, которые имеют демократическое мировоззрение и которые смогут наладить хорошие отношения с Советским Союзом. Мы уверены в том, что эти люди найдутся и что придет время, когда будет налажена действительная дружба между Советским Союзом и Польшей и не на 20 лет, а навсегда.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Михаловский.

Михаловский. Прошу высокий суд освободить меня от наказания, так как я хотел бы как можно скорее вернуться в мою страну, чтобы начать честно работать на благо моего народа и на благо советско-польской дружбы.

Председательствующий. Подсудимый Ясюкович, ваше последнее слово.

Ясюкович. Каждому политическому деятелю, которому представляют слово подсудимого, невольно хочется сказать политическую речь. Но я скажу только вкратце о своем личном отношении к эмигрантскому лондонскому правительству, к польскому подпольному правительству и о своем воззрении на польско-советские отношения.

Я сознаю, что подпольное правительство и, конечно, лично я встали на ложный политический путь. Стрелка была поставлена неправильно. Мы во-время не затормозили и уткнулись в тупик. И в этом виновато прежде всего лондонское польское правительство.

Я должен сказать, что между нами и лондонским польским правительством не было полной гармонии. Напротив, отчуждение было все большее и большее. Мы перестали, говоря это совершенно откровенно, друг друга понимать. Был период, когда мы между собой даже не разговаривали. Наши обращения оставались без ответа, а нам было неизвестно, какое производят впечатление наши ответы на какие-нибудь их запросы. Получалось так, что лондонское польское правительство действует само по себе, а мы в подполье действовали сами по себе.

Не скрою, что я относился с 1939 года враждебно к Советскому Союзу. Мое отношение к Советскому Союзу начало изменяться со времени советско-германской войны.

Я не буду подробно рассказывать, как я к этому пришел. Я только отмечу несколько этапов на этом пути.

Прежде всего, сам факт войны, тот факт, что Советский Союз, Красная Армия, — а я должен сказать, что мы не имели понятия о той силе, о том могуществе, которые представлял Советский Союз и его Красная Армия, — что Советский Союз с его армией очутился в лагере борцов против Германии. Это — первый факт.

Затем следующий факт, который заставил глубже призадуматься, который был сигналом, — это была первая речь Черчилля в феврале 1944 года, которая ясно поставила вопрос, в каком направлении должны быть решены отношения между Советским Союзом и Польшей.

Далее следовала поездка Миколойчика в Москву, его предложение, которое мы долго дебатировали в «Раде Народовой» и в подпольном правительстве и на которое мы пошли.

Следующим этапом были ноябрьский кризис в Лондоне, политическое поражение, которое потерпел Миколойчик, вернувшись из Москвы, и создание правительства Арцишевского, которое состоялось без консультации с нами. Мы узнали об этом как о факте. Нас не спрашивали. Мы своего мнения не могли сказать. Мы никакого влияния на эту развязку не имели.

Наконец, факт вступления Красной Армии в Польшу, освобождение Польши Красной Армией и Крымская конференция, которая окончательно определила, если можно так сказать, отношения в Европе, определила польско-русский вопрос.

Я должен сказать, что осмысливание всего этого протекало у меня довольно медленно, и закончилось оно только в тюрьме, здесь в Москве. Я должен сказать, что для политического деятеля тюремное заключение очень полезно. Я на своем примере убедился в этом, когда несколько месяцев провел в германской тюрьме. Я это время вспоминаю со сравнительным удовольствием, потому что оно дало мне возможность глубже поразмыслить над волновавшими меня вопросами, и я вышел из германской тюрьмы другим человеком, чем вошел туда.

Я теперь не тот человек, который был привезен сюда. Я имел возможность пересмотреть свои взгляды. Мне помогли в этом и те люди, с которыми я здесь беседовал. Я узнал о фактах, кото-

рые побудили меня перестроиться решительно и искренне. Я узнал о факте заключения дружественного договора между Польшей и Россией. Когда мой судебный следователь прочел мне этот договор, я ему сказал, что я считаю его крупным шагом и что желаю только одного — чтобы этот договор подписало правительство, вокруг которого вся Польша могла бы сплотиться.

Я позволю себе приветствовать заявление господина прокурора о том, что этот договор незыблем и что нет такой силы, которая могла бы его сорвать.

Конечно, каждый политический деятель, который думает только о благе родины, хотел бы принять участие в таком деле. Но не каждому это будет дано. Не знаю, будет ли это дано нам. Но это дело второстепенное.

Польский народ должен знать, что нам не приходится жаловаться на обстановку и условия, в которых протекало все разбирательство нашего дела. Судебное следствие велось безукоризненно. На судебном процессе нам была дана полная возможность защиты и полная свобода слова.

Я не обращаюсь к вам, господа судьи, ни с просьбой о смягчении, ни с просьбой об оправдании. Искренне скажу, что вани приговор я признаю совершенно справедливым и спокойно его приму.

Председательствующий. Объявляю перерыв на 15 минут.

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Просту садиться. Заседание продолжается. Последнее слово имеет подсудимый Урбанский.

Урбанский. Я пришел в партию «Стронництво Праци» в конце 1942 года. Деятельность моя в партии началась в апреле — мае 1943 года. Потом партия послала меня как своего представителя в «Раду Едности Народовой». В «Раде Едности Народовой» я был избран секретарем главной комиссии. Должен сказать, что «Рада Едности Народовой» — этот подпольный парламент — никаких распоряжений сама не давала. Распоряжения исходили только от совета министров. На «Армию Крайову» мы не могли иметь влияния, потому что она подчинялась руководству в Лондоне.

Относительно радиogramм, которые мы получали посредством передаточных радиостанций и на которые посылали ответы в 1945 году, когда приняла Красная Армия, я скажу, что этих радиogramм я также сам не получал. О них я знаю потому, что их мне принес один из членов партии.

О действиях «АК», о том, что ее вооруженные отряды орудовали в тылу Красной Армии, мне не было известно.

Сам во время войны я очень много страдал, потерял пять самых близких моих родственников.

Я вступил в партию в 1942 году, после того, как я вышел из

крестьянской партии в 1937 году, так что уже из этого видно, что к политике я не имел никакого интереса. Меня интересовали хозяйственные вопросы.

В 1939 году, когда пала Варшава, я с первых же дней попал в заложники, и немцы меня арестовали. С декабря 1939 года и до половины 1941 года я был болен и лежал в постели.

Настроение польского населения было против Германии. Начиная от ребенка и до старца — все были против немцев. Вся моя семья: отец, две сестры, брат — была выброшена немцами с запада за реку Вислу. Я никогда с немцами не мирился.

Что касается моего отношения к Красной Армии, то никакой враждебной деятельности против нее я не вел. Прошу высокий суд о моем оправдании.

Председательствующий. Подсудимый Пужак имеет последнее слово.

Пужак. В связи с моим преступлением, связанным с использованием нелегальной радиостанцией, я хочу сказать, что я как председатель «Рады Едности Народовой» опубликовал при помощи этой станции заявление, что мы положительно относимся к решению Ялтинской конференции и что на этой почве примем участие в строительстве будущей Польши.

Это было моей обязанностью, потому что по этому вопросу было разногласие между нами и правительством. Как известно, в прессе появилось сообщение о том, что польское правительство в Лондоне наотрез отказалось от решений Крымской конференции.

Об отношении ППС к Советскому Союзу может дать представление ее программа. В этой программе вы найдете вступительную часть, которая печаталась как рукопись. Там вы можете прочитать о нашем отношении к Советскому Союзу и о том, на каких началах мы строили нашу внешнюю политику, как мы представляли себе отношения Польши, с одной стороны, к немцам и с другой стороны — к Советской России.

На этом я кончаю свое последнее слово, ожидая спокойно приговора.

Председательствующий. Слово имеет подсудимый Хацинский.

Хацинский. Граждане судьи! Я не намерен рассказывать теперь о том, как я сжег то, чему поклонялся раньше, ибо мне не приходится особенно много сжигать в нынешней исторической обстановке и в вопросе об отношениях Советского Союза к польскому народу и польского народа к Советскому Союзу. Перейду вкратце прямо к пунктам обвинительного заключения.

Я обвиняюсь в том, что не выполнил приказа Советского военного командования о сдаче приемо-передаточных радиостанций, оружия и боеприпасов. Я сразу сознался, что когда 15-го или между 10 и 15-м я приехал под Варшаву, мне показали телеграмму лондонского правительства и что я таким образом узнал тогда, что радиостанция не сдана. Я сознался также в том, что я

принял участие в составлении ответа на полученную из Лондона телеграмму. Таким образом, я действительно воспользовался радиостанцией, хотя и знал приказ Советского военного командования о сдаче радиостанций. В этом преступлении я сознался и сознаюсь.

Что же касается сокрытия оружия, боеприпасов, то я об этом лично никогда не имел разговора с руководителем «Армии Крайовой». Я уже сказал, что подсудимого Окулицкого вижу первый раз здесь, на скамье подсудимых.

Я признаю только свою ответственность за то, что я знал о существовании нелегальных радиопередатчиков и о совершении диверсионных актов со стороны отрядов «Армии Крайовой». Закон есть закон. Я виноват в его нарушении, и вы, высокий суд, тут рассудите. Других замечаний я не имею.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Звежинский.

Звежинский. Я не намерен отнимать время у Верховного суда. Прошу только, чтобы я был судим на основании показаний, данных мною на следствии и в ходе судебного процесса. Я прошу также принять во внимание доводы, которые здесь представил мой почтенный защитник.

Хочу добавить, что я с первых шагов своей политической жизни был сторонником того направления польской мысли, которое считало необходимым добрососедские, союзные отношения между Польшей и Россией. Уже в молодости своей я считал эти добрососедские отношения залогом независимой, свободной Польши. Этим своим убеждениям я не изменил в течение всей своей политической жизни. Этим убеждениям я остаюсь верен и сегодня.

Верю, что будет сделано все, чтобы были созданы такие условия, которые обеспечат не только формально, но и на деле самые тесные и дружественные отношения между Польшей и Союзом ССР.

Председательствующий. Слово имеет подсудимый Чарновский.

Чарновский. Я не хочу повторять тех аргументов, о которых здесь уже говорили мои товарищи. Мое последнее слово будет кратким.

На следствии и на процессе я признал себя виновным и признал свою ответственность за подполье. Я считаю, что польское подполье, в котором я принимал активное участие, делало много ошибок по отношению к СССР. Онибки эти вытекали из неправильного понимания сложившейся обстановки.

Председательствующий. Слово имеет подсудимый Багинский.

Багинский. Я виновен в том, что я был в подполье. Это действительно так было. Но у нас было решение, что не позднее 2 апреля мы без всяких условий из подполья выходим.

О радиопередаточных станциях я уже сказал: я признаю, что я о них знал и не делал никаких шагов к тому, чтобы их сдать,

наоборот, я сам ими пользовался. Но я лично и мои коллеги можем сказать, что у нас было намерение установить дружеские отношения с Советским Союзом. Я это говорю не для того, чтобы облегчить свою вину, а только потому, что это является правдой.

Какой была наша политика? Мы, во-первых, хотели сменить лондонское правительство, в особенности Арцишевского. О наших отношениях к правительству Арцишевского и к господину Сосиковскому я и хочу сейчас говорить. То, что мы передавали в Лондон через радиостанции, не должно, на мой взгляд, повлечь за собой кары. Мы послали туда написанный мною текст решения, которое было принято в связи с Крымской конференцией и которое противоречило политике эмигрантского правительства. Были сделаны упреки Арцишевскому. Был послан запрос Микололайчику, поскольку мы знали, что он ведет иную политику. Ответ Микололайчика мы получили, правда, не сразу. В этом ответе указывалось, что «должна быть искренняя политика дружбы по отношению к Советскому Союзу, что нужно выйти из подполья».

Мне кажется, что такого рода телеграммы не были враждебными, если брать их с политической точки зрения.

Хочу остановиться на некоторых моментах предъявляемого мне обвинения в участии в подпольной организации. Господин прокурор говорит, что мы принимали участие в совещании. Это факт, что Каминский был послан, но он не мог быть нашим представителем, так как партия не принимала участия ни в каком обсуждении данного вопроса. Генерал Окулицкий обратился к нам с предложением установить контакт до того момента, как мы примем участие. Мы не приняли этого участия, и Окулицкий это подтвердил. На мой вопрос к Окулицкому, что это за организация, он мне ответил, что «об этом поговорим позже, когда вы приступите к работе». Он знал, что мы не приступим к работе, и он не мог рассматривать Каминского как нашего представителя. Я сказал, что мы окончательно этого вопроса не решили потому, что на мой официальный вопрос вице-премьер Янковский мне официально сказал, что как представителю «Стронництва Людове» он предлагает мне вступить в организацию «НЕ» и что он эту организацию возглавляет. Чтобы поступить прилично, как это делается между организациями, я не мог никому сказать, что мы не вступаем, пока не сказал этого господину Янковскому. С господином Янковским за последние дни не имел возможности встретиться, потому что мы были заняты легализацией, которая для нас была важнее, а эта вещь в то время уже считалась второстепенной; я имел право сам решить, и я сам лично решил, что есть опасность, и мы в эту организацию не вступили.

Почему? Могу сказать. Если бы был «Бур»-Комаровский в «АК», если бы он держал все в своих руках, то я не хотел бы вообще говорить. Генерал Окулицкий производил на нас такое впечатление, что с ним мы сможем сотрудничать. На какой основе? Вы слышали показания господина Бень о реформах в «АК», которые, правда, оказались террористическими. Потом я лично

имел разговор с Окулицким и задал три вопроса. Первый вопрос: будете ли вы проводить политику санации в «АК» или нет? Второй вопрос: смените ли вы командиров общаров, с которыми невозможно сотрудничать? Наши люди в воеводствах вообще говорят, что с этими людьми они не могут ни говорить, ни работать. Правильность того, что я говорю, подтверждается тем, что никакие командиры наших «Хлопских батальонов» не вступили в «АК». Это было потому, что ответственные лица в общарах были люди, которые обещают, но не выполняют, говорят, что Лондон против этого. Сказать, что господин Окулицкий не выполнял обещаний, мы не могли, потому что прошло немного времени и мы были лишены возможности проверить, мог ли он действительно выполнить то, что обещал.

Последний вопрос был для меня очень важен. Мы хотели идти по пути политики Миколайчика. Коротко сказать — это заключение договора с Советским Союзом. Окулицкий ответил: «Я не очень уверен, что Миколайчику это удастся, но я не буду делать ничего против».

Хотел бы в заключение сказать, что те принципы великодушия со стороны Советского Союза, на которых будет создан теперь польско-советский союз, сделают этот союз прочным на долгие, долгие годы.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Мерзва.

Мерзва. Господа судьи! Я откровенно рассказал, что делал в Польше в подполье. Но мне нечего ответить на вопросы следователя о том, какую враждебную работу я вел в тылу Красной Армии, какую враждебную работу вела наша партия. Если бы я знал о той подрывной работе, которую вела «АК» против Красной Армии, я и об этом сказал бы. Не знал я об убийствах солдат Красной Армии.

Господин прокурор сказал, что я должен ответить за то, что я знал, что «АК» законспирировалась и что спрятаны оружие и боеприпасы. У меня был один разговор с господином Окулицким. Разговор этот касался создания политического центра. Но Окулицкий не рассказывал мне о том, что он дал приказ спрятать оружие. Мы хотели выйти из подполья и к этому приготовились. Я не знал о приготовлениях к восстанию в тылу Красной Армии.

Я прошу об оправдании.

Председательствующий. Последнее слово имеет подсудимый Стыпулковский.

Стыпулковский. Мою защитительную речь прошу засчитать как последнее слово обвиняемого. Не признаю себя виновным в соответствии с инкриминируемой мне статьей Уголовного кодекса РСФСР.

Председательствующий. Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

(21 июня в 0 часов 45 минут Военная коллегия Верховного суда СССР удалилась в совещательную комнату для вынесения приговора. Совещание окончилось 21 июня в 4 часа 30 минут утра).

* * *

Комендант суда. Суд идет, прошу встать!

Председательствующий. Объявляю приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе:

председательствующего — Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-полковника юстиции Ульрих В. В.

членов Военной коллегии Верховного суда Союза ССР:

генерал-майора юстиции Дмитриева Л. Д.,

полковника юстиции Детистова И. В.,

при секретарях:

полковнике юстиции Батнере А. А. и

подполковнике юстиции Кудрявцеве Л. Н.,

с участием представителей государственного обвинения:

Главного военного прокурора Красной Армии

генерал-майора юстиции Афанасьева Н. П. и

государственного советника юстиции

2-го класса Руденко Р. А.

и представителей Московской коллегии адвокатов:

Брауде И. Д., Михальского В. И., Миловидова Н. Н., Казначеева С. К., Маркевича В. П.,

Оцеп М. А. и Плевако С. Ф. —

в открытом судебном заседании в городе Москва 18—21 июня 1945 года рассмотрела дело по обвинению:

1) *Окулицкого* Леопольда Блажевича, 1898 года рождения, уроженца Краковского воеводства, поляка, польского гражданина, бригадного генерала польской армии, окончившего военную академию польского генерального штаба — в преступлениях, предусмотренных статьями 58⁶, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР;

2) *Янковского* Ян-Станислава Иосифовича, 1882 года рождения, уроженца Высоко-Мазовецкого уезда, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя премьер-министра польского лондонского «правительства» с пребыванием в Польше и руководителя подпольного польского «правительства»;

3) *Бень* Адама Валентьевича, 1899 года рождения, уроженца Сandomирского уезда, поляка, польского гражданина, с высшим

образованием, члена президиума «Стронництво Людове», министра подпольного польского «правительства»;

4) *Ясюковича* Станислава Игнатьевича, 1882 года рождения, уроженца города Ленинград, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена президиума «Стронництво Народове», министра подпольного польского «правительства» —

всех троих в преступлениях, предусмотренных статьями 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР;

5) *Пужака* Казимира Войцеховича, 1883 года рождения, уроженца города Тернополь, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, генерального секретаря ППС, председателя подпольной «Рады Едности Народовой»;

6) *Звезжинского* Александра Казимировича, 1880 года рождения, уроженца Лодзинского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя «Стронництво Народове» и вице-президента «Рады Едности Народовой»;

7) *Багинского* Казимира Станиславовича, 1890 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя председателя президиума «Стронництво Людове», вице-президента «Рады Едности Народовой»;

8) *Мерзва* Станислава Францевича, 1905 года рождения, уроженца Краковского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена ЦК и секретаря краковской организации «Стронництво Людове»;

9) *Стыпулковского* Збигнева Францевича, 1904 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, члена президиума «Стронництво Народове»;

10) *Чарновского* Евгения Станиславовича, 1904 года рождения, уроженца города Лодзь, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя правления объединения демократических организаций «Союз демократов», члена «Рады Едности Народовой»;

11) *Хацинского* Иосифа Антоновича, 1889 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, председателя «Стронництво Праци»;

12) *Урбанского* Франца Андреевича, 1891 года рождения, уроженца Варшавского воеводства, поляка, польского гражданина, ответственного секретаря «Стронництво Праци», секретаря главной комиссии «Рады Едности Народовой»;

13) *Михаловского* Станислава Францевича, 1903 года рождения, уроженца Познаньского воеводства, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя председателя правления объединения демократических организаций «Союза демократов»;

14) *Кобылянского* Казимира Самуиловича, 1892 года рождения, уроженца города Варшава, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, члена «Стронництво Народове» и

15) *Стемлер-Домбского* Иосифа Генриховича, 1888 года рож-

дения, уроженца Львовской области, поляка, польского гражданина, с высшим образованием, заместителя директора департамента информации польского подпольного «правительства» и руководителя отделения книгоиздательства этого департамента— всех одиннадцати в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Лондонским польским эмигрантским «правительством» была создана на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Польши, Литовской ССР и западных областей Украинской и Белорусской ССР нелегальная военная организация «Армия Крайова» («АК»). До сентября 1944 года ее возглавлял генерал польской армии «Б у р»-К о м а р о в с к и й, а с октября 1944 года, после его сдачи в плен немцам, — его заместитель бригадный генерал О к у л и ц к и й Леопольд.

Руководство деятельностью «Армии Крайовой» осуществляли также председатель подпольного польского «совета министров» Я н к о в с к и й Ян-Станислав и его ближайшие помощники Я с ю к о в и ч Станислав и Б е н ь Адам.

После освобождения советскими войсками западных областей Украины и Белоруссии, а также территории Литвы и Польши, обвиняемые О к у л и ц к и й, Я н к о в с к и й, Б е н ь и Я с ю к о в и ч явились организаторами и руководителями польского подполья, проводившего активную вражескую деятельность в тылу действующих войск Советского Союза.

Командующим «Армией Крайовой» бригадным генералом О к у л и ц к и м был получен из Лондона от эмигрантского «правительства» ряд зашифрованных радиোগрамм с требованием сохранить вооруженные силы «АК». В радиোগрамме от 8 декабря 1944 года О к у л и ц к о м у был сообщен полный текст постановления эмигрантского «правительства», в котором предлагалось законспирировать «Армию Крайову» и ее людские и материальные ресурсы.

Выполняя эти указания, генерал О к у л и ц к и й, с целью обмануть командование действующих советских армий, в декабре 1944 года издал приказ о фиктивном роспуске «Армии Крайовой», сохранив при этом и законспирировав основные кадры «АК» и тщательно укрыв оружие, боеприпасы и действующие радиостанции.

Проведя этот «маневр» лжи и обмана, О к у л и ц к и й, Я н к о в с к и й, Б е н ь и Я с ю к о в и ч использовали переведенные на нелегальное положение вооруженные отряды и организации «Армии Крайовой» для активной вражеской деятельности против Советского Союза в тылу Действующей Красной Армии, освободившей Польшу от немецких захватчиков.

В феврале 1945 года на заседании нелегального «совета министров» в Польше обвиняемый О к у л и ц к и й внес предложение образовать для руководства созданной им из основных кадров

«Армии Крайовой» подпольной военно-политической организации «Неподлеглость» («Независимость» — сокращенно «НЕ») — «политический центр» из представителей партий «Стронництво Людове», «Стронництво Народове», ППС и «Союз демократов».

«Совет министров» в лице обвиняемых Янковского, Беня и Ясюковича одобрил предложение Окулицкого и поручил Янковскому вступить в переговоры по этому вопросу с представителями указанных партий.

Основные задачи организации «Неподлеглость» заключались в сколачивании кадров и сохранении оружия и материальных средств для подготовки восстания против Советского Союза, создании боевых отрядов и террористических групп для убийств противников «АК» и советских военнослужащих, совершении диверсий и сборе шпионских сведений в тылу Красной Армии, а также в проведении вражеской пропаганды в отношении Советского Союза.

Террористические и диверсионные группы «Армии Крайовой» в тылу действующих советских армий на территории западных областей Украины и Белоруссии, в Литве и Польше систематически на протяжении 1944 года и в начале 1945 года совершали террористические акты в отношении бойцов и офицеров Красной Армии и диверсии на коммуникациях Действующей Красной Армии.

Отряды «АК» производили также вооруженные нападения на советские военные и гражданские учреждения.

По неполным данным, за период только с 28 июля по 31 декабря 1944 года отрядами «АК» было убито 277 и ранено 94 офицера и бойца Красной Армии.

Наряду с террористическо-диверсионной деятельностью, местные организации «АК» при непосредственном руководстве Окулицкого, выполняя директивы польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, занимались сбором в тылу действующих советских армий и передачей шифром по радио сведений разведывательного характера.

Подпольное «правительство» в Польше и организации «Армии Крайовой», располагая скрытой от Советского военного командования разветвленной сетью радиопередающих станций, использовали последние для передачи польскому «правительству» в Лондоне и главному командованию «АК» информации о выполнении ими приказов и директив, шпионских сведений о советских войсках, явно провокационных измышлений о действиях военнослужащих войск Советского Союза на освобожденной от немецких захватчиков территории Польши, тенденциозной и клеветнической информации о политическом положении в освобожденной Польше.

Распространением своих провокационных измышлений руководители подполья в Польше обвиняемые Окулицкий, Янковский, Беня и Ясюкович пытались срывать мероприятия Советского военного командования.

Систематическое «снабжение» ими польского эмигрантского «правительства» ложной тенденциозно-клеветнической информацией проводилось с целью предоставления этому «правительству» возможности, используя такую «информацию», дезинформировать Британское правительство о действительном положении в Польше, освобожденной войсками Советского Союза от немецких оккупантов.

Проводя свою враждебную Советскому Союзу деятельность, руководство подпольного «правительства» в Польше и «Армии Крайовой» намечало создание после окончания войны в Европе польско-германского военного блока, направленного против Советского Союза. В начале 1945 года Окулицкий в своих «директивах» ориентировал местные организации «АК» на подготовку военного выступления в блоке с Германией против Советского Союза, считая, что Германия будет стремиться к желательному для польского эмигрантского «правительства» реваншу против СССР.

На основании изложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР признала доказанной виновность *Окулицкого, Янковского, Бень и Ясюковича* в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР, а *Окулицкого*, кроме того, — статьей 58⁶ Уголовного Кодекса РСФСР.

В отношении обвиняемых *Пужака Казимира, Звежинского Александра, Багинского Казимира, Мерзва Станислава, Стыпулковского Збигнева, Чарновского Евгения, Хацинского Иосифа и Урбанского Франца* установлено, что все они, зная о невыполнении руководителями польского подполья приказов Советского военного командования о сдаче оружия, боеприпасов и радиостанций, предназначенных для вражеской деятельности против Советского Союза в тылу Действующей Красной Армии, скрыли это от органов Советского военного командования, совершив тем самым преступления, предусмотренные статьей 58¹² Уголовного Кодекса РСФСР. Обвинение же их в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР ввиду недостаточности улик считать недоказанным.

Виновность *Михаловского Станислава, Кобылянского Казимира и Стемлер-Домбского Иосифа*, как соучастников *Окулицкого* и других руководителей польского подполья в преступлениях, предусмотренных статьями 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР, на судебном следствии не получила достаточного подтверждения.

При определении меры наказания подсудимым Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, исходит также из факта победоносного завершения Советским Союзом Великой Отечественной войны. Учитывая, что в условиях перехода к мирному строительству применение суровых мер наказания вплоть до расстрела, предусмотренных предъявленными подсудимым статьями Уголов-

ного Кодекса, не вызывается необходимостью, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР —

ПРИГОВОРИЛА:

1) *Окулицкого Леопольда Блажевича, Янковского Ян-Станислава Иосифовича, Бень Адама Валентьевича и Ясюковича Станислава Игнатьевича*, на основании санкции статьи 58² Уголовного Кодекса РСФСР, подвергнуть лишению свободы:

Окулицкого на десять лет,

Янковского на восемь лет,

Бень и Ясюковича на пять лет каждого;

2) *Пужака Казимира Войцеховича, Багинского Казимира Станиславовича, Звежинского Александра Казимировича, Чарновского Евгения Станиславовича, Мерзва Станислава Францевича, Стыпулковского Збигнева Францевича, Хацинского Иосифа Антоновича и Урбанского Франца Андреевича* по обвинению их в совершении преступлений, предусмотренных статьями 17—58⁸, 58⁹ и 58¹¹ Уголовного Кодекса РСФСР, считать по суду *оправданными*, а на основании санкции статьи 58¹² Уголовного Кодекса РСФСР, с применением к *Мерзва, Стыпулковскому, Хацинскому и Урбанскому* статьи 51 того же Кодекса, подвергнуть лишению свободы сроком:

Пужака на полтора года,

Багинского на один год,

Звежинского на восемь месяцев,

Чарновского на шесть месяцев,

Мерзва, Стыпулковского, Хацинского и Урбанского на четыре месяца лишения свободы каждого, исчисляя всем 12 осужденным срок отбывтия ими лишения свободы со дня заключения каждого из них под стражу по настоящему делу;

3) *Михаловского Станислава Францевича, Кобылянского Казимира Самуиловича и Стемлер-Домбского Иосифа Генриховича* считать по суду *оправданными*.

Вещественные по делу доказательства — документы оставить при деле, а разную радиоаппаратуру конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию в кассационном порядке не подлежит.

Председательствующий:

Председатель

Военной коллегии Верховного суда Союза ССР
генерал-полковник юстиции *В. Ульрих*

Члены:

Члены Военной коллегии Верховного суда СССР
генерал-майор юстиции *Л. Дмитриев*,
полковник юстиции *И. Детистов*.

Председательствующий. Объявляю судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР закрытым.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Утреннее заседание 18 июня

Открытие судебного заседания	3
Обвинительное заключение	6
Допрос подсудимого Ясюковича	33
Допрос подсудимого Бень	46
Допрос подсудимого Янковского	55

Вечернее заседание 18 июня

Продолжение допроса подсудимого Янковского	73
Допрос свидетеля Германа	75
Допрос свидетеля Янсона	88
Допрос свидетеля Кузьминского	100
Допрос свидетеля Свечковского	102
Допрос свидетельницы Гролинской	104
Допрос свидетеля Станкевича	106

Утреннее заседание 19 июня

Допрос свидетеля Дзялынского	111
Допрос свидетеля Лотаревича	116
Допрос свидетеля Колендо	118
Допрос свидетеля Урбановича	121
Допрос свидетеля Неверовского	124
Допрос подсудимого Окулицкого	125
Допрос подсудимого Звежинского	150
Допрос подсудимого Урбанского	158

Вечернее заседание 19 июня

Допрос подсудимого Чарновского	164
Допрос подсудимого Багинского	171
Допрос подсудимого Мерзва	178
Допрос подсудимого Хацинского	181
Допрос подсудимого Кобылянского	184
Допрос подсудимого Стемлер-Домбского	186
Допрос подсудимого Михаловского	190
Допрос подсудимого Стыпулковского	193
Допрос подсудимого Пужак	196

Утреннее заседание 20 июня

Окончание судебного следствия	203
Речь Государственного обвинителя Главного военного прокурора Красной Армии генерал-майора юстиции Н. П. Афанасьева	205
Речь Государственного обвинителя Государственного советника юстиции 2-го класса Р. А. Руденко	227
Защитительная речь подсудимого Окулицкого Л. Б.	233
Речь адвоката Брауде И. Д.	241

Вечернее заседание 20 июня

Речь адвоката Плевако С. Ф.	244
Речь адвоката Миловидова Н. Н.	245
Речь адвоката Маркевича В. П.	248
Речь адвоката Михальского В. И.	250
Речь адвоката Оцепа М. А.	251
Речь адвоката Казначеева С. К.	253
Защитительная речь подсудимого Янковского	256
Защитительная речь подсудимого Стыпулковского	258
Последнее слово подсудимого Окулицкого	262
Последнее слово подсудимого Стенлер-Домбского	262
Последнее слово подсудимого Янковского	262
Последнее слово подсудимого Кобылянского	264
Последнее слово подсудимого Бень	264
Последнее слово подсудимого Михаловского	265
Последнее слово подсудимого Ясюковича	265
Последнее слово подсудимого Урбанского	267
Последнее слово подсудимого Пужака	268
Последнее слово подсудимого Хацинского	268
Последнее слово подсудимого Звежинского	269
Последнее слово подсудимого Чарновского	269
Последнее слово подсудимого Багинского	269
Последнее слово подсудимого Мерзва	271
Последнее слово подсудимого Стыпулковского	271
Приговор	272

Цена 5 руб.

Под наблюдением Г. М. Гак и Н. К. Фомина.

Подписано к печати 22/VIII 1945 г. Печ. л. 17¹/₂.

Уч.-изд. л. 19. В печ. л. 46.736 зн. А 21378. Зак. 1079. Тираж 10.000.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.